

960.

Проф. Н. К. Грунскій.

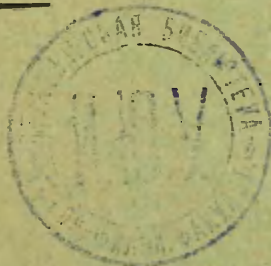
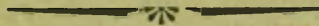

Очерки

ПО

исторіи разработки синтаксиса славянскихъ языковъ.

Т. II.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисенъ.

1911.

Проф. Н. К. Грунскій.

Очерки

ПО

ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СИНТАКСИСА СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисенъ.

1910.

Отгискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“ 1910 г.

I. Синтаксисъ славянскихъ языковъ въ трудахъ Миклошича, Ягича и Вондрака.

I.

Опредѣленіе синтаксиса у Миклошича создаетъ особую область грамматики, соединяющую элементы того, что мы понимаемъ подъ именемъ синтаксиса и подъ именемъ семазіологіи. „Тотъ отдѣлъ грамматики, говоритъ Миклошичъ, который имѣетъ задачей представить значеніе словесныхъ разрядовъ и словесныхъ формъ, называется синтаксисомъ“ (I). Подъ словесными разрядами разумѣются части рѣчи, подъ словесными формами измѣненіе этихъ частей рѣчи (падежи, глагольн. формы).

Прежде всего подобное опредѣленіе совершенно не соотвѣтствуетъ этимологіи слова „синтаксисъ“ и тому традиціонному пониманію, которое создано относительно этой части грамматики. Затѣмъ, что самое главное — синтаксисъ подобнаго рода оставляетъ безъ вниманія многое, для чего слѣдовательно потребовалась бы какая нибудь новая грамматическая система. Съ другой стороны, синтаксисъ при такомъ его пониманіи долженъ взять въ свои рамки то, что отнести можно при другомъ его опредѣленіи къ другой области грамматики.

Не соглашаясь, так. обр., съ даннымъ опредѣленіемъ, я, въ то же время, не могу согласиться и съ той черезчуръ отрицательной критикой системы Миклошича, которую мы находимъ въ соч. Риса „Was ist Syntax“ (Marburg 1894.,

19—45). Важно прежде всего выдвинуть точку зрѣнія, съ которой приступилъ Миклошичъ къ изученію языка въ своемъ Синтаксисѣ — исходить изъ данныхъ формъ языка къ ихъ значенію, а не наоборотъ — подыскивать создавшемуся значенію извѣстныя языковыя формы. Эта точка зрѣнія, проведенная замѣчательно послѣдовательно, и создала Миклошичу такихъ ярыхъ послѣдователей въ нѣмецкой наукѣ, какъ, напр., Эрдманнъ (*Grundzüge d. deutschen Syntax I Stuttgart 1886, Ср. Рись 20*). И вотъ Миклошича Эрдманнъ называетъ своимъ образцомъ, къ удивленію Риса, который выставляетъ въ качествѣ болѣе ранняго борца съ Беккеровской системой Ферналекена (*Vernaleken, Deutsche Syntax, Wien 1861*) (63). Не совсѣмъ вѣрно сравненіе (25) грамматиковъ, пользующихся системой Миклошича, съ зоологами или ботаниками, которые бы описывали отдѣльныя части животныхъ или растений, не давая, въ то же время, цѣльнаго представленія объ этихъ животныхъ: у Миклошича во многихъ мѣстахъ мы найдемъ упоминающія о формахъ, видахъ предложенія, присутствіе послѣдняго всегда чувствуется, какъ источникъ того богатаго матеріала, который приводится изслѣдователемъ. Миклошичъ не стремился дать опредѣленіе предложенія, а между тѣмъ одному виду предложеній онъ посвятилъ цѣлый отдѣлъ 1-й главы во 2-й части (*subjectlose Sätze*). И этотъ отдѣлъ говорить намъ о томъ, что самого Миклошича должно было стѣснять данное имъ опредѣленіе синтаксиса и онъ невольно вышелъ изъ рамокъ этого опредѣленія. Иныя формы прямо-таки заставляли Миклошича разсматривать ихъ въ связи съ тѣмъ или инымъ придаточнымъ предложешемъ.

Естественно, что не занимаясь предложешемъ, какъ таковымъ, Миклошичъ не занимался въ своемъ Синтаксисѣ такими вопросами, какъ разстановка словъ, музыкальное удареніе, въ недостаткѣ чего Рись находилъ слабыя стороны его синтаксиса. Для нѣмецкаго изслѣдователя важенъ былъ вопросъ о разстановкѣ словъ, для изслѣдова-

теля славянскихъ языковъ — не такъ важенъ; музыкальное удареніе Миклошичъ, вѣроятно, относилъ къ области риторики. Относительно же отсутствія *Parataxe* и *Hypotaxe* Рись (31) не особенно правъ уже потому, что нѣкоторыя паратактическія сочетанія Миклошичъ разбиралъ (другой вопросъ — вѣрно или нѣтъ).

Сказанное здѣсь мною опредѣляетъ уже нѣсколько иное освѣщеніе отношенія Риса къ Миклошичу, чѣмъ то находимъ у ак. Ягича (*Beiträge . . . 6*). Ак. Ягичъ находилъ, что Рись совершенно иначе отнесся, чѣмъ Дельбрюкъ къ труду Миклошича, а Дельбрюкъ далъ несправедливую оцѣнку Миклошича какъ ученаго: онъ характеризуетъ его въ общемъ лишь какъ собирателя матеріала.

Не только въ общемъ своемъ возрѣннн на область синтаксиса былъ неправъ Миклошичъ, неправъ онъ былъ и во многихъ проводимыхъ имъ взглядахъ на различныя явленія языковъ славянскихъ, но все это не уничтожаетъ того огромнаго значенія, которое имѣетъ и теперь, будетъ имѣть и для будущаго его сравнительный синтаксисъ. Конечно, прежде всего, значеніе это обусловливается глав. образомъ тѣмъ матеріаломъ, который собралъ и сгруппировалъ Миклошичъ, матеріаломъ, который можетъ во многихъ своихъ частяхъ служить исходнымъ началомъ для новыхъ изслѣдоваеій. Затѣмъ во многихъ пунктахъ приходится считаться съ возрѣнннми Миклошича, который, безусловно, не былъ только собирателемъ матеріала.

Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen, составляющій 4-й томъ *Vergl. Grammatik d. sl. Sprachen*, изданный въ 1868—74 г. г., представляетъ собой огромный томъ (XII—896) убористой печати. Стоитъ только взглянуть на стр. 881—896, гдѣ Миклошичъ даетъ перечисленіе литературы (источники и пособия), чтобы убѣдиться, какой богатый матеріалъ послужилъ основаніемъ этого солиднаго труда. Синтаксисъ раздѣляется на 2 части: 1 ч. — о значеніи частей рѣчи и 2-я — о значеніи словесныхъ формъ. 1-я часть

распадается на 7-мъ главъ, трактующихъ объ отдѣльныхъ частяхъ рѣчи: 1-я гл. о существительномъ, 2-я гл. о прилагательномъ — сюда же прибавленіе: родъ и число; 3-я гл. о числительномъ, 4-я гл. о мѣстоименіи, 5-я гл. о нарѣчій, здѣсь же о предлогахъ; 6-я гл. о союзѣ, 7-я гл. о глаголѣ; 2-я часть распадается на 2 большія главы, изъ которыхъ каждая въ свою очередь дѣлится на отдѣлы (1-я глава о падежахъ, 2-я о глагольныхъ формахъ).

Уже съ первыхъ строкъ опредѣляется одна очень характерная черта труда Миклошича; это своеобразная краткость, категоричность. „Слово это есть для говорящаго и слушающаго одинаково признаваемые звуковые знаки опредѣленнаго ограниченнаго представленія“. „Соотвѣтственно съ этимъ междометіе — не слово“. И затѣмъ ссылка на Гейзе. Затѣмъ въ такой же формѣ идетъ дѣленіе словъ на 2 группы, причѣмъ простѣйшіе элементы словъ — корни сообразно дѣленію распадутся на качественные и указательные. Опять ссылка на Штейнталя. Замѣтно какое-то нежеланіе останавливаться долго на подобныхъ общихъ опредѣленіяхъ, поскорѣе избавиться отъ нихъ. Всякое слово, говоритъ далѣе Миклошичъ, происходящее отъ качественного корня, является обозначающимъ дѣятельность какъ энергію извѣстнаго лица или обозначающимъ эту дѣятельность не какъ энергію. Первое — глаголь, второе — имя. Но оказывается, что всѣ имена первоначально обозначали дѣятельность; это положеніе должна доказать этимологія, или ученіе объ образованіи темъ, и основывается оно на томъ, что мы представляемъ себѣ всѣ вещи дѣйствующими. Всякое слово, обозначающее свойство, не обозначаетъ ничего болѣе, какъ свойство это или носителя свойства. Всѣ имена происходятъ отъ глаголовъ. Все это небольшое предисловіе является, конечно, совершенно неудовлетворительнымъ; эти общія положенія, мало говорящія въ сущности, выведены не Миклошичемъ, а приняты имъ на вѣру, положенія бездоказательныя.

Въ 1-й главѣ Миклошичъ прежде всего опредѣляетъ существительное: оно отличается отъ прилагательнаго по значенію тѣмъ, что обозначаетъ носителя свойства, а прилагательное не обозначаетъ послѣдняго; по формѣ же различіе состоитъ въ неодинаковыхъ суффиксахъ; впрочемъ, нѣкоторые суффиксы употребляются для выраженія существительныхъ и прилагательныхъ; существительныя не имѣютъ (за немногими исключеніями) степеней сравненія и такъ послѣдовательно проведеннаго измѣненія по родамъ, какъ имена прилагательныя, и не имѣютъ сложнаго склоненія. Существительныя, впрочемъ, являются замѣстителями прилагательныхъ (дано довольно примѣровъ на подобіе: волкъ-хищникъ, человѣкъ-грѣшникъ, старина Новаче, дѣвота джевојка и пр.), при чемъ смыслъ выраженія при замѣнѣ не измѣняется ощутительно, и измѣненіе вообще трудно выяснить. За этими болѣе общими положеніями слѣдуетъ у Миклошича (§§ 2—5) изложеніе такихъ частныхъ случаевъ: § 2 — когда существительное въ качествѣ атрибута (вмѣсто прилагательнаго и причастія) соединяется посредствомъ и со словомъ, къ которому относится (особенно въ сербскомъ яз.): кита и сватови (вмѣсто: кибени сватови); далѣе, § 3 — существительныя, сопровождаемыя предлогомъ или рѣже прилагательными, употребленныя для выраженія понятія прилагательнаго, могутъ стоять на мѣстѣ этого послѣдняго: три од злата трепезе, *lebké a bez všeho rozumu kviti*; § 4: въ этомъ § немногочисленные примѣры изъ древне-церковно-славянскаго яз. такихъ выраженій, какъ: б е п е ч а л и, передающихъ греческое прилагательное съ а ргивативумъ — *ἀμερίμνος*; § 5 — когда существительное абстрактное употребляется для обозначенія лица; опять нѣсколько примѣровъ, главнымъ образомъ изъ древне-ц. сл. яз.: р а б о у и с в о б о д ѣ — *servo et libero*.

Эта первая глава поражаетъ уже своею отрывочностью. Разница между существительными и прилагательными не представлена ясно и рельефно. Для послѣдняго нужно

было бы обратиться къ исторіи вопроса, а этимъ Миклошичъ не занимается, и, конечно, исторической точки зрѣнія нельзя видѣть въ томъ, что къ примѣрамъ изъ современныхъ славянскихъ языковъ примѣшиваются примѣры изъ языка древне-ц. славянскаго. Насколько же отрывоченъ и недостаточенъ матеріалъ, на это могло бы указывать сравненіе съ тѣмъ, что находимъ у Потевни (въ III т.) по вопросу объ атрибутивности имени существительнаго. Замѣчу также, что Потевня, останавливаясь на вскользь брошенныхъ словахъ у Миклошича — о замѣнѣ прилагательнаго существительнымъ, устанавливалъ совершенно иную точку зрѣнія: за оборотами типа: волкъ-хищникъ признавалась ббольшая давность, эти обороты считались первоначальными, выдвинута была ихъ наглядность (130 стр. III). Можно опредѣлить также и разницу между употребленіемъ оборотовъ съ прилагательными и существительными, разницу, которая Миклошичу казалась неуловимой: ббольшая субстанціальность атрибута ведетъ, конечно, къ большей наглядности выраженія.

Во 2-й главѣ, говоря о томъ, что прилагательное въ славянскихъ языкахъ въ отличіе отъ нѣкоторыхъ другихъ языковъ не обозначаетъ носителя свойствъ, Миклошичъ замѣчаетъ, что правило это все болѣе и болѣе ограничивается исключеніями (Въ данномъ случаѣ изложеніе мысли Миклошича въ Рус. Филолог. В. 79 г. № 3, 72, невѣрно). Прилагательное, переходя въ существительное, принимаетъ суффиксы икъ, ьць, ка и пр. Употребленіе прилагательнаго въ славянскихъ языкахъ шире, чѣмъ въ родственныхъ языкахъ: прилагательное употребляется для обозначенія тѣхъ отношеній, каковыя въ другихъ языкахъ выражаются существительными въ родительномъ или въ другомъ падежѣ съ предлогомъ или безъ предлога (прилаг. на -овъ, инъ, ь, ьнь, ій, ьскъ, ьнь: оученици Іоаннови *οἱ μαθηταὶ Ἰωάννου*, сынъ Владиміровъ, дѣшти Иродиѣнина *ἡ θυγάτηρ Ἰρωδιάδος* и пр.), хотя нужно замѣ-

тять, что самъ же Миклошичъ даетъ рядъ примѣровъ. гдѣ и въ другихъ языкахъ, выступаетъ подобное употребленіе прилагательныхъ (напр. *Νεστορῆς παῖς*, domus paterna и пр.), а также оказывается, что родительный принадлежности все болѣе и болѣе распространяется особенно въ письменности славянской. Исходя уже изъ этихъ данныхъ можно сказать, что неособенно былъ правъ Миклошичъ, давая ранѣ приведенное положеніе (такъ какъ, можетъ быть, въ той же латыни или греческомъ языкѣ были болѣе распространены обороты съ прилагательными не въ письменной рѣчи). Интересны приводимые Миклошичемъ случаи подобныхъ соединеній въ древнихъ славянскихъ памятникахъ: въ домъ Мариинъ, матере Іоанновы; домъ Филипповъ, евангелиста и пр. и наряду съ этимъ: лонъ авраамово патріархово, малор. -мене тивунови слуги Бутрымови и пр.; на такіе примѣры еще ранѣ обратилъ вниманіе Буслаевъ въ своемъ историческомъ синтаксисѣ. Подобные обороты объясняются, по всей вѣроятности, двумя причинами: для древнихъ переводныхъ памятниковъ могла играть значеніе въ образованіи нецѣльность перевода, непослѣдовательность, въ другихъ случаяхъ играло, повидимому, роль нецѣльность вообще соединеній: аппозиція „мать Іоанна“ и др. пріобрѣтали такую жизненность въ употребленіи языка, что сохранились и въ случаѣ перехода имени существительнаго, къ которому эти аппозиціи относились, въ прилагательное. Въ соотвѣтствіи съ ранѣ приведенными примѣрами несогласованія можно поставить приводимые у Миклошича примѣры изъ словацкаго и верхне-лужицкаго — *mojej mladšej sestrim muž, tohoto kralovu dceru; našeho nanovy a vašeho dzedovy kozuch* и пр.

Родъ и способъ дѣйствія, замѣчаетъ далѣе Миклошичъ, для обозначенія коихъ соотвѣтственно правиламъ служить нарѣчіе, иногда выражаются прилагательными. Приводятся такія, напр., выраженія: *падъ на земли ницп* (ἔπεσον χαμαί), правъ сѣдилъ, но на ряду съ этимъ рус.

рѣка такая широкая. Беря общее положеніе и первые приведенные примѣры, скорѣе можно было бы провести здѣсь тотъ анализъ, который далъ Потебня, говорившій о замѣнѣ первоначальныхъ прилагательныхъ нарѣчіями въ приведенныхъ примѣрахъ.

Глава о прилагательномъ заканчивается у Миклошича двумя небольшими отдѣлами: о замѣнѣ причастія прошедшаго времени страдательнаго залога прилагательными, когда дѣйствіе этого причастія представляется какъ извѣстное свойство: славянь буду — и указаніями на то, что прилагательное радъ, употребляющееся теперь только въ именительномъ падежѣ, какъ предикативное, употреблялось ранѣе въ другихъ падежахъ (и дальше, 130, Миклошичъ говоритъ, что радъ употребляется только въ номинальной формѣ въ славянскихъ языкахъ, что неправильно — припомнимъ форму въ языкѣ малорусскомъ: радыи).

Какъ приложение къ 2 первымъ главамъ идетъ изложеніе вопроса о родѣ и числѣ, при чемъ приложение занимаетъ отъ 17 по 51 стран. Библиографическія указанія при первомъ приложеніи дають полную возможность сказать, что Миклошичъ воспользовался всеми выдающимися трудами въ этой области (Гримма, Потта, Гейзе, Штейнталя, Шлейхера и др.). Согласно съ господствовавшей теоріей Миклошичъ происхожденіе грамматическаго рода относить къ олицетворенію всего окружающаго. Труднѣе дѣло обстояло съ объясненіемъ возникновенія средняго рода, и затѣмъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые языки не имѣютъ, въ сущности, родовъ (Миклошичъ не останавливается на объясненіи этого), или также тѣмъ, что имѣется 2 рода: мужескій и женскій. Здѣсь дается Миклошичемъ объясненіе, но неубѣдительное. Затѣмъ проводится мысль, что соотвѣтствіе опредѣленныхъ суффиксовъ извѣстному роду явленіе позднѣйшее. Для объясненія непонятнаго согласованія прилагательнаго съ существительнымъ (такъ какъ прилагательное обозначаетъ качество, свойство, не

имѣющія, конечно, родовъ) Миклоничъ выставляетъ два разныхъ объясненія: Потта, говорившаго о какомъ то въ данномъ случаѣ картинномъ изложеніи, о стремленіи къ единству представленія, и Штейнталя, ставившаго измѣненіе по родамъ прилагательнаго въ зависимость отъ измѣненія по родамъ указательнаго мѣстоименія, прибавлявшагося къ имени существительному. Согланаясь съ взглядами, проводимыми Штейнталемъ, что первоначально обозначеніе рода не зависѣло отъ словеснаго выраженія, что лишь впослѣдствіи образовалось стремленіе согласовать то и другое, и что наконецъ особенно сильно было значеніе аналогіи, Миклошичъ выставляетъ еще положенія: значительно позже обнаружилось стремленіе привести въ соотвѣтствіе грамматическій родъ и полъ; въ настоящее время, если есть разница между поломъ и грамматическимъ родомъ, то мы только можемъ догадываться, первоначальна ли эта разница или она коренится на стремленіи согласовать родъ и словесную форму (такъ, напр., слуга, потому ли жепскаго рода, что съ понятіемъ связывалось и представленіе, или здѣсь вліяніе окончанія а). Затѣмъ указывается цѣлый рядъ несоотвѣтствій между выраженіемъ пола и грамматическимъ родомъ. Отмѣчается, что часты случаи, когда имена на а, обозначающія полъ мужескій, грамматически женскаго рода: сотона сама, двѣ воеводѣ и пр. Въ послѣдующихъ 33 §§ перваго приложения разсматриваются различные случаи перехода изъ одного грамматическаго рода въ другой, различные случаи согласованій, при чемъ цѣлый рядъ параграфовъ можно было бы отнести непосредственно къ главѣ о прилагательномъ (вотъ, напр., содержаніе нѣкоторыхъ параграфовъ: о переходѣ именъ существительныхъ на ъ изъ и въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ изъ мужескаго рода въ женскій; о первоначально женскомъ родѣ нѣкоторыхъ именъ существительныхъ на з, обозначающихъ названіе городовъ — Іерусалимъ, Вавилонъ; объ окончаніи а въ имен. пад. мн. ч. именъ существи-

муж. р.: дома; о существительныхъ общаго рода и объ употребленіи прилагательнаго безъ существительнаго; объ обозначеніи мѣстностей прилагательными мужескаго, женск. и ср. рода — и пр.). Могу также сказать здѣсь относительно этого матеріала, что онъ долженъ былъ бы быть болѣе цѣльно сгруппированъ (такъ, напр., §§ 12, 17 и 22 могли бы быть объединены — во всѣхъ трехъ параграфахъ о прилагательныхъ для обозначенія мѣста: § 12 — Курскъ, § 17 немско, § 22 — dubrovačka; § 39, въ которомъ говорится объ окончаніи въ имен. пад. мн. ч., могъ бы быть сближенъ съ § 8, въ которомъ говорится о томъ же; затѣмъ §§ 18, 25 и пр.). Безусловно можно придавать при характеристикѣ труда указываемому недостатку: имъ обнаруживается, по крайней мѣрѣ, для указанныхъ случаевъ, извѣстнаго рода механичность работы.

Въ приложеніи „*numerus*“ Миклоичъ занимается прежде всего выясненіемъ цѣлесообразности происхожденія двойственнаго числа. Въ этомъ случаѣ М. идетъ за Штейнталемъ. Набросавъ схему постепеннаго паденія двойственнаго числа, М. даетъ примѣры сохраненія двойств. ч. вообще въ арійскихъ яз. и, въ частности, затѣмъ въ славянскихъ. Вслѣдъ за этимъ идутъ параграфы, трактующіе о замѣнѣ множественнаго числа именами существительными собирательными, объ употребленіи иногда собирательныхъ во множественномъ числѣ, о подобныхъ обозначеніяхъ, какъ изъ Грекъ, въ Персѣхъ и пр., о возможности образованія множественнаго числа отъ именъ существительныхъ абстрактныхъ, вещественныхъ (своихъ воль, дожди, зорь и пр.) о несогласованіи въ числѣ въ случаѣ постановки творительнаго предикативнаго (прим. изъ малорус. — удерживаю транскрипцію М. — *vľadyku poľockyji i vytebskyji rუსyvaľu sja archyepuskopom*), то же при дательномъ предикативномъ (ченск.: *aniž jim dej v mně tak silnu býti*), о согласованіи мѣстоименія относительнаго съ тѣмъ словомъ, къ которому оно относится въ родѣ и числѣ, о постановкѣ

падежа этого мѣстоименія въ зависимости отъ отношеній въ томъ предложеніи, въ которомъ оно стоитъ. Въ дальнѣйшихъ параграфахъ рѣчь идетъ о согласованіи и несогласованіи въ извѣстныхъ отношеніяхъ, такъ что изложеніе ученія о числѣ постепенно переходитъ въ изложеніе ученія о фактахъ согласованія. Противъ подобнаго порядка опять можно возражать.

Въ 3-й главѣ (о числительномъ), въ первомъ отдѣлѣ (количественныя числительныя), интересъ автора сосредоточивается на различныхъ случаяхъ согласованія числительныхъ. Говоря о постановкѣ при числит. пять, шесть, единственнаго числа: осмь доушь спасена бысть . . и исходя также изъ подобныхъ примѣровъ, какъ чешск.: *hromada jich tu bylo*, Миклошичъ заключаетъ, что при подлежащемъ, обозначающемъ множество, сказуемое ставится въ среднемъ родѣ, при чемъ не обращается вниманія на родъ подлежащаго. Это заключеніе, конечно, невѣрно, и тѣ данныя, которыя дальше приводитъ Миклошичъ, подрываютъ это заключеніе (пять ихъ рѣш и пр.). Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ (стр. 391) Миклошичъ видоизмѣняетъ это свое мнѣніе, считая въ данныхъ случаяхъ пять, шесть винительными падежами, а въ другихъ случаяхъ, какъ сербс. сила се народа собрало, именительный пад. считаетъ окаменѣвшимъ. Ту же мысль объ обращеніи извѣстнаго падежа въ нарѣчное выраженіе примѣняетъ онъ къ такимъ примѣрамъ, какъ *sakupi se stotinu svatova* (390 — 1). Процессъ перехода болѣе древнихъ оборотовъ: за всю (всю) осмь днь — въ болѣе поздніе: за всѣ восемь дней и пр. — остается невыясненнымъ. Для объясненія формъ въ польскомъ языкѣ при именахъ обозначающихъ лицо: *pięciu nauczycieli* Миклошичъ прибѣгаетъ къ указанію на вліяніе родительнаго пад. на и и затѣмъ безсубъектныхъ предложеній (*było u mnie parę osób* и и пр.).

Во 2-мъ отдѣлѣ говорится объ употребленіи „distributiva“, къ коимъ Миклошичъ относитъ числительныя, какъ: обоє,

двое, трое . . . Изъ названія *distributiva* я вижу, что Миклошичъ лучше уловилъ основное значеніе этихъ числительныхъ, чѣмъ наши прежше и современные грамматисты, называвшіе эти числительныя „собирабельными“. Раздѣлительность сказывается во многихъ случаяхъ. Только перечисленіе тѣхъ случаевъ у Миклошича, гдѣ по его мнѣнію, высказывается эта раздѣлительность, мнѣ думается, не проливаетъ настоящаго свѣта на характерное употребленіе данныхъ числительныхъ. Такъ, напр., нѣкоторыя раздѣлительныя числительныя, безспорно, имѣютъ значеніе числительныхъ собирабельныхъ, что и давало поводъ называть ихъ такимъ образомъ. Между тѣмъ, мнѣ думается, собирабельность выражаемая раздѣлительными числительными, зависитъ не отъ основнаго характера ихъ, а оттого, что въ подобныхъ случаяхъ числительныя принимаютъ форму средняго рода ед. ч.: пятеро, шестеро и пр.; вотъ эта форма и привноситъ съ собою новыя черты въ отдѣнкахъ значенія. Въ § 6-мъ говорится о томъ, что раздѣлительныя числительныя употребляются при обозначеніи числа живыхъ существъ, когда не обращается вниманія на родъ или когда обозначаемыя имена различнаго рода. Опять здѣсь важенъ указываемый мною признакъ. Затѣмъ вообще необходимо замѣтить о смѣшеніи этихъ числительныхъ съ числительными количественными (что особенно показывается въ § 9-мъ), и характеръ этихъ числительныхъ вовсе не обуславливаетъ то, что говорится Миклошичемъ въ §§ 7—8.

Въ 3-мъ отдѣлѣ „*ordinale*“ говорится лишь объ употребленіи самъ и полъ при порядковыхъ числительныхъ (при чемъ во второй половинѣ отдѣла говорится и о соединеніяхъ самъ съ нечислительными, объ этомъ также дальше — въ отдѣлѣ мѣстоименій).

Общее опредѣленіе сущности мѣстоименія (глава IV) сдѣлано Миклошичемъ, какъ показываетъ его ссылка, по Шеману и Штейнталу. Миклошичъ связываетъ совершенно вѣрный признакъ, основу мѣстоименій — ихъ указательный

характеръ, съ признакомъ невѣрнымъ — служебностью, формальностью: не всѣ мѣстоименія обладаютъ этой чертой; въ этомъ случаѣ, можетъ быть, оказало вліяніе на Миклошича принятое грамматическое пониманіе данной части рѣчи — *antworbma*. Въ первомъ отдѣлѣ (*pronomen personale*), слишкомъ небольшомъ, 4 параграфа, при чемъ § 4-й помѣщенъ не особенно кстати (дѣло идетъ здѣсь объ отдѣленіи окончанія *te* во второмъ лицѣ мн. ч. настоящ. времени глаголовъ); въ 3-мъ параграфѣ, въ которомъ говорится о замѣнѣ личныхъ мѣстоименій притяжательными, также некстати въ числѣ примѣровъ приводится такой: мое дѣло вмѣсто „я“) небогатое. Неполнымъ является и второй отдѣлъ — *pronomen possessivum*, гдѣ Миклошичъ обращаетъ главное вниманіе на факты народной рѣчи, не говоря о выработавшихся литературныхъ данныхъ (впрочемъ, дальше Миклошичъ останавливается еще на *pron. poss.*) Правильно отмѣчая паратактической строй прежняго предложенія, Миклошичъ указываетъ на ту роль, которую сыграло здѣсь мѣстоименіе относительное (ранѣе бывшее указательнымъ или вопросительнымъ), хотя и не опредѣляетъ тѣхъ путей, которыми образовалась получившаяся форма согласованія относительныхъ мѣстоименій въ придаточномъ предложеніи. Интересно, что говоря о *pronomen relativum im allgemeinen* въ 4-мъ отдѣлѣ, Миклошичъ затрогиваетъ вопросы, исключительно касающіеся строя предложенія, когда отношеніе между предложеніями выражается и безъ мѣстоименія (посредствомъ вопросительныхъ формъ: чешск. *chce li člověk živ býti, musí pracovatí*, или отношеніе не выражается: *тише ѣдешь, дальше будешь*; хотя въ примѣрахъ у Миклошича встрѣчаются здѣсь и такіе: *хоть я не пророкъ, но . . .*, стр. 78).

Большой 5-й отдѣлъ 4-й главы (78—116) посвященъ отдѣльнымъ мѣстоименнымъ основамъ, рассматриваетъ основныя мѣстоименныя формы и отъ нихъ производныя въ алфавитномъ порядкѣ. Основныхъ формъ Миклошичъ насчитываетъ

васть 14, рассматриваемыя измѣненія въ значеніи происходятъ въ томъ или иномъ образованіи. Непосредственнымъ продолженіемъ даннаго отдѣла является отдѣлъ 6-й, въ которомъ Миклошичъ говоритъ о присоединяемыхъ къ мѣстоименіямъ частицахъ (116—124). Въ 7-мъ отдѣлѣ 4-й главы — artikel — (124—150) Миклошичъ говоритъ сначала объ общемъ значеніи члена (послѣдній обозначалъ нѣчто извѣстное, опредѣленное), затѣмъ объ употребленіи члена въ разныхъ языкахъ, о его сравнительно позднемъ развитіи, о томъ, что въ славянскихъ языкахъ употребленіе члена не достигло полного развитія. Въ славянскихъ языкахъ членъ ставится послѣ прилагательныхъ и образуется такъ называемая полная, опредѣленная форма; членъ и же, а же, е же образовался подъ вліяніемъ греческимъ, членъ же въ болгарскомъ языкѣ даетъ возможность Миклошичу говорить о вліяніи романскомъ и албанскомъ, хотя тѣ данныя которыя приводитъ Миклошичъ изъ другихъ славянскихъ языковъ, особенно русскаго, могли бы дать ему возможность сдѣлать и совершенно другой выводъ (стоитъ сравнить въ данномъ случаѣ противоположныя приведенному заключенія въ специальныхъ статьяхъ проф. Милетича въ сборникѣ за народни умотворен. 901 г. XVIII и проф. М. Г. Халанскаго въ Извѣст. отд. русс. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 901 г. VI). Подробно останавливаясь на выясненіи разницы отъ присоединенія или неприсоединенія члена, Миклошичъ отмѣчаетъ разницу между формами простыхъ, или номинальныхъ, прилагательныхъ отъ сложныхъ, или опредѣленныхъ, въ томъ, что послѣднія обозначаютъ предметъ уже извѣстный, а первыя предметъ, который только теперь дѣлается извѣстнымъ: этимъ обстоятельствомъ онъ объясняетъ и легкость перехода прилагательныхъ опредѣленныхъ въ существительныя. Отсюда выходило также отрицательное отношеніе Миклошича къ утвердившемуся соединенію номинальности прилагательныхъ съ предикативностью, а опредѣленныхъ формъ прилагательныхъ

съ атрибутивностью, такъ какъ въ качествѣ предиката могли выступать и формы опредѣленныя, а въ качествѣ атрибута формы номинальныя. Съ теченіемъ времени благодаря большому и большому употребленію формъ опредѣленныхъ, границы употребленія формъ номинальныхъ все болѣе и болѣе суживались; болѣе всего эти формы удержались въ предикативныхъ сочетаніяхъ, хотя въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ (польскомъ и чешскомъ) и здѣсь употребляется форма опредѣленная, въ сербо-хорватскомъ же отъ нѣкоторыхъ прилагательныхъ нѣтъ уже и формы номинальной; малорусскій и великорусскій языки сохраняютъ въ народной поэзіи еще во многихъ случаяхъ номинальныя формы прилагательныхъ въ атрибутивномъ значеніи: бѣлъ шатеръ . . . Но изъ послѣдняго не слѣдуетъ, какъ справедливо замѣчаетъ Миклошичъ, чтобы чувствовалась разница по значенію въ такихъ случаяхъ между бѣлъ и бѣлыи. При этомъ Миклошичъ обращаетъ вниманіе на мнѣніе Востокова, дѣлающаго различіе между бѣлъ въ качествѣ атрибута и въ качествѣ предиката и обращающаго вниманіе въ данныхъ случаяхъ на разницу въ удареніяхъ: бѣлы руки . . . руки бѣлы. По Миклошичу, здѣсь не было исконной разницы, а причины различнаго ударенія необходимо искать въ особенностяхъ народной поэзіи. При объясненіи же вообще опредѣленныхъ прилагательныхъ Миклошичъ особенно выдвигаетъ значеніе древне-церковно-славянскаго языка, указывая въ данномъ случаѣ тотъ ошибочный путь, по которому пошелъ Штейнталь въ своихъ замѣчаніяхъ относительно природы опредѣленныхъ прилагательныхъ въ славянскихъ языкахъ. Въ дальнѣйшемъ Миклошичъ перечисляетъ случаи употребленія номинальныхъ формъ прилагательныхъ и причастій.

Въ общихъ замѣчаніяхъ объ *adverb* (глава 5-я) Миклошичъ выдвигаетъ вполне правильную точку зрѣнія, что разница въ неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи „*partikeln*“ — нарѣчій, предлогахъ и союзахъ обуславливается синтакси-

ческимъ отношеніемъ. Это примѣняется прежде всего, конечно, къ предлогамъ и нарѣчіямъ. Говоря же о синтаксическихъ отношеніяхъ, мы по необходимости должны выдвинуть значеніе вообще предложенія, т. е. то, чѣмъ Миклоничъ спеціально не занимается. вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить проводимаго здѣсь (вслѣдъ за Поттомъ) правильнаго взгляда на предлоги, каковому вполне не удается войти въ нашу не только учебную, но и ученую литературу, что предлоги вовсе не управляютъ падежами.

Въ богатомъ матеріалѣ, который приводитъ Миклоничъ въ отдѣлѣ „нарѣчія“, мы видимъ, въ сущности, разнообразныя элементы: здѣсь находятся слова, яркія по своему значенію, и частицы, потерявшія сами по себѣ уже прежнюю яркость значенія и придающія лишь извѣстный оттѣнокъ значенія тѣмъ словамъ, къ которымъ эти частицы присоединяются (напр.: бы, ли, чи и пр.). Поэтому представлялась бы необходимой другая, какая либо болѣе объясняющая классификація. Такимъ образомъ и само общее примѣненіе термина „частицы“ врядъ ли можно принять, имѣя въ виду весь тотъ матеріалъ, который приведенъ у Миклонича. Особенное вниманіе удѣляетъ Миклоничъ отрицательной частицѣ (170—95). Перечисляя различные случаи употребленія, затрогивая даже вопросъ о мѣстѣ постановки отрицанія, такимъ образомъ входя и въ область предложенія, Миклоничъ приводитъ здѣсь много матеріала и изъ неславянскихъ языковъ. Трудно, конечно, согласиться съ этимологизаціей Миклонича — нѣ кто изъ не вѣмъ кто: скорѣе нѣ — одинъ изъ видовъ отрицанія (ср. Brugmann *Kurze vergl. Grammatik*, 614, Vondrak *V. sl. Gram.* II, 399). Вполнѣ правильно отмѣчается свойство отрицанія—не только отрицать, но отрицая создавать изъ значенія глагола и существительнаго новое значеніе, противоположное основному.

Около 60 страницъ посвящено Миклоничемъ предлогамъ (195—257). Согласно съ его точкою зрѣнія на синтаксисъ, задачей послѣдняго является и изслѣдованіе зна-

ченія формальныхъ словъ. Предлоги онъ дѣлится на подлинныя и неподлинныя, подразумѣвая подъ послѣдними такія, какъ: прямо, близъ и пр., т. е. сохраняющіе свое матеріальное значеніе. Предлоги встрѣчаются въ разныхъ положеніяхъ: они выступаютъ въ качествѣ нарѣчій (правильнѣе было бы сказать, что нарѣчія сохраняютъ въ подобныхъ случаяхъ свой первоначальный характеръ), они могутъ выступать въ качествѣ префиксовъ (значеніе префиксальное и превербіальное) или предъ косвенными падежами (значеніе предложное). Стремясь выяснитъ значеніе разныхъ предлоговъ, Миклоничъ разсматриваетъ прежде всего употребленіе предлоговъ въ префиксальномъ и превербіальномъ положеніи, такъ какъ это употребленіе имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ предложное — въ послѣднемъ случаѣ главнымъ является падежъ. Выдѣляя извѣстныя функціи падежей, Миклоничъ приходилъ къ отрицательному отношенію къ такъ называемому синтаксическому ученію объ „управленіи“. Если падежъ являлся уже самъ по себѣ чѣмъ то самостоятельнымъ, то естественно было, что онъ не долженъ былъ зависѣть отъ другого слова. Отсюда особенно ясно должно быть для насъ и отрицательное отношеніе къ ученію о томъ, что предлоги управляютъ тѣмъ или инымъ падежомъ. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, у Миклонича получается и своеобразное распредѣленіе матеріала: у него при каждомъ падежѣ разсматривается и соединеніе падежа съ предлогами (а не отдѣльно — управленіе предлоговъ).

Шестая глава о союзахъ (257—61) представляется гораздо менѣе разработанной, чѣмъ предыдущая. Мѣняется какъ то даже характеръ изложенія: отправною точкой выступаются союзы латинскіе, матеріала дается сравнительно очень мало. Само опредѣленіе, даваемое въ началѣ, что союзами обозначается только отношеніе сочиненія (партаксиса), а что для подчиненія употребляются мѣстоименія относительныя или нѣкоторыя другіе способы (о чемъ

раньше), — противорѣчить тому, что у насъ теперь принято: для паратаксиста вовсе и не необходимы союзы, безспорно также необходимо дѣлать разницу между союзами въ паратактическихъ предложеніяхъ и союзами въ предложешяхъ гипотактическихъ.

Ученіе о глаголѣ (глава 7-я, 261—340) Миклошичъ начинаетъ выясненіемъ разницы между абстрактными и конкретными глаголами въ отношеніи ихъ функций. Оказывается, что первые имѣютъ своимъ назначеніемъ только формальное соединеніе субъекта и предиката, вторые сами являются предикатомъ (содержать предикатъ). Эта мысль характеризуетъ отношеніе Миклошича къ анализу предложенія, анализъ сдѣланъ поверхностно. Понятія о сказуемости какъ о свойствѣ глагола такимъ образомъ у Миклошича нѣтъ (дальше, напр., на стр. 408-9, Миклошичъ говоритъ, что винительный пад. съ предлогомъ за обозначаетъ сказуемое при такихъ глаголахъ, которые въ латинс. яз. имѣютъ при себѣ два именительныхъ или два винительныхъ, а также творительн. съ *pro*, въ греч. яз. родительный съ *ἀντι*). Абстрактные глаголы относятся, по мнѣнію Миклошича, къ конкретнымъ такъ, какъ мѣстоименія къ именамъ, хотя самъ же Миклошичъ замѣчаетъ, что въ послѣднемъ случаѣ разница основана на различныхъ корняхъ, въ то время какъ абстрактные глаголы развиваются изъ конкретныхъ (не удается, замѣчаетъ Миклошичъ, доказать этого по отношенію такихъ глаголовъ, какъ древн. индус. *as*, хотя, самъ Миклошичъ въ дальнѣйшемъ приводитъ данныя изъ русскаго языка, гдѣ глаголъ *есть* имѣетъ конкретное значеніе).

Въ отношеніи субъекта дѣятельности, какъ замѣчаетъ Миклошичъ, дѣлятся глаголы на активные и пассивные; въ первыхъ субъектъ самъ дѣятеленъ, въ послѣднихъ субъектъ составляетъ цѣль дѣятельности другого субъекта. Послѣднее опредѣленіе не совсѣмъ точно передаетъ сущность страдательнаго залога, напр., столъ сдѣ-

ланъ и пр. Не особенно удобно и дальнѣйшее дѣленіе глаголовъ дѣйствительнаго залога на субъективные и объективные, уже потому прежде всего, что глаголы субъективные часто являются какъ бы входящими въ область глаголовъ болѣе широкаго термина — объективныхъ (какъ то именно видимъ у Миклошича). Неудобство это вытекаетъ особенно ясно изъ слѣдующаго. Миклошичъ дѣлитъ субъективные глаголы на средніе и возвратные; если въ объективныхъ глаголахъ, по опредѣленію Миклошича, дѣятельность ограничивается самимъ субъектомъ, то въ возвратныхъ это дѣйствіе возвращается на него. Но спрашивается, развѣ это будетъ чисто грамматическое дѣленіе: дѣленіе дѣлается уже не по формѣ, а по значенію. Миклошичъ выдѣляетъ медиальные глаголы изъ тѣхъ, которые будучи первоначально возвратными, мало по малу теряютъ свой характеръ и показываютъ дѣйствіе только въ сферѣ субъекта. Раздѣляя объективные глаголы на переходные и непереходные, Миклошичъ выдѣляетъ особый родъ переходныхъ (по ошибкѣ въ данномъ случаѣ — *intransitiva* вм. — *transitiva*) — каузальные, послѣднее выдѣленіе нарушаетъ принципъ дѣленія, легшій въ основу дѣленія на переходные и непереходные глаголы. При дѣленіи же страдательнаго залога, который также представляетъ собою энергію и обозначаетъ лишь измѣненный активъ, нужно, по Миклошичу, брать за основу формальныя особенности, коими этотъ залогъ выражается.

Подъ угломъ этихъ общихъ положеній рассматриваетъ дальше Миклошичъ фактическій матеріалъ. Говоря о выраженіи пассива глаголами средними (здѣсь важно, конечно, значеніе), возвратными (при потемнѣніи основнаго значенія *ся*), Миклошичъ устанавливаетъ, между прочимъ, въ исторіи развитія залоговъ такую схему переходовъ: возвратный — медиальный — страдательный, при чемъ замѣчаетъ, что для многихъ случаевъ, въ силу затемнѣнія этимологическаго начала, трудно установить этотъ переходъ.

Замѣчая, что возвратные глаголы иногда образовывались изъ соединенія глагола съ дательнымъ падежомъ мѣстоименія *си*, Миклошичъ не соглашался съ Буслаевымъ, проводящимъ это положеніе и для такихъ оборотовъ въ народной поэзіи, какъ ѣ да ю ч и с ь , п и в а ю ч и с ь и пр. О возможности присоединенія формы *си* для образовапія возвратнаго залога указывалъ и Аксаковъ въ своей рецензіи на грамматику Буслаева.

Отдѣлъ 3-й главы 7-й, посвященный *verba perfectiva* и *imperfectiva*, представляетъ главнымъ образомъ интересъ по матеріалу и его классификаціи (по степенямъ совершенности и несовершенности). Устанавливаются различныя степени длительности. О нѣкоторыхъ свойствахъ русскаго глагола Миклошичъ говоритъ, пользуясь трудами Востокова, Буслаева, Аксакова, Павскаго и др. (между прочимъ опровергаетъ неправильное мнѣніе Павскаго объ отношеніи глагола къ обозначенію пространства и находитъ причину послѣдняго въ обозначеніи глаголомъ времени).

П часть синтаксиса Миклошича дѣлится на 2 части: 1. ученіе объ именахъ и 2. ученіе о глаголахъ. На первыхъ страницахъ снова затрогивается вопросъ о согласованіи, затѣмъ слѣдуютъ замѣчанія объ именительномъ падежѣ. Изъ послѣднихъ я укажу на то, что въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ стѣ на п р о и т и , м а л о р . д а в а т ы м і р а (мѣру) Миклошичъ совершенно справедливо не видитъ здѣсь постановки именительнаго падежа вмѣсто винительнаго, такимъ образомъ видитъ здѣсь подлежащія. Подобные обороты отмѣчались и въ древнерусскихъ памятникахъ и въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ, при чемъ обыкновенно говорилось о постановкѣ именительнаго падежа вмѣсто винительнаго.

Интересъ перваго отдѣла первой главы заключается не въ немногихъ замѣчаніяхъ объ именительномъ падежѣ, содержащихъ нѣсколько болѣе двухъ страницъ, а въ своего рода приложеніи — въ изложеніи ученія о безсубъектныхъ предложеніяхъ (346—369). Этимъ вопросомъ Миклошичъ

спеціально займався: спочатку він присвятив цьому вопросу статью в *Denkschriften* Вѣнської Академії Наукъ (т. 14), затѣмъ эта статья была вторично изд. вѣ 83 г. вѣ переработанномъ видѣ. Включая вѣ свой синтаксисъ изложеніе о безсубъектныхъ предложеніяхъ, при томъ вѣ такомъ сравнительно подробномъ изложеніи, Миклошичъ тѣмъ самымъ нарушилъ основную точку зрѣнія, которую онъ выставлялъ вѣ началѣ своего труда. Но вѣ данномъ случаѣ это уже не является важнымъ. Беря во вниманіе важность затронутого вопроса, я позволю себѣ высказать слѣдующія замѣчанія. Вѣ своихъ замѣчаніяхъ я буду имѣть вѣ виду находящееся вѣ синтаксисѣ Миклошича о безсубъектныхъ предложеніяхъ вѣ связи съ данными указаннаго спеціального его изслѣдованія.

Изслѣдованіе Миклошича безсубъектныхъ предложеній далеко не исчерпываетъ вопроса. Оно важно, конечно, по собранному матеріалу относительно разработки вопроса и относительно самихъ разсматриваемыхъ оборотовъ, поскольку эти обороты находятъ себѣ отраженіе вѣ современныхъ славянскихъ языкахъ. Важно это изслѣдованіе, потому что указало на непослѣдовательность вѣ ученіи различныхъ философовъ и грамматиковъ, но вѣ то же время и само изслѣдованіе не можетъ претендовать на разрѣшеніе поставленныхъ вопросовъ, оно не лишено и черезчуръ поспѣшныхъ заключеній, не находящихъ себѣ обоснованія вѣ данныхъ различныхъ языковъ. Главные вопросы, которые поставлены здѣсь: 1. первоначальны или непервоначальны безсубъектныя предложенія, 2. какъ нужно классифицировать ихъ. Миклошичъ рѣшаетъ вопросъ вѣ пользу первоначальности безсубъектныхъ предложеній. Онъ говоритъ о томъ, что сужденія могутъ быть одночленны (къ каковымъ и принадлежатъ безсубъектныя предложенія), двучленны и трехчленны. Для того, чтобы разрѣшить вопросъ о томъ, первоначальны или непервоначальны безсубъектныя предложенія, нельзя ограничиваться извѣстными общими рассужденіями, построенными часто на нашемъ традиціонномъ

пониманіи языка, нужно заглянуть глубже въ факты языка, посмотрѣть, нѣтъ ли среди этихъ фактовъ такихъ, которые указывали бы въ настоящемъ своемъ на исторію пронагаа. Если, напр., можно было бы прослѣдить возникновеніе нѣкоторыхъ безсубъектныхъ предложеній теперь, то естественно, что путь ихъ возникновенія можно было бы перенести на прошлое. Но тутъ не нужно забывать и того, что извѣстнаго рода безсубъектныя предложенія не могутъ служить образцомъ для другихъ. Если „говорять“, „слушаютъ“ и пр. ясны по своему происхожденію, то нельзя того же сказать, примѣняя къ „разсвѣтаетъ“, „тошнить“ и пр. Сама классификація должна быть построена на созданной уже путемъ научнаго мышленія исторіи возникновенія и развитія этихъ предложеній. Самъ Миклошичъ понималъ недостатки созданной имъ классификаціи, недостатки этой классификаціи были позже отмѣчены проф. Овсяннико-Куликовскимъ. Совершенно правъ Овс. Куликовскій, замѣчая, что Миклошичъ въ своей классификаціи безсубъектныхъ предложеній главное вниманіе удѣляетъ чисто матеріальному значенію классифицируемыхъ предложеній, оставляя совершенно въ сторонѣ и не выясняя выставленную прежде всего формально грамматическую точку зрѣнія, Дѣйствительно, въ дѣленіи Миклошича выдвинута прежде всего формальная сторона: 1-съ безсубъектныя предложенія съ глаголомъ активнымъ, 2-съ глаголомъ возвратнымъ, 3-съ глаголомъ пассивнымъ, 4-съ именемъ и глаголомъ быть; затѣмъ уже идутъ подраздѣленія (предложенія обозначающія существованіе предмета, относящіяся къ явленіямъ природы, обозначающія физическія и душевныя состоянія и пр.) и на этихъ то, въ сущности, подраздѣленіяхъ основана классификація, и не установлено, какая же связь между безсубъектностью предложеній возвратностью или пассивностью глагола.

Нельзя не согласиться съ указаніями г. Іовановича (*Die Impersonalien*, В. 96 г., 3—4), что въ окончательныхъ

выводахъ у Миклонича замѣтна какая то непослѣдовательность. Именно — Миклоничъ примыкаетъ къ мнѣнію Брентано (*Psychologie I, 276* и сл.), что нѣтъ нужды искать двучленности для всякаго сужденія, что сужденіе въ основѣ своей есть утвержденіе или отрицаніе чего-либо, такимъ образомъ все сводится къ такъ называемымъ *existentialsätze*; съ другой стороны, Миклошичъ называетъ безсубъектныя предложенія предикативными, слѣдовательно, примыкаетъ уже къ точкѣ зрѣнія Тренделенбурга.

Представлять себѣ, что безсубъектныя предложенія въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь, могли быть первоначальными сужденіями, изъ которыхъ возникали субъектныя предложенія, какъ думали Тренделенбургъ и Миклошичъ, конечно, нельзя. Нельзя думать, чтобы явленія природы представлялись древнему человѣку въ видѣ какой то дѣятельности безотносительно отъ дѣятеля. Но тутъ только является вопросъ, можно ли говорить о первоначальности или непервоначальности образованія того или иного предложенія, беря новѣйшую его форму. Если древній человѣкъ видѣлъ во всемъ нѣчто живущее, если онъ къ проявленіемъ внѣшняго міра примѣнялъ тѣ же волевыя отправления, которыя чувствовалъ въ себѣ, то естественно, что представлять себѣ какую либо дѣятельность безъ дѣятеля онъ не могъ. Всѣ предметы окружающаго міра едохотворялись. Эти предметы такъ же могли дѣйствовать, желать, какъ и человѣкъ. Но тутъ нужно имѣть въ виду, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти дѣятели могли быть неясны, иногда ихъ боялись назвать, это были злые духи, демоны (ср. у Потебни III, 410). Такимъ образомъ могъ безспорно подготавливаться путь къ образованію безсубъектныхъ предложеній — путемъ неупоминанія, путемъ стиранія подразумеваемыхъ субъектовъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что для древняго человѣка многое могло казаться болѣе понятнымъ, чѣмъ для его отдаленнаго потомка: онъ многое объяснялъ олицетвореніемъ. Видя молнію и оли-

цетворя небо, онъ необходимо долженъ былъ говорить и думать, что небо-богъ производитъ молнію и пр. Нужно прійти такимъ образомъ къ выводу, что первоначальные періоды мышления не давали основы для создашя безсубъектныхъ оборотовъ. Вопросъ теперь лишь можетъ быть въ слѣдующемъ. Если періодъ анимизма, а потомъ и періодъ миѳической не могли выработать безсубъектности оборотовъ, если существоваше послѣднихъ возможно въ періодъ болѣе трезваго взгляда на міръ, когда безсубъектные обороты могутъ обозначать одну лишь дѣятельность или состояше, то спрашивается, почему мы находимъ безусловно безсубъектные обороты въ періодъ миѳической, именно въ оборотахъ классическихъ языковъ или даже въ оборотахъ нашей народной славянской рѣчи (несмотря на то, что періодъ миѳическихъ воззрѣній не миновалъ еще для простыхъ слоевъ нашего славянскаго міра)? Вѣдь признается искусственность подразумѣваній *Zeús* при *ἀστρόπτεσι* *Jupiter* — при *tonit* и пр. Лишь отчасти правъ былъ Миклошичъ, когда говорилъ о дѣйстви классическихъ языковъ въ смыслѣ извѣстной преграды для развитія безсубъектныхъ оборотовъ: именно строй литературнаго двучленнаго предложенія благодаря классической традиціи строго хранить свои рамки. Говорить же о томъ, что въ славянскихъ языкахъ, въ которыхъ менѣе вліяше классическихъ языковъ, сильнѣе распространены въ зависимости отъ этого безсубъектныя предложешя, не приходится. Въ этомъ случаѣ правъ былъ ак. Ягичъ (*Beiträge z. sl. Syntax*, 15—16), указывая, что въ русскомъ языкѣ болѣе развиты безсубъектныя предложешя, чѣмъ въ сербскомъ, хотя синтаксисъ послѣдняго языка былъ также чуждъ вліянію классическихъ языковъ, что въ польскомъ языкѣ (въ которомъ сильно было вліяніе латинскаго яз.) встрѣчаются такіе безсубъектные обороты, напр., *gdzie go przująęto*, каковыхъ оборотовъ не встрѣчается въ томъ же сербо-хорватскомъ языкѣ.

Какъ мы уже видѣли, на проводимую Миклошичемъ

теорію оказала вліяніе теорія, развитая Brentano, сводившая безсубъектныя обороты къ existentialsätze. Безсубъектное предложение создается по формулѣ предложенія: такой то предметъ существуетъ; при чемъ послѣднее сужденіе понимается какъ одночленное: въ немъ признается опредѣленный предметъ. Разъ мы называемъ предметъ, тѣмъ самымъ мы признаемъ его существованіе, слѣдовательно предикату здѣсь мѣста нѣтъ. То же мы находимъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ: морозитъ = морозъ существуетъ. Претендовать на убѣдительность теорія эта, какъ справедливо указывалъ Іовановичъ, не можетъ. Построенныя такимъ образомъ предложенія во всякомъ случаѣ непервоначальны по своей природѣ, и въ томъ видѣ, какъ онѣ представлены, онѣ двучленны. Однако и со взглядомъ Іовановича трудно согласиться. По его мнѣнію, безсубъектныя обороты являются созданіемъ періода болѣе трезвыхъ воззрѣній на міръ, при чемъ въ этихъ оборотахъ является одноактное сужденіе. Трудно согласиться уже потому, что изслѣдователь, проводя свою мысль, стремится какъ бы отмѣтить сознательное давленіе мысли въ данномъ случаѣ на языкъ. Можно было бы здѣсь выставить такую гипотезу. Нѣкоторыя личныя предложенія, создавшіяся въ періодъ анимизма, могли при переходѣ въ періодъ миеологическій, терять свое непосредственное подлежащее, которое не могло быть вполне замѣнено новымъ миеологическимъ образомъ. Небо могло дождить, но Зевсъ могъ только ниспосылать дождь . . . Интересно то, что уже греческіе грамматикѣ замѣтили оттѣнокъ, отличающій „безличный“ глаголъ отъ глагола вообще: *χρή, δεῖ* и пр. относились ими не къ глаголамъ, а къ нарѣчіямъ.

Кромѣ 3-го лица, отличающаго безсубъектныя обороты, есть также одна черта, характеризующая многіе изъ этихъ оборотовъ, это — средний родъ, въ которомъ ставится иногда мѣстоименіе или форма прошедшаго времени глаголовъ. Еще древній грамматикъ Августинъ Сатурнинъ

обратилъ на послѣднее вниманіе и предупредилъ въ данномъ случаѣ подобное же наблюденіе Гримма, что въ случаяхъ, какъ *procursum*, нельзя подразумѣвать *procursus* (т. е. нельзя подразумѣвать имя существительное муж. рода; по замѣчанію Гримма, польское *grzmiąco*, нѣмец. *es donnerte* говорятъ противъ подразумѣванія въ *tonuit* — *Juppiter*, см. у Миклошича *Syntax* 348—9, *Subjectl. S.*, 9, 3). Миклошичъ обращалъ вниманіе на слѣдующее: если безсубъектность зависитъ отъ средняго рода, отъ неопредѣленности послѣдняго, то безсубъектныхъ предложеній не должно быть въ тѣхъ языкахъ, въ которыхъ нѣтъ средняго рода. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что безсубъектныя предложенія имѣются въ романскихъ и семитическихъ языкахъ, а также въ литовскомъ и латышскомъ. Оказывается, впрочемъ, что ранѣе эти языки имѣли средній родъ. Относительно мадьярскаго и финскаго языковъ, какъ замѣчалъ Миклошичъ, вопросъ въ данномъ отношеніи остается невыясненнымъ. Можно сказать, что въ исторіи развитія безсубъектныхъ предложеній средній родъ игралъ и могъ играть важную созидающую роль: въ этомъ случаѣ имѣла большое значеніе именно неопредѣленность средняго рода, общность его значенія. Средній родъ могъ содѣйствовать переходу оборота субъектнаго въ безсубъектныя. Въ этомъ случаѣ нагляднымъ доказательствомъ, думается, могли бы послужить поговорки, пословицы, загадки. Мнѣ кажется, что средній родъ долженъ отличать настоящіе безсубъектныя обороты. Что неопредѣленность, свойственная этому роду, примѣнима къ такимъ выраженіямъ, какъ *свѣтало*, *морозитъ* и пр., указываетъ прошедшее время: *свѣтало . . .*, между тѣмъ, какъ „*тише ѣдешь, дальше будешь*“ и пр., при случаѣ тотчасъ выказываютъ свою личную, опредѣленную форму, и поставить подобные обороты въ среднемъ родѣ не представляется возможнымъ.

Указаніе Штейнталя, съ которымъ не соглашается Миклошичъ, что всякій глаголъ, поставленный въ 3-мъ

лицѣ, долженъ относиться къ лицу, указаніе это (сдѣланное противъ мнѣнія Гейзе) не лишено основанія. Здѣсь, мнѣ кажется, можно было бы привести только то соображеніе, что глаголь въ данномъ случаѣ теряетъ свой характеръ, онъ постепенно переходитъ въ область имени вообще.

Миклошичъ объясняетъ появленіе въ ниже-лужицкомъ нарѣчьи воно: *voно se bѣyska* и пр. вліяніемъ нѣмецкаго *es*. Но если взять приводимый Поповымъ (Синт. изсл., 305, ср. также объ этомъ у Миклонича въ *Subjectl. S.*, 5) примѣръ изъ говоровъ харьковской губерніи, то можно еще нѣсколько усумниться относительно заимствованія, а думать и о возможности самостоятельнаго появленія въ подобныхъ случаяхъ оно, воно.

Спорнымъ пунктомъ являются предложенія въ такомъ родѣ: *двомъ панамъ тяжко служити*. Вопросъ въ томъ, являются ли подобныя предложенія субъектными или безсубъектными, или болѣе общій вопросъ: можетъ ли неопредѣленное наклоненіе выступать въ качествѣ подлежащаго? Мнѣ здѣсь придется зайти впередъ относительно порядка изложенія у Миклонича: данный вопросъ у него трактуется на стр. 847-9 синтаксиса. Миклоничъ оспариваетъ здѣсь возможность въ подобныхъ и другихъ случаяхъ считать неопредѣленное наклоненіе подлежащимъ, выдвигая глагольность неопредѣленнаго наклоненія, и появленіе мнѣнія грамматиковъ о неопредѣленномъ наклоненіи какъ подлежащемъ объясняетъ возможностью замѣны этихъ предложеній другими, при чемъ въ послѣднихъ вмѣсто неопредѣленнаго наклоненія выступаетъ имя существительное. Потебня, относя неопредѣленное наклоненіе „къ категоріи сказуемаго въ обширномъ смыслѣ“, отрицалъ такимъ образомъ возможность для неопредѣленнаго наклоненія выступать въ качествѣ „настоящаго“ подлежащаго или „настоящаго“ дополненія. Я подчеркиваю — „настоящаго“, потому что, очевидно, и для Потебни все же было трудно опровергнуть, что неопредѣленное наклоненіе является на мѣстѣ

подлежащаго и дополненія. По Потебнѣ, неопредѣленное наклоненіе выдвигается лишь вмѣсто подлежащаго, а имѣетъ все же глагольное значеніе. *Irren ist menschlich* Потебня уравнивалъ, слѣдуя Штейнталу — *das man irrt*. Но подобныхъ уравниній нельзя проводить здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ (Изъ зап. по рус. грам. II, 350 и др.). Въ стремленіи Потебни подогнать неопредѣленное наклоненіе даже къ свойству обладать своимъ собственнымъ лицомъ (тамъ же, 348) находится искусственность, и стремленіе это объясняется желаніемъ изслѣдователя сблизить неопредѣленное наклоненіе съ другими наклоненіями въ смыслѣ главной особенности глагола. Признавая нѣкоторую близость неопредѣленнаго наклоненія къ имени существительному, я думаю, что неопредѣленное наклоненіе въ синтаксическомъ отношеніи можетъ овладѣвать и функціями имени существительнаго. Беря вышеприведенную фразу: тяжело служить двумъ господамъ, и выдѣляя „служить“ логическимъ удареніемъ, мы тѣмъ самымъ сблизимъ это предложеніе съ предложеніемъ: служба двумъ . . . Правда, подстановка еще не говоритъ о равнозначности оборотовъ, но мы можемъ изъ параллельныхъ фразъ уловить и роль неопредѣленнаго наклоненія.

Въ очень небольшой 2-й главѣ (менѣе страницы, 369-70) — *von vocativ* Миклошичъ даетъ слинкомъ поверхностное ученіе о звательномъ падежѣ. Въ параграфѣ I онъ говоритъ о нѣкоторомъ подобіи этого падежа междометію, въ § 2 о замѣнѣ звательнымъ падежомъ именительнаго, при чемъ сущность изложеннаго здѣсь сводится къ отрицанію мнѣнія о возможности въ данномъ случаѣ объяснить подобныя замѣны въ пѣсняхъ народныхъ требованіями размѣра. Уже до выводовъ Миклошича относительно даннаго вопроса существовала извѣстная литература (мнѣнія Боппа, Шлейхера, Бенфея, Курціуса и Ягича). Миклошичъ, въ сущности, примыкалъ къ мнѣнію Шлейхера (*Compendium* § 263), между тѣмъ, какъ дальнѣйшія изслѣ-

дованія (напр., Попова) указывали на ббольшую обоснованность мнѣнія Бенфея, признававшего близость звательнаго падежа къ падежу именительному. Основы чисто внутренняго характера замѣны именительнаго падежа зательнымъ были указаны Потебнею и могли здѣсь сказываться также указанная Ягичемъ требованія метрики.

При выясненіи причинъ замѣны формы винительнаго падежа формою родительнаго падежа Миклошичъ выставляетъ положеніе, что родительнымъ падежомъ выражается болѣе энергично переходящее дѣйствіе, что такимъ образомъ и необходимо было при обозначеніи одушевленныхъ предметовъ, такъ какъ винительный падежъ, будучи сходенъ съ именительнымъ, могъ быть принятъ за обозначателя самого дѣйствителя. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ винительному падежу, классифицируется матеріалъ по отдѣльнымъ случаямъ употребленія даннаго падежа. Какъ отмѣчено ранѣе, здѣсь же приводятся частичныя поправки къ нѣкоторымъ ранѣе высказаннымъ мнѣшьямъ.

Говоря о винительномъ падежѣ, Миклошичъ затрогиваетъ и оборотъ *accusativus cum infinitivo* (стр. 394-5, затѣмъ — 870-1). Нужно замѣтить, что сказанное здѣсь представляетъ сокращеніе спеціальной статьи Миклошича, посвященной данному вопросу, помѣщенной въ *Sitzungsberichte d. ph. hist. Cl.* вѣнской академіи наукъ (за 1868 г.). Статья эта прежде всего обнаруживаетъ въ Миклошичѣ прекрасное знакомство съ предыдущей разработкой вопроса, его умѣнье ясно представить картину этой разработки, какъ то было и въ другихъ случаяхъ. Естественно, что эта часть статьи не нашла себѣ мѣста въ синтаксисѣ слав. языковъ, такъ какъ даннаго вопроса Миклошичу пришлось коснуться лишь вскользь. Миклошичъ не даетъ въ концѣ концовъ какого-либо совершенно новаго взгляда на разсматриваемый оборотъ, а какъ замѣчаетъ въ началѣ изслѣдованія, стремится дать новыя доказательства для одного изъ

ранѣ проводимыхъ взглядовъ. Мнѣ представляется важнымъ обратить на это вниманіе уже потому, что Jolly въ своемъ специальномъ изслѣдованіи, разбираясь въ данномъ вопросѣ, представляетъ отношеніе Миклошича къ разработкѣ вопроса не совсѣмъ правильно (*Geschichte d. Infinitivs* М. 1873 — стоитъ сравнить сдѣланную классификацію мнѣшій ученыхъ здѣсь и у Миклошича, чтобы увидѣть разницу, и не оправдать искусственно сдѣланное отдѣленіе Миклошича отъ тѣхъ, которыхъ онъ самъ считалъ своими предшественниками: у Jolly совершенно несправедливо Миклошичъ занялъ вполнѣ независимое, обособленное положеніе, см. 250 стр.). Извѣстная самостоятельность въ выводахъ Миклошича заключалась въ сближеніи оборотовъ винительнаго съ неопредѣленнымъ и дательнаго съ неопредѣленнымъ. Миклошичъ, опредѣляя природу послѣдняго, переносилъ объясненіе и на оборотъ первый. Но въ этомъ была его ошибка, и нельзя не согласиться съ Jolly, что результатъ, къ которому онъ пришелъ при объясненіи оборота *accusativus cum infinitivo*, неудовлетворителенъ. Винительный падежъ въ данномъ случаѣ Миклошичъ считалъ, какъ и его предшественники, самостоятельнымъ подлежащимъ при неопредѣленномъ наклоненіи, въ то время, какъ другими изслѣдователями высказывался болѣе раціональный взглядъ на данные обороты, какъ возникшіе изъ объекта при сказуемомъ главнаго предложенія. Послѣдній взглядъ, дѣйствительно, могъ объяснить происхожденіе оборота, а при объясненіи подобномъ приводимому у Миклошича приходилось прибѣгать къ гипотезамъ объ особомъ первоначальномъ значеніи винительнаго падежа, приходилось въ качествѣ лишняго аргумента прибѣгать къ аналогіи съ оборотами дательный пад. съ неопредѣленнымъ. И болѣе правъ былъ Jolly, устанавливая разницу въ этихъ оборотахъ: въ оборотѣ вин. съ неопр. винительный зависитъ отъ сказуемаго главн. предложенія, въ оборотѣ дат. съ неопр. дательный пад. зависитъ отъ неопредѣленнаго наклоненія. Если

въ послѣднемъ оборотѣ дательный пад., повидимому, иногда относится къ *verbum fin.*, то это зависитъ отъ свойства дательнаго пад., каковой въ качествѣ косвеннаго дополненія не имѣлъ прямого отношенія и къ неопредѣленному наклоненію. Правда, въ древне-ц. сл. яз. и въ слав. яз. Миклошичъ указываетъ вполне справедливо цѣлый рядъ примѣровъ, изъ которыхъ ясна связь дательнаго пад. съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, но все же необходимо считаться съ той разницей, которая сказывается въ данномъ случаѣ между славянскими яз. и языками другими, родственными. И если указанія Миклошича нельзя назвать убѣдительными относительно происхожденія винительнаго пад. при неопредѣленномъ изъ номинальности неопредѣленнаго наклоненія, то, можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ отчасти правъ, указывая на появленіе дательнаго пад. при неопредѣленномъ изъ номинальности этого послѣдняго (Миклошичъ указываетъ цѣлый рядъ отглагольныхъ существительныхъ, требующихъ послѣ себя дательнаго падежа).

Говорю „отчасти“, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безспорно дательный падежъ могъ образоваться въ зависимости отъ *verbum finitum* (Ср. объ этомъ у Потебни II, 393 и слѣд.).

Нѣкоторую непослѣдовательность въ методическомъ отношеніи у Миклошича можно было бы отмѣтить и въ слѣдующемъ. Примѣры съ оборотами *accusativus cum infinitivo* въ др. ц. сл. и славян. языкахъ Миклошичъ считаетъ заимствованными изъ классическихъ языковъ, оригинальнымъ же слав. оборотомъ, по его мнѣнію, является дательный при неопредѣленномъ. И вотъ при объясненіи перваго оборота Миклошичъ пользуется тѣми данными, которыя объясняютъ оборотъ второй. По всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что Миклошичъ въ синтаксисѣ не задавался цѣлями продолжать свой спеціальный трудъ, объясняется то, что мы не видимъ привлеченія вышедшаго въ Прагѣ въ 71 г. труда Людвигъ — *Der Infinitiv im Veda.*

Mit einer Systematik d. litauisch. und slavischen Verbs (изслѣдованіемъ Jolly Миклошичъ воспользовался въ синтаксисѣ, ср. 852, 858 и 870—2 стр.).

Родительный падежъ разсматривается Миклошичемъ какъ бы подъ двойнымъ угломъ зрѣнія — со стороны его аблятивныхъ функцій и функцій чисто генетивныхъ. Миклошичъ исходитъ изъ того, что сущность прежняго аблятива была усвоена родительнымъ падежомъ. Для опредѣленія того или иного отгѣнка значенія въ славянскихъ языкахъ Миклошичъ говоритъ о необходимости сравненія съ данными древне-индусскаго языка и въ этомъ случаѣ пользуется какъ пособіемъ сочиненіемъ Дельбрюка (*Ablativ, localis, instrumentalis*. Berlin 1867) и Зике (*Siecke. De genetivo in lingua sanscritica*. В. 1869). Подгоняя всѣ случаи употребленія родительнаго падежа въ два указанныхъ направленія, Миклошичъ считаетъ сомнительнымъ только родительный „мѣры, времени и игры“. Какъ изъ дальнѣйшаго выясняется, Миклошичъ, оставляя этотъ вопросъ нерѣшеннымъ и считая его задачей будущихъ изслѣдователей, причислялъ этотъ родительный все же къ родительному принадлежности (ср. 507 и сл.). При объясненіи родительнаго времени Миклошичъ прямо указываетъ на объясненія Зике. Пслѣдній выдвигалъ особенно предположеніе, что этотъ родительный первоначально былъ прикрѣпленъ къ субъекту предложенія. Родительный „игры“ Миклошичъ относилъ къ партитивному родительному (511). Въ распредѣленіи матеріала, разобраннаго у Миклошича, можно было бы внести болѣе внутренней цѣльности, особенно еще и потому, что самъ М. выдвигаетъ вначалѣ принципы для дѣленія, между тѣмъ фактически матеріаль разбивается механически (отдѣльныя мѣста вполне говорятъ о положенной въ основу дѣленія системѣ карточекъ, подогнанныхъ иногда даже въ алфавитной порядокъ, какъ то было, напр., съ предлогами).

Указывая на такіе случаи сочетанія, какъ хотѣти чему и болѣе позднее хотѣти что, Миклошичъ опре-

дѣляетъ въ постановкѣ дательнаго падежа условіе сохраненія глаголами большей живости, такимъ образомъ отмѣчаетъ бѣльшую конкретность въ дательномъ падежѣ, а абстрактность въ винительномъ. Изъ основного значенія винительнаго падежа, показывающаго, что предметъ какъ бы охватывается субъектомъ, трудно сдѣлать переходъ къ абстрактности этого падежа. И во всемъ развитіи приведенныхъ положеній замѣчается какая то беспочвенность. Основной функцией дательнаго падежа Миклошичъ считаетъ цѣль (предметъ, къ которому стремится движеніе); это падежъ цѣли, при чемъ послѣдняя иногда оказывается достигнутой (здѣсь получается сходство съ мѣстнымъ и винительнымъ, обознач. мѣсто: стрѣлы ѣмоу не касаахоу, коснж са ѣемь) или достигаемой. Къ этимъ основнымъ функциямъ можетъ быть, по Миклошичу, приведенъ всякій дательный падежъ (затрудняется Миклошичъ только относительно дательнаго самостоятельнаго и дательнаго падежа съ неопредѣленнымъ склоненіемъ). Самъ Миклошичъ высказываетъ, впрочемъ, насколько трудно опредѣлить основныя функции падежей. Прежде всего, конечно, основныя функции опредѣляются здѣсь признаками, присущими разнымъ падежамъ (напр., мѣстный и винительный для обозначенія мѣста), затѣмъ къ выведеннымъ функциямъ приходится иногда прямо — что называется — натаскивать различные факты языка, напр., послѣднее приходится сказать относительно соединеній съ такими глаголами, какъ убѣжати, искупити, болѣти и пр. (соудоу оубѣжати, искоупи са длъгоу, кому болятъ кости и пр). Въ § 13 говорится, напр., что дательный падежъ обозначаетъ то, чему другое соотвѣтствуетъ (подобно, достойно, пріятно, необходимо и пр., такимъ образомъ объемъ понятія „angemessenheit“ очень обширенъ); относительно дательнаго обозначающаго принадлежность (§ 14), Миклошичъ не выясняетъ его внутренней связи съ основными функциями дательнаго падежа.

Эти напрасныя старанія втиснуть нѣкоторые факты языка въ рамки выставленныхъ функцій падежей обнаруживаютъ полную свою несостоятельность. Миклошичъ не обратилъ вниманіе на то, что функціи того или другого падежа въ различныхъ примѣрахъ часто получаютъ въ илу вліянія однихъ оборотовъ на другіе. Немудрено, поэтому, что для выраженія одного и того же логическаго отношенія употребляются различныя падежныя формы. Вотъ здѣсь то особенно должно чувствоваться отсутствіе изученія предложенія въ его историческомъ развитіи. Только восстановленіе исторіи развитія формъ въ предложеніи и можетъ ознакомить съ тѣми извилистыми развѣтвленіями, который предложеніе принимало, пользуясь для выраженія того или другаго отношенія уже сложившимися формами.

Миклошичъ высказывался за оригинальность оборота дательный самостоятельный, возражалъ противъ возможности заимствованія даннаго оборота изъ греческаго языка, при чемъ приводилъ примѣры изъ неславянскихъ языковъ, въ которыхъ находилъ нѣчто подобное и къ которымъ уже ни въ коемъ случаѣ нельзя было примѣнить мысль о подобномъ заимствованіи. Объясненіе дательнаго самостоятельнаго Миклошичъ ищетъ прежде всего въ дательномъ времени и только въ концѣ своихъ замѣчаній объ этомъ оборотѣ задается вопросомъ, нельзя ли примѣнить къ части этихъ оборотовъ (выраженныхъ причастіемъ прошедшаго времени) другаго объясненія, а именно, что дѣйствіе главнаго предложенія какъ бы примыкаетъ къ тому, что сказано совершившимся въ оборотѣ дательный самостоятельный. Самъ Миклошичъ замѣчаетъ въ концѣ, что подобное объясненіе несходно съ предыдущимъ. Потенія примыкаетъ ко второму объясненію Миклошича, доказывая ошибочность перваго (II, 340—2). Отсюда и вытекаетъ воззрѣніе Потенія на дательный самостоятельный, какъ на оборотъ, возникшій изъ простаго дательнаго падежа, непосредственно дополняющаго сказуемое главнаго предложенія.

Заканчивается настоящая глава, какъ и предыдущая, разсмотрѣшемъ употребленія падежа съ предлогами.

Сказанное относительно изложеція дательнаго падежа можно примѣнить и къ изложенію о мѣстномъ. Въ рамкахъ выведенной функціи далеко не вмѣщается самъ матеріалъ — многочисленные примѣры употребленія даннаго падежа. Мѣстный падежъ обозначаетъ не только мѣсто, время, но и образъ, способъ дѣйствіи и др. отношенія. Употребленіе мѣстнаго безъ предлога Миклошичъ считалъ паннонизмомъ (654) и въ немъ видѣлъ остатокъ древности, такъ какъ древне-индус. яз. своими примѣрами мѣстнаго безъ предлога указываетъ въ данномъ случаѣ, какъ на исходный пунктъ — синтаксисъ арійскаго языка (подобные же примѣры приводитъ Миклошичъ и изъ другихъ древнихъ языковъ).

Ясно и опредѣленно заявляетъ Миклошичъ, говоря о творительномъ падежѣ, что онъ держится локалистической теоріи: „какъ въ остальныхъ падежахъ, такъ и при объясненіи творительнаго, я выхожу изъ пространственной его функціи“ (683). Локализмъ, какъ теорія, стремящаяся выяснитъ основное значеніе падежей исключительно пространственными отношеніями, вызвала вскорѣ послѣ своего появленія справедливыя возраженія. Я не буду здѣсь ссылаться на отдѣльныя нѣмецкія сочиненія, сошлюсь на русскій трудъ — Попова (Синтаксич. изслѣдованія . . .), который также принадлежалъ къ противникамъ этой теоріи. Въ изложеніи творительнаго падежа у Миклошича наиболѣе ясно сказалось стремленіе изслѣдователя опредѣлитъ основныя функціи падежа и этимъ функціямъ придано особенное значеніе. Болѣе отдаленнымъ отъ основныхъ функцій творительнаго падежа Миклошичъ считалъ творительный предикативный, при объясненіи котораго онъ, какъ и Вуслаевъ, впалъ въ крупную ошибку — считая творительный болѣе первоначальнымъ, чѣмъ именительный, и въ употребленіи его видя лишь остатки древности (ошибочность даннаго взгляда вполне наглядно выяснена Потемнею).

Во 2-й главѣ (относительно глагольныхъ формъ) прежде всего бросается въ глаза то, что отчасти сказывалось и раньше : Миклошичу приходится повторяться, говорить о томъ, о чемъ онъ говорилъ въ I половинѣ своей книги (такъ, напр., въ первыхъ раздѣлахъ 1-й главы снова говорится о согласованіи, о гл. *есть*, употребляемомъ при разныхъ лицахъ и пр.). Отсюда уже можно сдѣлать заключеніе о неудобствѣ плана изложенія и дѣленія синтаксиса у Миклошича.

Говоря прежде всего въ общихъ чертахъ о временахъ глагола, Миклошичъ отрицательно относится къ мысли, высказанной Аксаковымъ, что въ русскомъ глаголѣ время нѣтъ, и здѣсь же высказывается за болѣе правильный взглядъ относительно того, что глаголы разныхъ видовъ въ сущности разные глаголы. Миклошичъ оправдываетъ далѣе свой синтаксисъ въ томъ, что послѣдній не заключаетъ въ себѣ ученія о сложномъ предложеніи (769—770). Происходитъ это въ силу основного воззрѣнія Миклошича на синтаксисъ, которое было высказано имъ въ началѣ труда. Элементы сложнаго предложенія, части его, разсматриваются въ извѣстныхъ отдѣлахъ, сложное предложеніе сводится къ простому, простое къ своимъ элементамъ. Придаточныя предложенія не отличаются, по Миклошичу, отъ главныхъ : союзы не производятъ никакого измѣненія, роль союзовъ подобна роли предлоговъ ; слѣдовательно, тѣ же наклоненія, которыя связываются съ придаточными предложеніями, употребляются и въ самостоятельныхъ предложеніяхъ (изъ коихъ вышли придаточныя). Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, правильныхъ въ своей основѣ, забыто только то, что сложное предложеніе имѣло долгое время уже самостоятельное существованіе ; въ этомъ періодѣ самостоятельнаго существованія происходили разнообразныя измѣненія, объяснять которыя ранѣе существовавшими основными элементами невозможно. Въ силу этого является полная необходимость и въ самостоятельномъ изученіи сложнаго предложенія.

Говоря о настоящемъ времени глаголовъ, Миклошичъ въ § 2 замѣчаетъ, что нерѣдко настоящее время глаголовъ *durativ'ныхъ* имѣетъ значеніе будущаго времени и значеніе этого основывается не на существѣ глагола, а на живости представленія. Подобное объясненіе вовсе ничего не объясняетъ, да и въ существѣ своемъ оно невѣрно: причину необходимо искать въ томъ, что нѣкоторые глаголы, въ настоящее время *durativ'ные*, могли быть не таковыми раньше. Такія выраженія, какъ прыгъ, скокъ и пр., употребляющіяся для живости, Миклошичъ сближаетъ съ повелительнымъ наклоненіемъ.

На дальнѣйшемъ изложеніи глагольныхъ формъ останавливаться не буду. Нельзя сказать, чтобы отдѣлъ этотъ былъ особенно разработанъ у Миклошича. На неполноту этого отдѣла обратилъ вниманіе въ своей рецензій на синтаксисъ Ягичъ въ *Archiv'ъ für slavische Philologie* I, 420—1, находя причину этого (не совсѣмъ правильно) въ самомъ славянскомъ глаголѣ. На нѣкоторыхъ особенностяхъ этого отдѣла я останавливаюсь въ очеркѣ, посвященномъ разсмотрѣнію трудовъ по русскому синтаксису А. А. Потебни.

Разсмотрѣніе синтаксиса Миклошича вполне можетъ убѣдить, что трудъ этотъ далеко не является только собраніемъ матеріала. Каждый затронутый вопросъ освѣщается прежде всего данными имѣвшейся научной литературы. Изложеніе нѣкоторыхъ вопросовъ и ихъ разработка придастъ труду видъ отдѣльныхъ изслѣдованій. Недаромъ же Миклошичъ и внесъ въ свой синтаксисъ эти частичныя изслѣдованія, чѣмъ отчасти нарушилъ внѣшнюю гармонію, перспективу общей синтаксической схемы. Крупной ошибкой Миклошича было именно пренебреженіе, или, лучше сказать, игнорированіе предложенія и какое то стремленіе къ детальной классификаціи частныхъ. Мы не видимъ поэтому здѣсь какъ бы жизни языка, не дается такого конкретнаго представленія языковыхъ явленій, какъ, напр., то находимъ у Потебни. Какъ ни старался Миклошичъ вообще избѣ-

жать анализа предложенія, какъ ни старался обосновать свое подобное отношеніе, но прибѣгать иногда къ предложенію онъ вынужденъ былъ, хотя и невольно. Не только по матеріалу, но и по изложенію различныхъ вопросовъ синтаксисъ Миклошича важень до сихъ поръ. Я бы не сказала, впрочемъ, какъ высказался ак. Ягичъ, что матеріаль, приводимый Миклошичемъ еще надолго будетъ основой для дальнѣйшихъ изслѣдованій. По моему, этотъ матеріаль можетъ быть лишь исходною точкою, но не болѣе: самъ матеріаль при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ необходимо долженъ быть значительно увеличенъ, что и доказали уже изслѣдованія А. А. Потебни, въ которыхъ мы находимъ не только углубленіе въ тотъ или иной вопросъ, но и значительное расширеніе матеріала (въ послѣднемъ отношеніи особенно нужно указать на III ч. „Изъ зап. по рус. грам.“). Нельзя не замѣтить и того, что въ трудѣ Миклошича есть все же, несмотря на стремленіе М. къ классификаціямъ, какая то въ общемъ и въ частностяхъ неупорядоченность: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между отдѣльными параграфами, сказывается чисто механическая связь; само общее дѣленіе синтаксиса на 2 половины внесло въ изложеніе повторяемость. Если и теперь синтаксисъ Миклошича имѣетъ значеніе особенно въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, то нечего и говорить о его историческомъ значеніи. Это историческое значеніе тѣмъ болѣе отгѣняется, если мы вспомнимъ, какими часто началами руководились общіе труды по грамматикѣ, предшествовавшіе труду Миклошича.

Кромѣ отмѣченныхъ чертъ синтаксиса Миклошича, можетъ обращать на себя вниманіе еще одна черта — предпочтеніе, которое онъ отдавалъ матеріалу изъ народнаго творчества. Самъ Миклошичъ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ матеріалѣ могло менѣе сказаться заимствованіе, такимъ образомъ данный матеріаль болѣе оригиналенъ и слѣдовательно болѣе цѣненъ для изслѣдователя. Не менѣе, впрочемъ, цѣненъ въ данномъ случаѣ

и матеріалъ литературной рѣчи, и если Миклошичъ не использовалъ во многомъ имѣющаго здѣсь матеріала, то простекало это, по всей вѣроятности, изъ той вполне понятной причины, что подобный матеріалъ требовалъ предварительнаго анализа, а этого анализа еще не было сдѣлано.

Признавая за трудомъ Миклошича большое значеніе, я не думаю, однако, чтобы въ настоящее время изслѣдователь, берущійся за задачу составленія труда, подобнаго труду Миклошича, пользовался бы только тѣми приемами и общимъ методомъ изслѣдовація, каковыя находимъ у Миклошича. Какъ я сказалъ вначалѣ, огромное значеніе Миклошича предъ наукой въ его отношеніи къ изслѣдованію языковыхъ явленій — исходить изъ формъ. Подобный приемъ въ связи съ большимъ сравнительнымъ матеріаломъ далъ возможность Миклошичу дѣлать частныя очень цѣнныя наблюденія и выводы, но вмѣстѣ съ тѣмъ этого было совершенно недостаточно для построенія огромнаго зданія славянскаго синтаксиса. Для этого прежде всего недоставало послѣдовательнаго проведенія въ работу того проникновенія въ психику языковъ отдѣльныхъ народностей, которое замѣчается въ позднѣйшихъ частичныхъ трудахъ по синтаксису. Недоставало также послѣдовательно проведеннаго анализа съ исторической точки зрѣнія измѣненій различныхъ языковыхъ явленій. Только соединеніе постановки синтаксическаго изслѣдовація на психологической почвѣ съ широкимъ сравнительно-историческимъ методомъ могло бы придать полную жизненность дѣлаемымъ выводамъ. Только пониманіе синтаксическаго явленія въ его настоящемъ можетъ пролить свѣтъ на данное явленіе въ прошломъ. Высказывая это, я долженъ прибавить, что и теперь для построенія синтаксиса на указанныхъ широкихъ началахъ даны лишь частичные матеріалы.

Изъ сказаннаго мы можемъ уже видѣть, что подъ „исторіей разработки синтаксиса“ приходится подразумѣ-

вать не только труды, трактующіе о строѣ предложенія, о законахъ сочетанія отдѣльныхъ словъ, но и трактующіе о разрядахъ словъ, о формахъ и значеніи послѣднихъ. Если до сихъ поръ нѣтъ прочно установленнаго пониманія термина „синтаксисъ“, то немудрено, что изслѣдователи часто не ограничиваютъ строго рамокъ своихъ трудовъ, да и часто трудно бываетъ сдѣлать подобное ограниченіе. Конечно, систематика — дѣло огромной важности. Всякая наука должна начинаться съ самоопредѣленія. И если „синтаксисъ“ не можетъ указать свои строго ограниченные предѣлы, то причина этого прежде всего въ томъ, что синтаксисъ линія часть болѣе обширной науки — языковѣдѣнія, части какового, слинкомъ близкія между собою, могутъ не только соприкасаться, сливаться, но какъ бы и входить другъ въ друга. Думается, что при разъясненіи понятія „синтаксисъ“ не такъ важны точныя границы подлежащаго матеріала, а важно опредѣленіе той точки зрѣнія, каковой долженъ руководиться синтаксисъ. И Беккеръ изучалъ предложеніе, и новѣйшіе ученые изучаютъ то же предложеніе, но какая разница! Прежде всего главное отличіе послѣднихъ, что они исходятъ при изученіи изъ самого языка, отъ слова, а не отъ абстракцій. Миклоничъ иначе ставитъ свои синтаксическія изслѣдованія, чѣмъ Потѣбня, а между тѣмъ точекъ соприкосновенія у нихъ очень много, потому что изученіе языка у нихъ основывается только на языкѣ, а не на различныхъ отвлеченіяхъ. Если обратимся къ упомянутому ранѣ труду Риса „Was ist Syntax“, то увидимъ, что изслѣдователю, специально занявшемуся систематикой грамматики, не удалось выработать яснаго и отчетливаго представленія о синтаксисѣ. Отыскивая для каждаго отдѣла грамматики извѣстный центръ, своего „героя“, Рись дѣлитъ грамматику на три большихъ отдѣла: 1. ученіе о звукѣ, 2. о сочетаніи звуковъ, 3. о сочетаніи словъ. И въ сущности, для „сочетанія словъ“ мы не находимъ у Риса особаго „героя“,

какъ въ первыхъ двухъ отдѣлахъ. Если первый отдѣлъ совершенно ясенъ — фонетика, если разсматривая детальное разграниченіе второго отдѣла, мы также ясно представляемъ, что вкладываетъ изслѣдователь въ создаваемыя рамки, то этого совершенно нельзя сказать о третьемъ отдѣлѣ. Вотъ сдѣланное Рисомъ разграниченіе (стр. 83—84):

Ученіе объ отдѣльномъ словѣ: 1. О формѣ словъ: разряды словъ (съ формальной точки зрѣнія); ученіе о флексіи. 2. О значеніи: словъ (сюда входятъ синонимика и лексич. семасіология), разрядовъ словъ и формъ словъ.

Изъ этого можно ясно представить, чѣмъ должно заниматься ученіе объ отдѣльномъ словѣ, хотя здѣсь уже замѣчается переходъ и въ дальнѣйшую область. Теперь, если посмотримъ на задачи синтаксиса — ученія о сочетаніи словъ, то его область: 1. о формѣ сочетаній словъ, 2. о значеніи сочетаній словъ. Получается безграничное поле. Другое дѣло, если бы Рисъ сказалъ, что „героемъ“ синтаксиса является предложеніе, то получилась бы опредѣленность, цѣльность, но самъ онъ противъ этого, противъ пониманія синтаксиса какъ ученія о предложеніи. Рисъ замѣчаетъ (47), что нельзя сдѣлать такое сопоставленіе: звукъ — слово — предложеніе, что это сопоставленіе подобно такому: Wohnraum — Haus — Stadt (an Stelle von „bewohnter Ort“ überhaupt, хотя на самомъ дѣлѣ это сравненіе нѣсколько невѣрно) и приходитъ къ такому сопоставленію: звукъ — слово — сочетаніе словъ (Laut — Wort — Wortgefüge). Считаая, что опредѣленіе предложенія взято изъ логики, Рисъ замѣчаетъ, что уже признана невѣрность этого опредѣленія, и необходимо отказаться отъ пониманія синтаксиса какъ ученія о предложеніи. На это можно возразить, что стремятся дать и опредѣленіе предложенія болѣе грамматическаго характера (насколько вѣрно — другой вопросъ). Съ другой стороны, трудно замѣнить пониманіе синтаксиса какъ ученія о предложеніи — ученіемъ о сочетаніи словъ, вотъ еще почему.

Куда мы отнесем „безсубъектныя“ предложенія, вѣдь въ нихъ сочетанія словъ нѣтъ. Иногда одно слово служить „предложеніемъ“, опять куда отнести подобное слово? Удовлетвориться черезчуръ простымъ разрѣшеніемъ данныхъ недоумѣній: не принимать подобные обороты при дѣленіи грамматики въ расчетъ, какъ совѣтуетъ Рись, конечно, нельзя. Отсюда выходитъ, что выдвигаемое Рисомъ „сочетаніе“ словъ не можетъ играть исключительной роли.

II.

Beiträge zur slavischen Syntax (Wien 1899) ак. Ягича представляютъ неоконченныя, къ сожалѣнію, лекціи. Въ этомъ своемъ трудѣ съ присущей себѣ живостью авторъ излагаетъ главнѣйшіе вопросы синтаксиса простого предложенія. Прежде всего ак. Ягичъ даетъ очень краткое обзорѣніе трудовъ по синтаксису славянскихъ языковъ, въ общихъ чертахъ характеризуетъ нѣкоторые изъ нихъ. Ак. Ягичъ выбираетъ совершенно вѣрный путь, слѣдуя принципу, выставленному Потребнею, въ противоположность Миклоничу, о необходимости при изученіи синтаксиса исходить изъ изученія предложенія. Ягичъ защищаетъ эту точку зрѣнія, выставленную также уже древними грамматиками. Въ сравнительномъ синтаксисѣ Дельбрюка онъ видитъ отступленіе къ точкѣ зрѣнія Миклонича, несмотря на то, что Дельбрюкъ смотрѣлъ на синтаксисъ Миклонича лишь какъ на собраніе матеріала. Въ то же время Дельбрюкъ измѣнилъ здѣсь тѣмъ основамъ, которыя были заложены въ его синтаксисѣ древне-индусскаго языка. Основой предложенія ак. Ягичъ считаетъ *verbum finitum* и согласно съ Потребнею такіе примѣры, какъ *хочу* и *пр.*, считалъ безсубъектными (строго грамматически). Такіе примѣры, какъ „п о ж а р ь!“ онъ считаетъ образовавшимися благодаря особымъ причинамъ — возбужденному состоянію, испугу и пр., при чемъ отсутствующій глаголь замѣняется жестомъ, мимикой и пр.

Видѣть въ подобныхъ предложеніяхъ своего рода предложенія первоначальнаго типа, какъ выставлялъ то Поповъ въ своихъ синтаксическихъ изслѣдованіяхъ, Ягичу не позволяютъ совершенно справедливыя соображенія о томъ, что цѣлый рядъ другихъ подобныхъ предложеній вполне ясно указываетъ на позднѣйшее происхожденіе. Такъ можно привести примѣры, гдѣ не только въ подобномъ положеніи находится падежъ именительный, но и падежи косвенные, напр.: „ч а ю!“ — ясно говорящія о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сокращеніями прежде полныхъ предложеній. Такимъ образомъ во всемъ этомъ разсужденіи мы находимъ изложеніе мыслей Потебни. Въ вопросѣ о безсубъектныхъ предложеніяхъ ак. Ягичъ придерживается мнѣнія Бенфея, что съ теченіемъ времени число безсубъектныхъ оборотовъ въ индоевропейскихъ языкахъ увеличивается. Въ этомъ случаѣ Ягичъ приводитъ соображенія общаго и частнаго характера противъ мнѣнія Миклонича. Приведя примѣры наиболѣе характерныхъ безсубъектныхъ предложеній изъ различныхъ славянскихъ языковъ, Ягичъ не задается вопросомъ объ анализѣ происхожденія того или иного оборота.

Замѣчая наклонность въ русскомъ языкѣ къ развитію безсубъектныхъ предложеній, Ягичъ проводитъ въ данномъ случаѣ параллель съ развитіемъ предложеній, выраженныхъ номинальными формами и предложеній, выраженныхъ неопределеннымъ наклоненіемъ. Конечно, можно подмѣчать аналогію съ безсубъектными предложеніями въ предложеніяхъ — быть по сему и пр., аналогію въ наклонности языка къ устраненію обозначенія лицъ, но подобное сходство трудно признать съ оборотами, въ которыхъ въ качествѣ прошедшаго времени выступаютъ формы бывшаго такъ называемаго 2-го причастія прошедшаго времени: это причастіе врядъ ли въ настоящее время, принимая во вниманіе его синтаксическое употребленіе, можно относить къ номинальнымъ формамъ.

Ягичъ затрудняется назвать безсубъектными предло-

женіями предложенія типа: есть люди, зубы. Онъ не соглашается также видѣть въ формахъ люди, зубы и пр. винительный падежъ, не соглашается такимъ образомъ съ мнѣніемъ Миклонича, не принимаетъ его предположенія, что отрицательныя предложенія, какъ нѣтъ сестры и данныя польскаго языка *jest para osób* и пр., могли бы указывать на первоначальность оборотовъ съ винительнымъ падежомъ въ оборотахъ утвердительныхъ. Наряду со всѣмъ этимъ Ягичъ выдвигаетъ любопытный матеріалъ по употребленію глагола *имѣти* въ формахъ *има* и *нема*. Послѣ *нема*, какъ и послѣ *нѣтъ*, употребляется родительный падежъ, послѣ же формы *има* въ сербскомъ яз. употребляется винительный и именительный падежи, т. е. форма эта сохраняетъ свои основныя функціи управленія, а затѣмъ вторгается и въ область вспомогательныхъ глаголовъ. Это даетъ возможность, мнѣ кажется, выставить и такое предположеніе, не заимствовалъ ли вспомогательный глаголь въ формахъ своихъ *есть*, *је* въ свою очередь функціи глагола *имѣти*? Рѣдкіе примѣры, какъ сербс. *ниједна корист није*, могли бы указывать на возможность первоначальныхъ оборотовъ съ отрицаніемъ и постановкой именительнаго падежа. Правильное замѣчаніе дѣлаетъ Ягичъ, что такія формы, какъ *надобно*, *надо*, *должно*, *слѣдуетъ*, *подобаеть*, *моѣпа*, *па леѣу*, *вурата*, *трзѣва* и пр. нельзя относить къ безсубъектнымъ, потому что сами по себѣ эти формы не образуютъ предложенія, требуютъ для дополненія инфинитивъ, къ которому собственно являются вспомогательными глаголами, своего рода глаголомъ быть. Но, въ то же время, какъ замѣчаетъ Ягичъ, глаголь *быть* въ значеніи существованія, владѣнія является безсубъектнымъ. Какъ мы видѣли, однако, и по отношенію къ послѣднимъ значеніямъ приходится отмѣчать случаи, когда этотъ глаголь не является безсубъектнымъ.

Говоря о подлежащемъ и вполне правильно указывая на сохраненіе мѣстоименій въ качествѣ подлежащаго

благодаря главнымъ образомъ прошедшему времени (гдѣ подобныя мѣстоименія были нужны), ак. Ягичъ замѣчаетъ, что обороты съ подлежащимъ мѣстоименіемъ 2-го лица замѣняютъ иногда обороты пассивные, напр.: *на до хвалить*, а то обидишь; *на до думать*, о чемъ говоришь и пр. Здѣсь правильнѣе было бы говорить о безсубъектныхъ предложеніяхъ, выработавшихся изъ личныхъ оборотовъ.

Въ отдѣлѣ vom Substantiv, мнѣ кажется, не особенно ясно представлена разница между существительнымъ и прилагательнымъ. Причина этой неясности заключается въ привнесеніи въ совершенно правильный взглядъ на исторію происхожденія этихъ частей рѣчи взгляда, отражающаго обыкновенныя грамматическія представленія о прилагательномъ или, можетъ быть, лучше сказать привнесеніе понятія о современномъ прилагательномъ, какъ части рѣчи. Древности не всегда удавалось различеніе существительнаго отъ прилагательнаго, это было вполне понятно. Происхожденіе было общее и говоря о первоначальности нельзя сказать, примѣняясь къ современнымъ частямъ рѣчи, что существительное было первоначальнѣе, чѣмъ прилагательное, которое-де уже представляло изъ себя извѣстную абстракцію. Въ нашемъ прилагательномъ, конечно, дѣйствіе этой абстракціи неоспоримо. Само же первоначальное существительное-прилагательное имѣло въ своей основѣ отчасти свойство прилагательнаго, т. е. обозначеніе предмета посредствомъ какого либо его болѣе или менѣе постоянного качества, свойства, поражающаго впечатлѣніе челоуѣка. Отсюда станетъ понятнымъ существованіе существительныхъ, измѣняющихся по родамъ, станетъ понятнымъ измѣненіе по родамъ именъ прилагательныхъ, на первый взглядъ вызывающее недоумѣніе. Не останавливаясь подробно на выясненіи вопроса о родѣ именъ существительныхъ, Ягичъ даетъ рядъ любопытныхъ примѣровъ и сопоставленій изъ славянскихъ языковъ относительно выраженія того

или другого рода въ существительныхъ. Останавливаетъ вниманіе данное здѣсь объясненіе женскаго рода въ словѣ слуга. Миклошичъ затруднялся, что примѣнить въ данномъ случаѣ — зависѣлъ ли родъ отъ того, что со словомъ связывалось представленіе женскаго рода или этотъ родъ образовался въ силу позднѣйшей аналогіи съ другими существительными на а. Ягичъ обращаетъ вниманіе на то, что слово это первоначально обозначало *Bedienung*, какъ и показываетъ русс. прислуга, сербо-хорв. послуга. Ягичъ въ параллель приводитъ такіе примѣры, какъ: добрыня, глупыня, старина, лепота, *mladota*, *chudoŭa* и пр. Особенно подходятъ такіе, какъ указ. чешск. *mladota* въ значеніи юности, *holota* въ смыслѣ бѣднаго люда, и нѣк. др. въ такомъ же родѣ. Отмѣтить необходимо, что ак. Ягичъ, пользуясь матеріаломъ, приводимымъ у Миклошича, даетъ и новые примѣры. Эта сторона, т. е. новизна матеріала, отличаетъ и другіе отдѣлы настоящаго труда, такъ, между прочимъ, Ягичъ вводитъ и матеріалъ изъ нѣкоторыхъ произведеній новой русской литературы (напр. Островскаго, Гончарова, Тургенева и др.).

Относительно прилагательныхъ Ягичъ опровергаетъ неправильное мнѣніе Миклошича, что прилагательныя переходятъ въ имена существительныя только посредствомъ извѣстныхъ суффиксовъ. Указывается цѣлый рядъ примѣровъ, когда прилагательныя имѣютъ значеніе именъ существительныхъ. Особенно характерны примѣры здѣсь даетъ польскій языкъ. Въ данномъ случаѣ мнѣніе Ягича приближается къ тому, что высказано Потемнею въ III т. „Изъ зап. по рус. грам.“, гдѣ Потемня сильнѣе отгѣняетъ субстанціанальность такихъ примѣровъ, какъ битъ небитаго везеть, въ противоположность ранѣ высказанному своему мнѣнію во II т. „Изъ зап.“.

Сначала о существительномъ, прилагательномъ, затѣмъ въ отдѣлѣ *von Numerales* не только о числительномъ, но и

о другихъ частяхъ рѣчи Ягичъ говоритъ подѣ угломъ зрѣнія „субъекта въ предложени“. Изложеніе въ концѣ является крайне скомканнымъ, такъ, напр., о мѣстоименіи говорится почти въ самомъ концѣ и лишь въ нѣсколькихъ словахъ. Подобный планъ изложенія, принимая именно уголъ зрѣнія, подѣ которымъ разсматривается вопросъ, трудно признать правильнымъ. Затѣмъ и числительное и мѣстоименіе должны были бы быть разсортированы между существительными и прилагательными, да и послѣднія части рѣчи должны были бы быть какъ либо объединены той субстантивностью, которая требуется отъ подлежащаго.

Употребленіе звательнаго падежа въ качествѣ именительнаго въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ Ягичъ объяснялъ еще ранѣе (въ *Knjževnik* II, 180) требованіями метрики. Это мнѣніе вызвало возраженіе Миклошича, а затѣмъ другое еще объясненіе было дано Потебнею, основывавшееся на психологической почвѣ. Послѣдній, разбирая подобную же замѣну въ поэзіи малорусской, указывалъ, кромѣ требованій метрики, на особое чувство, чувство пѣвцовъ къ воспѣваемому предмету, заставлявшее ихъ пѣть о немъ, какъ о близкомъ предметѣ. Ягичъ не соглашается съ данными соображеніями Потебни, хотя нельзя сказать, чтобы въ доказательство своего несогласія привелъ онъ сильные доводы (такими, по моему, не являются указанія на то, что въ звательномъ падежѣ ставились не только имена, названія тѣхъ предметовъ, которые дѣйствительно могли почему-либо вызывать симпатіи пѣвцовъ, что въ звательномъ падежѣ, или, вѣрнѣе, въ формѣ звательнаго падежа, ставились и названія предметовъ, которые не вызывали никакихъ чувствъ у пѣвцовъ; въ подобныхъ случаяхъ могли дѣйствовать и иные факторы: вліяніе аналогіи, требованія той же метрики, на вліяніи которой такъ настаиваетъ ак. Ягичъ).

Въ отдѣлѣ „*das Prädicat im Satze*“ ак. Ягичъ оставливается на употребленіи ф. есть въ примѣненіи къ различнымъ лицамъ, даетъ довольно много примѣровъ упо-

требленія двойственнаго числа въ славянскихъ языкахъ, говорить о согласованіи по значенію. Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ пять ихъ сгорѣло, онъ не видитъ потери согласованія, потому что на форму пять смотритъ какъ на винительный падежь; въ этомъ случаѣ онъ не соглашается съ Миклошичемъ, который замѣчаетъ, что признанію подобныхъ предложений безсубъектными и признанію формы пять винительнымъ падежомъ препятствуютъ такіе примѣры, какъ *hromada jich tu bylo*. Ак. Ягичъ возражаетъ противъ послѣдняго, что и *hromada* это позднѣйшій именительный падежь вмѣсто винительнаго. Относительно послѣдняго врядъ ли можно согласиться съ Ягичемъ (впрочемъ, какъ и съ мнѣніемъ Миклошича): вѣроятно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ измѣненіемъ *byla* въ *bylo*, а не съ измѣненіемъ *hromadu* въ *hromada*. Въ то же время Ягичъ очень кстати говоритъ здѣсь о близости винительнаго и именительнаго падежей, такъ во множ. ч.: есть травы, есть цвѣты и пр. (на то же указываютъ и нѣкоторыя другія данныя).

Здѣсь необходимо отмѣтить приведенный матеріалъ, самостоятельно извлекаемый Ягичемъ изъ различныхъ памятниковъ. Здѣсь же дается слѣдующее объясненіе вопроса, надъ выясненіемъ котораго останавливались многіе — о появленіи подобныхъ сочетаній, какъ три, четыре чело-вѣка. *Dieser Uebergrieff steht im Zusammenhang mit der Auffassung der Zahlwörter три-четыре als echter Adjectiva auf gleicher Linie mit два (38)*. Я думаю, что подобный переходъ случился уже въ то время, когда два понималось не въ смыслѣ прилагательнаго, а уже въ смыслѣ существительнаго, извѣстной субстанціи, приближаясь въ данномъ отношеніи къ числительнымъ пять, шесть и пр. Трудно считать въ настоящее время окончаніе въ словѣ раба при три, четыре остатками двойственнаго числа. Необходимо, думается, выдвинуть здѣсь слѣдующее соображеніе, которое можетъ освѣтить этотъ до сихъ поръ необъясненный пере-

ходъ. Числительныя три, четыре ранѣе согласовывались съ послѣдующимъ существительнымъ; заимствуя изъ другихъ сочетаній постановку падежа безъ согласованія, эти числительныя тѣмъ самымъ выигрывали въ субстантивности, изъ области прилагательныхъ переходили въ область существительныхъ. Тѣ измѣненія, которыя происходили съ числительными два, оба въ отношеніи ихъ соединеній съ послѣдующими существительными, показывали, что и эти числительныя завоевывали постепенно субстантивность.

Считая правиломъ для прежняго строя предложенія въ славянскихъ языкахъ постановку предиката-прилагательнаго и причастія въ именной формѣ, Ягичъ указываетъ рядомъ примѣровъ на тѣ отклоненія, которыя произошли особенно въ чешскомъ и польскомъ языкахъ, гдѣ предпочитаютъ въ данныхъ случаяхъ сложныя формы. То объясненіе, которое нашелъ Ягичъ въ нѣкоторыхъ польскихъ грамматикахъ относительно получающейся разницы въ смыслѣ при употребленіи сложнаго или простаго прилагательнаго въ предложеніи, вполне можетъ быть примѣнимо и къ русскому языку (форма именная обозначаетъ нѣчто болѣе преходящее, форма сложная — качество болѣе постоянное). Вполнѣ, поэтому, можно согласиться съ ак. Ягичемъ, когда онъ примѣняетъ данное объясненіе къ такимъ примѣрамъ, какъ походка его небрежна и походка его небрежная (т. е. онъ имѣетъ небрежную походку). Въ то же время, такіе примѣры, какъ платье у нея бѣлое, можно объяснить вліяніемъ фразы: у нея бѣлое платье. Въ данномъ случаѣ неправъ былъ Потебня (II, 175—6), исходя изъ необходимости предположенія подобныхъ процессовъ: руки у нея бѣлыя изъ: руки у нея — руки бѣлыя. Справедливо было сомнѣніе самого Потебни въ возможности доказать подобное предположеніе. Въ дальнѣйшемъ, затрогивая вопросъ о случаяхъ несогласованія предиката съ субъектомъ (несклон. прилаг. соугоубъ, близъ; сравнитель-

ная степень и пр.), Ягичъ останавливается и на такихъ любопытныхъ примѣрахъ, какъ умъ хорошо, а два лучше, и объясняетъ изъ умъ хорошая вещь. Но это краткое объясненіе не можетъ удовлетворить насъ, особенно если вспомнимъ тѣ возраженія, которыя были представлены противъ подобнаго объясненія, находившаго себѣ приверженцевъ и до ак. Ягича.

Въ *Prädicativer Zusatz im Instrumental* Ягичъ даетъ картину разнаго употребленія номинальнаго предиката въ славянскихъ языкахъ, отмѣчаетъ неправильность взгляда Миклошича на взаимоотношеніе предиката въ именительномъ падежѣ къ предикату въ падежѣ творительномъ. Ягичъ въ этомъ случаѣ примыкаетъ къ Потební; онъ говоритъ о постепенномъ развитіи творительнаго падежа по аналогіи съ такими оборотами, какъ онъ летитъ орломъ и пр. Миклошичъ былъ совершенно неправъ, по мнѣнію Ягича, когда говорилъ, что употребленіе творительнаго падежа вытѣснялось постепенно употребленіемъ падежа именительнаго подѣ влияшемъ классическихъ языковъ. Особенно противъ этого говоритъ польскій языкъ, находившійся подѣ сильнымъ влияшемъ „европеизма“ и между тѣмъ особенно сильно разившій творительный предикативный.

Совершенно правильнымъ представляется мнѣ развитіе мысли, что предложенія, какъ онъ добръ и пр., безъ связки, не были первоначально таковыми; убѣдительною является параллелизація въ данномъ случаѣ употребленію прошедшаго времени съ вспомогательнымъ глаголомъ и безъ вспомогательнаго глагола и затѣмъ вполне понятно предпочтеніе въ смыслѣ первоначальности отдаваемое современнымъ сербскимъ оборотамъ со связкою.

Проводимая мысль въ „*Particip als Prädicat*“ о предикативности причастій является заимствованной Ягичемъ у Потební. Ягичъ указываетъ на совершенно неправильное освѣщеніе у Миклошича тѣхъ предложеній, въ которыхъ причастіе выступаетъ въ качествѣ самостоятельнаго сказуе-

маго. Ягичь стоять за полную оригинальность оборотовъ, въ которыхъ частью предиката выступаютъ причастія (бѣ бо оуча и пр.; такимъ образомъ Ягичь и здѣсь высказывается противъ мнѣнія Миклошича). Мнѣ кажется, что для выясненія исторіи образованія оборотовъ типа — бѣ оуча важны такіе обороты, какъ: прѣ бы трыпм, стаща около града бьюче се и пр., т. е. такіе обороты, въ которыхъ нѣтъ вспомогательнаго глагола и въ которыхъ глаголь-сказуемое начинаетъ постепенно по значенію приближаться къ вспомогательному глаголу. При глаголахъ съ конкретнымъ значеніемъ постановка причастной формы вполне понятна; вполне понятно, если эта форма остается, когда глаголь постепенно переходитъ въ область глаголовъ вспомогательныхъ. Рѣдкое употребленіе причастій на въ, въ ши въ подобныхъ случаяхъ, мнѣ кажется, также легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что обозначеніе времени причастіемъ при выраженіи этого времени формою глагола-сказуемаго было, въ сущности, лишнимъ. На отсутствіи необходимости обозначать причастными формами въ подобныхъ случаяхъ временные отгѣнки основывается, мнѣ думается, смѣшеніе въ древне-ц. слав. языкѣ причастій па *мъ* и *нъ*, а также и потеря въ причастіи прошедшаго времени страдательнаго залога его причастнаго характера и обращеніе въ прилагательное.

Останавливаясь на развитіи подобныхъ предложеній, какъ нѣсть просм — нѣсть къ то просм, Ягичь замѣчаетъ, что древне-церк. сл. яз. пошелъ въ этомъ случаѣ далѣе греческаго, а именно придаточныя предложенія греч. яз., имѣющія глаголь въ изъявительномъ наклоненіи, передаются въ др. ц. сл. также иногда предложеніями съ причастными формами: *αἴρεις δὲ οὐκ ἔθνησας* — въ землехъ его же не положь . . .

Въ послѣднемъ отдѣлѣ „*das Verbum voller Aussage im Prädicat*“ ак. Ягичь уже болѣе входитъ въ область морфологии и семазіологии, именно останавливается на вопросѣ

о видахъ глагола. Терминъ „виды“. Ягичъ не употребляетъ. Въмѣсто „вида“ у него выступаютъ перфективность и имперфективность глаголовъ. Это свойство, эту категорию онъ называетъ самой общей изъ свойствъ глагола. Ueber diesen Kategorien (т. е. залогами, временемъ, лицомъ, числомъ) schwebt eine allgemeinere, die Art des Thuns oder Seins, das durch die Bedeutung des Verbums zum Ausdrucke gelangt bezeichnende Eigenschaft . . . (72). Безспорно, что видовые отгѣнки глаголовъ являются чертой, возникшей въ праславянскую эпоху, на что указываетъ различіе видовъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ въ глаголахъ безсуффиксныхъ. Однако, я не могу согласиться съ приведеннымъ мнѣніемъ ак. Ягича, что перфективность и имперфективность представляется болѣе общей категоріей, болѣе общимъ свойствомъ, чѣмъ другія особенности глагола.

Совершенно правильно указывается, что видовые отгѣнки глаголовъ съ теченіемъ времени измѣнялись. Такъ несовершенный видъ могъ выражать длительность простую или интенсивную, поэтому и глаголъ читати при существованіи ранѣе глагола чѣсти обозначалъ длительность интенсивную, теперь же онъ обозначаетъ длительность обыкновенную. Разницей въ видовыхъ отгѣнкахъ теперь и ранѣе въ данномъ глаголѣ объясняется и разница въ видовыхъ отгѣнкахъ современнаго и прежняго глагола прочитати (то же и въ др. глаголахъ сложныхъ). Раньше глаголъ прочитати, какъ образовавшійся изъ глагола интенсивной длительности, сохранялъ видъ несовершенный и былъ конечно аналогиченъ нашему — прочитывати, теперь же прочитати, какъ образовавшійся изъ глагола длительности обыкновенной, представляетъ уже видъ совершенный. Интересны вообще приводимые здѣсь Ягичемъ примѣры колебанія того или другого глагола относительно вида. Въ приводимыхъ данныхъ, сличеніяхъ изъ текстовъ, дается прекрасный матеріалъ, разбираться въ которомъ ак. Ягичъ выказывалъ и выказываетъ замѣчательное умѣніе.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ древне-ц. сл. яз. обнаружилась несомнѣнная видовая двойственность, т. е. однимъ и тѣмъ же глаголомъ выражался совершенный и несовершенный видъ. Въ данномъ случаѣ Ягичъ высказываетъ несогласіе съ мнѣніемъ проф. Ульянова, приписывавшаго указанную двойственность такимъ глаголамъ, какъ глаголати, работати, творити, мѣрити, слышати, бѣжати и нѣк. др. Ягичъ указываетъ на то, что Ульяновъ пользуется въ данномъ случаѣ выраженіями въ зависимыхъ предложеніяхъ (именно приводятся примѣры употребленія данныхъ глаголовъ въ формѣ настоящаго времени для обозначенія будущаго времени въ зависимыхъ предложеніяхъ, чего не наблюдается въ предложеніяхъ независимыхъ). Но подобное указаніе ак. Ягича не можетъ подрывать возможности для нѣкоторыхъ изъ указанныхъ глаголовъ обладанія хотя не въ равной степени двойственностью видовъ. И самъ Ягичъ, доказывая двойственность по отношенію видовъ въ древ. ц. сл. яз. глаголовъ пить и ѣсть, прибѣгаетъ къ указаніямъ на употребленіе этихъ глаголовъ въ зависимыхъ предложеніяхъ. Кажется, болѣе правъ Ягичъ, въ другомъ случаѣ не соглашаясь съ проф. Ульяновымъ. Последній оспариваетъ, по крайней мѣрѣ по отношенію др. ц. сл. языка, что глаголы несоверш. вида (простой длительности) при сложевіи съ предлогами переходятъ въ степень перфективности. Приводимые примѣры Ульяновымъ, въ которыхъ греческому настоящему соответствуетъ настоящее же подобныхъ сложныхъ съ предлогами глаголовъ, немногочисленны и объясняются Ягичемъ ошибками, неточностями, извѣстнаго рода даже измѣненіями. Въ дальнѣйшемъ Ягичъ даетъ цѣлую картину переходовъ одного вида въ другой посредствомъ извѣстныхъ суффиксовъ. Въ заключеніе Ягичъ указываетъ на необоснованность мнѣнія Миклошича, что система глагольныхъ формъ ранѣе была болѣе совершеннѣе, чѣмъ теперь, что настоящія формы представляются какими то остатками прежняго богатства, между тѣмъ несомнѣнно,

что нѣкоторыя формы не только не являются остатками, а результатомъ дальнѣйшаго развитія. Послѣ этого слѣдуютъ еще болѣе частныя замѣчанія на неудачное опредѣленіе у Миклошича перехода глагола изъ одного видоваго отгѣнка въ другой.

Оцѣнивая въ общемъ Beiträge . . . ак. Ягича я бы выдвинулъ прежде всего сказавшуюся и здѣсь способность автора овладѣть излагаемымъ предметомъ, которымъ онъ сравнительно мало занимался, умѣнье живо и ясно представить затронутые вопросы. Взять хотя бы § 7, въ которомъ онъ говоритъ о простѣйшей формѣ предложенія. До чрезвычайности просто излагаются такіе важные вопросы, какъ разница между отношеніемъ логики и грамматики къ предложенію, значеніе глагола въ образованіи предложенія. Стоитъ сравнить этотъ параграфъ и другіе параграфы, напр., съ изложеніемъ подобнаго же въ извѣстной книги Вундерлиха *Der deutsche Satzbau*, чтобы вполне оцѣнить преимущества славянскаго ученаго, чтобы яснѣе представить выставленныя мною характерныя черты труда Ягича. При разсмотрѣніи синтаксическихъ вопросовъ Ягичъ, какъ я уже сказалъ, пошелъ по пути, проложенному Потеню; для него совершенно ясны были преимущества этого пути предъ той дорогой, которую указывалъ Миклошичъ. Выводы, къ которымъ приходилъ Потеня, которые онъ доказывалъ, пользуясь наблюденіями нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ, нѣмецкихъ ученыхъ, легли въ основу нѣкоторыхъ параграфовъ въ данномъ изслѣдованіи Ягича. Частныя наблюденія, какъ мы видѣли, внесъ Ягичъ и отъ себя. Можно пожалѣть только, что трудъ этотъ остался безъ перевода на русскій языкъ: онъ былъ бы прекраснымъ пособіемъ для студентовъ и преподавателей.

III.

Сравнительно недавно изданъ трудъ проф. Вондрака, посвященный синтаксису славянскихъ языковъ — въ его *Vergleichende slavische Grammatik. 2. Band. Formenlehre und Syntax. Göttingen. 1908.* (стр. 260—541).

Въ небольшомъ введеніи проф. Вондракъ опредѣляетъ задачи синтаксиса и части послѣдняго. Задачей синтаксиса является прежде всего изученіе простаго предложенія и его частей, разсмотрѣніе предложенія съ внутренней его стороны (роды предложеній), затѣмъ сложное предложеніе (паратаксисъ, гипотаксисъ) и наконецъ разсмотрѣніе тѣхъ особенностей, которыя свойственны вообще предложенію какъ цѣлому въ формальномъ отношеніи: порядокъ словъ, удареніе въ предложеніи, энклитики и тѣ видоизмѣненія, которыя происходятъ со всѣми частями предложенія. Согласно этому синтаксисъ дѣлится на 3 части: 1. о простомъ предложеніи и его частяхъ, 2. о сложномъ предложеніи, 3. о предложеніи какъ цѣломъ въ формальномъ отношеніи.

По моему, третій раздѣлъ свободно можетъ быть помѣщенъ въ первый и то дѣленіе, которое находится въ другомъ трудѣ проф. Вондрака, синтаксисъ др. церк. слав. яз. (въ *Altkirchenslav. Grammat.*, 265 стр.), представляется болѣе цѣльнымъ. Здѣсь дѣленіе такое: 1. ученіе о частяхъ предложенія, 2. ученіе о предложеніи и 3. ученіе о сочетаніи предложеній.

Естественно, что говоря о синтаксисѣ, какъ объ ученіи о предложеніи, Вондракъ долженъ былъ дать и опредѣленіе предложенія. И вотъ, разбивая свое небольшое введеніе вставкой, онъ въ этой вставкѣ даетъ опредѣленіе. Опредѣленіе предложенія у Вондрака является видоизмѣненіемъ опредѣленія „выраженія“ у Дельбрюка (Д. дѣлаетъ разницу между „выраженіемъ“ и „предложеніемъ“). И вотъ какой видъ получаетъ у Вондрака видоизмѣненная формулировка

Дельбрюка: предложіе есть послѣдовавшее въ членораздѣльной рѣчи выраженіе, которое содержитъ *verbum finitum*, или послѣднее легко и при томъ вполне опредѣленно (позволяю такъ вольно перевести: *in unzweideutiger Weise*) восполняется, и которое говорящему и слушающему представляется связнымъ, законченнымъ цѣлымъ.

Прежде всего опредѣленіе это невѣрно. Если возьмемъ даже сказанное относительно внѣшней стороны предложенія, то увидимъ, что заключающееся здѣсь не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если исторія развитія рѣчи человѣческой предполагаетъ возникновеніе предложенія только въ обществѣ, *plurimum* котораго является, конечно, два лица, то для проявленія предложенія теперь вовсе не требуется два говорящихъ лица. Далѣе, относительно того, что предложеніе должно заключать *verbum finitum* явно или неявно, — но вѣдь можно указать цѣлые ряды предложеній, въ которыхъ нѣтъ и нельзя въ настоящее время подразумевать *verbum finitum*.

Вондракъ возражаетъ противъ мысли, проводимой Дельбрюкомъ, о двучленности предложенія, указывая на безсубъектныя предложенія, первоначальную двучленность которыхъ будто бы невозможно доказать. А между тѣмъ, Вондракъ въ списокъ трудовъ, коими онъ пользовался, обозначаетъ и III т. „Изъ зап. по рус. грам.“ Потемни, который для нѣкоторыхъ безсубъектныхъ предложеній указалъ первоначальную двучленность и проводилъ мысль вообще о двучленности въ первоначальномъ строѣ позднѣйшихъ безсубъектныхъ предложеній. Если съ послѣднимъ можно не соглашаться, то, во всякомъ случаѣ, нельзя быть догматичнымъ и говорить о невозможности первоначальной двучленности безсубъектныхъ предложеній.

„Нормальное предложеніе содержитъ обыкновенно субъектъ и предикатъ; первый можетъ иногда отсутствовать (безсубъектныя предложенія), послѣдній не можетъ отсутствовать, въ крайнемъ случаѣ можетъ отсутствовать только

часть послѣдняго (связка)“. „Субъектъ. Это часть предложенія, о которой что-либо высказывается; это основа высказаннаго“ (261).

И эти опредѣленія снова указываютъ, насколько трудно поддаются обобщенію наблюденія надъ составомъ рѣчи, насколько прежнія ошибки повторяются въ новыхъ трудахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли примѣнять, ставъ на научную почву, примѣнять къ тому или иному предложенію понятія „нормальности“ или „ненормальности“? Затѣмъ, какъ согласовать отсутствіе подлежащаго и то, что подлежащее — основа предложенія, слѣдовательно, безсубъектныя предложенія — предложенія безъ основы? Получается логическая путаница. Болѣе естественны по отношенію къ предложенію термины „полное“ и „неполное“. Въ синтаксисѣ древне-церк. сл. яз. Вондракъ употреблялъ терминъ „полное“, идя, очевидно, вслѣдъ за Шмальцемъ, но въ общемъ и тамъ дается неприемлемое ученіе о предложеніи.

Безсубъектныя предложенія состоятъ, по Вондраку, изъ одного verbum finitum 3-го лица, но относительно нѣкоторыхъ безсубъектныхъ предложеній этого совершенно нельзя сказать. Системы въ классификаціи безсубъектныхъ предложеній у Вондрака нѣтъ, такъ: 1. выраженія относительно явленій природы, 2. физическія или психическія состоянія, 3. при возвратныхъ или пассивныхъ глаголахъ (хотя возвратн. глаголы входятъ въ 1 подраздѣленіе — сербск. *stagli se, oblaći se* и пр.), 4. при есть въ значеніи находится или просто быть въ соединеніи съ числительными и другими словами, 5. при нѣкоторыхъ глаголахъ, которые трудно объединить, 6. при прилагательныхъ (нарѣчіяхъ) или существительныхъ въ соединеніи съ глаголомъ быть.

Такъ какъ трудно искать чего-либо особенно новаго въ смыслѣ матеріала на тѣхъ немногихъ страницахъ, которыя посвящены у Вондрака безсубъектнымъ предложеніямъ (262—267), то можно было бы ожидать извѣстнаго исполъ-

зованія предыдущей разработки даннаго вопроса. Но этого мы не находимъ. Уже изъ указателя тѣхъ пособій, который приложенъ вначалѣ (XII—XIV), мы могли бы дѣлать нѣкоторыя заключенія о незнакомствѣ проф. Вондрака со многими трудами по синтаксису, впрочемъ указатель даетъ перечисленіе тѣхъ пособій, которыя авторъ не цитируетъ въ силу болѣе частаго пользованія ими. Поэтому въ своемъ замѣчаніи я не опираюсь на этотъ указатель, а на самомъ содержаніи труда, на которомъ во многомъ не отразились результаты предыдущей научной разработки, и это я долженъ сказать прежде всего относительно вопроса о безсубъектныхъ предложеніяхъ. Предыдущая разработка безсубъектныхъ предложеній могла бы свободно дать возможность поставить изученіе этого вопроса на болѣе широкую почву. Въ дѣлѣ классификаціи, напр., можно было бы выдвинуть ту попытку которую даетъ въ своей специальной статьѣ проф. Овсяннико-Куликовскій. Важно указаніе послѣдняго на существованіе абсолютно-безсубъектныхъ, относительно-безсубъектныхъ предложеній и переходныхъ формъ. Это дѣленіе прежде всего считается съ исторіей языка, съ его жизнью. Правда, данная классификація не лишена недостатковъ, но она выше предыдущихъ, и Вондраку слѣдовало бы обратить на указываемую статью свое вниманіе, слѣдовало бы, если онъ не пытался продолжить разработку рассматриваемаго вопроса, воспользоваться хотя тѣмъ, что было уже выработано.

Поддерживая мнѣніе Миклошича, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ глаголы соверш. вида удерживаютъ въ формѣ настоящаго времени обозначеніе наступающаго дѣйствія, Вондракъ не даетъ, по моему, удовлетворяющаго объясненія этого. Такъ, объясняя выраженіе: Двина изъ . . . лѣса течетъ и идетъ на полуноптѣ и въидетъ въ море, Вондракъ говоритъ, что здѣсь по аналогіи съ и д е т ь появляется в ѣ н и д е т ь. Если потребовалась бы внутренняя причина появленія подобной формы (въ приведенномъ же объясненіи своемъ Вондракъ видитъ указаніе на внѣшнія причины появленія

разсматриваемой формы), то этой причиною могла бы быть нужда въ формѣ, которая бы выразила наступающее въ настоящемъ дѣйствіе. Мнѣ же думается, что время глагола въ подобныхъ случаяхъ вполнѣ опредѣляется текстомъ фразы. Для Нестора, писавшаго приведенную фразу, вѣнидеть сохраняло извѣстный оттѣнокъ будущаго времени, особенно если строить извѣстную градацію — и деть — вѣнидеть, а затѣмъ необходимо считаться и съ тѣмъ, что оттѣнки видовые теперь и ранѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ неодинаковы. Еще бы можно отчасти согласиться съ тѣмъ, что на пониманіе вѣнидеть въ качествѣ настоящаго времени могло вліять и деть.

Говоря о такихъ предложеніяхъ, какъ онъ бухъ въ воду, Вондракъ не считаетъ ихъ грамматическими предложеніями (274), потому что здѣсь вмѣсто *verbum finitum* только извѣстный корень. Послѣдній взглядъ, конечно, невѣренъ, потому что онъ опять-таки вноситъ нормы, искусственно созданныя. Стремясь установить разницу между имперфектомъ и аористомъ, Вондракъ указываетъ общіе признаки того и другого (въ прошломъ продолжающееся или повторяющееся дѣйствіе; или что произошло, что наступило), и даваемые также частные признаки не представляются рельефными (напр., имперфектъ — въ рассказѣ по большей части въ эпизодѣ, „рисуешь привычки, нравы и пр., — что было“; аористъ — напротивъ, въ главномъ дѣйствіи — что произошло), излишне, мнѣ думается, различаетъ Вондракъ (идя за Мусичемъ, *Rad jugosl.-Ak.*, 112, *Indogerm. Forschun.* V 91 и Дельбрюкомъ *Syntax* II, 286, 343) гиперболическій и гномическій аористы.

На современное прошедшее время нельзя, конечно, переносить значеніе, которое имѣлъ ранѣе перфектъ: „выражаетъ въ настоящемъ результатъ дѣйствія, которое . . .“ (279).

Относительно наклоненій Вондракъ говоритъ, что ими

придается предложенію „психическая окраска“, что въ модальности находить себѣ выраженіе дуневное состояніе говорящаго, его дуневное отношеніе къ дѣйствію. Это старое, въ сущности, опредѣленіе *modi* въ настоящее время представляется болѣе узкимъ, не охватывающемъ того матеріала, который понимается у насъ подъ терминомъ „наклоненія“. Въ самомъ дѣлѣ, и ранѣе уже начали исключать изъ наклоненій неопредѣленное и изъявительное. И Вондракъ находить, что изъявительное наклоненіе не носить на себѣ характерныхъ признаковъ модальности, потому что оно просто что-либо высказываетъ или утверждаетъ, не выказывая психическаго отношенія говорящаго къ дѣйствію. А затѣмъ, пользуясь другимъ, хорошо извѣстнымъ матеріаломъ, который приводится и у Вондрака, мы можемъ указать на многіе примѣры, когда повелительное наклоненіе выступаетъ вмѣсто прошеднаго времени линіи для живости разсказа, слѣдовательно лишается основныхъ чертъ своихъ какъ наклоненія, Вся эта неукладываемость значеній наклоненій въ тѣ рамки, которыя были созданы наблюденіемъ надъ основнымъ значеніемъ, объясняется развитіемъ нѣкоторыхъ сторонъ въ наклоненіяхъ. Въ повелительномъ наклоненіи, кромѣ воли, желанія лица говорящаго, замѣчался еще отгѣнокъ быстроты, живости, и этимъ то воспользовался языкъ при замѣнѣ прошеднаго времени повелительнымъ наклоненіемъ. На выдѣленіи извѣстныхъ отгѣнковъ и основано смѣненіе, замѣна одного наклоненія другимъ. Для изслѣдователя здѣсь открывается богатый матеріалъ. Возьмемъ, напр.: завтра ты воротинься домой; поставимъ удареніе на словѣ „воротинься“ и получится форма повелительнаго наклоненія. Здѣсь важень, оказывается, тонъ, удареніе: языкъ пользуется тѣмъ тономъ, который сопровождаетъ повелительное наклоненіе и для образованія новой формы, отвлекаетъ этотъ тонъ на форму такъ называемаго изъявительнаго наклоненія и получается сильнѣе выраженное повелительное наклоненіе. То

же происходит и съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, которое выступаетъ вмѣсто наклоненія повелительнаго. Тонъ дѣлаеть и сербскую форму проклео біо по значенію равною повелительному наклоненію. Интереснымъ случаемъ замѣны повелительнаго наклоненія является форма „пошеть“.

Говоря объ употребленіи условнаго наклоненія въ зависимыхъ предложеніяхъ, Вондракъ указываетъ на то, что въ такихъ случаяхъ оно обозначаетъ неувѣренность въ изложеніи, оттѣнокъ сомнительности, и сближаетъ съ основой возникновенія условнаго въ предложеніяхъ, выражающихъ невозможность въ прошедшемъ. Если же мы возьмемъ приводимый далѣе матеріалъ, то онъ намъ укажетъ на иное объясненіе: въ видѣ же помышленіе въ нѣмъ, кѣто ихъ вапте би былъ — здѣсь никакого оттѣнка сомнѣнія, а прямо значеніе возможности . . .

Вондракъ различаетъ 4 рода простыхъ предложеній: 1. повѣствовательныя, 2. вопросительныя, 3. восклицательныя, 4. повелительныя. Принципъ дѣленія не выдержанъ: повелительныя вмѣстѣ съ тѣмъ и восклицательныя; затѣмъ, — если внесенъ принципъ модальности, то почему бы не установить наряду съ повелительными условныя, желательныя. Въ синтаксисѣ древне-ц. сл. языка Вондракъ устанавливаетъ 3 рода предложеній: утвердительныя, вопросительныя и повелительныя. По моему, дѣйствительно, лучше установить три, но только слѣдующія: повѣствовательныя, вопросительныя и восклицательныя.

Переходя къ разсмотрѣнію такъ называемыхъ второстепенныхъ частей предложенія, Вондракъ не разбираетъ ихъ въ цѣломъ, а разбираетъ, рассматривая въ цѣломъ способы ихъ выраженія, по грамматическимъ категоріямъ. Касаясь распредѣленія матеріала, я выставилъ бы здѣсь то, что у Вондрака въ изложеніи подѣлъ-отдѣловъ какъ-то блѣднѣетъ главная мысль, которая должна была бы ярко выступать. Такъ говоря въ первомъ отдѣлѣ о выраженіи второстепенныхъ членовъ предложенія посредствомъ именъ

и проведя это послѣдовательно въ первомъ подъотдѣлѣ, въ которомъ говорится объ атрибутивѣ и аппозиціи, Вондракъ въ дальнѣйшемъ, при изложеніи способовъ выраженія посредствомъ косвенныхъ падежей, сосредоточивается на существѣ послѣднихъ, беретъ ихъ объектомъ своего изложенія. Поэтому, напр., упомянувъ мелькомъ въ первомъ подъ-отдѣлѣ о томъ, что родительный падежъ выступаетъ въ качествѣ опредѣленія, онъ этимъ вопросомъ не занимается въ отдѣлѣ, посвященномъ родительному падежу; получается такимъ образомъ болѣе ученіе о падежахъ, а не о членахъ предложенія. Интересно было бы обоснованіе той точки зрѣнія, которою руководился въ данномъ случаѣ Вондракъ, удерживая прежнее ученіе и не затронувъ даже мнѣнія Потевни, съ трудомъ котораго у Вондрака здѣсь ужъ обнаруживается отчасти знакомство.

Затрогивая прежде всего атрибутивъ и аппозицію, Вондракъ выясняетъ атрибутивъ какъ такое опредѣленіе, которое образуетъ вмѣстѣ съ частью предложенія — типа существительнаго одно цѣлое, а аппозицію — какъ тотъ же атрибутивъ, но выраженный именемъ существительнымъ. Получается въ цѣломъ не особенно удачное опредѣленіе. Является также невыясненнымъ, въ какомъ внутреннемъ отношеніи находится аппозиція къ атрибуту. Въ данномъ случаѣ Шмальцъ, которому въ нѣкоторыхъ пунктахъ Вондракъ слѣдовалъ, былъ болѣе послѣдовательнымъ: въ § 30 своей *Lateinische Grammatik* онъ называетъ атрибутивомъ опредѣленіе существительнаго прилагательнымъ (мѣстоименіемъ, числительн., причастіемъ), а въ § 36 аппозиціей — опредѣленіе существительнаго другимъ существительнымъ, поставленнымъ въ томъ же падежѣ. Тотъ же Шмальцъ справедливо замѣчаетъ, что неправильно говорятъ о переходныхъ и непереходныхъ глаголахъ (тамъ же, стр. 229, изд. 1900 г.), а нужно говорить о переходномъ или непереходномъ употребленіи глагола или признать опредѣленіе Дельбрюка, по которому транзитивный глаголъ связывается *gewohnheitsmässig* съ винительнымъ

падежомъ дополненія. Послѣднее проводитъ и Вондракъ. Но устанавливая такую точку зрѣнія, спрашивается, какъ можно дѣлать подобнаго рода разграниченія: Богъ сотворилъ свѣтъ — внутренней объектъ, празднуемъ праздникъ — внутр. об., что меня бьетъ — внѣшній об.? Затруднился бы я также сблизить винительный пад. протяженія и вин. времени съ винительнымъ пад. содержания (какъ: думу думати). Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Вондракъ былъ несамостоятеленъ. Я долженъ также сказать, что не приходится придавать особеннаго значенія подобнаго рода разграниченіямъ: часто подобныя разграниченія не только не выясняютъ вопроса, а затемняютъ его. Если и устанавливать терминъ „внутренній объектъ“, то этотъ терминъ скорѣе можно было бы отнести къ тому подраздѣленію внутренняго объекта, который носить у Вондрака названіе „винительный пад. содержанія“ или „винительный внутренняго объекта въ болѣе узкомъ значеніи этого слова“ (разница скажется нагляднымъ образомъ, если мы поставимъ отрицаніе — я спалъ всю ночь, я не спалъ всю ночь, не праздновать праздника и пр).

Относительно *accusativus cum infinitivo* Вондраку слѣдовало бы обратить вниманіе на тѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы Потебнею по поводу мнѣнія Миклошича (II, 386 — 8). Тогда бы онъ, можетъ быть, не былъ такъ категориченъ, признавая данный оборотъ неславянской конструкціей, а только заимствованіемъ изъ греч. и латинскаго. Въ данномъ случаѣ безспорно предпочтительна та осторожность, которую отмѣчаемъ во мнѣніи Потебни.

Говоря о родительномъ падежѣ, Вондракъ не упоминаетъ, чего мы прежде всего могли бы ожидать, о синтаксической роли этого падежа. Какъ показываетъ предыдущее, родительный при существительномъ Вондракъ считаетъ атрибутомъ. Можетъ быть, само неупоминаніе объ этомъ здѣсь явилось результатомъ того колеблющагося нѣсколько взгляда, который сказывается у Вондрака отно-

сительнo родительнаго падежа. Въ своемъ синтаксисѣ древн.-ц.-сл. языка Вондракъ замѣчалъ, что иногда совершенно яснымъ представляется, какъ родительный падежъ при существительныхъ развился изъ родительнаго при глаголахъ. Такимъ образомъ проводилась точка зрѣнія, выставленная Дельбрюкомъ. Та же мысль, но уже съ поясненіями, ограниченіями, проводится и здѣсь, хотя въ дальнѣйшемъ указываются и примѣры при именахъ первоначальныхъ родительныхъ падежей. Вообще же выясненіе употребленія родительнаго падежа при именахъ считается затруднительнымъ. Какъ основное значеніе родительнаго падежа Вондракъ считаетъ значеніе *partitiv*'ное. Даже въ такихъ случаяхъ, какъ дай мнѣ твоей книги, пива на варю, *vidiš čuda velikoga* и пр., Вондракъ видитъ выраженіе партитивности. Этимъ своимъ значеніемъ родительный падежъ отличается отъ винительнаго, какъ говоритъ Вондракъ. Можно пожалѣть только, что Вондраку остались неизвѣстными изслѣдованія проф. Томсона (конечно, позднѣйшими, помѣщенными въ Изв. отд. р. яз. и сл. ИМП. Ак. в. 1908 г., Вондракъ воспользоваться еще не могъ, но могъ воспользоваться вышедшими ранѣе — Къ синтаксису и семасіологii рус. яз. Одес. 1903 г., его же — Винит. пад. . . . Варшава 1902 г.). Если проф. Томсонъ вполне убѣдительно доказалъ, что ученіе о *genetivus partitivus* построено на ложномъ освѣщеніи, то тѣмъ болѣе это можно было бы сказать по отношенію къ мнѣнію объ основномъ значеніи родительнаго падежа какъ обозначателя части. Прямое дополненіе съ представленіемъ ограниченнаго цѣлага выражается винительнымъ падежомъ, при обозначеніи представленія неограниченнаго въ пространственномъ отношеніи — родительнымъ падежомъ. На этихъ основныхъ значеніяхъ строятся частичныя значенія. Вполнѣ можно согласиться, что съ винительнымъ падежомъ соединяется переходъ дѣйствія полностью, а съ родительнымъ только обозначеніе перехода дѣйствія частичнаго, извѣстнаго какъ бы при-

косновенія. На это указывалъ еще Гриммъ. Идя за Шмальцемъ, Вондракъ выдѣляетъ *genetivus definitivus*. Впрочемъ, у Шмальца мы не находимъ такого выдѣленія, какъ у Вондрака, хотя Шмальць по отношенію латинскаго языка имѣлъ на то болѣе основаній, Вондракъ же не имѣетъ въ сущности матеріала для этого падежа въ славянскихъ языкахъ. *Genetivus definitivus*, какъ замѣчаетъ Шмальць (235), вытекаетъ изъ любви латинскаго языка ставить при понятіи родовомъ понятіе видовое въ родительномъ падежѣ: *arbor fici* и пр. Также напрасно выдѣляетъ Вондракъ, идя за Шмальцемъ, родительный объективный и субъективный (нужно было бы ввести предикативный, какъ дѣлаетъ то Шмальць). Само уже названіе падежей указываетъ на иной принципъ дѣленія, чѣмъ ранѣе, и нецѣльность дѣленія сказывается тотчасъ, если мы взглянемъ на примѣры, которые отнесены къ родительному принадлежности. Опредѣляя дальнѣе *genetivus qualitatis* какъ *genetivus possessivus*, Вондракъ причисляетъ сюда такіе примѣры: литов. *triju metu kudikis*, т. е. ребенокъ 3-хъ лѣтъ, и др. И хотя подобные родительные падежи замѣняются прилагательными, но отношеніе послѣднихъ по смыслу получается иное, чѣмъ при соединеніи имени существительнаго съ родительнымъ падежомъ принадлежности. Я бы затруднился возводить къ *genetivus separationis* нѣкоторые приводимые на стр. 333 примѣры. Особенно это долженъ также сказать о приведенныхъ тамъ же и на стр. 334 примѣрахъ съ родительнымъ при восклицаніяхъ. Идя въ данномъ случаѣ въ изложеніи за Миклоничемъ (ср. 465 стр. *Syntax*), Вондракъ опускаетъ то объясненіе, которое даетъ Миклоничъ, именно объясненіе непонятнаго сразу родительнаго падежа предположеніемъ пропуска глаголовъ: смотри, слушай, гле, вини и пр: ето, царе, лижепе джевојке (Ср. подобныя же мысли у Потебни, II, 80).

Шмальць (238) коротко и ясно опредѣляетъ *genetivus relationis*: *Der. Gen. nach den Adj. relat. dient lediglich zur*

Determination des im Adj. liegenden nominalen Begriffs. По Вондраку: Gen. der Beziehung oder respectiver Gen., in welchen dasjenige kommt, hinsichtlich dessen einen Gegenstand ein Attribut beigelegt oder vom ihm etwas prädicirt wird . . . So konnte nun die Vorstellung auftauchen, dass der Sinn eines Adj. durch ein im Gen. stehendes Subst. näher bestimmt wird (337). Примѣровъ для этого родительнаго оказывается очень мало. Въ числѣ примѣровъ особенно фигурируетъ достоинъ съ род. пад., хотя постановка при этомъ прилагательномъ родительнаго падежа является подѣ влияніемъ постановки при соотвѣтствующемъ глаголѣ, такимъ образомъ „достоинъ“ въ сущности и не можетъ служить примѣромъ. Характернымъ является лишь примѣръ: *siv je junak brade*. Съ большимъ удобствомъ могъ бы Вондракъ отнести сюда нѣкоторые примѣры, приведенные на стр. 328 къ родительному субъективному, *romljiv prejetich dohrot* и др.

Затрогивая вопросъ о замѣнѣ первоначальной формы винительнаго падежа формою падежа родительнаго въ такихъ словахъ, какъ рабъ-раба и пр., Вондракъ излагаетъ то, что онъ говорилъ по этому поводу въ *Archiv für sl. Phil.* 98 г. 20 т. и въ грамматикѣ др. ц. сл. яз., съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями частнаго характера. Основной взглядъ Вондрака таковъ. Первоначально замѣна формы винительнаго падежа формою падежа родительнаго, основанная на близости этихъ формъ по синтаксическому употребленію, произошла въ мѣстоименіи кѣто. Формы винительнаго падежа отъ кѣто древне-ц. сл. языкъ уже не знаетъ, а имѣется тамъ форма кого. Появленіе въ древне-ц. сл. яз. замѣны объяснялось прежде всего тою необходимостью, что вопрошавшій долженъ былъ указать, спрашиваетъ ли онъ о субъектѣ или объ объектѣ. Затѣмъ, по аналогіи отъ вопросительныхъ замѣна перешла на мѣстоимѣнія личные, указательныя, прилагательныя опредѣленныя и наконецъ на существительныя. Въ разбираемомъ трудѣ нѣсколько измѣняется картина постепеннаго развитія

употребленія формы родительнаго падежа вмѣсто формы падежа винительнаго: изъ общей цѣпи исключены мѣстоименія личныя, которыя прежде всего подчинялись аналогіи. Подобное исключеніе вполне естественно, такъ какъ у мѣстоименій личныхъ имѣлись двѣ формы и при томъ формы м.ж., т.ж., с.ж. употреблялись чаще мене, тебе, себе, такимъ образомъ мѣстоименія личныя не могли служить въ пользу созданной градаціи. Затѣмъ вмѣсто прилагательныхъ опредѣленныхъ выставлены прилагательныя простыя. Новая градація такова: кѣто — кого — указательныя мѣстоименія — прилагательныя — имена существительныя съ основой на *o*. Не находимъ здѣсь проведенія характерной черты, которую выдвигали другіе изслѣдователи, что *a* въ винительномъ падежѣ именъ существительныхъ на *o* не во всѣхъ, а въ тѣхъ, которыя были обозначателями лицъ одушевленныхъ предметовъ. Это наблюденіе дѣйствительно какъ то не вяжется съ основнымъ взглядомъ Вондрака. Насколько взглядъ Вондрака о вліяніи кѣто-кого показался неудовлетворительнымъ, на это показываетъ прежде всего то несогласіе, которое высказалъ Бернекеръ. Возраженія Бернекера опровергались Вондракомъ, но неособенно убѣдительно.

Позволю себѣ здѣсь коснуться нѣсколько взглядовъ другихъ изслѣдователей на данный вопросъ. Раньше (Добровскій, затѣмъ Миклошичъ, Лескинъ) думали, что здѣсь высказалось желаніе отличить отъ род. пад., множ. числа, имѣвш. то же окончаніе. Затѣмъ (Дельбрюкъ) объясняли это тѣмъ, что форма род. пад., обозначая меньшую пассивность, начала употребляться прежде всего въ именахъ собственныхъ, дабы так. обр. обозначить именно меньшую подчиненность глаголу, что распространилось и на другія имена одушевленныхъ (но тогда спрашивается, почему это не распространялось и на имена женскаго рода?). Наконецъ въ послѣднее время (Meillet. Recherches sur l'emploi du *genitif*-*accus. en vieux-slav.* P. 1897 г., Мюлленбахъ. Объ употр. род. п. Изв. отд. р. яз. 99, IV) начали усматривать здѣсь

вляше формъ личныхъ мѣстоимѣній, именно: *ѳ. мене, тебе, себе*. По Меллье, эти формы сначала повліяли на замѣну формой род. падежа формы винительнаго въ указат. мѣстоименіяхъ и сложномъ склоненіи, а затѣмъ на существительныя. По Мюлленбаху, это вліяніе сказалось непосредственно.

Упомянутыя попытки объяснить *ѳор. вин. п. раба вм. рабъ* вліяніемъ мѣстоим. форм. *мене — мѣ, тебе — тѣ*, себе — *се*, объясняются тѣмъ, что эти формы разсматриваются нѣкоторыми изслѣдователями какъ одинаковыя первоначально формы. *Мене* — (лит. *шепе*, авест. *мана*) разлагаются на двѣ части: *ме + не*, при чемъ это *не, пе*, разсматривается какъ суффиксъ или даже частица для усиленія (какъ латинск.: *egone, tibine...*), а *ме* собств. форма вин.-род. пад. Последній первоначально предполагается имѣвшимъ двѣ формы: **met* **tuem* **sem* (отсюда санскр. *mām, tvām*, др.-прусс. *mīen, tīen, sīen*, др.-ц.-сл. *мѣ, тѣ, се*), **eme*, **me*, **tuē*, **te*, **se*, **se*, (гр. *ἐμέ, μέ*). Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій мы отмѣчаемъ также употребленіе въ винит. пад. множ. числа *н ѣ* и *на сѣ*. Слѣдовательно, здѣсь проникновеніе одного падежа въ область другого. При чемъ въ этихъ примѣрахъ сѣ *ѳ. на сѣ* вм. *н ѣ* мы не отмѣчаемъ какой-либо особой выразительности, каковой объясняютъ причины подобныхъ замѣнъ (Ср. Мюлленбахъ объ употребленіи родит. п. вмѣсто винительн. Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г., IV т., 1195).

По Бернекеру (*Der genetiv-accusativ bei beliebten Wesen im Slavischen. Zeitschrift f. vergl. Sprachforsch. XXXVII, 1904, 364—386*), на выработку данной формы повліяли отрицательныя предложенія, въ которыхъ ставился родительный падежъ. Въ русской научной литературѣ разсмотрѣніемъ этого вопроса специально занимались Н. П. Некрасовъ и А. И. Томсонъ., По мнѣнію Некрасова (Извѣст. отд. рус. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 905 г. № 2 „О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ

рус. яз.“), первоначально замѣна эта произошла въ собственныхъ именахъ (вызвана была необходимостью яснѣ отличать дополненіе, выраженное собственнымъ именемъ, отъ подлежащаго), при чемъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ „я знаю Петра“, нужно подразумѣвать: „личность (Петра)“. Разсмотрѣніе большинства изъ поименованныхъ мною мнѣній мы находимъ въ статьѣ проф. Томсона (помѣщ. въ тѣхъ же Извѣст. за 1908 г.). Мнѣ не приходится теперь останавливаться подробно на критикѣ всей указанной литературы вопроса. Для меня было важно отмѣтить то разнообразіе мнѣній, которое сказалось относительно затронутого вопроса, затѣмъ мнѣ важно остановиться здѣсь нѣсколько и на статьѣ проф. Томсона уже потому, что она заключаетъ въ себѣ критику основного положенія проводимаго Вондракомъ (относительно же другихъ возраженій проф. Томсона, касающихся мнѣній Меллье, Мюленбаха, отвѣта также Н. П. Некрасова я пока касаться не буду). По мнѣнію А. И. Томсона, не было безусловной потребности въ замѣнѣ къ то-кого, напр., въ предложеніи: къ то видиши — ясно, что къ то — объектъ, но если бы и была указываемая потребность, съ возможностью чего проф. Томсонъ готовъ согласиться, то все же неубѣдительнымъ для него представляется переходъ подобной замѣны на личныя мѣстоименія, гдѣ были особыя формы винительнаго падежа: м я, т я, с я. Вкратцѣ отмѣчу здѣсь только то, что проф. Томсонъ исходитъ при объясненіи процесса возникновенія родительнаго-винительнаго падежа изъ семасіологической точки зрѣнія. И бы сказалъ, что между взглядами проф. Вондрака и проф. Томсона, есть нѣкоторое сходство. Проф. Томсонъ не предполагаетъ, правда, никакихъ вліяній посредствующихъ аналогій, а тотъ процессъ, который проф. Вондракъ намѣчаетъ съ къ то-кого, происходитъ, по Томсону, съ именами существительными на о, обозначающими одушевленный предметъ. Есть нѣчто общее, но въ то же время и огромное преимущество въ сужденіяхъ проф.

Томсона уже потому, что обращено вниманіе на безспорно важное условіе въ данныхъ переходахъ, на которое проф. Вондракъ не обращаетъ вниманія — почему замѣна происходитъ прежде всего въ именахъ собственныхъ съ вполне уже опредѣленнымъ значеніемъ. Въ дальнѣйшемъ я нѣсколько подробнѣе остановлюсь на ходѣ разсужденія А. И. Томсона.

При изложеніи творительнаго падежа Вондракъ отступаетъ отъ плана изложенія другихъ падежей: здѣсь уже нѣтъ раздѣленія на употребленіе падежа при глаголахъ и при именахъ, — между тѣмъ сохранить этотъ планъ и здѣсь представлялась бы полная возможность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого отдѣла сказывается вліяніе Потебни, на котораго ссылается авторъ, признавая изслѣдованіе вопроса у Потебни основательнымъ; однако вліяніе это лишь частичное, и въ изложеніи Потебни и Вондрака кроется глубокая разница. Разработка вопроса о творительномъ падежѣ у Потебни (Изъ зап. по рус. грам. I, 443—553) составляетъ какъ бы отдѣльную монографію съ разсмотрѣніемъ исторіи разработки вопроса и изученіемъ матеріала въ различныхъ древнихъ памятникахъ и современной славянской рѣчи. Потебня задавался цѣлью разграничить форму повидимому одного падежа — творительнаго и въ то же время представить эти разграниченныя формы въ ихъ генетической связи, а если гдѣ нѣтъ послѣдней — констатировать ея отсутствіе. Такимъ образомъ здѣсь является стремленіе представить картину исторіи даннаго падежа. Углубленіе въ различныя значенія, связанныя съ этой формой, заставляло изслѣдователя неразъ обращаться къ сравненію съ другими падежами, повидимому употреблявшимися иногда для той же цѣли, какъ нѣкоторые творительные падежи. Мы видимъ, что изслѣдователю приходилось имѣть дѣло съ большими затрудненіями, обусловленными его желаніемъ строгаго отдѣленія падежа въ ту или другую сторону, въ тѣ или другія рамки. Потебня сумѣлъ дать на канвѣ

одного творительнаго падежа яркую страницу исторіи развитія языковыхъ формъ. И было бы очень хорошо, если бы сущность изслѣдованія Потебни, его приемы изслѣдованія были заимствованы Вондракомъ, но этого, къ большому сожалѣнію, сказать совершенно нельзя. Въ синт. проф. Вондрака, на стр. 342—357, мы видимъ группировку творительнаго падежа въ 11 подраздѣленіяхъ: творительный соціативный, квалитативный, пространства, мѣста . . . Послѣднимъ является предикативный. Сопоставлять предикативный творительный съ творительнымъ соціативнымъ, мѣста и пр. нельзя уже потому, что самъ предикативный является образовавшимися по аналогіи съ творительнымъ образа дѣйствія (каковой занимаетъ у Вондрака 10-е мѣсто). Вполнѣ правъ былъ Потебня, когда, оставляя терминъ „предикативный“, употребляя вмѣсто него „творительный, замѣняющій вторые согласуемые падежи,“ говорилъ о немъ особо. Тотъ падежъ (подраздѣленіе 2), который называется у Вондрака *instrumentalis qualitatis* или *dauernden Eigenschaften*, судя по примѣрамъ, отчасти могъ бы быть отнесенъ къ творительному соціативному; изъ примѣровъ приведу: чловѣкъ нечистомъ духомъ. Говоря о творительномъ мѣста и творительномъ времени, необходимо было бы провести параллели между этими падежами и падежами: предложнымъ и винительномъ для обозначенія времени. Творительный употребляется въ качествѣ предложнаго на вопросъ гдѣ, но въ немъ сохраняется извѣстный оттѣнокъ. „Творительный мѣста, говоритъ Потебня (450), при глаголахъ пребыванія отличается отъ мѣстнаго падежа тѣмъ, что въ послѣднемъ отношеніе предмета къ обнимающему его пространству можетъ быть изображено и независимо отъ предлога одной точкой внутри круга, а въ первомъ нѣсколькими точками. Ср. малор. „та туман подем серб.“ брдом смиле, а доломъ босиле“ значитъ не „на горѣ“, „въ долину“, а по горѣ, въ разныхъ мѣстахъ горы . . .“ (450). Въ творительномъ времени необходимо

было бы обозначить ту разницу, которая сказывается въ позднѣйшихъ стадіяхъ языка между творительнымъ и винительнымъ времени: творительный обозначаетъ лишь извѣстную часть, между тѣмъ какъ ранѣе имъ обозначался и цѣлый періодъ времени. Употребленіе творительнаго падежа при такихъ словахъ, какъ довольнѣ, длѣлжнѣ, виннѣ Вондракъ ставитъ (350, прим.) въ отдѣлѣ творительнаго при страдательномъ залогѣ, отмѣчая этимологическое родство прилаг. на ѣнѣ съ причастіемъ страдательнаго залога. То же мы находимъ и у Миклошича. Только противъ этого приводились сильныя доказательства Потебнею (474).

Употребленіе дательнаго падежа проф. Вондракъ опредѣляетъ въ общихъ чертахъ: *Der Nominalbegriff kommt in den Dat., wenn die Handlung ihm gibt oder mit Rücksicht auf ihn vor sich geht* (357). Всѣ различныя функціи дательнаго падежа Вондракъ не считаетъ возможнымъ выводить изъ дательнаго движенія (напр., древне-ц. сл: ити ıемоу; сначала Вондракъ называетъ этотъ дательный падежъ дательнымъ движеніемъ съ недостигнутой еще цѣлью, а дальше, слѣдуя, очевидно, за Миклошичемъ, — дательнымъ цѣли). Различая дательный падежъ при глаголахъ, именахъ и дательный „свободный“ (*loser*), проф. Вондракъ для перваго выдѣляетъ лишь двѣ общія категории дательнаго — цѣли и „умственнаго движенія“ (*geistige Bewegung*, въ противоположность физическому движенію въ первой категоріи, напр.: хотѣть, надѣяться и пр.). Насколько опредѣленіе дательнаго падежа „цѣли“ общо, указываютъ тѣ многочисленные примѣры, которые приведены у Миклошича, и къ которымъ сразу даже какъ-то нельзя примѣнить этого термина (напр., *долу блюди очима, стизаше мужьскому възрасту, kadaј бош pustil me domu, giedoča domu* и др., 580 и сл.). Я говорю это къ тому, что данное опредѣленіе у Вондрака, основанное на немногихъ въ сущности примѣрахъ, не даетъ возможности объять весь матеріалъ, который

подводится подъ это опредѣленіе. Такъ и вышло въ отдѣльныхъ случаяхъ: цѣлые ряды глаголовъ у Вондрака являются выпущенными. Стоитъ сравнить приведенный матеріаль у Миклонича (стр. 579—614) съ матеріаломъ у Вондрака и при томъ даже не по количеству, а что особенно важно — какъ бы по отдѣльнымъ глагольнымъ представителямъ. Выраженіе „бѣда вамъ“, относимое Вондракомъ къ „дательному восклицанія“, свободно могло бы быть отнесеннымъ къ „свободному“ дательному, какъ и *je tu doute* и др.; также могли бы быть распредѣлены и другіе случаи дательнаго „восклицанія“, который самъ по себѣ могъ бы быть не выдѣляемъ.

Предлогамъ въ синтаксисѣ Вондрака посвящены стр. 372—392. Здѣсь проводится ученіе о зависимости косвенныхъ падежей отъ предлоговъ. Тѣмъ болѣе удивительно проведеніе подобнаго устарѣвшаго уже ученія, если вспомнимъ, насколько твердо и опредѣленно ученіе Миклонича о томъ, что падежи линіи точнѣе опредѣляются предлогами. Затѣмъ, если у Миклонича мы находимъ этимологизацію, то это понятно, такъ какъ по его взгляду, задачей синтаксисъ является также изложеніе значенія формальныхъ словъ, у Вондрака же подобная этимологизація не стоитъ въ связи съ основнымъ воззрѣніемъ его на синтаксисъ. И если задаваться цѣлью упомянутой этимологизаціи, то нельзя ограничиваться тѣмъ матеріаломъ, которымъ оперируетъ Вондракъ, а необходимо ставить дѣло шире, какъ ставилъ Миклоничъ, и, можетъ быть, предпочитать въ такомъ случаѣ исходить главнымъ образомъ изъ соединеній предлоговъ съ другими словами, т. е. когда предлоги дѣлаются префиксами и измѣняютъ значеніе словъ (въ частности глаголовъ).

Я не буду разсматривать остающагося матеріала въ 1 отдѣлѣ синтаксиса Вондрака, потому что интересное здѣсь относится къ морфологіи. Относительно только причастія я долженъ сказать, что при изложеніи его Вондракъ не

воспользовался цѣнными наблюденіями Поттебни и не указалъ вполне на ту предикативную силу, которою обладала ранѣе эта часть предложенія. Отмѣчу также, что *dativus absolutus* связанъ съ аппозитивнымъ причастіемъ.

Впрочемъ и относительно 2-го отдѣла, посвященнаго сложному предложенію, мнѣ придется сказать лишь нѣсколько словъ. Говоря о сочиненіи и подчиненіи, Вондракъ сосредоточиваетъ свое вниманіе лишь на союзахъ, мѣстоименіяхъ, перечисляетъ ихъ, иногда говоритъ о ихъ этимологическомъ началѣ, о ихъ измѣненіяхъ. Само же развитіе сложнаго предложенія оставлено безъ вниманія. Достаточно сказать, что даже вопросъ о такъ называемыхъ „сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ“ не нашелъ себѣ мѣста въ синтаксисѣ Вондрака. Не установивъ исторіи сложнаго предложенія, невозможно, конечно, задаваться цѣлью дать картину извѣстной классификаціи постепеннаго развитія придаточныхъ предложеній. Попытку подобной картины находимъ въ слѣдующей классификаціи, предложенной Вондракомъ: I Предложенія паратактическія: 1. соединительныя; 2. противительныя; 3. заключительныя. II. Предложенія гипотактическія: 1. сдѣлавшіяся зависимыми самостоятельныя предложенія (повѣствоват., повелит., желательн. и вопрос.); 2. относительныя; 3. несамостоят. предложенія, соединенныя съ самостоят. союзами (а. причинныя, б. послѣдовательныя, с. заключительныя, d. временныя, e. мѣстныя, f. модальныя, g. предположительныя, h. уступительныя).

Какъ я уже сказалъ вначалѣ, 3-й отдѣлъ можно было бы отнести къ первому, исходя изъ основъ дѣленія. И по данному матеріалу въ этомъ отдѣлѣ, занимающемъ всего 27 страницъ, видно, что созданный отдѣлъ совершенно неравномѣренъ сравнительно съ предыдущими. Выводы относительно разстановки словъ въ предложеніи, какъ и нужно было ожидать, являются, въ сущности, неопредѣленными. Общее замѣчаніе (которое мы находимъ и въ изслѣдованіи

Бернекера *Die Wortfolge in d. sl. Sprachen*), что постановка *verbum finitum* въ южно-слав. языкахъ начальная, а въ западно-сл. — конечная, нарушается многими примѣрами постановокъ обратныхъ. Главное значеніе имѣетъ здѣсь, конечно, удареніе въ предложеніи, но не безъ того, что образовались и извѣстныя привычки въ соединеніяхъ словъ. Для болѣе точныхъ частныхъ выводовъ въ данныхъ вопросахъ необходима еще предварительная разработка, такъ какъ изслѣдованіе проф. Бернекера далеко не исчерпываетъ имѣющагося матеріала, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Вондракъ.

Сравненіе синтаксическаго труда проф. Вондрака съ ранѣе разсмотрѣнными трудами Миклошича и Ягича говоритъ далеко не въ пользу этого труда. Въ синтаксисѣ Вондрака мы не находимъ того богатства матеріала, которымъ прежде всего выдѣляется трудъ Миклошича, мы не видимъ такого же знакомства съ предыдущей разработкой синтаксическихъ вопросовъ, которое обнаруживалось въ томъ же трудѣ Миклошича. Сказать, напр., что извѣстные отдѣлы въ трудѣ Вондрака представляютъ какъ бы подведеніе, итоги того, что было уже сказано по тому или другому вопросу, конечно, невозможно. Слѣдовательно, мы не находимъ той огромной эрудиціи, которую отмѣчали, говоря относительно Миклошича. Если бы работу Миклошича перенести въ ту обстановку (по времени), въ которой работалъ Вондракъ, нужно думать, что трудъ Миклошича выросъ бы значительно и въ объемѣ, измѣнился бы и по приемамъ изслѣдованія нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, измѣнился бы и по результатамъ, по многимъ выводамъ. Вондракъ, усвоивъ, повидимому, ту точку зрѣнія, что въ синтаксисѣ должно исходить изъ анализа предложенія, на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ изложеніе его труда, отступаетъ и въ сторону точки зрѣнія Миклошича. Въ данномъ

случаѣ эта шаткость, неустановленность объясняются тѣмъ, что Вондракъ неглубоко вошелъ въ изученіе тѣхъ трудовъ, которые послѣдовательно проводили эту точку зрѣнія. И прежде всего необходимо отмѣтить черезчуръ поверхностное знакомство Вондрака съ трудами Потевни. Уже съ первой страницы обнаруживаются сказанные недочеты. Само введеніе это какіе то скачки. Опредѣленіе Дельбрюка признается лучшимъ, но по существу оказывается оно невѣрнымъ, и вотъ Вондракъ заимствуетъ изъ него одну часть. Добавленіе къ этой заимствованной части объясняется тѣмъ (какъ то можно вывести изъ словъ автора), что и Ягичъ при опредѣленіи предложенія исходитъ изъ мысли о *minimum* предложенія *verbum finitum* (не говорю уже о томъ, что Ягичъ въ данномъ случаѣ былъ, конечно, несамоустоятеленъ и не на него слѣдовало бы дѣлать указанія). Повидимому, это обстоятельство заставляетъ Вондрака сдѣлать добавленіе къ опредѣленію Дельбрюка и дать въ общемъ опредѣленіе: составное и неудачное. Послѣ прочтенія труда ак. Ягича остаются яркія картины по извѣстнымъ отдѣламъ, авторъ вводитъ насъ и въ литературу вопросовъ и въ самый матеріалъ, рисуется наглядно положеніе этихъ вопросовъ, пытается дать и собственныя частичныя дополненія; изложеніе же у Вондрака крайне сухо, безцвѣтно: жизни языка мы не видимъ здѣсь; о необходимости анализа предложенія только высказывается вначалѣ, фактически же проводится та изсушающая грамматическая анатомія, которая такъ хорошо извѣстна по трудамъ прежняго времени. Я думаю, что послѣ появленія синтаксиса проф. Вондрака историческое значеніе труда Миклошича должно ярче представляться: послѣдній былъ устойчивѣй въ проведеніи своихъ воззрѣній, къ разрѣшенію вопросовъ онъ подходилъ послѣ прекраснаго ознакомленія съ предыдущей разработкой, потому и до сихъ поръ не потеряли значенія нѣкоторые его выводы.

Если проф. Вондраку не удалось справиться съ поста-

вленной задачей въ названномъ трудѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, если и попытка его дать синтаксисъ древне-церковно-славянскаго языка въ его *Altkirchenslavische Grammatik* не можетъ считаться вполне удачной.

На синтаксисъ древне-церковно-слав. языка проф. Вондрака, конечно, нужно смотрѣть не предъявляя особенно строгихъ требованій, прежде всего потому что это одинъ изъ первыхъ опытовъ научнаго синтаксиса др. ц. сл. языка, во вторыхъ это учебникъ, и въ третьихъ авторъ еще менѣе тогда занимался специально синтаксисомъ. Подъ угломъ всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія и необходимо приступить къ разсмотрѣнiю даннаго труда.

Прежде всего отмѣчу отрывочность изложенiя: на первыхъ же страницахъ, напр., гдѣ говорится о главныхъ частяхъ предложенiя, мы видимъ и отрывки изъ ученiя о согласованiи, управленiя, образованiя формъ и пр. На тѣхъ же страницахъ можно отмѣтить неполноту въ изложенiи затронутыхъ вопросовъ. Взять хотя бы сказанное на стр. 268 о безсубъектныхъ предложенiяхъ, каковыхъ приведено самое незначительное количество, и сравнить хотя бы съ тѣмъ, что говоритъ проф. Вондракъ въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ: въ послѣднемъ, хотя этотъ трудъ и посвященъ сравнительному слав. синтаксису, примѣровъ специально изъ древне-ц. сл. яз. мы видимъ больше. То же можно прослѣдить и въ другихъ случаяхъ: очевидно, сравнительный материалъ другихъ славянскихъ языковъ заставилъ автора расширить и материалъ изъ памятниковъ древне-ц. сл. языка. Изъ отдѣловъ самостоятельныхъ можно указать на *Anhang* (282—4), гдѣ говорится о родителномъ надежѣ вмѣсто винительнаго въ славянскихъ языкахъ, т. е. то, о чемъ я уже имѣлъ случай говорить.

II. Изученіе синтаксиса въ русской научной и педагогической литературѣ со времени появленія трудовъ А. А. Потебни.

II.

Однимъ изъ немногочисленныхъ учениковъ А. А. Потебни, наиболее близко стоявшимъ къ своему учителю, считается рано умершій А. В. Поповъ. Ему принадлежитъ довольно большое изслѣдованіе, посвященное вопросу происхожденія и развитія трехъ падежей — именительнаго, винительнаго и звательнаго (Синтаксическія изслѣдованія. I Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, Zend, греческомъ, латинскомъ, нѣмецк., литовск., латышск. и славянскихъ нарѣчійхъ. Ворон. 81 г. изъ Филолог., Записокъ 79—81 г. г.) и двѣ небольшія работы (разборъ грамматики рус. яз. Гутникова — въ Филол. Зап. 78 г. VI — и объ оборотѣ „что — за . . .“ Филол. Зап. 79 г. II).

Изслѣдованіе Попова посвящено главнымъ образомъ именительному и винительному падежамъ; звательный падежь лишь затрогивается. Древнѣйшимъ падежомъ Поповъ считаетъ винительный. Признавая вслѣдъ за Курціусомъ этотъ падежь съ суффиксомъ *m* древнѣйшимъ, Поповъ такимъ образомъ предполагаетъ, что функціи будущаго именительнаго падежа отправлялись первоначально падежомъ винительнымъ. Именительный падежь на *v* появляется позднѣе, его назначеніе — болѣе рѣзко указывать на ближайшее.

Когда появляется падежъ съ такимъ назначеніемъ, тогда винительный падежъ начинаетъ постепенно получать также новое назначеніе — обозначать болѣе отдаленное. Образовавшійся именительный падежъ начинаетъ постепенно занимать территорію винительнаго падежа. Основываясь на этомъ, Поповъ объясняетъ получавшіеся иногда въ индо-европейскихъ языкахъ смѣшеніе именительнаго и винительнаго падежей: здѣсь такимъ образомъ остатки ихъ прежняго неразграниченнаго употребленія. Постепенно также роль подлежащаго выпадаетъ на долю именительнаго падежа: какъ указатель на ближайшее для чувства, этотъ падежъ дѣлается указателемъ ближайшаго для мысли, т. е. подлежащаго — главнаго предмета мысли; винительный же падежъ, какъ указатель дальнѣйшаго для чувства, дѣлается указателемъ на таковое же для мысли, т. е. дополненія. Поэтому первоначально винительный падежъ былъ вполне независимымъ; позднѣе только онъ сдѣлался зависимымъ. Винительный падежъ выступалъ въ качествѣ подлежащаго; въ качествѣ послѣдняго онъ образовывалъ одночленное предложеніе (одночленные предложенія Поповъ выводилъ изъ подлежащаго). Тѣ изъ одночленныхъ предложеній, которыя примкнули къ другимъ предложеніямъ, Поповъ называетъ второстепенными подлежащими или объектами въ широкомъ смыслѣ (т. е. дополненіемъ — пользуясь обыкновенной терминологіей). Такимъ образомъ роль винительнаго падежа въ настоящее время сильно разнится отъ роли этого падежа въ прежнее время. Прямое дополненіе предполагается существовавшимъ ранѣе въ видѣ самостоятельнаго одночленнаго предложенія. Винительный падежъ, теряя постепенно свое прежнее значеніе общаго косвеннаго падежа и дѣлаясь падежомъ объекта, мало по малу въ послѣднемъ случаѣ подвергался ограниченіямъ: изъ объекта въ широкомъ смыслѣ (не только при глаголахъ, но и при именахъ) онъ выступаетъ въ качествѣ объекта при части глаголовъ (переходныхъ дѣйствительныхъ).

Останавливаясь на исходномъ значеніи падежей, Поповъ особенно подробно опровергаетъ теорію локалистовъ (объяснявшихъ возникновеніе падежей изъ потребности обозначенія мѣста), считая теорію каузализма (падежи — логическія категоріи причины и слѣдствія) уже отжившимъ свое время воззрѣніемъ. Считая вслѣдъ за Штейнталемъ, что падежи не могутъ имѣть матеріальнаго значенія, а имѣютъ лишь грамматическій смыслъ, Поповъ, въ сущности, указываетъ на исходное матеріальное значеніе падежей, слѣдуя въ данномъ случаѣ за Курціусомъ (въ объясненіи возникновенія именительнаго падежа и различія этого падежа отъ падежа винительнаго; проф. Нетушилъ въ своей статьѣ „Локализмъ, страница изъ исторіи грамматическихъ наукъ“ — въ Журн. М. Н. П. 81 г. іюнь, 290 — называетъ Попова „однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей хронологической теоріи Курціуса“).

Я старался выдвинуть основныя мысли изслѣдованія Попова. Эти мысли не обоснованы изслѣдователемъ научно; самъ процессъ работы далекъ отъ того, чтобы его признать вполне научнымъ. Строится гипотеза. Этой гипотезой объясняются факты языка, на самомъ дѣлѣ могущія быть объясненными иначе, если исходить именно изъ нихъ. Факты, часто многочисленные, цѣнные сами по себѣ, будучи вгоняемы въ рамки готовой гипотезы, теряютъ свою цѣнность. Вполнѣ понятна, поэтому, та отрицательная рецензія, которая дана была Ф. Ѳ. Фортунатовымъ (Разборъ сочиненія А. В. Попова Синтакс. изслѣдованія . . . въ Отчетѣ о 26 присужденіи наградъ графа Уварова. СПб. 84 г.). Эта рецензія вполнѣ вѣрно устанавливаетъ, что изслѣдователь дѣлаетъ прежде всего ошибку въ томъ, что выставляя гипотезу относительно происхожденія именительнаго, звательнаго и винительнаго падежей въ индо-европейскомъ праязыкѣ, примѣняетъ эту гипотезу къ исторической эпохѣ. Саму гипотезу Курціуса Фортунатовъ называетъ ненаучною. Справедливо указывается, что въ трудѣ По-

пова нѣтъ цѣльности воззрѣнія на разбираемый вопросъ, потому мы встрѣчаемся съ противорѣчіями: то являются у него первоначальными падежъ нехарактеризуемый никакимъ падежнымъ окончаніемъ и падежъ на *m*, то оказывается, что первоначальнымъ падежомъ былъ единственно падежъ на *m*. Нѣтъ ясности въ пониманіи исторіи предложеній и въ изложеніи самого взгляда на эту исторію. Авторъ, затрогивая вопросъ о грамматической зависимости, называетъ ее фикціей, такъ какъ это нужно ему для проведенія его же теории, но затѣмъ не выясняетъ вообще грамматическаго отношенія. То же отсутствіе ясности въ опредѣленіи отношенія между подлежащимъ и дополненіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ я назвалъ бы теорію Попова какой-то механическою.

Увлеченія автора въ смыслѣ переоцѣнки значенія и роли винительнаго падежа отмѣчаются въ рецензіи проф. В. Шерцля на изслѣдованіе Попова еще въ рукописи (Зап. Харьковск. Ун., 79 г. т. II).

Я сказалъ вначалѣ, что Поповъ считается однимъ изъ ближайшихъ учениковъ Потебни, но въ пріемахъ изслѣдованія, во взглядѣ на языкъ, на его исторію замѣчается у Попова и у Потебни большая разница. У Попова нѣтъ цѣльности воззрѣній. Его изслѣдованіе показываетъ въ авторѣ силу еще неустановившуюся, находившуюся подъ разными вліяніями и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не сумѣвшую согласовать эти вліянія въ гармоническое цѣлое. Стоитъ, напр., прочесть на стр. 278 (и особенно примѣчаніе), что говоритъ Поповъ, ссылаясь даже па Потебню, о причастіи, чтобы увидѣть, какая разница въ пониманіи, въ проникновеніи въ исторію языка у Попова и у Потебни. („Такимъ образомъ, заключаетъ здѣсь Поповъ, существительныя и прилагательныя сводятся первоначально на причастія“; ср. у Потебни, Изъ зап. по рус. гр. I—II, 87—89). Какъ отличались воззрѣнія Потебни на исторію развитія предложенія, указываютъ особенно тѣ нѣсколько страницъ въ его

„Изъ зап. по рус. грамматики“ (2-е изд.), гдѣ Потєбня разсматриваетъ критическія замѣчанія Попова, выступившаго противъ теоріи своего учителя. Здѣсь дается настоящій методъ изслѣдованія — исходитъ изъ извѣстныхъ фактовъ, строить гипотезу, не выходя далеко за предѣлы этихъ фактовъ. Потєбня здѣсь выясняетъ, что такія предложенія, какъ: хорошо! пожаръ! и пр., не могутъ претендовать на древность, первоначальность образованія, и очень удачно отгѣняетъ значеніе лаконизмовъ, какъ обрывковъ реченій болѣе сложныхъ. Можно было бы привести еще мѣста, въ которыхъ Поповъ уклоняется отъ мнѣній своего учителя (напр. ср., что говорится о неопредѣленномъ наклоненіи — оно „есть собственно отглагольное существительное въ косвенномъ падежѣ“, 280, и др.).

Изслѣдованіе Попова представляетъ богатый матеріалъ. Правда, матеріалъ этотъ для разрѣшенія той широкой задачи, которую поставилъ себѣ авторъ, является, въ сущности, не такимъ большимъ. Въ подбораніи матеріала задача Попова была облегчена извѣстными трудами Даничича, Зигмунда, Миклонича и нѣк. др. Особенно синтаксисъ Миклонича послужилъ богатымъ источникомъ для Попова, хотя освѣщеніе матеріала у Попова иное, чѣмъ у Миклонича, но это освѣщеніе создано подъ вліяніемъ теоріи Курціуса.

Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться еще на двухъ вопросахъ, затронутыхъ Поповымъ, вопросахъ, которые могли бы быть выдѣлены въ особую группу: о залогахъ и о „безличныхъ“ предложеніяхъ.

Опредѣленіе залога у Попова, мнѣ кажется, сдѣлано неудачно. „Залогъ есть извѣстнаго рода отношеніе между производителемъ дѣйствія, объектомъ и подлежащимъ. Слѣдовательно, заложное значеніе есть такое формальное значеніе глагола, которымъ обусловливается отношеніе между производителемъ дѣйствія, объектомъ и подлежащимъ“ (302). Неудачна прежде всего формулировка: производитель дѣй-

ствія и подлежащее это, какъ оказывается не два понятія, а одно; затѣмъ, въ ф о р м ѣ глагола часто нѣтъ данныхъ, обуславливающихъ эти отношенія, а эти данныя заключаются часто въ значеніи глагола. Насколько неудачно по существу приведенное опредѣленіе, видно изъ дальнѣйшаго дѣленія. Поповъ признаетъ три залога: дѣйствительный, когда производитель дѣйствія подлежащее, при чемъ есть объектъ (переходные глаголы); медиальный, когда производитель подлежащее и въ то же время объектъ, бываетъ иногда и другой объектъ (перех. глаголы); страдательный, когда „производитель дѣйствія вполнѣ или въ значительной мѣрѣ игнорируется, а подлежащимъ является или второстепенный съ логической точки зрѣнія предметъ, на которомъ проявляется дѣйствіе . . . или грамматическаго подлежащаго вовсе нѣтъ, изрѣдка . . . возможенъ и винительный объекта, особенно во второмъ случаѣ (страдательн. переход. глаголы)“ (303). Въ опредѣленіи страдательнаго залога уже ясно высказываются и логическія соображенія. И самъ Поповъ въ данномъ случаѣ испытываетъ затрудненіе относительно „безличныхъ“ предложений, изъ котораго онъ выходитъ, считая ученіе о „безличныхъ“ предложеніяхъ какимъ-то дополненіемъ къ ученію о залогахъ (304 и прим. 61). „Безличные“ глаголы хотя и относятся такимъ образомъ къ тремъ залогамъ (тамъ же), но не могутъ по существу опредѣленія быть отнесены къ нимъ. Затѣмъ, если мы воспользуемся примѣрами, приводимыми дальше у Попова, напр.: является темнота, происходитъ шумъ, то спрашивается, гдѣ здѣсь производитель дѣйствія? темнота, шумъ — не производители дѣйствія, а подлежащія. Я касаюсь подробнѣе залоговъ потому что этотъ вопросъ можетъ быть выдѣленъ изъ изслѣдованія. Вопросъ этотъ и авторомъ выдѣляется въ заглавіи изслѣдованія. Въ такомъ же положеніи находится и другой вопросъ, котораго Поповъ еще болѣе слегка касается — вопросъ о „безличныхъ предложеніяхъ“. Этотъ

сложный вопрос авторъ разрѣшаетъ, прибѣгая къ положеніямъ, высказаннымъ Гейзе и Штейнталемъ. Бѣгло высказанныя замѣчанія Попова и здѣсь обнаруживаютъ смутность, неясность пониманія. Обнаруживаются также и противорѣчія: въ самомъ дѣлѣ, говоря о древнѣйшихъ „безличныхъ“ глаголахъ, Поповъ замѣчаетъ, что эти глаголы не имѣютъ подлежащаго, послѣднее совершенно ненужно, что ими обозначаются лишь дѣйствія, а не предметы; а затѣмъ прибѣгаетъ къ мнѣнію Штейнтала, по которому въ безличныхъ глаголахъ „самому субъекту дана глагольная форма“. Поповъ правильно отмѣчаетъ древнѣйшіе и позднѣйшіе „безличные“ обороты, но вопросъ только въ томъ, являются ли послѣдніе, какъ думаетъ изслѣдователь, изъ независимаго употребленія падежей, преимущественно изъ независимаго винительнаго падежа.

Отмѣчу одну частность. Возникновеніе такихъ оборотовъ, какъ:

Меня станетъ на это дѣло,

Мене ње бити,

Po vseh pŕtih jŕ je (собственно — есть ее по всѣмъ дорогамъ — словѣн.),

Jest mię z to,

Stane li te (чешск.)

Поповъ (128—9) объясняетъ уподобленіемъ предложеніямъ, обозначающимъ мѣру, количество. Дѣйствительно указываемая аналогія вполне можетъ объяснить появленіе приведенныхъ предложеній, кромѣ развѣ 3-го.

Небольшая статья Попова: „Оборотъ что за . . .“ (Филол. Зап. 79 г. II) представляетъ, я бы сказалъ, какой-то набросокъ, наскоро собранныя бѣглыя соображенія по поводу заинтересовавшаго автора вопроса. Въ своемъ синтаксисѣ Миклошичъ остановился совсѣмъ кратко, какъ то даже вскользь на данномъ оборотѣ, назвалъ этотъ оборотъ германизмомъ, не входя въ его анализъ. Съ другой стороны еще ранѣе Гриммъ нѣмецкое was für ein объяснялъ возник-

шимъ путемъ извѣстнаго искаженія въ оборотахъ. Прежде всего необходимо отмѣтить тѣ справедливыя поправки, которыя дѣлаеть Поповъ, находя почву для возникновенія даннаго оборота независимо отъ заимствованія. Поправку къ положенію Гримма, мнѣ думается, необходимо принять съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, такъ какъ Гриммъ, говоря объ „искаженіи“, „недоразумѣніи“, выдвигалъ главнымъ образомъ соединеніе предлога за съ мѣстоименіемъ что и образованіе такимъ образомъ одного слова. Опровергая Гримма, необходимо, конечно, было стать на его точку зрѣнія относительно „искаженій“: къ послѣднимъ могли относиться и результаты аналогій. Поповъ рѣшаетъ поставленный вопросъ о данномъ оборотѣ такимъ образомъ. Обороты съ что за ставятся въ параллель съ употреблявшимися такими оборотами: „и что языкъ . . .“ и пр.; на подобные обороты, какъ мы знаемъ, обратили вниманіе Лавровскій Буслаевъ и др. Сравненіе съ подобными оборотами само собою напрашивается и вполнѣ понятно, если считать обороты, въ которыхъ первымъ именительнымъ или винительнымъ выступало мѣстоименіе что, а вторыми имен., или винительн. выступали существительныя, прототипами для позднѣйшихъ оборотовъ съ что за. Только остается вопросомъ — процессъ образованія послѣдняго оборота. Для этого недостаточно указать, какъ сдѣлалъ это Поповъ, на стремленіе замѣнить вторые именительныя и винительныя падежи (мысль о чемъ Поповъ нашелъ въ освѣщеніи Гримма оборота *was für ein*), въ возможности употребленія предлога за какъ бы въ нарѣчномъ значеніи въ нѣкоторыхъ параллеляхъ изъ литовскаго и латынскаго языковъ. Все это лишь извѣстный частичный матеріалъ, матеріалъ, который требуетъ еще детальнаго разсмотрѣнія. Замѣчу, напр., что въ приводимыхъ примѣрахъ, въ которыхъ за употребляется и въ качествѣ предлога и въ качествѣ нарѣчія уже по аналогіи, мы замѣчаемъ извѣстные оттѣнки значенія, которые придаетъ это слово тѣмъ словамъ, съ которыми оно соеди-

няется. Возьмемъ для примѣра: за короля, за-ново и пр. Съ послѣднимъ необходимо считаться, послѣднее необходимо устранить, доказывая возможность того, что этотъ предлогъ послужилъ извѣстнымъ орудіемъ въ исторіи развитія предложенія въ томъ видѣ, какъ представлено то у Попова.

Мнѣ кажется, что для полной убѣдительности предположенія Попова необходимо было представить хотя гипотетически тотъ путь, которымъ постепенно образовывался новый оборотъ. Было бы, конечно, еще лучше, если бы былъ присоединенъ матеріалъ изъ различныхъ памятниковъ, который бы могъ подтвердить эти предположенія. Такимъ образомъ на разсматриваемую статью я смотрю, какъ на подготовительную при разрѣшеніи поставленнаго вопроса. Вотъ для примѣра одно изъ заключительныхъ положеній автора: „Если употребленіе предлоговъ при именит. не представляетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, то нѣтъ достаточныхъ причинъ предполагать, что въ оборотахъ „что за . . .“ именительный сначала былъ превращенъ въ винительный, къ которому былъ прибавленъ предлогъ, а потомъ винительный по недоразумѣнію опять превращенъ въ именительный, напротивъ вѣроятнѣе предположить, что именит. вовсе не превращался въ вин., а предлогъ присоединился непосредственно къ имен.“. И вотъ такъ какъ предполагаемый процессъ не подтвержденъ примѣрами, которые представляли бы постепенное развитіе даннаго оборота, то съ одинаковой, если не большей вѣроятностью можно было бы выставить и такое предположеніе: данный оборотъ со вторымъ именительнымъ получаетъ предлогъ за изъ оборота со вторымъ винительнымъ; это заимствованіе происходитъ, можетъ быть, прежде всего особенно въ именахъ средняго рода, гдѣ именительный и винительный падежи сходны по окончанію, затѣмъ уже по аналогіи это распространяется и на другія слова. Выставляемое мною предположеніе потому можетъ быть болѣе убѣдительнымъ, что оно признаетъ въ основномъ

оборотѣ употребленіе предлога и косвеннаго падежа, но, конечно, для убѣдительности и здѣсь необходимо было бы привести рядъ примѣровъ въ извѣстной послѣдовательности, но это не входитъ въ настоящее время въ мою задачу, а мнѣ важно было лишь отгнѣнить высказанное мною мнѣніе о разбираемой статьѣ.

Несомнѣнную заслугу предъ разработкой русскаго синтаксиса проф. Овс. Куликовскій оказалъ въ стремленіи провести въ жизнь начала, выставленныя Потебнею. За грудой грамматическаго матеріала эти выводы трудно добываются при чтеніи трудовъ А. А. Потебни, при томъ выводы эти не являются сгруппированными. Необходимо при томъ имѣть въ виду и своеобразность языка въ трудахъ Потебни, чтобы понять, насколько цѣнными должны быть признаны сами попытки популяризовать данный цѣнный матеріалъ. Тѣмъ болѣе цѣнной является попытка сгруппировать наблюденія Потебни въ извѣстную систему изслѣдователемъ, который въ нѣкоторыхъ пунктахъ стремится самъ продолжить работу Потебни, не только въ расширеніи матеріала, но и въ болѣе детальной обработкѣ самихъ наблюденій. Безспорно талантливый изслѣдователь, но болѣе занимавшійся общими вопросами языкознанія, Овс. Куликовскій иногда не замѣчаетъ, въ какія противорѣчія впадаетъ онъ, проводя тотъ или иной взглядъ, придерживаясь той или иной теоріи. Это прежде всего сказывается въ нецѣльномъ проведеніи основныхъ взглядовъ Потебни, въ противорѣчіяхъ основнымъ выставленнымъ принципамъ при изученіи синтаксиса. Несоотвѣтствія между Потебнею и Овс. Куликовскимъ зависятъ, по моему, отъ того, что Овс. Куликовскій какъ то менѣе грамматиченъ, чѣмъ Потебня, и болѣе вдается въ глубины психологическаго изученія, болѣе руководится психологическимъ чутьемъ языка (послѣднее и дѣлаетъ его опредѣленія болѣе субъективными по харак-

теру; впрочемъ, здѣсь можетъ быть приведено также обстоятельство, нѣсколько извиняющее изслѣдователя: онъ стремится уловить своимъ чутьемъ извѣстную тонкость языка, въ такомъ случаѣ понятной является субъективизація, но вмѣстѣ съ тѣмъ это не уничтожаетъ того заключенія, что подобныя наблюденія требуютъ провѣрки чутьемъ другихъ лицъ, что даже одно и то же лицо въ разное время относится различно къ своимъ выводамъ въ такомъ направленіи). Несомнѣнной заслугой Овс. Куликовскаго нужно считать и то, что онъ въ своихъ попыткахъ показываетъ направление, въ какомъ необходимо работать, и нужно только пожалѣть, что работа его остановилась. Тѣ вопросы, которыми онъ болѣе специально занимался, особенно въ положительную сторону отдѣляютъ его общіе труды по синтаксису, но этихъ вопросовъ было сравнительно немного и потому общіе труды его далеко неравномѣрны по цѣнности въ отдѣлахъ. Послѣднимъ отчасти объясняется внесеніе въ общіе труды такихъ положеній, съ которыми наука не должна уже считаться, которыя отжили свое время, и если вносятся, то вносятся лишь по традиціи.

Нельзя сказать, чтобы не только спеціальныя, но и общіе труды Ов. К. по синтаксису отличались вполне доступнымъ изложеніемъ. Подчасъ въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ О. К. требуетъ такого же популяризатора, каковымъ онъ самъ является по отношенію къ Потембѣ. Высказывая такой взглядъ, я руководствуюсь тѣми данными, которыя имѣются у меня изъ моей практики — изъ занятій со студентами. Я могу вполне увѣренно сказать, что не только для учениковъ старшихъ классовъ, но и для студентовъ-филологовъ требуются иной разъ прямо-таки комментаріи къ тому или иному положенію. Все это не исключаетъ, конечно, того интереса, который могутъ возбудить эти труды. И прежде всего, безспорно, однимъ изъ главныхъ стимуловъ, вызывающихъ интересъ къ даннымъ Трудамъ, является то стремленіе перенести явленія языка въ область психики, ко-

торое отличаетъ ихъ отъ предыдущихъ общихъ трудовъ по грамматикѣ, занимавшихся болѣе схоластическимъ изсущиваніемъ языковыхъ явленій. Психологическій анализъ толкаетъ мысль, онъ говоритъ о возможности извѣстнаго проникновенія въ загадочныя области, и въ такой работѣ, конечно, можетъ быть захватывающій интересъ. Тѣмъ болѣе это возможно отгѣнить, что въ названныхъ трудахъ О. К. есть страницы, составленныя вполне по способу прежнихъ грамматикъ, гдѣ изслѣдователь не высказываетъ почти никакой самостоятельности и втискиваетъ свою работу въ давно извѣстныя рамки схоластической грамматики.

Я не буду подробно останавливаться на „синтаксисѣ“ Овс. Куликовскаго, ограничусь лишь слѣдующими общими замѣчаніями. Въ синтаксисѣ мы находимъ большой подобранный матеріалъ изъ древняго періода языка и произведеній новѣйшихъ русской литературы. Матеріала даже болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ синтаксисѣ мы замѣчаемъ какъ бы два теченія: стремленіе объяснить возникновеніе различныхъ оборотовъ путемъ историческимъ и стремленіе схватить путемъ психологическаго проникновенія данныя современнаго русскаго языка. Въ первомъ направленіи авторъ идетъ за Потебнею, во второмъ ему представляется широкое поле для личныхъ домысловъ. Послѣднее сказывается особенно въ опредѣленіяхъ. Критика отмѣтила уже и непослѣдовательности, отступленія отъ началъ, проводимыхъ Потебнею, неудачность нѣкоторыхъ положеній и пр. Я же позволю себѣ въ дальнѣйшемъ подробно останавливаться на разборѣ положеній другого труда О. Куликовскаго, болѣе поздняго „Руководства по изученію рус. синт.“

Уже изъ предисловія къ „Руководству . . .“ мы узнаемъ, что по отношенію къ болѣе раннему труду того же автора „Синтаксису русскаго языка“ „Руководство“ представляетъ собою въ большинствѣ главъ новый трудъ, и лишь часть „Синтаксиса“ вошла въ „Руководство“ въ сокращенномъ и нѣсколько измѣненномъ видѣ. Затѣмъ — „Учебная

Грамматика“ О. К. представляет уже во многомъ приспособленіе новаго труда къ преподаванію въ младшихъ и среднихъ классахъ. Тѣмъ большій интересъ, такимъ образомъ, должны представлять эти сравнительно недавно выпедпія книги для каждаго интересующагося изученіемъ русскаго языка, а также преподаваніемъ его въ средней школѣ.

Весьма вѣроятно, что авторъ „Руководства“ и не задался широкой постановкой своей задачи, какъ можно было бы этого желать. Но мнѣ кажется, что безъ такой широкой постановки потеряется основная цѣль „Руководства“ и послѣднее лишь обратится въ типъ учебника. Я поэтому, на примѣръ; и теперь ставлю „Синтаксисъ“ Овсяннико-Куликовскаго выше его „Руководства“, несмотря на то что, очевидно, самъ авторъ въ изложеніи многихъ отдѣловъ своего „Синтаксиса“ разочаровался, и въ „Руководствѣ“ далъ новое изложеніе этихъ вопросовъ. Въ „Синтаксисѣ“ особенно хороша историческая часть, тотъ матеріалъ постепеннаго развитія языка, который можетъ, дѣйствительно, заинтересовать, заставить задуматься надъ разными явленіями языка. Благодаря вообще проникающему „Синтаксисъ“ историческому элементу, получается для многихъ явленій своего рода историческая точка зрѣнія, и явленія эти дѣлаются яснѣе, понятнѣе для изучающаго. Поэтому нѣкоторые отдѣлы „Руководства“ положительно требуютъ дополненій изъ „Синтаксиса“. И при обращеніи къ чутью языка именно важны матеріалы сравнительнаго и историческаго характера. И въ самомъ „Синтаксисѣ“, въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ менѣе обращено вниманіе на эту сторону, слышится какая-то неувѣренность выводовъ, недосказанность.

Перейду къ разсмотрѣнію спеціальныхъ изслѣдованій О. К., которыя въ извѣстной переработкѣ вошли, какъ я сказалъ, въ его общіе труды и въ которыхъ особенно ярко сказываются характерныя черты О. К., какъ изслѣдователя синтаксическихъ явленій языка.

Статья Овсяннико-Куликовскаго „Очерки науки о языкѣ“

(Русск. Мысль. 96 г., кн. 12, 1—32) состоитъ изъ 2 главъ: 1. лингвистика и филологія (1—7) и 2. предложеніе (8—32). Цѣнность и интересъ имѣетъ вторая глава по своей идеѣ — представить эволюцію превращенія психологическаго сужденія въ грамматическое предложеніе и послѣдняго въ логическое сужденіе. Психологическое сужденіе — форма мысли „предшествующая языку и безъ него обходящаяся“; „вторая стадія или средній слой это предложеніе, т. е. психологическое сужденіе, уже переработанное и усовершенствованное тѣми умственными процессами, которые обусловлены даромъ слова, рѣчью; третья стадія или верхній слой это логическое сужденіе, процессъ отвлеченной мысли, созданный силой языка, т. е. возникшій изъ предыдущей стадіи — какъ результатъ ея дальнѣйшаго усовершенствованія, ея переработка въ сторону наибольшей отвлеченности мысли“ (8—9). При характеристикѣ психологическаго сужденія проф. Овсяннико-Куликовскій пользуется статьей проф. Сѣченова (Рус. В. 94 г., № 1). Мнѣ думается только, что характеризуя это такъ называемое предметное мышленіе, мышленіе образами, представленіями, нѣсколько опасно прибѣгать, какъ къ общей формулѣ, объединяющей все огромное разнообразіе матеріала — „трехчленное предложеніе, состоящее изъ подлежащаго, сказуемаго и связки“ (9). Устанавливая для подлежащаго и сказуемаго предметнаго мышленія соотвѣтствія въ реальныхъ фактахъ, проф. Сѣченовъ очень остроумно ищетъ связку въ функціи нашего органа мышечнаго чувства. Мнѣ думается, что все это расчлененіе, принимаемое и Овс.-Куликовскимъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а создано подъ вліяніемъ нашего обычнаго грамматическаго разбора предложеній, что само психологическое сужденіе не должно представляться такимъ расчлененнымъ. Вѣдь если бы въ дѣйствительности было такъ, то нельзя было бы провести непосредственно связующей нити съ тѣмъ, что представляетъ, по научнымъ гипотезамъ, первоначальное словесное предложеніе. Поэтому

я не могу согласиться и съ той картиною, которую рисуетъ проф. Овс. Куликовскій, относительно перехода психологическаго сужденія въ словесное предложеніе : „каждый членъ психологическаго сужденія (подлежащее, сказуемое, связка) въ словесномъ предложеніи приурочивается къ извѣстной категоріи и такимъ образомъ является какъ бы въ двойномъ видѣ. Именно, подлежащее психологическаго сужденія, превращаясь въ подлежащее словеснаго предложенія, наряжается въ форму имени существительнаго въ именительномъ падежѣ. Оно уже не просто — сумма извѣстныхъ впечатлѣній, не просто образъ, но образъ квалицированный, приуроченный къ категоріи вещи, понятый, какъ предметъ или субстанція...“ (13—14). Здѣсь слишкомъ много значенія въ смыслѣ дальнѣйшей выработки словеснаго предложенія придается психологическому сужденію. Затѣмъ, когда авторъ рисуетъ переходъ психологическаго сужденія въ словесное предложеніе, то повторяемъ, не представляется и ему возможнымъ дать картину постепеннаго перехода въ силу искусственнаго расчлененія психологическаго сужденія. Психологическія подлежащія и сказуемыя совпадаютъ у автора съ подлежащими и сказуемыми логическими, чего нельзя было бы никакъ ожидать, если бы строго была проведена принятая идея эволюціи выводимыхъ стадій. Самый древній типъ предложеній представленъ авторомъ врядъ ли вѣрно : „птица — летящая, камень — лежащій“ ; затѣмъ уже : „птица есть летящая“ и пр. (19). Если для первыхъ примѣровъ послужило, повидимому, основою ученіе Потемни, то въ примѣненіи этого ученія уже замѣтно сильное отклоненіе отъ первоисточника. Кромѣ того, получается механическая вставка вспомогательнаго глагола. Говоря о знаменательности первоначальной связки, О. К. приводитъ затѣмъ, основываясь на Потемнѣ, ряды глаголовъ, постепенно теряющихъ свою конкретность и переходящихъ въ роль глаголовъ вспомогательныхъ. Определеніе грамматическаго предложенія О. К. даетъ, какъ онъ самъ приз-

наетъ, лишь правильно классифицирующее положеніе этого предложенія среди родственныхъ явленій (психологическаго и логическаго сужденій). „Грамматическое (словесное) предложеніе есть такое соединеніе грамматическихъ переработанныхъ представленій, которое можетъ быть претворено въ логическое сужденіе (или : которое можно, отвлекаясь отъ того, что специально вносить языкъ, и идя дальше въ направленіи отвлеченности, подготовленной грамматической мыслью, вновь повторить въ абстрактной формѣ логическаго сужденія)“. Выходя изъ своихъ положеній, О. К. не соглашается съ общимъ взглядомъ Потебни, что „языкознаніе и въ частности грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ“. Овс. Куликовскій совершенно правильно смотритъ на это мнѣніе, какъ на „крайнее выраженіе вполне законнаго протеста противъ смѣшенія грамматики съ логикой“ (31).

Въ „Синтактическихъ наблюденіяхъ“ (Ж. М. Н. П. 97 г. май, 98 г. май, 99 г. іюнь) проф. Овсяннико-Куликовскій ставитъ своей задачей продолжить работу Потебни — его наблюденія надъ процессомъ усиленія сказуемости — расширеніемъ матеріала. „Этотъ постепенный, вѣками совершавшійся процессъ, приведній къ „торжеству глагольности“ предложенія, Потебня прослѣдилъ въ исторіи языковъ славянскихъ, въ особенности — русскаго, а также и въ литовско-латышскомъ. Лишь изрѣдка дѣлаетъ онъ ссылки на соотвѣтственныя явленія въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. Оттуда естественно возникаетъ мысль о необходимости произвести аналогичныя изысканія въ области хотя бы нѣкоторыхъ языковъ, незатронутыхъ Потебнею. Въ особенности настоятельными представляются мнѣ наблюденія надъ строемъ предложенія въ древнѣйшихъ памятникахъ индоевропейской семьи“. На самомъ дѣлѣ авторъ выходитъ изъ этой скромно намѣченной задачи своего труда и не только ставитъ одно изъ главныхъ положеній Потебни на болѣе широкую почву (дополняя примѣрами и изъ обла-

сти славянской), но и въ своихъ „посильныхъ объясненіяхъ“ стремится произвести болѣе тонкій психологическій анализъ разбираемыхъ явленій, продолжить такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ нѣкоторыя лишь въ общемъ намѣченныя мысли Потебни. И въ послѣднихъ попыткахъ Овсянико-Куликовскому приходится выступать уже въ качествѣ вполне самостоятельнаго изслѣдователя. Все это я говорю къ тому, что нельзя смотрѣть на разбираемыя статьи какъ на какое-то дополненіе къ изслѣдованіямъ Потебни: эти статьи имѣютъ вполне самостоятельное значеніе. Какъ показываетъ заключеніе къ третьей (послѣдней) статьѣ („мы находимся еще въ самомъ началѣ нашихъ посильныхъ изысканій . .“ . . ., 443) изслѣдователь предполагалъ посвятить цѣлый рядъ очерковъ изучаемому вопросу, но, къ сожалѣнію, работа остановилась на этой статьѣ. Далеко не считая свою работу законченною, изслѣдователь далъ въ то же время нѣкоторыя новыя данныя для подкрѣпленія своихъ выводовъ по тому важному вопросу, который имъ въ общемъ развитъ въ „Очеркахъ науки о языкѣ“ (Русская Мысль 96 г., декабрь) — объ отношеніи мысленія грамматическаго къ логическому.

Первый очеркъ „Синтактическихъ наблюденій“ посвященъ вопросу о составномъ сказуемомъ изъ глагола-связки и предикативнаго атрибута въ формѣ причастія настоящаго (и будущаго) времени. Прежде всего здѣсь важенъ матеріалъ, который извлекается проф. Овсянико-Куликовскимъ изъ древне-ц. сл., древне-греч., санскритскихъ и готск. памятниковъ. Матеріалъ, этотъ вполне можетъ расширять наблюденія Потебни въ томъ отношеніи, что переносить его наблюденія на болѣе широкую почву и говорить о свойственности разсматриваемаго оборота греческому яз., готскому и санскриту. Оттѣнилъ бы я въ приведенномъ матеріалѣ данныя изъ греческаго классическаго яз. Вполнѣ естествененъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ, что существованіе разсматриваемаго оборота нужно признать въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя

согласиться съ тѣмъ, что дальнѣе говорить объ этомъ предполагаемомъ въ праязыкѣ оборотѣ проф. О.-К.: онъ говорить о параллельномъ существованіи двухъ оборотовъ — даннаго и выраженнаго посредствомъ формы простого глагольнаго сказуемаго (*hherō — несущу, *esmi hherons — есмь несущій), при чемъ разница между этими оборотами была только формально синтаксическая: въ одной формѣ для сознанія было два момента, въ другой — одинъ. Если мы обратимъ вниманіе на то, что въ дальнѣйшемъ развиваетъ О. К., то увидимъ, что самъ же онъ даетъ матеріалъ для иного заключенія. Если такъ называемые вспомогательные глаголы имѣли ранѣе конкретное значеніе, то для говорящаго соединеніе такихъ глаголовъ съ причастными формами было и по смыслу отличавшимся отъ формъ простыхъ сказуемыхъ. Совершенно не могу согласиться съ тѣмъ также, что говорить авторъ въ слѣдующемъ: „Въ эту отдаленную эпоху сочетанія *hheuō — hheronts и *esmi — vehonts значили „росту (и живу) несущій“ и „дышу (и живу) везущій“. Настоящій предикатъ здѣсь заключался въ причастіи, связка же, не выходя изъ своей роли, не вторгаясь въ область сказуемаго, только вызывала въ сознаніи известное представленіе (роста, дыханія, жизни), служившее грамматическимъ выраженіемъ (или, лучше, преобразованіемъ) связки психологическаго сужденія; это представленіе, отлитое въ форму глагола съ конкретнымъ значеніемъ, воспринималось мыслью не какъ цѣль рѣчи (то есть не какъ подлинный предикатъ), а какъ путь ведущій къ нему, какъ усиліе ума добратся до этой цѣли. Такой путь и пролагала себѣ младенческая мысль, еще не вооруженная отвлеченіями высшихъ ступеней (напримѣръ, понятіемъ становленія — werden, бытія — sein), улавливая доступныя ей или ея постулируемыя проявленія бытія и дѣятельности . . .“ Прежде всего при сдѣланномъ ранѣе заключеніи о тождественности оборотовъ данныхъ съ оборотами, выраженными простыми формами сказуемыхъ, и не нужно было

предположенія новыхъ путей, при томъ путей затрудненныхъ для образованія новыхъ оборотовъ. Напротивъ, существованіе разныхъ оборотовъ должно убѣждать въ томъ, что существовала первоначально разница въ смыслѣ, постепенно сглаживнаяся благодаря постепенной утратѣ конкретности такъ называемыхъ вспомогательныхъ глаголовъ. Здѣсь же и въ другихъ мѣстахъ у О. К. слишкомъ отгѣняется предикативность причастія, входившаго въ составъ сложнаго сказуемаго. Мнѣ думается, что въ этомъ сказывается превеличеніе. Если слѣдовать въ томъ направленіи, въ которомъ идетъ авторъ, то можно пойти и дальніе: и прилагательнымъ, напр., приписать ту же самостоятельную предикативную силу, не считаясь съ тѣмъ, какъ получалась эта сила. О. К. прибѣгаетъ къ сравненіямъ съ современными оборотами, какъ „деньга покатна живетъ“, называя эти обороты архаизирующими (а не архаическими, такъ какъ подобные обороты составлены уже въ позднѣйшее время). Но и въ подобныхъ оборотахъ, если въ нихъ дѣйствительно „живетъ“ и под. имѣетъ полное конкретное значеніе, нельзя будетъ назвать предикатомъ „покатна“ и пр. Насколько неустойчивы въ данномъ случаѣ обобщенія О. К., показываютъ дальнѣйшія его заключенія. Такъ, говоря о плеонастическомъ составномъ сказуемомъ, напр., санскр. *s ā p e m a m itrāgaruṇā s ā p a p t o , ā bhāveṣa dyāvārgṛīṇī bhāva p t a h*, т. е. да стягаемъ мы . . . стягающіе, да процвѣтаемъ . . . процвѣтающіе, О. К. замѣчаетъ: „Невозможно, конечно, опредѣлить съ точностью, какъ распредѣлялась тяжесть предикативности между обѣими частями сказуемаго, — падала ли большая часть ея на причастіе или же на глаголь или, быть можетъ, равномерно между ними распредѣлялась. Вѣрнѣе всего, что въ разныхъ головахъ или въ одной и той же головѣ, но въ различное время, составное сказуемое этого рода могло отражаться различно“. Последняя фраза очень характерна: она показываетъ, насколько изслѣдованія языка психологическаго характера отличаются непрочностью и не-

опредѣленностью, если эти изслѣдованія стремятся проникнуть въ глубь вѣковъ, основываясь на немногочисленныхъ примѣрахъ древнихъ предлжженій, не освѣщенныхъ современнымъ употребленіемъ. Также чрезмѣрно гипотетическимъ является дальнѣйшее построеніе проэтническаго предлжженія. Приведенные ранѣе тавтологическіе обороты, а также обороты синонимическіе (съ тавтологіей относительно: глаголь и причастіе синонимы — „боится трепещущее его“) обнаруживаютъ, по автору, характеръ древнѣйшаго построенія предлжженія: въ нихъ сказывалось то состояніе умовъ, когда человѣкъ „долженъ дважды подумать и сказать одно и то же, чтобы постичь (а п е р ц е п и р о в а т ь) свою собственную мысль“. Предполагается, что рѣчь строилась парами необособившихся именъ. „Мысленное подчиненіе въ такихъ парахъ одного термина, въ качествѣ а т т р и б у т а, другому, выступавшему въ сознаніи какъ о п р е д ѣ л я е м о е, и было первымъ шагомъ къ образованію категоріи прилагательнаго“. „Тавтологическій или синонимный оборотъ съ причастіемъ былъ первоначально также п а р о ю, въ которой еще не было ни настоящаго — въ собственномъ и позднѣйшемъ смыслѣ — г л а г о л а, ни такового же п р и ч а с т і я. На мѣстѣ перваго стояла форма, которую можно назвать прото-причастіемъ; это было архаическое „п р а и м я“, образованнее потомъ темы (основы) глаголовъ; на мѣстѣ же втораго (причастія) могла уже находиться именная форма съ суффиксомъ — nt, которая впоследствии, когда глаголь организовался, вошла въ его систему въ качествѣ причастія, взявъ на себя миссію выражать то, что нѣкогда выражалось глагольными основами, когда онѣ были самостоятельными словами“. Такимъ образомъ строится любопытная картина первоначальнаго предлжженія и выдѣленія постепенно частей предлжженія (при чемъ ясно сказывается вліяніе Ш т. „Изъ зап. по рус. грам. „Потебни), однако для построенія подобной картины предварительнаго матеріала анализируется слишкомъ мало. Разобранные примѣры изъ

санскритскаго языка вовсе не даютъ достаточнаго матеріала для такихъ широкихъ построений. Переходя затѣмъ къ составному сказуемому съ причастіемъ настоящаго (и будущаго) времени и связкою полуотвлеченною или конкретною, О. К. старается показать, что настоящій предикатъ заключается въ причастіи. Но то, что онъ говоритъ здѣсь, можетъ лишь свидѣтельствовать противъ его положенія. Если мы возьмемъ съ одной стороны б ѣ о у ч м, съ другой — в ѣ с т а и с к о у ш а м, то скажется огромная разница, и эта разница будетъ сглаживаться, если мы будемъ переносить логическое удареніе на глаголь и с к у ш а т ь, постепенно будемъ переводить этотъ глаголь изъ формы причастной въ *verbum finitum*, дѣлая послѣдній, т. е. в ѣ с т а формою причастною. Во всякомъ случаѣ необходимо считаться съ той переменною, которая произошла съ подобнаго рода предложеніями. Въ самихъ слѣдующихъ словахъ О. К., представляющихъ его формулировку, я вижу уже нѣкоторое противорѣчіе: „Связка в ѣ с т а . . . не вторгаясь въ область предиката и оставаясь только связкою, воспроизводитъ предикативную связь не такъ „сухо“, не такъ отвлеченно, какъ б ѣ . . . , а какъ бы наглядно и образно ее обрисовываетъ . . .“ Вотъ эта обрисовка и указываетъ на прежде бывшее вполне самостоятельное значеніе даннаго глагола и на перенесеніе затѣмъ логическаго ударенія на послѣдующее причастіе. Мѣнялся строй предложенія, какъ то было и съ формою причастія прошедшаго времени на -лѣ.

Во второй статьѣ О. К. разсматриваетъ составное сказуемое съ знаменательною (конкретною) связкою и причастіемъ настоящаго и буд. временъ въ двухъ отношеніяхъ: 1. когда означенное сказуемое выступаетъ въ роли предикативнаго атрибута и 2. — въ роли предикативной аппозиціи. Даваемый здѣсь матеріалъ прежде всего является почвою для развитія взгляда, высказаннаго Потемнею. Въ связи съ этимъ О. К. занятъ вопросомъ выясненія синтаксической роли предикативности и атрибутивности и

выясненіемъ той затраты и сбереженія энергіи языка, каковыя проявляются въ разсматриваемыхъ оборотахъ. Такимъ образомъ настоящая статья должна представляться очень интересной какъ попытка психологическаго выясненія затронутыхъ вопросовъ, находящихся въ связи съ важнымъ вопросомъ о развитіи предложенія. Я бы не сказалъ, что эта статья вноситъ какіе-либо особо новые результаты сравнительно съ тѣми, которые были извѣстны уже на основаніи изслѣдованій Потемни, но высказанныя наблюденія дѣлаютъ какъ-то болѣе ясными ранѣе только штрихами обозначенные законы языка. Но въ то же время, мнѣ думается, сама постановка изслѣдованія О. К. нѣсколько неправильна и въ силу этого имъ совершенно оставляется безъ вниманія одна очень важная сторона разсматриваемаго вопроса. Разсматривается составное сказуемое съ знаменательною связкою и причастіемъ въ двухъ роляхъ: предикативнаго атрибута и аппозиціи, и выясняется разница въ данномъ случаѣ между предикативнымъ атрибутомъ и аппозиціей. Эта разница должна была бы указывать, мнѣ кажется, что роль причастій здѣсь неодинакова: такъ называемое причастіе предикативно-атрибутивное не имѣетъ отношенія къ сказуемому — оно выступаетъ или въ качествѣ атрибута или зачаточнаго цѣлаго предложенія. Послѣднее — настоящее назначеніе этого причастія, если мы примемъ во вниманіе его предидирующую силу. На основаніи высказаннаго мною получается иное освѣщеніе данныхъ оборотовъ, чѣмъ то находимъ у О. К. Для поясненія я буду пользоваться приведенными у О. К. примѣрами. Возьму первый примѣръ, надъ которымъ производитъ наиболѣе детальное разслѣдованіе О. К. Правда, этотъ примѣръ не относится къ примѣрамъ изъ славянскихъ языковъ, но онъ наиболѣе характеренъ для нашей цѣли. *Ὁ δ'ἔγρετο δῖος Ὀδυσσεὺς ἐβδῶν ἐν γαίῃ πατρίῳι, οὐδὲ μὲν ἔγνω ἦδη δῆν ἀπέων* т. е. и проснулся божественный Одиссей спящій на отечественной землѣ и не узналъ ее уже долго отсутствующій.

Овсянико - Куликовскій находить: спящій употреблено атрибутивно, такъ какъ если видѣть здѣсь аппозицію, то получилась бы нелѣпность (проснулся и продолжалъ спать), и въ то же время это причастіе не выходитъ изъ сферы предиката. Между тѣмъ, вовсе нѣтъ никакой необходимости относить хотя отчасти данное причастіе къ предикату, а тѣмъ болѣе говорить, что оно находится въ сферѣ сказуемаго. Въ то же время, можетъ быть, былъ извѣстный періодъ, когда это причастіе само по себѣ было близко къ *verbum finitum*, но не доразвилось до послѣдняго и постепенно перенло въ атрибутъ. Если же мы возьмемъ другой примѣръ: *τῆν Ὀδυσσεὺς ᾤδθησεν ἰδῶν* — т. е. Одиссей обрадовался, увидѣвъ ее, — то здѣсь причастіе всецѣло относится къ глаголу, составляетъ какую то неразрывную по смыслу часть послѣдняго. Здѣсь такимъ образомъ картина мѣняется и, безспорно, причастіе входитъ въ составъ сказуемаго. Для подтвержденія того, что высказано мною по отношенію къ анализу перваго приведеннаго предложенія, я могъ бы сослаться и на тотъ матеріалъ, который приводится Потемнею, а затѣмъ О. Куликовскимъ относительно именительнаго самостоятельнаго, т. е. такого оборота въ которомъ причастіе выступаетъ уже въ самостоятельномъ предикативномъ значеніи. Я долженъ также добавить, что произведенный анализъ считается съ данными историческаго уже характера, не заходя въ область протѣтническую, гдѣ не было еще такого расчлененія въ назначеніяхъ причастій. Повидимому, противъ произведеннаго мною анализа могли бы говорить тѣ сопоставленія, которыя дѣлаетъ О. К. относительно славянскихъ переводовъ съ греческими оригиналами и переводами готскими: въ слав. текстахъ мы видимъ употребленіе, напр., причастія вмѣсто обстоятельственнаго слова въ греческомъ и готскомъ яз., но на ряду однако съ этимъ мы въ такой же роли находимъ и употребленіе прилагательнаго. Конечно, и за послѣднимъ нельзя отрицать употребленія въ предикативномъ значеніи,

но только не въ приводимыхъ примѣрахъ, гдѣ оно выступаетъ въ качествѣ атрибута.

Въ связи съ сказаннымъ я не могу согласиться съ тѣми общими положеніями, которыя выводитъ О. К. послѣ анализа отдѣльныхъ примѣровъ изъ разныхъ языковъ. Вотъ что говоритъ онъ относительно синтаксическаго характера предикативно-атрибутивнаго причастія. „Мы знаемъ, что наше причастіе было само по себѣ въ значительной степени предикативно, такъ что могло замѣнять глаголь. Обладаніе собственною предикативностью мѣшаетъ ему быть въ предложеніи простымъ опредѣленіемъ: оно поневолѣ становится опредѣленіемъ предидирующимъ и тянетъ къ сказуемому. Присоединяя къ предикативности глагола и свою, оно значительно увеличиваетъ общій запасъ предикативной силы, собранной въ сказуемомъ . . .“ А я бы сказалъ слѣдующее: предикативное причастіе, не достигшее полной силы предикативности, постепенно переходитъ въ атрибутъ, при чемъ сила предидирования вовсе и не переходитъ на настоящее сказуемое, а если и чувствуется связь этого причастія съ сказуемымъ, то эта связь образуется черезъ подлежащее. Такимъ образомъ мои послѣднія слова указываютъ на то, что я не согласенъ и съ послѣдующимъ заключеніемъ проф. О. Куликовскаго: „Это скопленіе предикативной энергіи въ сказуемомъ, дающее ему рѣшительный перевѣсъ надъ подлежащимъ, отчасти умѣряется тѣмъ тяготѣніемъ причастія (и предикативнаго имени) къ подлежащему, какъ его атрибуту, которое образуетъ специфическую черту предикативно-атрибутивнаго сочетанія въ противоположность аппозитивному . . .“ (Ж. М. Н. П. 98 г. май, 33—34).

Въ связи съ изложеннымъ стоитъ у О. К. попытка выяснитъ, что такое представляетъ собою предикативность. Въ виду важности затронутаго вопроса, я позволю себѣ цѣликомъ привести относящееся сюда мѣсто. „Предикативность принадлежитъ къ сферѣ мысли,

— она умственный актъ. Этотъ актъ не есть, какъ извѣстно, монополія языка: онъ образуетъ столь же неотъемлемую принадлежность сужденій психологическаго и логическаго, какъ и грамматическаго предложенія. Поэтому мы должны сперва отвѣтить на вопросъ: каковы общіе основные признаки предикативности, какъ умственнаго процесса, взятаго независимо отъ его постановки въ языкъ? Къ какимъ психологическимъ элементамъ можемъ мы свести явленіе предикативности, все равно — грамматической ли, психологической ли (доязычной), или логической (надъязычной)? Когда предизирующій субъектъ беретъ извѣстное представленіе въ качествѣ предиката для другого представленія, то, прежде всего, самое содержаніе перваго (служащаго предикатомъ) выступаетъ въ сознаніи (въ „свѣтлой точкѣ“ сознанія) съ болѣею отчетливостью, съ болѣею яркостью, чѣмъ это бываетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, съ представленіями, которыя берутъ на себя другія роли въ сужденіи. Далѣе, предизирующій субъектъ тратитъ извѣстную часть того умственнаго усилія и того вниманія, какія вообще потребны для фиксаціи представленій въ свѣтлой точкѣ сознанія, на апперцепцію специфическаго отношенія даннаго представленія, какъ предиката, къ его подлежащему: говоря, на примѣръ, „снѣгъ — бѣлъ“, я держу въ сознаніи не только само представленіе бѣлизны, но и спеціальное отношеніе его къ подлежащему „снѣгъ“ — я сознаю, я какъ бы отдаю себѣ отчетъ въ томъ, каково это отношеніе, какую именно роль въ предложеніи (или сужденіи) играетъ представленіе бѣлизны. Наконецъ, въ третьихъ, въ предизирующемъ субъектѣ возвышается родъ умственнаго самочувствія или самосознанія: предизируя — онъ сознаетъ или „мысленно ощущаетъ“ свое „я“, какъ виновника этого акта („снѣгъ

бѣлтъ“ собственно значить: я думаю, знаю, вижу, чувствую, утверждаю и т. д., что представленіе бѣлизны можетъ или должно быть отнесено къ представленію снѣга, какъ его предикать). Укажу здѣсь также на то, что этимъ признакомъ явленіе предикативности и отличается отъ явленія атрибутивности: въ послѣднемъ умственное самочувствіе субъекта доведено до минимума, который можетъ считаться равнымъ нулю („бѣлый снѣгъ“ значить только, что если дано представленіе снѣга, то дано и представленіе его бѣлизны). Этотъ родъ мысленнаго самоощущенія, это невольное обращеніе къ „я“ субъекта, которое такъ или иначе даетъ себя чувствовать во всякомъ актѣ предикативности, можетъ быть понимаемо, какъ гомологъ волеваго акта: тому, что въ сферѣ психики проявляется въ формѣ волеваго акта, въ болѣе тѣсной и вмѣстѣ съ тѣмъ высшей ея области — умственной, отвѣчаетъ актъ предикативности. Какъ гомологъ волеваго акта, процессъ предикативности отличается отъ другихъ, какіе только участвуютъ въ образованіи сужденія, тѣмъ, что требуетъ болѣе большихъ усилій мысли, болѣе затратъ умственной энергіи“ (тамъ же, 36). Итакъ намѣчается какъ бы три основныхъ элемента въ предикативности; на самомъ же дѣлѣ, первый и второй элементы образуютъ одно цѣлое, при чемъ одинъ элементъ относится къ другому, какъ причина къ слѣдствію. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что проводится въ этой первой половинѣ выясненія: съ предикативностью связывается дѣйствительно затрата умственной энергіи, благодаря чему выступаетъ ярче указанное содержаніе предиката. Зато нельзя согласиться со второй половиной, въ которой доказывается проявленіе какого-то рода самосознанія въ предикатѣ, самоощущенія. Здѣсь психологическое чутье изслѣдователя даетъ, кажется, чрезчуръ сомнительныя обобщенія: соединяя съ предикативностью актъ особаго самочувствія, О. К. противопоставляетъ въ данномъ случаѣ предикативности атрибутивности, какъ будто бы тамъ этого акта нѣтъ. На

самомъ же дѣлѣ, такъ противопоставать предикативность атрибутивности нельзя, потому что, какъ самъ же дальше О. К. замѣчаетъ, атрибутивность „есть ослабленная, смягченная предикативность“. И нельзя не согласиться съ дальнѣйшимъ разъясненіемъ подобнаго сравненія, только атрибутивность, все-же нельзя сравнивать съ какимъ-то бессознательнымъ заученнымъ движеніемъ, а предикативность съ сознательнымъ волевымъ движеніемъ. Говоря о большей или меньшей затратѣ умственной энергіи, нельзя говорить въ данномъ случаѣ только о разницѣ между предикатомъ и атрибутомъ, необходимо обратить вниманіе на то, что разница сказывается между тѣмъ или инымъ предикатомъ, иногда въ выраженіи одного или того же предиката. Совершенно правильно выдвигаетъ О. К. значеніе тѣхъ формъ, которыя онъ называетъ фикціями въ языкѣ. Я только предпочелъ бы говорить скорѣе о формальности, о переходѣ знаменательныхъ словъ въ слова формальныя, не прибѣгая къ термину „фигуривность“. Не прибѣгалъ бы я къ этому термину, потому что онъ, по моему, можетъ только вводить въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что О. К. считаетъ эту фигуривность, повидимому, переходной стадіей къ формальности.

На третьей статьѣ „синтаксическихъ наблюденій“ останавливаться не буду: эта статья касается составнаго сказуемаго съ причастіями перфекта и аористовъ (въ санскритѣ и греческомъ яз).

Небольшое изслѣдованіе проф. Овсяннико-Куликовскаго „Изъ синтаксическихъ наблюденій I. Къ вопросу о классификаціи безсубъектныхъ предложеній“ (СПБ. 1901 г. изъ Извѣстій отд. рус. яз. и слов. ИМП. Ак. Н. т. V, кн. 4) представляетъ собою, по словамъ автора, „введеніе въ дальнѣйшія историко-сравнительныя изслѣдованія, предпринятая авторомъ въ области безсубъектныхъ предложеній“, но, къ сожалѣнію, послѣ этого введенія О. К. не приступалъ къ печатанію своихъ изслѣдованій. Кромѣ главной задачи,

которую ставить себѣ здѣсь авторъ — установить синтаксическій процессъ классификаціи безсубъектныхъ предложеній, мы видимъ въ данной статьѣ рядъ интересныхъ соображеній. Въ основу классификаціи О. К. кладетъ большее или меньшее отсутствіе подлежащаго, такимъ образомъ получаютъ прежде всего обороты абсолютно-безсубъектные и относительно-безсубъектные. Нельзя не выдвинуть цѣнности такого дѣленія сравнительно съ дѣленіемъ Миклошича, основанномъ на лексическомъ значеніи разсматриваемыхъ оборотовъ. Но, съ другой стороны, дѣленіе на абсолютно-безсубъектные и относительно-безсубъектные не есть, въ сущности, классификація разсматриваемыхъ оборотовъ. Это только предварительный анализъ матеріала. О. К. находитъ, что въ дѣленіи Миклошича выдвинуто содержаніе фразы, а не грамматическая форма. И при „оглядкѣ“ на подлежащее также выдвигается содержаніе фразы, но уже нѣсколько иначе: содержаніе даетъ возможность опредѣлить, апперцепируется только сказуемое или оставляется какъ бы мѣсто для отсутствующаго подлежащаго, и послѣднее находится какъ бы въ возможности. И не только О. К. устанавливаетъ, что существуютъ различныя ступени относительно-безсубъектныхъ оборотовъ, но стремится констатировать и нѣкоторыя отгѣнки въ абсолютно-безсубъектныхъ предложеніяхъ. „Нѣкоторый отгѣнокъ“ замѣчаетъ О. К. въ употребленіи *es* и *il*, которыя онъ называетъ псевдомѣстоименіями. Безсубъектные обороты въ нѣмецкомъ языкѣ съ *es*, во французскомъ съ *il* появляются позже оборотовъ безсубъектныхъ безъ этихъ мѣстоименій. *Es* и *il* не измѣняютъ содержанія оборотовъ, но въ смыслѣ синтаксическихъ отношеній, по О. К., они создаютъ новые обороты и являются средствомъ для извѣстной эволюціи. *Es* и *il* причисляются О. К. къ средствамъ экономіи языка въ данномъ случаѣ: это фикціи, на которыя наше мышленіе не затрачиваетъ энергіи и которыя нужны для устраненія подлежащаго. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ я на-

хожу известную долю искусственности. Прежде всего исследователю приходится предполагать, что в древне-нѣмецкихъ и древне-французскихъ безсубъектныхъ оборотахъ еще чувствовалось присутствіе подлежащаго и затѣмъ уже вѣ дальнѣйшемъ начали прибавляться названныя мѣстоименія и получалось такимъ образомъ устраненіе субстанции. Но мнѣ думается, что если существовали уже болѣе или менѣе безсубъектные обороты, то ихъ поступательный ходъ не могъ выразиться вѣ прибавкѣ мѣстоименій, которыя на первыхъ порахъ должны были быть вполне знаменательны. Насколько же субъективны вообще поясненія древнихъ оборотовъ, показываетъ слѣдующее: вѣ противоположность Миклошичу О. К. постановку *Zeús* при *ἕει, βροντῆ* считаетъ доказательствомъ того, что эти обороты не были абсолютно безсубъектными и посему *Zeús* являлось возстановленіемъ прежняго подлежащаго (ср. сказанное также о *varṣati*, гдѣ также можно подмѣтить искусственность вѣ объясненіи происхожденія оборота: явленіе это — дождь — приписывается разнымъ богамъ; подлежащимъ считается даже какое то обобщеніе этихъ боговъ — божество и вообще „тогда эллипсисъ пріобрѣтаетъ большее значеніе вѣ смыслѣ прецедента безсубъектности“). Мнѣ кажется болѣе естественнымъ то объясненіе, которое находимъ у Потебни.

Безсубъектность предложенія имѣетъ большое значеніе вѣ сохраненіи известной силы для расходованія ея на увеличеніе логическаго богатства. Справедливо указываетъ Овсянико-Куликовскій, что „логическое мысленіе развивается и организуется на счетъ умственной силы сберегаемой вѣ мысленіи грамматическомъ“ (Изъ синтак. набл., 21). Нѣсколько искусственно, какъ видимъ, объясненіе того, что цѣнность такихъ мнимыхъ величинъ, какъ *es, il* — „сводится не только къ тому, что онѣ мало тратятъ, но также по преимуществу къ тому, что тратя мало, онѣ дѣлаютъ много“ (22). Искусственнымъ мнѣ кажется примѣненіе послѣдняго и къ употребляющимся у насъ

воно, оно: оно такъ и е и пр. и указаніе на то, что обороты эти обрываютъ всякую связь съ прежнимъ миѣическимъ дѣятелемъ. Прибавка этихъ мѣстоименій, мнѣ думается, помогаетъ дѣлать говорящему извѣстное обобщеніе. Я возьму примѣръ изъ Гоголя, приводимый и Потебнею: „оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому похвально“; или: „оно жаль, дѣйствительно, что ты не пріѣдешь . . . Здѣсь оно равняется частицѣ да, т. е. здѣсь уже заключается невысказанная мысль, которая подробнѣе развивается далѣе. Здѣсь обратное тому, что паходимъ въ такихъ выраженіяхъ: выучиться хорошо говорить на чужомъ языкѣ, это дѣло нелегкое (замѣчу, что Овс.-Куликовскій не признаетъ передъ это запятой).

При „говорять“, „думаютъ“ легко возстановить подлежащій субъектъ, исчезнувшее подлежащее, при другихъ выраженіяхъ это бываетъ очень трудно, иногда даже невозможно. Иногда это возстановленіе должно носить искусственный характеръ. Послѣдняго не избѣгъ Апполоній Дисколъ возстановляя при *ἀπορῥήπει-Ζεύς*. Поэтому совершенно нельзя согласиться съ тѣми возраженіями, которыя дѣлалъ Іовановичъ (*Die Impersonalien*. В. 96 г.) противъ теоріи, по которой отличительнымъ свойствомъ безсубъектныхъ предложеній является невозможность назвать подлежащее (т. к., по Іовановичу, невозможность назвать подлежащее еще не показываетъ его отсутствіе, а если можно назвать подлежащее, то это не значитъ, что подлежащее непременно содержится въ предложеніи). Въ безсубъектныхъ предложеніяхъ, безусловно, нужно прежде всего смотрѣть, дѣйствительно ли нѣтъ подлежащаго и невозможно его обозначить. Поэтому я признаю улучшеніе въ классификаціи проф. Овс.-Куликовскаго сравнительно съ классификаціей Миклошича, что О. К. прежде всего обращаетъ вниманіе на различную степень отсутствія подлежащаго и потому дѣлитъ безсубъектныя предложенія на абсолютно-безсубъектныя и относительно-безсубъектныя. Дѣй-

ствительно, рассматривая исключительно съ грамматической точки зрѣнія мы должны подвергать предложенія анализу со стороны, что и какъ въ предложеніи апперцепировано. И вотъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ подлежащее не апперцепировано. Но беря послѣднее за основу безсубъектныхъ предложеній, мы можемъ признать нѣкоторую непоследовательность въ дѣленіи Овс.-Куликовского. Разъ подлежащее не апперцепируется, то какъ же можно признавать относительно-безсубъектныя предложенія? Если мы будемъ признавать послѣднія, а также вообще степени безсубъектности, тогда въ основу дѣленія ляжетъ не только отсутствіе подлежащаго, а и его неопредѣленность. Тогда мы сблизимъ основныя точки зрѣнія Овс.-Куликовского и Ювановича, только для послѣдняго степени безсубъектности безразличны. Мнѣ и думается, что при классификаціи безсубъектныхъ предложеній нужно было бы выдвинуть болѣе рѣзко формальные признаки, при чемъ прежде всего признаки, конечно, синтаксическаго характера. На первый планъ я выдвинулъ бы предложенія, въ которыхъ нѣтъ подлежащаго и въ которыхъ нельзя его подразумевать, выдвинулъ бы такъ называемыя „абсолютно-безсубъектныя“ предложенія, при чемъ однако, не всѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ. И по древности образованія и по процессу образованія большая разница между „свѣтаеть“, „меня мутить“ съ одной стороны, и „мнѣ было весело“, „пора итти“, „много прожито“ и др., подводимыми Овс.-Куликовскимъ подъ одну рубрику „абсолютно - безсубъектныхъ“ предложеній. Данныя многихъ языковъ указываютъ на общность въ выраженіи безсубъектными оборотами метеорологическихъ явленій или внутреннихъ состояній чело-вѣка. Въ такихъ выраженіяхъ ни грамматическаго ни логическаго подлежащаго нѣтъ. Эти предложенія, надо думать, служили однимъ изъ первыхъ элементовъ для образованія другихъ оборотовъ. Если можно задаваться вопросомъ о существованіи подлежащаго для такихъ предло-

женій, то этого не можетъ быть по отношенію другихъ предложеній, создавшихся уже по аналогіи. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ „пора идти“, подлежащее еще нѣсколько чувствуется (А. И. Соболевскій въ своей замѣткѣ на Subjectlose Satz, Миклошича — Рус. Филолог. В. т. X, 152 — считаетъ, вопреки Миклошичу, такіе обороты, какъ „пора кофе пить“, „пора итти“ личными, сравнивая ихъ съ оборотами *tempus est bibendi* и под., при чемъ указываетъ, что при переходѣ въ отрицательные эти обороты не представляютъ перехода подлежащаго въ родительный падежъ: мнѣ еще не пора ѣхать и пр.; но самъ же рецензентъ замѣчаетъ, что „пора“, „время“, „досугъ“ въ подобныхъ оборотахъ кажутся намъ нарѣчіями, поэтому сказуемое глаголъ въ прошедшемъ времени ставится въ среднемъ родѣ: тогда мнѣ не было еще пора и пр.). Въ такихъ выраженіяхъ, какъ „мало прожито“ и пр., я не согласенъ видѣть непременно винительный падежъ, потому что данная форма отвѣчаетъ на вопросъ: сколько — и здѣсь подлежащее потеряло часть своей силы, но предложеніе не можетъ быть сравниваемо съ оборотами „морозить“ и пр. По образу „много прожито“ слагается, напр., „прошло 3 года“; послѣднее предложеніе Овс.-Куликовскій относить къ „переходнымъ формамъ“, хотя, идя послѣдовательно, могъ бы отнести и къ группѣ „абсолютно-безсубъектныхъ“ предложеній, разъ здѣсь отрицаетъ подлежащее.

Въ формахъ пассива мы видимъ, дѣйствительно, одно изъ средствъ распространенія своего рода безсубъектности путемъ уменьшенія значенія подлежащаго, но путь образованія получающихся безсубъектныхъ предложеній посредствомъ пассива нѣсколько иной, чѣмъ въ такихъ случаяхъ, какъ „морозить“ и под.

Говоря объ условіяхъ появленія безсубъектныхъ оборотовъ (здѣсь новаго ничего не дается) О. К. приводитъ любопытные примѣры изъ грамотъ: оборотъ „пишетъ“ въ значеніи „пишутъ“, „написано“, „пишется“.

Очень удачно связываются съ безсубъектными оборотами въ отношеніи „убыли грамматической апперцепціи подлежащаго“ и перевѣса апперцепціи сказуемаго нѣкоторыхъ отличія новаго строя языка отъ древняго: 1. измѣненія въ составныхъ сказуемыхъ со вторыми именительными падежами въ формѣ причастія или имени (существ. и прилаг.), 2. исчезновеніе *medium' a* (*atmaperađam*), въ которомъ сказывалась „оглядка“ на подлежащее, 3. возникновеніи пассива, низводящаго производителя признака въ фиктивного дѣйствителя.

Лишь отчасти отразилось вліяніе изслѣдованій Потебни на изслѣдованіи, спеціально относящемся къ языку греческому, А. Добіаша — Опытъ семазіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка (Прага 1897 г.). Работа Добіаша имѣетъ отношеніе и къ синтаксису славянскихъ языковъ.

Книга Добіаша распадается на нѣсколько отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ, своего рода введеніи къ дальнѣйшему изслѣдованію, авторъ стремится обрисовать господствующія теоріи синтаксиса (начала синтаксиса у Гумбольдта; синтаксическая система Беккера; ученіе Штейнтала о языкѣ; теорія Потебни о грамматическомъ мышленіи; что такое синтаксисъ? — предварительныя замѣчанія къ семазіологіи частей рѣчи и ихъ формъ). Но, въ сущности, это небольшія отрывочныя свѣдѣнія, изложеніе неясное, изслѣдователь зачастую пользуется словами разбираемыхъ авторовъ, приводя ихъ или въ переводѣ или въ переложеніи. Въ большинствѣ получается только какое-то нагроможденіе изъ выборокъ. Немудрено, поѣтому, что 87 страницъ, занимающихъ первый отдѣлъ, не рисуютъ передъ нами того, чего бы мы могли ожидать послѣ прочтенія многообѣщающаго оглавленія введенія. Задачей своего труда Добіашъ ставитъ семазіологическое изученіе разрядовъ словъ.

Данную задачу ставилъ себѣ, какъ замѣчаетъ Добіашъ (62), Миклошичъ, только послѣдній „находился подъ давленіемъ членовъ предложія, не вышелъ такимъ образомъ изъ подъ вліянія Беккера“. Трудъ Миклошича лишень, по словамъ Добіаша, въ силу данной причины центра и потому представляетъ собою „скорѣе магазинъ примѣровъ, сгруппированныхъ подъ цѣлымъ рядомъ ярлыковъ, кое-какъ между собою связанныхъ, а то и вовсе несвязанныхъ“ (61—62). Насколько подобный отзывъ несправедливъ, мы можемъ заключить на основаніи ранѣе сказаннаго о синтаксисѣ Миклошича. Самъ же Добіашъ, опредѣливъ для себя задачу, вышелъ въ дальнѣйшемъ изъ ея рамокъ. Онъ различаетъ, напр., три вида подлежащихъ въ синтаксисѣ (175 и сл.): логическія, психологическія и синтаксическія. Я не говорю о самой непріемлемости подобнаго разграниченія и искусственности въ проведеніи доказательствъ признапія подобнаго разграниченія. Да и какъ можно поставить семасіологию разрядовъ словъ и формъ независимо отъ предложія и слѣдовательно его членовъ, если значеніе того или другого разряда словъ, по признанію самого же Добіаша: „входитъ какъ часть въ ту общую мысль, которая получаетъ свое выраженіе въ рѣчи, какъ сочетаніе словъ и ихъ формъ“ (см. положенія къ изслѣд. Д., 1), Если взять дѣленіе грамматики, сдѣланное Рисомъ, къ каковому Добіашъ относится сочувственно, то увидимъ, что задача, поставленная Добіашемъ, будетъ относиться къ той части грамматики, которую Рисъ не относилъ къ синтаксису (а къ семасіологіи словъ). А между тѣмъ, самъ Добіашъ задается такими вопросами, какъ: опредѣлить отличіе рѣчи отъ мысли съ семасіологической точки зрѣнія.

То крайнее искусственное дѣленіе на 3 рода подлежащихъ и сказуемыхъ, тотъ искусственный анализъ предложія, который даетъ Добіашъ, основывается вообще на искусственномъ анализѣ рѣчи, данномъ этимъ изслѣдователемъ. Такъ еще въ „предварительныхъ замѣчаніяхъ

къ семазіологіи частей рѣчи“ Добіанъ замѣчаетъ (77—78), что рѣчь „есть выраженіе ряда представленій въ такомъ или иномъ отношеніи или чисто сенсуальномъ, или психологическомъ“. Соотвѣтственно этому и часть рѣчи является выраженіемъ представленія или отношенія, при чемъ отношенія — сенсуальнаго или психологическаго. Отсюда и вытекаетъ выводъ Добіана о подлежащемъ и сказуемомъ логическихъ и психологическихъ. Затѣмъ идутъ синтаксическія отношенія — зависимость, пополненіе одной части другою и пр.

Изслѣдованіе Добіана интересно для насъ въ двухъ отношеніяхъ: 1. по стремленіямъ установить нѣкоторыя общія синтаксическія положенія, 2. по пользованію матеріаломъ изъ строя русской рѣчи при выясненіи строя рѣчи греческой.

Представитъ семазіологію частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка, — слѣдовательно, дать картину жизни разрядовъ словъ, ихъ формъ, привести эти формы въ неразрывную связь съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ значеніемъ являлось и является дѣломъ очень труднымъ. Трудно удалить всѣ тѣ наросты, которые образовались съ теченіемъ времени, опредѣлить всѣ тѣ уклоны, по которымъ шла рѣчь въ ея отдѣльныхъ словахъ, въ отдѣльныхъ формахъ послѣднихъ. Я не буду касаться различныхъ предположеній автора о томъ, что предлоги первоначально представляли собою особую часть рѣчи (для обозначенія мѣстныхъ отношеній), что предлоги не были первоначально нарѣчіями, что такъ называемыя нарѣчія представляютъ окаменѣлыя падежи именъ существительныхъ, не буду касаться попытокъ автора выяснитъ первоначальное значеніе падежей и пр.: здѣсь нерѣдко можно отмѣтить онибки изслѣдователя или, по крайней мѣрѣ, необоснованность его предположеній, натяжки при объясненіяхъ.

Прежде всего, какъ отнестись къ основной задачѣ — раздѣлить рѣчь на части, руководясь линію семазіологиче-

ской стороной, стороной значенія. То дѣленіе, которое находимъ у Добіаша, не говоритъ въ пользу его теоріи. Это дѣленіе на 5 частей рѣчи, при чемъ, несмотря на все стараніе автора, семасіологическая точка зрѣнія не представляется выдержанною. Въ 1-ю группу внесены слова существительныя и признаковыя; эти слова въ свою очередь дѣлятся на матеріальныя (наши: существительныя и прилагательныя) и формальныя (наши: мѣстоименія). Въ этой первой группѣ являются такимъ образомъ нераздѣленными имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія. Ко 2-й группѣ отнесенъ глаголь, выражающій присужденіе признаковъ, при чемъ глаголь дѣлится на 2 разряда: слова признаковыя и существительныя (послѣднія — формальныя). Затѣмъ слѣдуютъ группы: 3 — предлоги, 4 — частицы, 5 — счетная часть рѣчи (несклоняемыя имена числительныя).

Само отношеніе Добіаша къ неопредѣленному наклоненію, которое онъ называетъ глагольнымъ именемъ, еще дѣлаетъ болѣе непослѣдовательнымъ его дѣленіе. То же можно отчасти сказать и относительно причастій, которыя Добіашъ называетъ глагольными признаковыми именами. Затѣмъ, если прослѣдить весь ходъ изслѣдованія Добіаша, то мы увидимъ, что въ дѣленіи на разряды у него играетъ роль не одна семасіологическая сторона, но и сторона формальная, морфологія словъ. И это уклоненіе является, въ сущности, вполне цѣлесообразнымъ, только нужно было бы провести его болѣе рельефно.

Добіашъ изъ всѣхъ частей рѣчи выдѣляетъ, руководясь важностью значенія, глаголь. Еще въ предисловіи къ своему труду Добіашъ, дѣлая поправку къ мнѣнію Потебни, выражается не особенно удачно: „мы, я говорю, сказали бы, что глаголь-сказуемое выражаетъ признакъ въ такой или иной стадіи его развитія на лицѣ (слово на избрано нами въ виду разныхъ залоговъ глагола)“ (45). Отмѣчая въ глаголѣ богатство средствъ для выраженія отѣнковъ мысли, выставляя его преимущество въ данномъ

случаѣ передъ другими частями рѣчи, Добіашъ опредѣляетъ само предложеніе, какъ „глаголь съ его симазіологическими дополненіями“ (155). Правда, какъ онъ самъ замѣчаетъ, это опредѣленіе не исчерпываетъ всей области предложенія (какъ и семазіологія лишь часть синтаксиса), послѣднее можетъ образоваться и благодаря другимъ средствамъ. напр., ударенію (молчать! — здѣсь цѣлое предложеніе въ силу повелительнаго тона, безъ послѣдняго данное слово будетъ лишь оторванной частью рѣчи, ср. 64, 156). Здѣсь, конечно, Добіанъ, рассуждаетъ послѣдовательно, но нѣкоторую непослѣдовательность можно подмѣтить въ уравненіи предложеній „риматическихъ“ съ предложеніями „ономатическими“. Именно, если глаголу принадлежитъ не только способность выражать извѣстное представленіе, но и отношеніе (которое особенно важно для созданія предложенія), то въ „ономатическихъ“ это отношеніе сказывается безъ глагола (набать! громъ! ср. 90—91, 155). Если возьмемъ такое предложеніе, какъ о р е л ь — х и щ н и к ъ , которое Добіанъ считаетъ ономатическимъ (165 и сл.), то и оно такимъ образомъ не подойдетъ подъ опредѣленіе чисто семазіологическаго характера, выведенное ранѣе Добіанемъ. Анализъ же, произведенный Добіанемъ надъ приведеннымъ примѣромъ, очень благотворно долженъ былъ бы подѣйствовать въ смыслѣ неисканія грамматическаго подлежащаго и сказуемаго. Дѣйствительно, подобныя примѣры могутъ наглядно убѣждать, что рассматривая только грамматически, мы не можемъ здѣсь отличить подлежащее отъ сказуемаго, а для различенія намъ важенъ смыслъ фразы.

Можно признать вполне правильнымъ отрицательное отношеніе Добіана къ существованію грамматическаго подлежащаго, но только не потому, что это подлежащее является „симазіологическимъ дополненіемъ“. Уже въ томъ, что далѣе проводитъ Добіашъ, видно, что подлежащее все же и въ его формулировкѣ отличается отъ дополненія. „Грамматически, т. е. грамматической ф о р м о й выражено здѣсь

не подлежащее, а именительный падежъ, который тѣмъ и отличается отъ другихъ симазіологическихъ дополненій, глагола, что только „поименовываетъ“ τὸ δὲ, тогда какъ другія симазіологическія дополненія въ другихъ падежахъ кромѣ поименовыванія выражаютъ еще другія отношенія“ (177). Насколько искусственно устанавливаемое дѣленіе на 3 рода подлежащихъ и сказуемыхъ, показываютъ особенно наглядно слѣдующія слова Добіанна. „Да, мы будемъ различать три пары подлежащихъ и сказуемыхъ, и хотя онѣ всѣ, въ сущности психо-логическія, какъ и вся рѣчь, въ качествѣ выраженія сужденія и разсужденія, есть психо-логическая, но въ частности мы будемъ усматривать — въ психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ присужденіе вообще признака предмету, въ логическихъ — отнесеніе меньшаго логическаго объема къ большому, и въ синтаксическихъ — отнесеніе даннаго къ искомому“ (175—6). „Синтаксическія подлежащее и сказуемое . . . не связаны никакою грамматической формой и опредѣляются и существенно контекстомъ . . .“ (179). Анализируя выраженіе *Μοχλῆν ἐστὶ πόλις*, Добіаннъ *ἐστὶ* считаетъ подлежащимъ (182). Другихъ мѣстъ приводитъ не буду — вся система, данная Добіанномъ въ этомъ случаѣ, запутываетъ, въ сущности, дѣло.

Изъ временъ выводитъ Добіаннъ „видовые оттѣнки“ (144 и сл.). Подъ „видовыми оттѣнками“ онъ разумѣетъ „разныя стадіи развитія дѣйствія, которыя грамматическая форма призахватываетъ къ обозначенію времени какъ принадлежность самого сужденія“. Въ повелительномъ наклоненіи настоящаго времени Добіаннъ отмѣчаетъ рядъ моментовъ, — извѣстную процессуальность дѣйствія въ будущемъ, противоположность тому одному моментности въ повелительномъ наклоненіи аориста; въ повелительномъ прошедшаго времени Добіаннъ усматривалъ длительность состоянія. Такимъ образомъ въ повелительномъ наклоненіи греческаго языка Добіаннъ устанавливалъ три видовыхъ оттѣнка.

Совершенно правильно отмѣчалъ Д., что такія слова, какъ: т а к о й , к а к о й и пр., нужно относить къ именамъ прилагательнымъ (какъ то дѣлали нѣкоторые древніе грамматикѣ, 90). Нельзя руководясь извѣстнаго рода общностью значенія данныхъ словъ сравнительно съ прилагательными, относить эти слова къ мѣстоименіямъ. То же самое необходимо примѣнить къ „какъ“ (какое относить нужно къ нарѣчіямъ).

Если у Добіаша можно замѣтить отклоненія отъ идей Потєбни, то въ большей степени мы замѣтимъ несогласія съ этимъ послѣднимъ въ трудѣ по рус. грамматикѣ проф. Богородицкаго.

Въ „Общемъ курсѣ русской грамматики“ (изъ университетскихъ чтеній) проф. Богородицкаго (1-е изд. Каз. 1904 г., 2-е изд. 1907 г.) есть небольшой отдѣлъ посвященный синтаксису (нѣсколько увеличенный во 2-мъ изд.); въ отдѣлѣ морфологіи авторъ разсматриваетъ также нѣкоторые вопросы, относимые другими изслѣдователями къ синтаксису (дѣлаетъ это проф. Богородицкій, какъ самъ онъ говоритъ о томъ, ради внесенія большей цѣльности).

Проводя совершенно справедливо общую мысль о господствѣ экономіи какъ принципа въ исторіи языка (113, ссылаюсь на 2-е изд.), давая, можетъ быть, болѣе точную формулировку, чѣмъ то было ранѣе въ русской наукѣ, законовъ развитія значенія словъ (факторъ — ассоціація смежности и сходства, при чемъ указывается на неправильность выраженія, что измѣняется значеніе слова: „въ дѣйствительности происходитъ примѣненіе слова къ новому значенію“, 112), справедливо указывая на развитіе частей рѣчи въ предложеніи (ср. о томъ же въ „Очеркахъ по языковѣдѣнію и русс. яз.“ проф. Богородицкаго, Каз. 1909 г., 299 и сл.), проф. Богородицкій во многихъ другихъ пунктахъ отстѣпаетъ въ сторону началъ, проводимыхъ ранѣе, началъ,

которыя безспорно должны быть отвергаемы. Я не буду останавливаться въ данномъ случаѣ, напр., какъ опредѣляетъ Б. отношеніе частей рѣчи — именъ существительныхъ и прилагательныхъ въ особенности (126—7), — на сказанномъ о происхожденіи именъ собственныхъ изъ нарицательныхъ (129), на опредѣленіи глагола (187), на дѣленіи его на два залога (признаются два главныхъ залога — дѣйствительный и средній, соотвѣтственно двумъ основнымъ родамъ дѣйствія, 188; къ страдательному, между прочимъ, отнесены такія формы: меня посылаютъ) и па нѣк. др. вопросахъ, разсмотрѣнныхъ въ морфологіи.

Если мы, минуя вопросы, затронутые авторомъ въ морфологіи, остановимся подробнѣе на его общихъ взглядахъ, положенныхъ въ основу небольшой части „Общаго курса грамматики русскаго языка“ — синтаксиса (гл. XII), то уже съ первыхъ страницъ здѣсь встрѣчаемся мы съ какимъ-то стремленіемъ оставаться на точкѣ зрѣнія нашей традиціонной грамматики, хотя авторъ и сознаетъ недостатки этой послѣдней. Прежде всего это сказывается въ опредѣленіи предложенія („каждое сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли и образующее одно цѣлое, называется предложеніемъ“, 235—6; нѣсколько далѣе, въ примѣчаніи, авторъ признаетъ, что для выраженія одной мысли требуется иногда нѣсколько предложеній), въ опредѣленіяхъ подлежащаго и сказуемаго (238). Самый процессъ возникновенія нашихъ предложеній (239—40) построенъ чисто логическимъ путемъ (предложеніе возникаетъ какъ результатъ расчлененія мысли); авторъ не считается здѣсь съ тѣми правдоподобными предположеніями, которыя были ранѣе выставлены Потебнею, а выставляетъ свои предположенія, руководясь тѣмъ, какъ этотъ вопросъ представляется на основаніи процесса современной намъ рѣчи, не считаясь такимъ образомъ съ необходимостью дѣлать разграниченія между строемъ современной рѣчи и возможными данными строя рѣчи первоначальной. И въ даль-

нѣйшемъ анализъ предложенія чисто логическаго характера. Устанавливаются (241) предложенія, изображающія фактъ, и предложенія опредѣляющія предметъ относительно его родового понятія, затѣмъ предложенія переходныя: „это — предложенія, опредѣляющія свойство или качество предмета, напр. лошади мала . .“ „Логическій“ взглядъ сказывается и въ отнесеніи къ синтаксису частей предложенія, а къ морфологіи — частей рѣчи (241, примѣч.).

Говоря о такихъ предложеніяхъ, какъ „лошадь — животное“ („предложенія, опредѣляющія подлежащее относительно его родового понятія“, 244), проф. Богородицкій не видитъ, какъ онъ выражается, въ пропускѣ глагола потери сказуемымъ его глагольнаго значенія. Проф. Богородицкій приводитъ въ данномъ случаѣ сравненіе съ такими словами, какъ столовая, прихожая и др., когда не теряется субстантивность, несмотря на пропускъ существительнаго. Но дѣло здѣсь въ томъ, что субстантивность переходитъ на данныя слова. Между тѣмъ то логическое удареніе, съ которымъ произносится названіе родового понятія, та пауза, которою отдѣляется это названіе отъ опредѣляемаго понятія (на что обращаетъ вниманіе проф. Богородицкій), могли бы указывать, что въ строѣ предложенія сказуемость выполняется неграмматическимъ элементомъ. Значеніе этихъ неграмматическихъ элементовъ сказывается особенно въ такихъ случаяхъ, какъ: молчать! и пр. Этотъ неграмматическій элементъ является яснымъ въ произношеніи, на письмѣ его приходится обозначать извѣстными знаками (тире, восклицательный знакъ). Такимъ образомъ падаетъ защита проф. Богородицкаго знаменательности современнаго глагола быть, будто бы неправильно возведеннаго на степень связки („а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ грамматикахъ глаголь „быть“ считается „связкою“, чѣмъ какъ бы лишается полной знаменательности глагола и даже какъ бы исключается изъ глагольнаго разряда словъ“, 244).

Особенно интереснымъ для характеристики взглядовъ проф. Богородицкаго на исторію развитія предложенія можетъ представляться примѣчаніе на стр. 253-ей. Въ этомъ примѣчаніи Б. возстаетъ противъ проведенія теоріи объ усиленіи сказуемости въ развитіи предложенія. Я приведу выдержку изъ этого примѣчанія, и эта выдержка ясно покажетъ, что изслѣдователь не совсѣмъ точно представилъ себѣ эту теорію, сами возраженія, поэтому, отпадаютъ и въ этихъ возраженіяхъ мы можемъ также констатировать ошибки. „Въ русской лингвистической литературѣ были попытки открыть основной законъ измѣненія синтаксической стороны языка, при чемъ указывалось на усиленіе сказуемости въ предложенія насчетъ субстантивности. Это обобщеніе мнѣ кажется совершенно неосновательнымъ; ибо, если дѣйствительно и встрѣчаемъ случаи расширенія глагольности и сказуемости, напр., при образованіи безличныхъ выраженій (срв. „жаль“ и т. п.), неопредѣленнаго склоненія и т. п., то съ другой стороны можно указать не менѣе фактовъ, доказывающихъ также и развитіе субстантивности (срв. переходъ прилагательныхъ и иногда даже причастій въ категорію существительныхъ, возможность образованія къ каждому глаголу именнаго названія дѣйствія, возможность опредмеченія даже цѣлыхъ предложеній и т. п.). Отсюда слѣдуетъ, что въ развитіи языка существуетъ то и другое теченіе и оба они необходимы, что конечно не исключаетъ того, что они могутъ получать своеобразныя черты на почвѣ отдѣльныхъ языковъ. Замѣчу еще, что защитники первѣса глагольности и сказуемости ошибочно толкуютъ о какой-то энергіи сказуемаго: энергія можетъ принадлежать дѣйствіямъ въ объективномъ мірѣ, но не членамъ предложенія, остающимся все-таки символами представленія нашей мысли. Увлеченіе идетъ еще дальше, когда кажущееся возростаніе мнимой энергіи сказуемаго сопоставляютъ и связываютъ съ развитіемъ естественно-научнаго ученія объ „энергіи“. Вѣдь въ этомъ случаѣ сходство въ оди-

наковости словъ, и ужъ если естественно-научное ученіе объ энергіи разсматривать съ точки зрѣнія субстантивности или же глагольности, то скорѣе нужно признать, что это ученіе имѣетъ характеръ субстантивный“. Я привелъ это примѣчаніе почти цѣликомъ, потому именно, что оно характерно показываетъ, на какой ложной дорогѣ находится Б. въ оцѣнкѣ упомянутой теоріи. Усиленіе глагольности, сказуемости выражается въ цѣломъ развитіи нашего предложенія и нельзя сопоставлять въ данномъ случаѣ съ переходомъ прилагательныхъ и причастій въ им. существительныя: самый строй предложенія не можетъ существовать и развиваться благодаря струѣ субстантивности. Стоитъ только вспомнить, какъ самъ Б. опредѣляетъ отношеніе глагола и существительнаго, чтобы понять все противорѣчіе заключительныхъ мыслей. Можно было бы только говорить о переходѣ функцій, которыя являлись преимущественно функціями принадлежавшими глаголамъ, о переходѣ этихъ функцій на другія части рѣчи. Не представляетъ ничего удивительнаго и попытки изслѣдователей отмѣчать вліяніе нашего мышленія на языкъ (мышленія, разошедшагося въ общей эволюціи съ языкомъ).

Я не буду останавливаться на XIII главѣ („Распространеніе простого предложенія. Замѣчанія о сложномъ предложеніи“). Эта глава, прибавленная во 2-мъ изданіи разсматриваемаго труда, также проникнута „логическимъ“ направленіемъ и представляетъ (особенно въ „замѣчаніяхъ“) болѣе педагогическій интересъ. Отмѣчу только, что относительно второстепенныхъ членовъ предложенія устанавливается 2 группы: опредѣленія и дополненія (изъ второй группы выдѣляются затѣмъ обстоятельственныя слова), впрочемъ въ данномъ случаѣ Б. имѣлъ уже предшественниковъ, напр. то же дѣленіе на 2 группы мы находимъ въ учебникѣ Баталина.

II.

Въ 1883 г. былъ изданъ въ Москвѣ учебникъ Н. Баталина — Русскій синтаксисъ. Учебникъ этотъ долженъ былъ бы, повидимому, обратить на себя вниманіе, найти распространеніе, или, по крайней мѣрѣ, вызвать подражанія, потому что онъ былъ новинкою, однимъ изъ первыхъ опытовъ, построенныхъ на болѣе научномъ отношеніи къ синтаксису. Синтаксисъ Баталина основанъ былъ на трудахъ Потебни, Миклошича, Гейзе; въ нѣкоторыхъ пунктахъ составитель стремился выказать и самостоятельное отношеніе къ тому или иному вопросу.

Такимъ образомъ трудъ этотъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: 1. какъ популяризація тѣхъ капитальныхъ трудовъ, которыми пользовался г. Баталинъ, 2. какъ попытка самостоятельнаго освѣщенія нѣкоторыхъ синтаксическихъ вопросовъ. Для насъ, конечно, важна эта вторая черта, но вкратцѣ я коснусь и первой.

Какъ одна изъ первыхъ попытокъ ввести въ дѣло школьнаго преподаванія мысли, проводимыя Потебнею, Миклошичемъ, и Гейзе, трудъ Баталина, повторяемъ, долженъ былъ бы заслуживать всяческаго вниманія и продолженія, и если не было ни того ни другого въ свое время, то это прежде всего объясняется слабыми сторонами даннаго труда. Изложеніе вышло очень сухимъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно было затруднительно для пониманія. Я не нахожу также, чтобы та сторона изслѣдованій Потебни, которая могла бы дѣйствительно заинтересовать приступающаго къ изученію языка, была схвачена и изложена Баталинымъ такъ, какъ заслуживалъ оригиналъ. Возьмемъ хотя бы первую страницу и мы увидимъ, какъ далеко не использовалъ мыслей Потебни авторъ, говоря о разницѣ между словомъ и междометіемъ (впрочемъ, онъ могъ бы здѣсь сослаться на незнакомство съ „Мыслью и языкомъ“, но разъ ставилось изученіе по новымъ изслѣдованіямъ, то нужно было бы воспользо-

ваться и этимъ сочиненіемъ). На той же и слѣдующей страницахъ опредѣленіе, что такое слово, показываетъ, насколько Баталинъ совершенно не усвоилъ точки зрѣнія Потебни. А дѣленіе словъ на вещественныя и формальныя совсѣмъ уже не подходитъ къ учебнику, который долженъ былъ бы стремиться къ точности терминовъ. Насколько важны подобные термины указываетъ и то обстоятельство, что если, напр., ихъ замѣнить терминами другихъ учебниковъ: знаменательныя и формальныя, мы тѣмъ самымъ создаемъ возможность появленія различныхъ градацій — болѣе, менѣе знаменательныхъ, формальныхъ и такимъ образомъ рисуемъ постепенность въ развитіи самого слова. Для характеристики даннаго положенія можно было бы сослаться на тѣ видоизмѣненія, которыя произошли съ глаголомъ „быть“: сначала вполне конкретный, употреблявшійся въ значеніи „дышать“, этотъ глаголъ обратился впоследствии въ формальную связку.

И съ самаго начала § 2 (со 2 стр.) мы находимъ совершенно невѣрное раздѣленіе предложенія на составные элементы, образующіе самостоятельныя предметы и несамостоятельныя; несамост. предметъ. — „постороннее приложеніе (случайный признакъ . . .), которое къ нему (т. е. самост. пр.) присоединяется . . . и которое называется атрибутомъ или приложеніемъ. Соединяя эти двѣ части, мы получимъ предложенія . . .“

Я не буду здѣсь отмѣчать всѣ недостатки учебника Баталина; ихъ слишкомъ много. Да и нѣтъ нужды этого дѣлать, а я останавлиюсь лишь на данныхъ, которыя выдвигаютъ этотъ учебникъ, на данныхъ, на которыхъ долженъ остановиться занимающійся исторіей разработки русскаго синтаксиса. Прежде всего я выдвину объединеніе Баталинымъ опредѣлевій и обстоятельствъ въ одну группу опредѣленій. Если, говоря словами Овс.-Куликовскаго „опредѣленіе есть часть предложенія, выражающая признаки,

принадлежащія предметамъ, которые, обозначены въ предложениіа, а „обстоятельство есть часть предложевія, обозначающая признаки, которыми характеризуются другіе признаки, именно выраженные сказуемыми и опредѣленіями“, если такимъ образомъ и опредѣленіе показываетъ признаки, и обстоятельство — тоже признаки, то является гораздо болѣе удобнымъ установленіе одного термина, хотя бы того же „опредѣленія“. Обстоятельства, обстоятельственные слова имѣли свой смыслъ при логическомъ разборѣ, когда къ нимъ относили и то, что относимъ мы теперь къ дополненіямъ. А если мы остановимся на приведенномъ опредѣленіи обстоятельства, то оно и не совсѣмъ будетъ полно: о п ѣ п ѣ л ѣ о ч е н ь х о р о ш о , — о ч е н ь п р и з н а к ѣ не только признака, но признакъ еще признака. У Баталина обстоятельственные слова выступаютъ подъ именемъ „несогласуемыхъ опредѣленій“, а я бы назвалъ ихъ опредѣленіями, потерявшими способность согласовываться, опредѣленіями окаменѣвшими, соединяющимися съ опредѣляемыми только благодаря внутренней, лексической связи. § 34 у Баталина — во 2-й своей части положительно могъ бы быть образцомъ для нашихъ учебниковъ и устранить постоянно встрѣчающуюся путаницу въ разграниченіи опредѣленія и дополненія. Правда, здѣсь только можно было бы нѣсколько расширить сказанное относительно опредѣленія (которое относится не только къ подлежащему): „объяснительныя слова могутъ выражать или признакъ, заключающійся въ подлежащемъ и сказуемомъ, или признакъ, внѣ того и другого. Слова перваго рода суть о п р е д ѣ л е н і я , второго — д о п о л н е н і я“ (35). Стоитъ сравнить это простое и ясное опредѣленіе съ опредѣленіемъ, напр. новѣйшаго учебника С. Брайловскаго: „дополненіемъ называется придаточный членъ предложения, выраженный дѣйствительнымъ или кажущимся косвеннымъ управляемымъ падежомъ и обозначающій посторонній предметъ, которымъ съ различныхъ сторонъ разъясняется дѣятельность ска-

зубаго, равно смыслъ и значеніе другихъ членовъ предложенія (Учебн. курсъ грамматики литерат. рус., яз., ч. II. СПБ. 1904, 24—25).

Нельзя не отмѣтить того принципа, который легъ въ основаніе дѣленія придаточныхъ предложеній — на подчиненныя согласуемыя и несогласуемыя (§§ 75—84), хотя принципъ этотъ послѣдовательно не проведенъ (§ 73 — „причинное сочетаніе“). Вполнѣ правильнымъ представляется мнѣ отнесеніе къ отдѣлу приложений несогласуемыхъ такъ называемыхъ „сокращенныхъ“ придаточныхъ предложеній съ дѣепричастіемъ (§ 48).

Въ 1887 г. была издана книга В. Сланскаго „Грамматика — какъ она есть и какъ должна бы быть“ (СПБ., 87 г., 144 стр., изъ Педагогич. Сборника, 86 г.). Цѣль этого труда опредѣлялась словами автора: „Я хочу, во первыхъ, въ наиболѣе наглядныхъ и характерныхъ деталяхъ выставить общій фактъ несостоятельности принятой грамматической системы, затѣмъ попытаться выяснитъ причины и сущность этой несостоятельности и, наконецъ, хотя въ общихъ чертахъ, намѣтитъ и путь, какимъ данная система могла бы быть выведена изъ теперешняго ея ненормальнаго положенія и поставлена на настоящую, истинно-научную и отвѣчающую педагогическимъ требованіямъ дорогу“ (2). Намѣченныя авторомъ задачи поневолѣ должны обратить на его книгу вниманіе не только педагога-практика, но и изслѣдователя-теоретика. Правда, уже къ концу книги авторъ говоритъ, что среди русскихъ изслѣдованій по грамматикѣ ему извѣстно лишь одно вполнѣ научное, изслѣдованіе проф. Потевни, но отношенія своего труда къ данному изслѣдованію авторъ не опредѣляетъ (между прочимъ, г. Сланскій невѣрно здѣсь говоритъ, что въ то время „истинно-научный трудъ проф. харьк. ун. Потевни не нашелъ какого-либо практическаго примѣненія“, стр. 93, однако синтаксисъ Баталина былъ изданъ въ 83 г., стремленіе къ подобному же примѣненію сказывалось и въ дру-

гихъ еще ранѣе изданныхъ учебникахъ, напр., Дмитревскаго, Преображенскаго и пр.).

Задачи, поставленныя г. Сланскимъ, выполнены имъ лишь отчасти. Ему удалось довольно ярко представить несостоятельность существующей грамматической системы, выяснить причины этой несостоятельности. Но это являлось задачей для выполнения болѣе легкой; само выполнение не давало положительныхъ результатовъ. При томъ и ранѣе на ту же систему дѣлались нападки, иногда даже нападки подкрѣплялись не менѣе обстоятельными доводами (если не болѣе), чѣмъ у г. Сланскаго. Я скажу еще болѣе: самъ г. Сланскій, со всей силой обруниваясь на труды Буслаева, настаивая на полной необходимости раздѣленія грамматики и логики, въ развитіи своихъ мыслей нерѣдко становится на „логическую“ почву, отдаляясь отъ почвы грамматической. Въ данномъ случаѣ трудъ Потебни произвелъ, очевидно, не совсѣмъ глубокое впечатлѣніе на Сланскаго, и я не назвалъ бы послѣдняго однимъ изъ послѣдователей метода изслѣдованій Потебни. Характеренъ тотъ разборъ, который дѣлаетъ г. Сланскій, говоря о неточности разграниченій опредѣленій и дополненій въ грамматической системѣ. Онъ продѣлываетъ здѣсь слѣдующія уравниванія:

1. холодъ сжимаетъ тѣла

2. холодъ производитъ сжатіе тѣлъ

и получаетъ такимъ образомъ, что тѣла = тѣлъ, т. е. дополненіе = опредѣленію.

Для насъ, конечно, интересна та часть труда г. Сланскаго, въ которой авторъ задается цѣлью выяснить настоящую, „истинно-научную“ дорогу грамматическаго изслѣдованія. Не соглашаясь съ чисто логическими опредѣленіями предложенія, опредѣленіями подлежащаго и сказуемаго, стремясь дать опредѣленія чисто грамматическія, Сланскій приходитъ прежде всего къ мысли о существованіи особаго „грамматическаго“ предложенія, особой грамматической

мысли. „Мысль дѣйствительная, логическая и мысль словесная, грамматическая — двѣ существенно разныя вещи. Грамматическая мысль можетъ имѣть, а можетъ и не имѣть для себя соотвѣтствующей мысли логической . . .“ (107). Берется для примѣра предложеніе: „праздная жизнь порождаетъ скуку“; „тутъ грамматическая мысль, замѣчаетъ авторъ, выражаемая уже словами ж и з н ь п о р о ж д а е т ь, передаетъ требующуюся мысль логическую не сама по себѣ, а въ соединеніи съ словесными элементами, праздная и скуку“ (108). „Вглядываясь въ значеніе отдѣльныхъ словъ предложенія, мы найдемъ, между прочимъ, въ числѣ ихъ одно такое, которое, взятое уже само по себѣ, даетъ представленіе о предметѣ рѣчи . . .“ (99). „Продолжая чисто грамматическій анализъ предложенія, мы найдемъ, что въ предложеніи есть одно также и только одно — слово, само уже по себѣ выражающее представленіе о присвоеніи за предметомъ признака: это слово п о р о ж д а е т ь . . .“ (100). Эти опредѣленія показываютъ, что авторъ разсматриваемаго труда стоитъ на „логической“ почвѣ, но что онъ только исходитъ изъ тѣхъ фактовъ, которые въ грамматикахъ считаются предложеніями, подлежащими и сказуемыми. Задача автора такимъ образомъ сводится къ тому, чтобы дать болѣе соотвѣтствующія опредѣленія, чтобы послѣднія не расходились съ выставляемыми фактами. Но какъ я сказалъ, г. Славскій исходитъ изъ логическихъ опредѣленій, и тѣ опредѣленія, которыя мы у него находимъ, относятся лишь къ болѣе общимъ, болѣе отвлеченнымъ сужденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему „жизнь порождаетъ“ — будетъ предложеніемъ грамматическимъ? а „праздная жизнь порождаетъ скуку“ — логическимъ? Всякое предложеніе, если въ немъ будетъ мысль — будетъ предложеніемъ логическимъ, болѣе конкретнымъ или болѣе общимъ, а если въ предложеніи мысли не будетъ — то это предложеніе и не логическое и грамматическимъ его никоимъ образомъ назвать нельзя. Иначе нужно было по-

дойти къ анализу предложенія. И зачатки этого иного отношенія, но неразвитые, какъ слѣдуетъ, мы отчасти находимъ у Сланскаго. Нужно было сильнѣе выдвинуть категоріи словъ, роль ихъ въ предложеніи. Но и тогда, конечно, нельзя говорить о грамматической мысли какъ таковой. Сама роль словъ будетъ лишь объектомъ особой мысли. Грамматическіе элементы должны быть добыты уже путемъ отвлеченія, а не мыслятся непосредственно.

Не безъ интереса можно познакомиться съ трудомъ г. Сланскаго, но положительныхъ результатовъ для разработки синтаксиса трудъ этотъ не даетъ никакихъ. Само мнѣніе Сл., что имъ указывается настоящій путь изслѣдованія, оказывается заблужденіемъ. Послѣ его попытки дать болѣе точное опредѣленіе различныхъ грамматическихъ терминовъ, можно лишь прійти къ заключенію, что и сами факты разбора, выдвигаемые нашей грамматикой (съ коими соглашается и г. Сл.), также являются результатомъ долговѣчнаго недоразумѣнія, долговѣчнаго господства привычки.

Если посмотрѣть съ точки зрѣнія педагогической, то гораздо легче усвоить учащимся, если то нужно, неточныя опредѣленія предложенія — „мысль выраженная словами“ (противъ чего Сл. возражаетъ, исходя изъ неособенно удачныхъ основъ; онъ говоритъ, что далеко не всѣ предложенія выражаютъ мысли, а напр., выражаютъ факты: „на дворѣ холодно“ и пр., какъ будто сознаніе факта не есть та же мысль, впрочемъ ср. сказанное въ разб. тр. на стр. 18—19 примѣчан.) и др., чѣмъ такія же неточныя въ грамматическомъ отношеніи опредѣленія г. Сл. — „вообще слова, которыми что-либо сказывается или говорится“ (109 и пр.)

Ко всему сказанному могу добавить еще то, что отношеніе между грамматикой и логикой, отношеніе между языкомъ и мыслью не представлены въ трудѣ Сланскаго такъ, какъ можно было бы ожидать этого послѣ болѣе или ме-

нѣе глубокаго изученія трудовъ, въ которыхъ данные вопросы уже были подвергнуты анализу. Въ то же время нужно сказать, что мысли, затронутыя Сл. и другими нашими педагогами, мало находятъ мѣста въ нашей научной литературѣ, въ западно-европейской же научной литературѣ являются предметомъ неустаннаго изслѣдованія. Возьмемъ хотя бы послѣднюю попытку Вундта дать опредѣленіе предложенія болѣе подходя къ сторонѣ языка, попытку, впрочемъ, не особенно удачную. — Вообще же вопросъ объ отношеніи грамматики къ логикѣ и психологіи до сихъ поръ не можетъ считаться разрѣшеннымъ. Какъ ни бьются грамматисты дать чисто грамматическія опредѣленія многихъ понятій, считаемыхъ чисто грамматическими, никакъ не удается имъ это сдѣлать. Приходится обращаться или къ логикѣ или къ психологіи. Невольно напрашивается сомнѣніе, не переступаютъ ли они въ этихъ своихъ попыткахъ за предѣлы вообще грамматики и трактуютъ о томъ, что относится къ другимъ наукамъ. Если прежде, напримѣръ, разсматривая предложеніе съ чисто логической точки зрѣнія, думали видѣть въ этомъ разборъ грамматическій, то теперь признается нѣкоторыми изслѣдователями изученіе логическое, психологическое и грамматическое. Впрочемъ, яснаго проведенія этихъ принциповъ, одинаковаго взгляда на то или другое изученіе мы не найдемъ у изслѣдователей. Мы уже ознакомились со взглядомъ па данный вопросъ Добіаша. Исходя изъ искусственнаго разграниченія, которое находимъ у Добіаша въ приложеніи къ разборамъ, разграниченія, которое безцѣльно ломаетъ сложившійся анализъ, мы часто можемъ быть въ затрудненіи, такъ какъ при наличности, напр., подлежащаго не найдемъ его. Самъ Добіашъ замѣчалъ, что въ подобныхъ примѣрахъ, какъ вѣчность — безвременность, гдѣ отождествленіе двухъ *ὄντων*, логическое равенство, не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ подлежащемъ и сказуемомъ въ общепсихологическомъ или логическомъ смыслѣ. Съ другой стороны, въ такихъ же

предложеніяхъ нельзя опредѣлить, какое слово будетъ синтаксическимъ подлежащимъ, а какое синтаксическимъ сказуемымъ т. к., по Добіану, послѣднія опредѣляются тономъ (ср. 182 стр. его изслѣд.). Стоитъ теперь перейти къ анализу, проводимому Овс. Куликовскимъ (Рус. М. 96 г. № 2), и мы увидимъ, что тотъ же троякій анализъ вводится уже въ извѣстныя историческія рамки. Отмѣчаются три стадіи развитія языка: прежде всего стадія подготовительная, собственно еще безъязычная — психологическое сужденіе (мысленіе предметное), затѣмъ — предложевіе (рѣчь какъ выраженіе представленій), логическое сужденіе (орудованіе отвлеченною мыслью, понятіями). Данная точка зрѣнія уже должна вести за собой иной анализъ предложенія. Грамматическое предложеніе стоитъ посрединѣ между психологическимъ сужденіемъ и сужденіемъ логическимъ. И для выясненія его необходимо „оглядываться“ на начало его и могущіе быть результаты. Мнѣ думается, что подобный анализъ могъ бы вывести изъ той путаницы, которая у насъ господствуетъ. Эволюція предложенія, какъ она очерчивается у Овс.-Куликовскаго, мнѣ кажется въ общемъ убѣдительною. Возстающій противъ этой теоріи г. Зѣньковскій не приводитъ противъ нея убѣдительныхъ данныхъ.

Статья В. Зѣньковскаго „Къ вопросу о функціи сказуемаго“ (въ Кіевс. унив. Извѣст. 908 г., сент.) посвящена главнымъ образомъ выясненію вопроса о зависимости грамматики отъ логики при опредѣленіи именно указанной функціи. Задачу свою авторъ разрѣшаетъ, рассматривая взгляды, высказанные выдающимися языковѣдами и психологами новѣйшаго времени — Штейнталемъ, Потребнею, Іерусалемомъ, Вундтомъ, Овсявико-Куликовскимъ. Поднимается вопросъ, который съ такимъ успѣхомъ для своего времени разрѣшилъ Штейнталь, вызвавшій продолжателей и развивателей идеи отдѣленія грамматики отъ логики, вопросъ разсмотрѣнный въ трудахъ нашихъ ученыхъ — Потребни и Овсявико-Куликовскаго (хотя, какъ мы видѣли, съ извѣстнымъ раз-

личіемъ). Указывая нѣкоторыя существенныя стороны ученія Штейнталя, авторъ совершенно отрицательно относится къ выводамъ его, но нельзя сказать, что доказательно строить свои возраженія. Это обнаруживается, кромѣ общихъ разсужденій, и на единичныхъ фактическихъ данныхъ, напр., на стремленіи выяснить разницу въ смыслѣ въ такихъ предложеніяхъ, какъ „Паллада любитъ Улисса“ и „Улиссъ любимъ Палладой“.

Мнѣ думается, что всѣ попытки выяснить разницу между подобными оборотами, какъ: Паллада любитъ Улисса, Улиссъ любимъ Палладой или: Цезарь перешелъ Рубиконъ, Рубиконъ былъ перейденъ Цезаремъ, — съ тѣмъ чтобы указать, что съ измѣненіемъ грамматической конструкціи измѣняется здѣсь и смыслъ хоть отчасти, не могутъ удасться, потому что для нашего чутья здѣсь уже изгладилась разница. Раньше же эта разница была. При обсужденіи взглядовъ Штейнталя нужно считаться и съ тѣмъ, противъ чего боролся Штейнталь, такимъ образомъ считается съ исторической точкой зрѣнія. Вѣдь и самъ авторъ говорить, что логика не можетъ претендовать на объясненіе явленийъ рѣчи, слѣдовательно, она не можетъ быть исходной точкой при выясненіи грамматическихъ категорій; противъ этого и боролся Штейнталь, выдвигавшій на первый планъ въ этомъ случаѣ психологію, которую и г. Зѣньковскій считаетъ единственно объясняющей рѣчь дисциплиною (стр. 4). И отсюда конечно, ужъ никакъ не слѣдуетъ, что „грамматика опирается въ основныхъ синтаксическихъ понятіяхъ на логику, что лишь съ помощью логическихъ понятій она въ состояніи охватить свой матеріаль (17). Здѣсь уже безспорно возвратъ къ прошлому, хотя авторъ и открещивается отъ Беккеровской системы (58). Самъ изслѣдователь говорить, что подобное рѣшеніе не есть еще рѣшеніе поставленной проблемы, что это рѣшеніе можетъ дать только изученіе психологической стороны вопроса, но что если послѣднее приведетъ васъ къ необходимости привлечь логику,

то такимъ образомъ „этотъ путь не закрытъ для насъ по принципиальнымъ соображеніямъ“ (17). Мнѣ и думается, что нужно такимъ образомъ прежде всего обратиться къ этому психологическому анализу, а затѣмъ уже будутъ видны его результаты и постулаты. Если проблемы синтаксиса, какъ говорить г. З.: „заключаются въ изученіи тѣхъ зависимостей, которыя наблюдаются въ живой рѣчи между отдѣльными словами, — т. е. въ изученіи той роли, которая выпадаетъ на долю отдѣльныхъ словъ“ . . . (19), то можно было бы ожидать, что изслѣдователь долженъ исходить изъ рѣчи и ограничиваться ею, ея законами. Граматику авторъ отдѣляетъ отъ психологіи языка (относя объ эти дисциплины въ область болѣе общей науки — къ языкознанію, 21) и въ то же время считаетъ „законнымъ и цѣлесообразнымъ приведеніе въ связь грамматическихъ проблеммъ съ данными психологіи рѣчи“.

Разсматривая взглядъ Потебни на сказуемое и опредѣленіе сказуемаго у Потебни (именно, что функціей сказуемаго является — осуществлять апперцепцію), г. З. называетъ въ заключеніе формулу Потебни абстрактной. Послѣднее совершенно невѣрно, такъ какъ здѣсь Потебня исходитъ изъ исторіи языка и далъ, какъ самъ г. Зѣньковскій ранѣе упоминалъ (23), болѣе узкую и содержательную формулу. И если эта формула является не охватывающей содержанія, то отсюда нельзя заключать объ ея абстрактности.

Разсматривая теорію Овс.-Куликовскаго, г. З. находитъ ее построенной не на фактахъ и такимъ образомъ совершенно неприемлемой. Между тѣмъ, эта теорія о постепенности развитія языка и постепенности перехода мышленія грамматическаго въ мышленіе логическое доказывается той же исторіей возникновенія понятій. Если попытки найти основные мотивы и исходныя точки развитія логики въ психологіи мышленія до сихъ поръ не увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, то это еще не доказательство какой-то самостоятельности логики, о чемъ особенно дальше гово-

рить авторъ. Вполнѣ можно согласиться со словами Овс.-Куликовскаго, что только силою языка создано логическое сужденіе, слѣдовательно исходныя точки и нужно искать не въ психологіи мысленія вообще, а въ развитіи грамматически мысли.

Трактую объ отношеніи грамматики и логики, говоря объ абстрактномъ взглядѣ нѣкоторыхъ ученыхъ, г. Зѣньковскій не опредѣляетъ вполнѣ, какой точки зрѣнія онъ придерживается на логику. Если логическое мышленіе бываетъ реальное, абстрактное, если оно является логическимъ независимо отъ того, ошибочно оно или нѣтъ, то не признаетъ ли авторъ извѣстнаго дѣленія въ самой логикѣ? Вообще подобные вопросы необходимо выяснять, дабы не толковать, въ сущности, о разныхъ вещахъ. Затѣмъ въ вопросѣ объ отношеніи грамматики къ логикѣ нельзя ограничиваться общими положеніями, о томъ, что логическая функція особая функція духа, которая не можетъ быть объяснена изъ элементовъ мысленія (30). Ничто не говоритъ также въ пользу теоретическихъ положеній о томъ, что сужденіе что-то исконное, что а к т ъ сужденія былъ всегда однимъ и тѣмъ же, а измѣнялся только матеріаль сужденія. Подобный взглядъ, конечно, послѣдовательно вытекаетъ изъ того положенія, что языкъ лишь орудіе мысленія (34, 29). Затѣмъ, если ужъ такъ смотрѣть, то вѣдь а к т ъ сужденія долженъ бы всецѣло относиться къ психологіи, такъ какъ на долю логики выпадаетъ разсматривать все телеологически.

Останавливаясь въ связи съ упомянутымъ ранѣе на теоріи Іерусалема и не соглашаясь съ нею, авторъ приходитъ къ заключенію, что для отысканія настоящаго опредѣленія сказуемаго попытки психологическаго характера не могутъ служить, а необходимо прибѣгнуть къ логикѣ. „Если грамматика хочетъ пользоваться понятіями сказуемаго, подлежащаго, а слѣдовательно и понятіями предложенія, то она должна обратиться къ логикѣ“ (38). Затѣмъ авторъ

переходить къ взглядамъ Вундта, дѣлающимъ поворотъ именно къ логикѣ. Но что же оказывается изъ дальнѣйшаго изложенія? У самой логики нѣтъ настоящаго опредѣленія сказуемаго, его нужно еще дать. Затѣмъ, если бы таковое и было, то грамматика должна еще рѣшить, какъ пользоваться этимъ опредѣленіемъ: „понятіе предиката, сохраняя свои основные признаки, должно имѣть рядъ грамматическихъ характеристикъ“ (53). Такимъ образомъ окажется то, что оказывается теперь съ нашими традиціонными опредѣленіями и ихъ отношеніемъ къ грамматикѣ. Получаются опредѣленія логическія, а грамматическихъ не будетъ. И не зачѣмъ, въ сущности, грамматикѣ задаваться опредѣленіемъ того, что не входитъ въ ея область. Вотъ, къ какимъ мыслямъ нужно было бы прійти, мнѣ думается, въ настоящее время.

Относясь отрицательно къ общимъ и нѣкоторымъ частнымъ выводамъ г. Зѣньковскаго, я тѣмъ не менѣе не могу не выдвинуть вдумчивости автора, его умѣнья разобратъ иногда въ трудныхъ логическихъ вопросахъ.

Останавливаться на различныхъ учебникахъ (среди которыхъ несомнѣнно являются улучшенія сравнительно съ учебниками прежняго времени) я не буду, не буду также останавливаться и на различныхъ статьяхъ болѣе педагогическаго характера, преслѣдующихъ цѣли практическаго улучшенія русскихъ учебниковъ синтаксиса. Стремленіе къ реформированію русскаго учебнаго синтаксиса явилось подъ прямымъ воздѣйствіемъ идей Потепни и выразилось прежде всего на статьяхъ и учебникѣ Дмитревскаго. Правда, это было только воздѣйствіе, но не непосредственное вліяніе. Самъ Дмитревскій отзывается о своихъ „Практическихъ замѣткахъ по русскому синтаксису“ (Филолог. Зап. 77 г. III, 2), какъ о выводахъ „добытыхъ не ученымъ изслѣдованіемъ, но школьною практикою и для школьнаго же пре-

подаванія предназначенныхъ“. И въ первой же статьѣ его мы видимъ приспособленіе въ нѣсколькихъ цѣляхъ опредѣленія „предложенія“, сдѣланнаго еще Востоковымъ. Въ главныхъ чертахъ реформа Дмитревскаго сводилась къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ грамматической систематикѣ: подлежащее онъ причислялъ къ второстепеннымъ членамъ предложенія, уравнивая его съ дополненіемъ, такъ называемыя второстепенные члены предложенія онъ называлъ придаточными и рекомендовалъ проходить ихъ вмѣстѣ съ придаточными предложеніями. Мысли Дмитревскаго возбудили полемическія возраженія Миловидова въ тѣхъ же Филолог. Запискахъ, возраженія эти вызвали отвѣтъ Дмитревскаго. Въ такомъ же педагогическомъ духѣ написаны и статьи по грамматикѣ другихъ авторовъ на страницахъ Филолог. Записокъ и Русск. Фил. Вѣстника: Деларю, Боголюбова, Аннинскаго, Желтова, Соломоновскаго, Андреева и др. Въ этихъ статьяхъ, конечно, найдется любопытный матеріалъ для составителя учебника. Такой же цѣнный матеріалъ для составителя учебной грамматики имѣется въ позднѣйшихъ грамматическихъ статьяхъ М. А. Тростникова — въ его „Запискахъ по русской грамматикѣ“, въ его же небольшихъ, статьяхъ (помѣщенныхъ на стран. Филолог. Зап. — „Опредѣленіе залоговъ въ школьныхъ грамматикахъ“, „Къ вопросу о сложномъ предложеніи“). „Записки . . .“ Тростникова вызвали возраженія С. Брайловскаго, на эти возраженія послѣдовалъ обширный отвѣтъ Тростникова (всѣ эти статьи на страницахъ Педагогич. Сборника). Статьи г. Тростникова интересны прежде всего тѣмъ, что мы видимъ изъ нихъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится преподаватель русскаго языка, какія сомнѣнія приходится ему переживать при преподаваніи синтаксиса: Буслаевская система устарѣла, научно признается система Потебни, но Потебня коснулся лишь отчасти вопросовъ школьной грамматики, онъ далъ здѣсь лишь нѣкоторые цѣтрихи, намеки. Толкованіе и развитіе послѣднихъ не всѣмъ подъ силу.

Наша школьная грамматика до сихъ поръ представляетъ какой-то сколокъ съ грамматикъ греческихъ и латинскихъ. Ту же участь дѣлится и школьная грамматика въ Западной Европѣ. Страннымъ можетъ показаться это: вѣдь, давно уже сознаны крупныя недостатки греческихъ и латинскихъ грамматикъ, давно установленъ иной взглядъ на языкъ и на отношеніе къ нему науки. Но нужно помнить, что языкознаніе — наука еще молодая: въ ней много еще не разработаннаго, и потому не мудрено, что древнее наслѣдство остается еще въ полной силѣ. Синтаксисъ въ этомъ отношеніи представляетъ особенныя слѣды вліянія древности. Древніе греки и римляне смотрѣли на изученіе языка съ практической точки зрѣнія, поэтому синтаксисъ несъ служебную роль: онъ училъ языку. Такой же точки зрѣнія держались и позднѣйшія поколѣнія — средневѣковье и гуманизмъ, когда изученіе латинскаго языка было на первомъ планѣ. Господство латинскаго синтаксиса въ то время повлекло въ дальнѣйшемъ обработку по образцу этого синтаксиса синтаксисовъ другихъ языковъ. Новѣйшее языкознаніе, обративъ вниманіе на существенныя недостатки синтаксисовъ, построенныхъ по образцу чужихъ языковъ, направило главное свое вниманіе на изученіе другихъ сторонъ языка, преимущественно звуковыхъ. И такимъ образомъ, школьная грамматика осталась въ безпомощномъ положеніи.

До начала 19 столѣтія для нашихъ школьныхъ грамматикъ образцомъ служила грамматика Ломоносова. Въ началѣ 19 столѣтія грамматика Ломоносова была нѣсколько видоизмѣнена Соколовымъ и въ этомъ видѣ являлась образцомъ до появленія грамматикъ Востокова и Греча. Къ 30-мъ годамъ относится господство грамматикъ Греча, далеко уступавшей въ научномъ отношеніи грамматикъ Востокова, но превосходившей послѣднюю въ педагогическомъ отношеніи. Нѣкоторое оживленіе внесла небольшая грамматика Половцева, пользовавшаяся также популярностью.

Въ дальнѣйшемъ обнаружилась попытка разбить прохожденіе грамматики на 2 курса, результатомъ чего являлся извѣстный въ свое время „Высшій курсъ грамматики“ Стоюнина (въ 55 г). Послѣ этого появился цѣлый рядъ разнообразныхъ школьныхъ грамматикъ. Однѣ изъ нихъ появлялись и вскорѣ исчезали со школьнаго горизонта, другія же долго просуществовали, выдержавши много изданій. А, въ сущности, всѣ эти грамматики такъ мало отличались другъ отъ друга. Всѣ онѣ только составлены для иностранцевъ: параграфы съ склоненіями, спряженіями, съ разнообразными исключеніями, со всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который и безъ того хорошо былъ извѣстенъ школьнику. Эти парадигмы лишь забивали учащагося: понятныя въ учебникѣ латинскаго, французскаго и другихъ языковъ, онѣ непонятны въ учебникѣ родного языка. И большинство приводимыхъ правилъ являлось совершенно ненужнымъ для того, чтобы хорошо владѣть роднымъ языкомъ, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ изъ грамматикъ ясно сказывалась тенденція учить говорить и писать правильно.

И положеніе преподавателя русскаго языка въ средней школѣ является очень затруднительнымъ. Тѣмъ болѣе оно затруднительно, что и изъ университета этотъ преподаватель не выноситъ часто общей филологической основы, тѣхъ общихъ твердыхъ воззрѣній на языкъ, которыя бы дали ему возможность быть болѣе самостоятельнымъ въ дальнѣйшемъ. И неудивительно затѣмъ, что отъ школьника требуется разрѣшеніе такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ оказывалось не подъ силу ученымъ.

Какъ же поставить преподаваніе синтаксиса и вообще грамматики въ нашей средней школѣ? Много разъ давались уже отвѣты на этотъ вопросъ. Общее желаніе — реформировать бывшее и существующее.

„Если бы хоть одинъ учебникъ русской грамматики, замѣчаетъ проф. Будде (Учебникъ грамм., К. 1900, V—VI),

былъ изложенъ научнымъ языкомъ, такимъ какъ учебникъ ариеметики, и взялъ бы для себя матеріалъ изъ области самой науки современнаго намъ живого русскаго языка, нашей изящной литературы, излагая этотъ матеріалъ научнымъ методомъ, то это обстоятельство навѣрно послужило бы причиной того, что такой учебникъ русской грамматики былъ бы признанъ труднымъ и непрактичнымъ для школы“.

Съ этимъ трудно согласиться. Не въ языкѣ здѣсь дѣло. Вопросъ лишь можетъ быть, насколько доступны та или другая научная система въ извѣстномъ возрастѣ, для извѣстнаго умственнаго развитія, а затѣмъ уже: какъ изложить эту систему.

Изучать синтаксисъ, близкій къ научному изложенію, въ младнихъ классахъ, конечно, невозможно. Тамъ могутъ быть только сообщаемы краткія свѣдѣнія о законахъ сочетанія словъ въ „предложенія“, о частяхъ рѣчи. Изученіе же синтаксиса русскаго должно быть въ связи съ предварительными небольшими свѣдѣніями о языкѣ вообще, о психологіи мышленія.

Нужно ввести учащагося прежде всего въ психологію мышленія, познакомить съ психологическими законами. Изложеніе этихъ законовъ должно предшествовать анализу различныхъ стадій человѣческой мысли (такимъ образомъ, я не согласенъ съ мнѣніями, высказанными проф. Овсяннико-Куликовскимъ въ его статьѣ — „О преподаваніи синтаксиса русскаго языка“, Вѣстн. Восп. 1903 г. № 1, 5—7). Градація въ образованіи человѣческаго мышленія должна быть выяснена постепенно. Говоря о законахъ психики, можно отгѣнить прежде всего разницу между предметнымъ мышленіемъ, свойственнымъ животнымъ и дѣтямъ — до усвоенія рѣчи, и мышленіемъ грамматическимъ. Затѣмъ уже, разъяснивъ это послѣднее, можно отгѣнить образующуюся разницу: мышленіе болѣе отвлеченное съ одной стороны, съ другой — художественное.

И въ дальнѣйшемъ нужно стремиться къ тому, чтобы поменьше было формальнаго, которое и не можетъ быть какъ слѣдуетъ оцѣнено учащимся, а побольше такого, чтобы учащійся видѣлъ ясно, что онъ идетъ впередъ, что знанія его увеличиваются. А въ области языка многое могло бы найтись такое, которое могло быть сознательно усвоено учащимся и даже не только усвоено, но даже самостоятельно продумано. И вѣдь настоящей цѣлью изученія языка даже въ средней школѣ вовсе не должно быть усвоеніе правилъ, а чтобы изъ учащагося постепенно выработывался сознательный наблюдатель богатаго матеріала, который самъ собою растетъ съ годами у каждаго.

Особенно интересенъ, конечно, долженъ быть для насъ новѣйшій учебникъ проф. Овсяннико-Куликовскаго, какъ лучшаго продолжателя идей Потепни и самостоятельнаго изслѣдователя.

Въ предисловіи къ „Грамматикѣ“ проф. Овсяннико-Куликовскій высказываетъ, что при составленіи ея онъ руководился, чтобы 1) его учебникъ не былъ лишь сухимъ перечнемъ правилъ и исключеній, чтобы изложенъ онъ былъ такъ, какъ излагаются учебники по другимъ предметамъ; 2) само изложеніе начиналось бы съ изученія связанной рѣчи, а на конецъ уже оставлялась бы „анатомія“ слова. Здѣсь же Овсяннико-Куликовскій строитъ и планъ прохожденія по его учебнику для четырехъ классовъ (начиная 3-го—6-го кл.).

Желаніе составить учебникъ грамматики въ такомъ же видѣ, какъ, напримѣръ, пишутся учебники по исторіи — прекрасная мысль, но здѣсь матеріаль совсѣмъ другой — и хорошая грамматика не вызоветъ такого интереса у учащагося, какъ хорошій учебникъ исторіи; не говоря уже о томъ, что и вообще привести эту мысль въ исполненіе — дѣло очень трудное. Для этого недостаточно одного научнаго

знанія предмета, необходимо умѣть приспособиться къ возрасту, къ которому принаравливается изложеніе, войти, сжитъся съ психологіей этого возраста. Необходимо умѣть облечь въ яркую картину то, что для другого возраста уже можетъ быть представлено въ болѣе отвлеченномъ видѣ. И мнѣ кажется, не можетъ претендовать на такое изложеніе разсматриваемый учебникъ. Въ этомъ отношеніи онъ не лучше многихъ другихъ, несмотря на то, что написанъ авторомъ, извѣстнымъ въ наукѣ своими спеціальными работами. Мнѣ кажется, многое останется непонятнымъ, напримѣръ, учениками 3-го класса въ 1-й части грамматики. Для примѣра я приведу нѣсколько выдержекъ и замѣчу при этомъ, что хотя это и отрывочныя мѣста, но онѣ взяты изъ самаго начала параграфовъ: „признакъ (напр., бѣлизны) производится дѣйствіемъ предмета (который бѣлѣетъ), но потомъ этотъ же признакъ, уже произведенный, уже готовый, приписанъ предмету и представленъ просто какъ его принадлежность . . .“ (19), „б ѣ л ѣ ю щ и й снѣгъ“ значить, что снѣгъ произвелъ свою бѣлизну и теперь обладаетъ этимъ признакомъ“ (19), „о причастіи можно сказать, что оно — прилагательное, но такое, въ которомъ сквозить образъ дѣйствующаго предмета“ (19), „теперь вообразимъ, что въ нарѣчій (т. е. въ п р и з н а к ѣ п р и з н а к а) просвѣчиваетъ намекъ на предметъ, который, дѣйствуя, производитъ то, что выражено нарѣчіемъ“ (20) . . . „выраженіе „въ городѣ“, по смыслу, отвѣчаетъ на вопросъ „гдѣ?““, но внѣшнимъ образомъ онъ (оно?) отвѣчаетъ такъ, какъ будто вопросъ гласилъ не „гдѣ?“ а „въ чемъ?“.

Представляется совсѣмъ неудобнымъ предполагаемая планировка, когда „анатомія слова“ отнесена на конецъ, отнесена къ 6-му классу. Съ этой „анатоміей“ придется волей-неволей знакомить на первыхъ же порахъ, и она доступнѣе, чѣмъ анализъ предложенія. Да и какъ можно сознательно усвоить части рѣчи, не познакомившись предварительно съ этой „анатоміей слова“, которая и на первыхъ

порахъ могла бы представить много занимательнаго для учащагося.

Конечно, при изученіи языка естественно выходить изъ цѣльной рѣчи, изъ „предложенія“, затѣмъ уже переходить къ анатоміи отдѣльныхъ частей этой рѣчи. Но еще вопросъ, удобно ли примѣнять это при ознакомленіи съ строемъ языка. Не удобнѣе ли, чѣмъ переходить постепенно отъ „предложенія“ къ звуку, взять нѣчто среднее, отдѣльное слово, хотя бы это слово и являлось „искусственнымъ препаратомъ“. Впрочемъ, можно было бы и согласиться съ проведемъ подобнаго метода, но, во всякомъ случаѣ, сконцентрировавъ матеріаль, а не растягивая его на 3—4 класса.

Въ „грамматикѣ“ различныхъ „правиль“, парадигмъ, раздѣленій и подраздѣленій очень много. Въ этомъ случаѣ она не уступаетъ другимъ. Притомъ и здѣсь иногда изложеніе не особенно удачное. Напримѣръ: „послѣ числительныхъ два, оба, три, четыре, именительный падежъ именъ предметовъ одушевленныхъ и именительный и винительный именъ предметовъ неодушевленныхъ имѣютъ форму, сходную съ родительнымъ падежомъ единственнаго числа: два человѣка, оба друга, четыре лошади (все это именительные падежи; но въ винительномъ падежѣ: двухъ человѣкъ, обоихъ друзей, четырехъ лошадей), двѣ книги, три яблока . . . (все это именительные и винительные падежи)“ (59). Или возьму слѣдующее мѣсто въ другомъ родѣ: „сравнимъ дѣепричастіе съ обыкновеннымъ нарѣчіемъ, — и мы замѣтимъ, что первое не только обозначаетъ (признакъ признака), но отчасти и высказываетъ, между тѣмъ какъ второе только обозначаетъ. Такова разница между: чернѣя и черно, презирая и презрительно, задумавшись и задумчиво и т. д. Напримѣръ, въ фразѣ: „онъ сидѣлъ задумавшись“

дѣепричастіе не только обозначаетъ признакъ (задумчивости), но и высказываетъ, что сидѣвшій господинъ задумался. Но если скажемъ: „онъ сидѣлъ задумчиво“, то этого высказыванья уже не будетъ. „Задумчиво“ (простое нарѣчіе) отвѣчаетъ на вопросъ: какъ? Дѣепричастіе „задумавшись“, отвѣчая на тотъ же вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ еще и вопросъ: „что дѣлая“? или „въ какомъ состояніи находясь?“. Можно было бы подобрать примѣры, болѣе рельефно отбѣняющіе разницу (напр., онъ говорилъ ласково, — лаская,) и пояснить ихъ болѣе просто, примѣняясь именно къ послѣднимъ словамъ приведеннаго текста или примѣняя семасіологическія свойства прилагательнаго и глагола.

Возьмемъ еще для примѣра разграниченіе существительныхъ: „существительныя дѣлятся на 3 разряда: 1) знаменательныя или именныя, которыя обозначаютъ опредѣленные сорта предметовъ и все, что въ словѣ представлено, такъ какъ будто оно — предметъ . . ., эти существительныя называются также нарицательными. Различается особый видъ знаменательныхъ существительныхъ — имена собственныя . . . 2) Мѣстоименныя, или мѣстоименія — существительныя, которыя означаютъ не самые предметы, а только то, что они существительныя . . . 3) Числительныя . . .“ (26—27).

Прежде всего можетъ вызвать недоумѣніе опредѣленіе мѣстоименныхъ существительныхъ, обозначающихъ будто бы не самые предметы, а только, что они существительныя: вѣдь это совсѣмъ невѣрно, такъ какъ здѣсь долженъ быть выдвинутъ лишь способъ обозначенія. Затѣмъ, въ дѣленіи на собственныя и нарицательныя проф. Овсяннико-Куликовскій стоитъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія нашихъ школьныхъ грамматикъ, а дѣленіе это въ томъ видѣ, какъ оно обыкновенно проводится, неправильно: всякое существительное знаменательное можетъ быть и собственнымъ и нарицательнымъ. Если я говорю: „дай мнѣ книгу“, при чемъ

подразумѣваю опредѣленную, извѣстную книгу, то послѣднее слово — собственное. Оно такое же собственное, какъ названія въ семьѣ — Иванъ, Петръ и пр. Если слово „книга“ теряетъ эту свою ограниченную область значенія, то оно дѣлается нарицательнымъ, что одинаково случается и съ названіями Петръ, Иванъ и пр., получается, такимъ образомъ, множественное число: книги, Иваны . . . Тогда для лучшаго опредѣленія, для перенесенія этихъ названій снова въ область собственныхъ требуются новыя опредѣленія: моя книга, Иванъ Сидоровъ и пр. Слѣдовательно, между „нарицательными“ и „собственными“ именами нѣтъ такой разницы, какая рисуется обыкновенно въ грамматикахъ, и путь ихъ развитія таковъ, что сначала слова имѣютъ видъ собственныхъ именъ, а затѣмъ, постепенно, дѣлаются нарицательными, это путь отъ представленія къ понятію.

Если мы говоримъ, что каждое названіе можетъ быть нарицательнымъ и собственнымъ, то тѣмъ самымъ мы дѣлаемъ яснымъ, почему подъ собственными именами мы подразумеваемъ, въ сущности, неодинаковыя представленія. Если понятіе о предметѣ слагается изъ различныхъ представленій, то подобное происходитъ и съ собственнымъ именемъ.

Однимъ изъ крупныхъ общихъ недостатковъ „грамматики“ является отсутствіе разбора сложныхъ предложеній и недостатокъ въ чисто орфографическихъ указаніяхъ. А послѣднія составитель могъ бы свободно ввести даже вмѣсто совершенно ненужныхъ подраздѣленій, и указанія эти, кромѣ своей практической важности, могли бы быть даже интересны (зависимость правописанія отъ чувства языка, напр., въ нарѣчіяхъ и пр.).

Скорѣе къ нашей литературѣ педагогической я отнесъ бы сочиненіе г. Ржиги „Основные виды предложеній Древне-Славянскаго, Русскаго, Польскаго, Лужицко-Сербскаго, Чеш-

скаго, Словенскаго, Сербскаго и Болгарскаго“ (М. 1890 г., наверху обложки болѣе общее заглавіе: „Синтаксисъ славянскихъ языковъ“). Къ педагогической литературѣ я отношу это сочиненіе, потому что оно представляетъ въ своей основѣ схематизацію различныхъ видовъ предложеній въ славянскихъ языкахъ. Сама же схематизація напоминаетъ собою схоластическія упражненія добраго стараго времени. Своеобразною чертою выступаетъ здѣсь мнѣніе автора, выдѣляющаго дополненіе въ число главныхъ членовъ предложенія, это та особенность, которую Г. Ржига стремился обосновать и въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ. Тѣ общіе принципы, съ которыми подходитъ авторъ къ изученію предмета или лучше — къ своей схематизаціи, обнаруживаютъ въ немъ недостаточное пониманіе своей задачи, которую обращаетъ онъ въ концѣ концовъ въ ничто. Положительныхъ результатовъ никакихъ, а цѣлый рядъ опредѣленій, получившихся путемъ простаго отвлеченія, безъ справокъ съ исторіей вопроса, т. е. того, что давала наша прежняя такъ называемая „логическая“ школа. Вотъ для образца начало 1-й главы: „Предложеніе создается сознательнымъ сочетаніемъ словъ. Сочетаніе двухъ словъ, находящихся во взаимномъ отношеніи, есть первая основа предложенія. Первое слово двучленнаго предложенія есть получатель и предъявитель второго. Сочетаніе двухъ словъ въ основную форму мысли назовемъ предложеніемъ общимъ...“

Ржига посвятилъ выясненію своего новаго взгляда на дополненіе статьи въ Рус. Филолог. Вѣстникъ (85, 86 и 904 гг.), затѣмъ новое свое ученіе ввелъ въ свой учебникъ русскаго языка. Онъ считаетъ, что его теорія еще не разрушена критикою, но, мнѣ думается, что совсѣмъ легко вскрыть полную несостоятельность этой теоріи. Г. Ржига считаетъ дополненіе такимъ же главнымъ членомъ предложенія, какъ подлежащее и сказуемое. Свое положеніе онъ строитъ на томъ, что многія предложенія безъ дополненій не имѣютъ полнаго смысла, затѣмъ, что дополненіе

такъ тѣсно примыкаетъ къ сказуемому, какъ сказуемое къ подлежащему. Онъ стремится даже доказать, что эта близость опирается на томъ, что въ основу падежей легло то же мѣстоименное склоненіе, какъ въ основу глаголовъ. Если мы будемъ анализировать предложенія, какъ анализируетъ ихъ г. Ржига, то наряду съ дополненіями должны (будучи послѣдовательны) причислить къ главнымъ членамъ предложенія опредѣленіе. Беря свое полное 3-членное предложеніе, Ржига не обратилъ вниманія на то, что оперируетъ онъ съ глаголами-сказуемыми, которые по природѣ своей (будучи дѣйствительнаго залога) требуютъ для полноты выраженія винительный падежъ.

Вліяніе изслѣдованій Потебни отразилось и на попыткѣ представить болѣе научнымъ образомъ синтаксисъ древнецерк.-слав. языка въ трудѣ Будиловича „Начертаніе церковно-слав. грамматики“ (Варн. 83 г.).

Проф. Будде въ своей статьѣ „О синтаксисѣ простого предложенія“ (Ж. М. Н. П. 94 г. апрѣль, 200) выдвигаетъ синтаксическій отдѣлъ въ трудѣ Будиловича „Начертаніе церковнославянской грамматики“, упоминая о немъ послѣ такихъ работъ по синтаксису, какъ работы Буслаева и Потебни. С. Брайловскій называетъ въ своей рецензій (въ Р. Фил. В.) „Начертаніе . . .“ замѣчательнымъ трудомъ, причиною малой распространенности данной книги считаетъ „очень картинный, но слишкомъ ученый языкъ“. Я же думаю, что въ смыслѣ научной разработки синтаксиса церковнославянскаго и синтаксиса русскаго этотъ трудъ не даетъ чего-либо особенно цѣннаго. Цѣнное здѣсь можно найти въ смыслѣ линіи комбинированія имѣвшей разработку, составленія извѣстной научно-педагогической системы. Впрочемъ, и въ построеніи, довольно, удачномъ въ общемъ, имѣются частности, которыя отражаются линіи отрицательно. Характерною особенностью разсматриваемаго отдѣла является то, что за общей картиною анализа предложенія какъ-то

совершенно исчезаютъ изъ вида особенности частныя — особенности церковносл. рѣчи.

Прежде всего въ анализѣ простаго предложенія совершенно напрасно Б. выдѣляетъ фразу, какъ нѣчто среднее между предложеніемъ и словомъ; изъ этого выдѣленія образуется у него представленіе о предложеніи (о „голомъ“, какъ онъ выражается, предложеніи), какъ о высшей фразеологической и низшей синтаксической единицѣ. Отмѣчая въ такихъ одночленныхъ предложеніяхъ, какъ: пожаръ! отгѣнокъ чувства, Б. не совсѣмъ вѣрно приравниваетъ къ нимъ такія выраженія, какъ заголовки и пр. Совершенно бездоказательно представлена исторія образованія двучленнаго предложенія изъ двухъ самостоятельно существовавшихъ одночленныхъ предложеній. Предполагаются существовавшими самостоятельно: „громъ!“ и „гремятъ“, а затѣмъ получалось: громъ гремитъ. Проводя правильную мысль, что при историческомъ объясненіи синтаксическихъ явленій необходимо быть осторожнымъ въ примѣненіи ученія объ эллипсисѣ, самъ Б. грѣшитъ, предполагая первоначальность подобныхъ оборотовъ: больный сы, блѣдный сы, недвижимъ сы . . . Карлъ явился. Вообще же мы замѣчаемъ, что нерѣдко передаются авторомъ въ видѣ извѣстныхъ догмъ мысли, которыя могутъ быть подвергнуты большому сомнѣнію относительно ихъ правильности. Такъ, напр. Б. открываетъ древній объектъ въ именительномъ падежѣ въ такихъ выраженіяхъ, какъ: они идутъ рука объ руку; часъ отъ часу . . ., другъ къ другу и пр., при чемъ относить такое употребленіе именительнаго падежа къ эпохѣ сліянія его съ винительнымъ падежомъ (306—7).

Не разъ проглядываетъ въ изложеніи какая-то вычурность выраженія. Затѣмъ частичный разборъ роли различныхъ частей рѣчи въ синтаксическомъ отношеніи указываетъ, что Б. руководился не исключительно грамматическими соображеніями, а и логическими. Отмѣтитъ также нужно сильный элементъ разсужденій общаго характера, которыя не являются въ интересахъ научнаго изученія языка.

III.

Оборотъ „дательный самостоятельный“ до сихъ поръ не можетъ считаться въ научной литературѣ выясненнымъ. Имѣется специальное изслѣдованіе г. Бѣлорусова „дательный самостоятельный падежъ въ памятникахъ церковно-славянской и древне-русской письменности“ (Рус. Филолог. В. 99 г. № 1—2, стр. 71—146), но изслѣдованіе это, въ сущности, не подвигаетъ впередъ выясненіе вопроса и если интересно, то по тому матеріалу, который извлеченъ авторомъ главнымъ образомъ изъ хрестоматій. Правда, новый изслѣдователь даннаго оборота не ограничится приведеннымъ матеріаломъ въ статьѣ г. Бѣлорусова, тѣмъ болѣе, что для разрѣшенія главнаго вопроса — объ исконности или заимствованіи даннаго оборота — нужнаго матеріала, нужныхъ сличеній — нѣтъ.

Востоковъ въ своей грамматикѣ церковно-славянскаго языка (§ 127) и Буслаевъ въ историч. грамматикѣ русскаго языка (§ 244, разд. 5) говорятъ вкратцѣ о дательномъ самостоятельномъ, о соответствіи этого оборота греческому родительному самостоятельному, говорятъ о выраженіи этимъ оборотомъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеній, но ни Востоковъ, ни Буслаевъ, какъ то совершенно несправедливо утверждаетъ г. Бѣлорусовъ (71—72), не говорятъ, что дательный самостоятельный составляетъ простую замѣну греческаго родительнаго самостоятельнаго. Наоборотъ, самъ г. Бѣлорусовъ въ дальнѣйшемъ (78) приходитъ къ мысли, что дательный самостоятельный „возникъ и образовался въ церковно-славянскомъ языкѣ подъ вліяніемъ греческаго родительнаго самостоятельнаго и потому не могъ не имѣть съ нимъ близкаго родства и сходства“. Сама эта мысль не находитъ себѣ подтвержденія въ изслѣдованіи автора. Въ дальнѣйшемъ же г. Бѣлорусовъ правъ, когда говоритъ, что употребленіе дательнаго самостоятельнаго въ церковно-славянскихъ и русскихъ памятникахъ нигде упо-

требленія греческаго родительнаго самостоятельнаго. Мнѣ думается, путь изслѣдованія дательнаго самостоятельнаго долженъ начинаться съ детальнаго сличенія имѣющихся древне-церковно-слав. текстовъ съ греческими оригиналами въ случаяхъ употребленія даннаго оборота. Попались же, напр., г. Бѣлоруссову при его, въ сущности, немногочисленныхъ сличеніяхъ въ этомъ направленіи обороты въ греческомъ языкѣ тождественныя съ славянскими. Большое количество подобныхъ оборотовъ могло бы говорить о греческомъ вліяніи, такомъ, о какомъ въ настоящее время врядъ ли можно говорить, сличая славянскій дательный самостоятельный съ греческимъ родительнымъ самостоятельнымъ. Примѣры эти слѣдующіе:

<i>εἰσελθόντι τῷ Ἰησοῦ εἰς Καπερναοὺμ, προσῆλθεν αὐτῷ ἕκατόνταρχος</i>	въшѣдшоу ѡсоу въ Капернаоумъ и прнстѣпн къ немуу сътънникъ (Остр. Ев., Мѣ. VIII, 5)
<i>παράγοντι τῷ Ἰησοῦ, ἤχολουθήσαν αὐτῷ δύο τυφλοὶ</i>	прѣходѣптю ѡсен по немь... (З. Ев. Мѣ. IX, 27)
<i>ἐλθόντι δὲ εἰς τὴν οἰκίαν προσῆλθον αὐτῷ οἱ τυφλοὶ.</i>	прншѣдшоу же емоу въ домъ, прнстѣпнсте къ немуу... (тамъ же).

(Ср. также аналогичн. примѣры дательн. самостоятельнаго въ греч. яз., приведенн. въ греч. грамматикѣ Чернаго. М. 88 г., стр. 194 — 5 прим.).

Нельзя согласиться съ тѣми комментаріями, которыми сопровождаетъ приведенныя сличенія г. Бѣлоруссовъ: въ греческомъ текстѣ онъ видитъ простой дательный съ обстоятельствомъ значеніемъ, а потому и въ славянскомъ — буквальная передача этого оборота не является въ данныхъ случаяхъ дательнымъ самостоятельнымъ (73—74). Эти примѣры тѣмъ именно цѣнны, что показываютъ случаи дательнаго самостоятельнаго въ греческомъ языкѣ, эти случаи были немногочисленны, потому что въ греческомъ языкѣ былъ другой оборотъ для выраженія того же, для чего здѣсь въ силу особенностей предложенія явился да-

тельный падежъ. Мнѣ думается, что въ этихъ греческихъ примѣрахъ линнее доказательство справедливости мнѣнія Потебни о возможности возникновенія дательнаго самостоятельнаго изъ дательнаго зависимаго. Если въ греческомъ языкѣ для созданія оборота „родительный самостоятельный“, а въ латинскомъ — „творительный самостоятельный“, оказало вліяніе употребленіе въ греческомъ родительнаго падежа, а въ латинскомъ — падежа творительнаго, то въ славянскомъ „дательный самостоятельный“ на первыхъ порахъ могъ создасться путемъ другимъ, путемъ постепеннаго отдѣленія дательнаго зависимаго.

При собраніи матеріала съ оборотами „дательный самостоятельный“ необходимо отмѣчать хронологическую послѣдовательность памятниковъ: это важно для исторіи развитія оборота, и здѣсь опять неправъ г. Бѣлоруссовъ, который весь собранный матеріалъ не группируетъ по этому принципу, и считаетъ даже это совершенно ненужнымъ (77); мотивировка его та, что дательный самостоятельный съ одинаковою свободою употребляется въ памятникахъ XI—XV вв.; требуетъ также повѣрки обобщеніе, что дательный самостоятельный встрѣчается только въ памятникахъ древнерусскихъ искусственной рѣчи, а въ памятникахъ живой рѣчи этого оборота нѣтъ.

Въ исторіи развитія дательнаго самостоятельнаго, безспорно, должны быть намѣчены различныя стадіи. Нужно опредѣлить какъ бы первоначальные элементы этого оборота, самый первоначальный оборотъ и затѣмъ его распространеніе. И въ этомъ случаѣ историческое изученіе оборота должно оказать существенную помощь. Такъ, напр., отмѣчается, что греческимъ родительнымъ самостоятельнымъ передаются придаточныя обстоятельственныя предложенія времени въ томъ линіи случаѣ, если подлежащее этихъ предложеній (т. е. родительный въ данномъ случаѣ падежъ) не встрѣчается въ главномъ ни въ качествѣ подлежащаго ни въ качествѣ другого члена предложенія. Между

тѣмъ славянскимъ дательнымъ самостоятельнымъ передавались такіе случаи; не дошедшоу же емоу острова приде на рѣкоу . . . Нѣтъ ничего невозможнаго, если предположить, что подобные обороты явились уже позже, явились подѣ влияніемъ оборотовъ, въ которыхъ, какъ въ греческомъ языкѣ, „подлежащее“ „придаточнаго“ предложенія не выступало въ главномъ въ качествѣ подлежащаго. Подобные же обороты какъ въ греческомъ, такъ и въ славянскомъ, могли появиться и независимо другъ отъ друга. Приведенный примѣръ, безспорно одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, которые явились результатомъ злоупотребленія данныхъ оборотовъ. Подобныхъ примѣровъ мы, поэтому, и не найдемъ въ живой народной рѣчи, но вопросъ еще въ томъ, не найдемъ ли мы чего-либо подобнаго оборотамъ съ болѣе какъ бы нормальнымъ употребленіемъ дательнаго самостоятельнаго. Процессъ образованія оборотовъ „дательный самостоятельный“ съ одинаковыми подлежащими можетъ быть, по моему, сравниваемъ съ возникновеніемъ подобныхъ (опять позднѣйшихъ) оборотовъ, какъ: „увидя то, на мысли волку вспало“ (изъ „Левъ и волкъ“ Крылова) и пр.

Я долженъ сказать еще слѣдующее. Для отгѣненія разницы въ употребленіи греч. родительнаго самостоятельнаго и славян. дательнаго самостоятельнаго я привелъ отмѣчаемое правило относительно греч. родительнаго самостоятельнаго и случаи слав. дательнаго самостоятельнаго, совершенно идуціе въ разрѣзъ съ этимъ правиломъ. Сравнивая же рассматриваемые обороты, необходимо было бы болѣе подробно, чѣмъ то дѣлалось до сихъ поръ, войти и въ исторію употребленія греческаго родительнаго самостоятельнаго. Укажу здѣсь, что отмѣчаемое правило имѣетъ свои исключенія уже въ древнемъ греч. языкѣ и чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе и болѣе отклоненій. Получается такимъ образомъ возможность въ проведеніи параллелей между греческими и славянскими оборотами, главнымъ

образомъ въ процессѣ образованія. Дамъ нѣсколько примѣровъ. Изъ перевода 70: Sept. Num. 13, 22: *κατεσκέψαντο τὴν γῆν ἀπὸ τῆς ἐρήμου εἰς ἕως Ροδῶ εἰσπορευομένων Λίμαθ* (подобн. обороты у Cleomed'a 18, 10, Strabon'a 8, 4, 5. 13, 1, 32). См. Greek Lexicon of Roman and Byzantine Periods (New. York, 1900, предвар. грамм. свѣд., 43). Изъ житія Константина и Елены: *καταστήσαντος οὖν τοὺς ἰδίους παῖδας Καίσαρας ἀπῆλαυσεν εἰρήνης αὐτὸς ἀτοχράτωρ μέγιστος . . .* (Rendocenti della reale Accademia dei lincei . . . Ser. 5 Vol. XXI, Roma 1907, 334 примѣч.) Ф. Блассъ въ своей Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch (Göttingen, 1902, стр. 256) отмѣчаетъ, что „die neutestamentlichen Schriftsteller . . . geben gern auch den partizipialen Nebenbestimmungen mehr Selbständigkeit und nehmen die absolute Konstruktion in zahlreichen Beispielen, und auch da, wo der Klassiker sie nicht einmal als Lizenz zugelassen hatte. Mt 9,18 *ταῦτα αὐτοῦ λαλοῦντος αὐτοῖς, ἰδοὺ ἄρχων . . . προσεχύνει αὐτῶ . . .*“ Въ дальнѣйшемъ (257) авторъ обращаетъ вниманіе и на примѣры съ одинаковыми подлежащими.

Особенность, которая отчасти характеризуетъ славянскій дательный самостоятельный въ отличіе отъ греческаго родительнаго самостоятельнаго, это употребленіе дательнаго самостоятельнаго для обозначенія независимаго предложенія. И въ церковно-слав. памятникахъ и въ памятникахъ русскихъ встрѣчаются соединенія оборотовъ дательный самостоятельный съ послѣдующими предложеніями посредствомъ соединительныхъ или противительныхъ союзовъ (по семъ же бѣсу преобразившуся въ образъ воина и шедъ ко князю), или еще важнѣе — дательный самостоятельный присоединяется къ другому предложенію (уже высказанному) при помощи этихъ союзовъ (азъ . . . преклонихъ . . . и одному же руку положшу . . .). Впрочемъ, иногда мы видимъ соединеніе дательнаго самостоятельнаго посредствомъ союзовъ съ предложеніями главными лишь въ силу любви древняго языка къ союзамъ (такимъ

образомъ, въ подобныхъ случаяхъ дательный сам. сохраняетъ свое зависимое положеніе, напр.: Богу помогни великому побѣдоносному Дмитрію и побѣждени быша поганіи Татарове, т. е. такъ какъ Богъ помогъ . . . , то . . .). На указанную особенность обращаетъ вниманіе г. Бѣлоруссовъ; онъ ставитъ ее въ связь съ употребленіемъ въ древне-церк. сл. и рус. памятникахъ причастія вмѣсто изъяснительнаго наклоненія. Въ этой правильной постановкѣ сказалось лишь знакомство (но неполное пониманіе) со взглядами Потебни (хотя самъ Б. этого не указываетъ). Только въ дальнѣйшемъ, въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса, замѣчается натяжка: „По аналогіи съ обычною замѣною глаголовъ и м е ц и т е л ь н ы м ъ падежомъ причастія стали замѣняться глаголы причастіями и въ дательномъ с а м о с т о я т е л ь н о м ъ“ (198); при чемъ для доказательства своей мысли Бѣлоруссовъ пользуется нѣкоторыми явно искаженными оборотами (тамъ же). Подобное оперированье съ языкомъ показываетъ, насколько г. Бѣлоруссовъ не проникся основными мыслями Потебни, хотя этого проникновенія и можно было бы отъ него ожидать.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что и въ греческихъ памятникахъ мы находимъ примѣры родительнаго самостоятельнаго соединеннаго союзомъ *καί* съ главн. предложеніемъ. Возьму слѣдующ. мѣсто изъ хроники Малалы: *καί πολλῶν σφαγέντων ἐξ ἀμφοτέρων τῶν μερῶν, ἐν οἷς καί ὁ Πρωτεσίλαος ἐσφάγη, πρόμαχος Δακιδῶν, καί οὐ παρεχώρησαν οἱ Δαναοί . . .* Corpus scriptorum historiae byzantinae, edicio . . . consilio Niebuhrii . . . Bonnæ 1831 г., 99 стр.). Наряду съ этимъ отмѣчу изъ той же хроники случаи соединенія причастія и глагольной формы изъясв. накл. союзомъ *καί*: *ἡ δὲ βασίλισσα Ἀριδὼνη ἡ τοῦ αὐτοῦ Ζήνωνος γυνὴ δεξαμένη παρὰ τῆς ἰδίας αὐτῆς μητρὸς γράμματα λάθρα καί παρεχάλεσε τὸν βασιλέα Ζήωνα . . .* (387); *καί ἀκούσας Λεόντιος καί Ἰλλοῦς . . . καί ἀνῆλθαν . . .* (389).

Я сдѣлалъ ссылку на грамматику греч. языка г. Чер-

наго. Коснусь вкратцѣ и взгляда высказаннаго здѣсь относительно разсматриваемаго оборота, взгляда, долго_з оставливаться на которомъ совершенно не представляется нужнымъ. Составитель этой извѣстной греч. грамматики объясняетъ возникновеніе въ славянскомъ дательнаго самостоятельнаго тѣмъ, что падежъ этотъ „несравненно рѣже родительнаго попадаетъ въ зависимости (какъ объектъ) отъ глагола, между тѣмъ какъ родительный п., служа (вм. вин. п.) объектомъ всякаго переходнаго отрицательнаго глагола, могъ бы при самостоятельномъ употребленіи — порождать недоумѣніе и двусмысліе“ (Греч. грам. М. 88 г. 195, прим.). Дательный самостоятельный возникъ, по Черному, какъ подражаніе греческому родительному самостоятельному, но подражаніе „неполное“ (194, прим.). Противъ этого можно было заимствовать доказательства и изъ синтаксиса Миклошича, который указывалъ случаи дательнаго самостоятельнаго и въ языкахъ, гдѣ нельзя было говорить ни о какомъ вліяніи греческаго языка, не говоря конечно, о невозможности провести такое вліяніе изъ родительнаго самостоятельнаго къ дательному самостоятельному, даже беря вышеприведенное искусственное поясненіе Чернаго.

При разрѣшеніи вопроса о возникновеніи дательнаго самостоятельнаго, о его развитіи, важно было бы, конечно, указать аналогичные случаи, когда дательный падежъ также пріобрѣтаетъ извѣстную самостоятельность. При объясненіи, напр., греческаго родительнаго самостоятельнаго можно указать на родительный падежъ существительныхъ въ греческомъ языкѣ для обозначенія времени, въ латинскомъ при объясненіи творительнаго самостоятельнаго тоже можно указать на творительный времени. Въ славянскихъ яз. для обозначенія времени въ аналогичныхъ случаяхъ употребляется творительный падежъ, такимъ образомъ можно было бы предположить о большей законности возникновенія также творительнаго самостоятельнаго. Но съ другой сто-

роны имѣются примѣры, которые могли бы говорить и о полной послѣдовательности въ возникновеніи дательнаго самостоятельнаго изъ свойствъ славянскаго языка. Возьму въ данномъ случаѣ такіе примѣры: итти дождю стрѣлами, туся саблями потурчяти, начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времени (примѣры изъ Сл. о Полку Иг.) быть бычку на веревочкѣ и пр. Если коснуться исторіи подобныхъ оборотовъ, то, можетъ быть, прійдется возстановливать что-либо опущенное, для меня же теперь важно установить жизненность подобныхъ оборотовъ, гдѣ пріобрѣтается извѣстная самостоятельность дательнымъ падежомъ. Затѣмъ, въ частности для возникновенія дательнаго самостоятельнаго (а не винительнаго, напр.) можно указать на то, что дательный падежъ не представляется такъ тѣсно связаннымъ съ глаголомъ, какъ падежъ винительный. Такимъ образомъ, являлась бѣльшая возможность отдѣленія этого падежа въ самостоятельный оборотъ.

При специальномъ изслѣдованіи „дательнаго самостоятельнаго“ необходимо было бы остановиться и на разработкѣ вопроса вообще такъ называемыхъ „самостоятельныхъ“ падежахъ. Въ нашей научной литературѣ была посвящена этому вопросу брошюра К. А. Деллена „о такъ называемыхъ *casus absoluti* въ главныхъ языкахъ индо-европейскаго племени“ (Харьк. 81 г.). Правда, какъ выразился А. И. Соболевскій (Рус. Фил. 83 г. № 1, 170), брошюра эта „не имѣетъ рѣшительно никакого научнаго значенія“, но въ ней есть нѣкоторыя полезныя бібліографическія указанія, передача различныхъ мнѣній. Изъ послѣдней я бы выдвинулъ указанія на данныя въ трудѣ Классена — *Beobachtungen über den Homerischen Sprachgebrauch* (Frankf. a. M. 79). Важна мысль, которую проводилъ Классенъ относительно греческаго родительнаго самостоятельнаго, гдѣ этотъ оборотъ постепенно отдѣляется отъ другихъ частей предложенія и занимаетъ самостоятельное положеніе. Важны

въ данномъ случаѣ также тѣ примѣры, тотъ фактической матеріалъ, который приводился изслѣдователемъ для подтвержденія высказанной мысли. Разсматривать же брошюру Деллена я не буду: эта брошюра вообще не подвигаетъ затронутого вопроса, въ небольшой же матеріалъ изъ области др. ц. сл. и др. рус. языковъ, заимствованный авторомъ глав. обр. изъ хрестоматій Перевлѣскаго и Филонова, вошли примѣры, не относящіеся къ разсматриваемому вопросу (ср. указан. рецензію А. И. Соболевскаго).

Изъ отдѣльныхъ синтаксическихъ вопросовъ особенное вниманіе изслѣдователей привлекало за послѣднее время употребленіе винительнаго и род. падежей. Въ данномъ случаѣ прежде всего необходимо остановиться на трудахъ проф. А. И. Томсона.

Изъ синтаксическихъ трудовъ проф. А. И. Томсона я прежде всего остановлюсь на двухъ тѣсно связанныхъ содержащемъ и временемъ выхода — „Винительный падежъ прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ въ русскомъ языкѣ (Варш. 1902 г., изъ Русск. Филолог. В.) и „Къ синтаксису и семасіологіи русскаго яз. (Одесса, 1903 г., изъ изд. Истор. Филолог. Общ.). Въ двухъ этихъ изслѣдованіяхъ мы видимъ попытку войти вглубь оборота съ родительнымъ и винительнымъ падежами въ отрицательныхъ предложеніяхъ. Въ „Къ синтаксису . . .“ вопросъ ставится на болѣе широкую почву, изслѣдователь входитъ въ область латышскаго, литовскаго языковъ и вопросъ переносится въ область древности, въ балто-славянскую эпоху.

Прежде всего изслѣдователь классифицируетъ отрицательныя предложенія, содержащія прямое дополненіе при переходныхъ глаголахъ въ личной формѣ, и устанавливаетъ пять видовъ такихъ предложеній. Собственно, можно было бы изъ устанавливаемыхъ пяти видовъ сдѣлать прежде всего два общихъ вида. Можно было бы установить аб-

солотно-отрицательныя (4-й и 5-й виды: различіе этихъ видовъ — падежи родительный и винительный; 4-й видъ — винительный падежъ: не шей красный сарафанъ; 5-й видъ — родительный падежъ: такъ какъ онъ не нашелъ подходящей квартиры . . .) и относительно-отрицательныя (1-й видъ — винительный пад.: не онъ сдѣлалъ это; 2-й видъ: а возикъ мы свой не свеземъ, а скатимъ; 3-й видъ: не выбирай невѣсту, а выбирай сваху). Какъ правильно замѣчаетъ самъ авторъ, предложенія перваго и втораго вида не различаются принципиально, то же можно сказать относительно 1 и 3 видовъ, впрочемъ, въ подробный разборъ входить не буду — въ сущности, 1-й и 3-й виды, кромѣ элемента отрицательнаго, заключаютъ въ себѣ нѣчто утвердительное — данное въ фразѣ или подразумеваемое. Центръ тяжести вниманія изслѣдователя долженъ, конечно, пасть на абсолютно-отрицательныя предложенія. И вотъ въ этихъ-то предложеніяхъ мы видимъ употребленіе двухъ падежей: винительнаго и родительнаго. Естественно, предъ изслѣдователемъ возникаютъ здѣсь такіе вопросы: какой изъ падежей въ данномъ случаѣ является исконнымъ, а если выступали ранѣе оба, то чѣмъ объяснялась разная постановка и почему началъ преобладать одинъ изъ падежей, какіе, наконецъ, оттѣнки значеній можно связывать съ тѣмъ и другимъ падежомъ. По нашимъ „грамматическимъ“ правиламъ вмѣсто винительнаго падежа прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ ставится родительный падежъ: отдашь книгу, не отдашь книги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что это грамматическое правило не является закономъ для языка: сплошь и рядомъ винительный падежъ прямого дополненія остается въ отрицательныхъ предложеніяхъ — не отдашь книгу. Смотрѣть на послѣднее, какъ на какую-то неправильность, которую необходимо исправлять, невозможно. Проф. Томсонъ и доказываетъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ русскаго, славянскихъ и др. языковъ, что употребленіе

винительнаго падежа въ данныхъ случаяхъ также первоначально, какъ и употребленіе родительнаго падежа. Исходя изъ примѣровъ русскаго языка и стремясь здѣсь прежде всего уловить оттѣнки значеній, соединенные съ употребленіемъ того или другого падежа, проф. Томсонъ такъ отмѣчаетъ эти оттѣнки: „Различіе тѣхъ и другихъ (предложеній 4-го и 5-го видовъ) по значенію заключается въ томъ, что въ предложеніяхъ четвертаго вида отвергается конкретное дѣйствіе, представленіе о которомъ входитъ въ составъ сильно-возбужденнаго положительнаго сужденія, существующаго въ душѣ говорящаго и существованіе или по крайней мѣрѣ признаніе котораго говорящій предполагаетъ и въ душѣ слушающаго, напр.: не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ. А въ предложеніяхъ пятаго вида обыкновенно отрицается лишь возможное въ данномъ случаѣ абстрактное дѣйствіе, причеиъ все значеніе предложеній этого вида заключается въ опредѣленіи, посредствомъ отрицательнаго признака, отношенія между тѣми представленіями, которыя обозначаются грамматическимъ подлежащимъ и дополненіемъ, напр.: такъ какъ онъ не нашелъ подходящей квартиры, то онъ поселился въ меблированныхъ комнатахъ. Эти предложенія могутъ, конечно, служить и отверженіемъ положительнаго сужденія, но въ такомъ случаѣ они отвергаютъ абстрактное дѣйствіе, опредѣляющее отношеніе между представленіями, обозначенными подлежащимъ и дополненіемъ, напр.: „Нѣтъ, она музыки не любитъ“ (Вин. пад. . . . , 6). Проф. Томсонъ замѣчаетъ далѣе: „Самая трудная задача — разграниченіе областей между предложеніями четвертаго и пятаго вида, такъ какъ грань между ними — не по формѣ, а по значенію — расплывчатая и кроется въ нелегко уловимыхъ признакахъ, значеній этихъ предложеній“. Въ объясненіяхъ проф. Томсона есть данныя, по моему мнѣнію, схваченныя вѣрно чутьемъ языка, это указаніе на признаки известной конкретности или абстрактности, связанные съ тѣмъ или инымъ паде-

жомъ. Мысль объ этомъ особенно хорошо выясняется въ IV главѣ „Къ синтаксису . . .“ (36—81), посвященной выясненію значенія вещественныхъ и предметныхъ именъ въ русскомъ языкѣ. Съ предметностью связывается понятіе конкретности, сравнительно съ предметными именами вещественныя могутъ быть во многихъ случаяхъ абстрактными. Можетъ быть, здѣсь не особенно удачно взяты проф. Томсонъ терминъ „абстрактность“, такъ какъ этотъ терминъ можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе. Не лучше ли было бы сообразно подмѣченнымъ значеніямъ выдвинуть — опредѣленность и неопредѣленность: между — дай воду и дай воды разница именно въ указаніи съ одной стороны на опредѣленную, ограниченную массу веществъ, съ другой — на неопредѣленную, но въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о конкретномъ. Правда, неограниченность пространства ведетъ уже не къ такому конкретному представленію. Исслѣдователь стремится уловить здѣсь и вліяніе глагола на ту или иную постановку: такъ совершенный видъ глагола имѣетъ конкретное значеніе, это отражается и на объектѣ; глаголъ же несовершеннаго вида имѣетъ абстрактное значеніе. Впрочемъ, въ данныхъ случаяхъ трудно провести подобное наблюденіе послѣдовательно.

Проф. Томсонъ вполне сознаетъ, какъ трудно уловить психическую основу той или другой конструкціи, и въ этомъ то и заключается часто извѣстная шаткость психологическихъ объясненій, ихъ неопредѣленность, неясность. Часто первоначальную разницу сглаживаетъ аналогія, и тогда трудно бываетъ установить всѣ создавшіяся постепенно звенья. Необходимо было бы, конечно, подобрать какъ можно больше матеріала изъ русскаго языка, а потомъ перенести вопросъ на широкое поле славянскихъ языковъ: неясное въ русскомъ языкѣ, можетъ быть, нашло бы себѣ нѣкоторое освѣщеніе въ родственныхъ славянскихъ языкахъ. Самъ исслѣдователь относительно данныхъ славянскихъ языковъ говорить, что такая работа выходила бы за пре-

дѣлы поставленной имъ задачи. А съ другой стороны, пользование матеріаломъ русскаго языка, главнымъ образомъ данными великорусскихъ пѣсенъ, также не даетъ возможности болѣе широко и доказательно поставить анализъ.

Нельзя не отмѣтить взгляда проф. Томсона на неправильность пониманія родительнаго падежа пазываемаго *genetivus partitivus* (Къ синтак. и сем., 50 и сл.). Этотъ падежъ часто не выражаетъ вовсе никакой части, а является лишь обозначеніемъ неопредѣленнаго по пространству вещества.

Замѣчу здѣсь объ одной частности. Мелькомъ затрогивая взглядъ Потебни о происхожденіи родительнаго падежа въ отрицательныхъ предложеніяхъ изъ отложительнаго (аблятива) и не соглашась съ этимъ взглядомъ, проф. Томсонъ не упоминаетъ о статьѣ проф. Кудрявскаго „Славянская конструкція отрицательнаго глагола съ родительнымъ падежомъ и родственныя явленія другихъ индоевроп. языковъ“ (въ Ж. М. Н. П. 97 г. апрѣль). Правда, центръ тяжести небольшой статьи проф. Кудрявскаго (около 6 стран.) не въ анализѣ славянской конструкціи отрицательнаго глагола и не въ окончательномъ выводѣ. Этотъ послѣдній заключался въ томъ, что родительный падежъ въ отрицательныхъ предложеніяхъ есть первоначальный *ablativus*. Выводъ, какъ видимъ, не новый. Центръ тяжести въ тѣхъ немногочисленныхъ примѣрахъ изъ греческаго языка, посредствомъ которыхъ изслѣдователь стремится доказать, что и греческому языку свойственна была конструкція съ родит. падежомъ при отрицательныхъ глаголахъ. Примѣровъ для доказательства этого приводится мало, да изъ приведенныхъ нѣкоторые могли бы быть объяснены аналогіей. Затѣмъ, что особенно характерно, — проф. Кудрявскій выдѣляетъ (при построеніи гипотезы) то обстоятельство, что въ греческомъ удержались, какъ норма только родительный времени и отчасти — мѣста при отрицаніи. А между тѣмъ, въ славянскихъ языкахъ мы видимъ

наряду съ проведеніемъ родит. падежа въ отрицательныхъ предложеніяхъ сохраненіе вин. времени въ отрицательныхъ предложеніяхъ (я спалъ всю ночь, я не спалъ всю ночь).

Съ упомянутыми статьями проф. Томсона находятся въ тѣсной связи позднѣе вышедшія его статьи, посвященныя разъясненію замѣны стараго винительнаго формою родительнаго падежа въ склоненіи на о въ именахъ, обозначающихъ живыя существа (Родительный-винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ. Изв. отд. рус. яз. и сл. ИМП. Ак. н. 1908 г. № 2, 3).

Проф. Томсонъ доказываетъ прежде всего обнаружившуюся необходимость замѣны стараго винительнаго въ такихъ случаяхъ, какъ: Иванъ былъ на дворѣ и позвалъ Иванъ Петръ. Правда, здѣсь могъ бы извѣстный порядокъ словъ показывать, гдѣ подлежащее, а гдѣ дополненіе, но въ пра-славянскомъ языкѣ, по мнѣнію проф. Томсона, порядокъ словъ не игралъ никакой роли. Съ другой стороны, и удареніе не могло отгнѣнить, такъ какъ его назначеніе было другое. Не могла замѣнить подобныхъ неясныхъ оборотовъ и страдательная форма, такъ какъ отгнѣнокъ выражаемаго смысла все же нѣсколько измѣнялся. И вотъ, если неясность произошла вслѣдствіе совпаденія прежде разныхъ падежныхъ окончаній, то во избѣжаніе этой неясности оказалось для языка самымъ лучшимъ средствомъ прибѣгнуть снова къ какому-либо разграниченію этихъ общихъ формъ, и такимъ-то образомъ появляется родительный падежъ вмѣсто винительнаго. Что появился родительный падежъ, это было обусловлено близостью употребленія родительнаго и винительнаго въ качествѣ падежей прямого дополненія.

Въ своихъ „Лекціяхъ по древне-церковно-слав. яз.“ (до выхода разбираемыхъ статей проф. Томсона) я склонялся болѣе въ сторону мнѣній высказанныхъ по данному поводу Добровскимъ и Миклоничемъ, теперь я примкнулъ бы къ

мнѣнію, высказанному проф. Томсономъ, только долженъ замѣтить слѣдующее. Процессъ замѣны остается до сихъ поръ неяснымъ, не вполне доказаннымъ. Если можно было бы подобрать изъ живой рѣчи и изъ памятниковъ данныя, указывающія намъ на этотъ процессъ, — тогда дѣло другого рода, а теперь мы все же въ области гипотезы, хотя гипотезы и довольно вѣроятной. Немудрено, поэтому, что склоняясь къ проводимой проф. Томсономъ теоріи, я не могу отрицать возможности вліянія различныхъ аналогій при происхожденіи данныхъ оборотовъ.

Попытка же проф. Томсона объяснить, почему замѣна родительнаго падежа винительнымъ произошла прежде всего въ именахъ собственныхъ, какъ въ именахъ съ вполне уже опредѣленнымъ значеніемъ, что съ таковымъ только значеніемъ существительное, стоя въ качествѣ дополненія, стремится стать подлежащимъ, не кажется мнѣ убѣдительной. Мнѣ думается, что значеніе опредѣленности здѣсь не такъ важно, а важна прежде всего одушевленность.

Какъ я уже сказалъ ранѣе, проф. Томсонъ останавливается на предыдущей разработкѣ даннаго вопроса. Разбирая теоріи Меллье и Мюлленбаха, онъ указываетъ на необоснованность заключенія о существованіи первоначальныхъ формъ винительнаго падежа — мене, тебе, себе. Противъ мнѣнія Бернекера, что па выработку данной формы повліяли отрицательныя предложенія, въ которыхъ ставился родительн. пад., проф. Томсонъ справедливо возражаетъ, что если бы это было такъ, то вліяніе не ограничилось бы только опредѣленнымъ цикломъ именъ существительныхъ. Проф. Томсонъ указываетъ на то также, что значеніе родительнаго падежа объекта въ отрицательныхъ предложеніяхъ не тождественно съ значеніемъ винительнаго объекта въ неотрицательныхъ предложеніяхъ. Также вполне справедливыми я нахожу тѣ возраженія, которыя приводитъ Т. противъ мнѣнія Н. П. Некрасова.

Н. П. Некрасову принадлежать двѣ статьи по поводу разбираемаго вопроса — „О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ русскомъ языкѣ“ — X т. Извѣстій отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ; „По поводу двухъ статей А. И. Томсона о родит.-винительномъ падежѣ“ — въ XV т. Извѣстій. Поименованныя двѣ статьи имѣютъ тѣсную между собою связь: во второй статьѣ авторъ подкрѣпляетъ выводы первой, разбирая мнѣнія другихъ ученыхъ и особенно полемизируя съ проф. Томсономъ, который въ своей статьѣ высказался противъ теоріи Н. П. Некрасова. Я остановлюсь лишь на выводахъ г. Некрасова, не касаясь полемической стороны данныхъ статей. И мнѣ выводъ г. Некрасова не кажется убѣдительнымъ. Основываясь на томъ, что: 1. значеніе родительнаго падежа существительнаго имени имѣетъ сходство со значеніемъ имени собственнаго въ томъ, что родительный падежъ опредѣляетъ собою предметъ, какъ собственное имя опредѣляетъ лицо; 2. приводя въ параллель обороты: я знаю Петра, я даю хлѣба, воды, Н. П. Некрасовъ думаетъ, что въ выраженіи: я знаю Петра и подобн. пропущено слово личность (или: видъ или подобн.), какъ въ выраженіи: я даю хлѣба пропущено: кусокъ, часть. 1-е изъ приведенныхъ соображеній ничего, въ сущности, само по себѣ не доказываетъ, и вся сила во 2-мъ. Но противъ этого соображенія, мнѣ думается, говорятъ историческія данныя. Вѣдь, г. Некрасовъ замѣчаетъ, что родительный падежъ получается послѣ того, какъ въ народномъ сознаніи исчезаетъ это подразумѣваемое слово. Если было бы такъ, то мы всегда бы въ памятникахъ видѣли постановку собственныхъ именъ въ родительномъ падежѣ вмѣсто винительнаго, на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и руководствуясь данными памятниковъ, мы должны говорить о переходѣ формы собственныхъ именъ на — ѣ въ форму на — а. Если бы было такъ, какъ объясняетъ Н. П. Некрасовъ, то совсѣмъ дѣлается непо-

нятымъ появленіе формы на — ѣ въ собственныхъ именахъ, когда по формѣ долженъ бы быть родительный падежъ. Незачѣмъ было пропускать это „нѣчто“ (личность и под.), если нѣчто подобное было въ сознаниі: въ этомъ случаѣ также нельзя опираться на выраженія, какъ: дай хлѣба, такъ какъ и въ послѣднихъ случаяхъ слово „часть“ считается пропущеннымъ лишь въ силу предположенія. Въ тѣхъ примѣрахъ съ именами прилагательными, которые приводитъ г. Некрасовъ, какъ: въ злюбѣши и скрѣ него своего... ближняго своего, подроуга и др. вовсе не подразумѣвается слово „человѣкъ“: это были существительныя изъ прилагательныхъ. Какъ видно изъ послѣдняго, меня не убѣждаютъ и нѣкоторыя частныя догадки Некрасова. Между прочимъ, я отмѣчу и слѣдующее частное соображеніе. Въ древне-церковно-славянскихъ памятникахъ мы видимъ употребленіе въ качествѣ винительнаго падежа формъ: чловѣкъ и чловѣка, при чемъ послѣдняя форма употребляется преимущественнѣе, или какъ говоритъ г. Некрасовъ, „почти постоянно“. Затѣмъ, беря такіе примѣры, какъ: привѣдѣна къ немѣмоу члкъ нѣмъ бѣсьнѣ, Н. замѣчаетъ, что форма стараго винительнаго падежа употребляется тогда, когда говорится о чловѣкѣ одержимомъ нечистымъ духомъ, при чемъ нечистый духъ какъ бы отождествляется съ чловѣкомъ (а доухъ и бѣсь сохраняютъ въ прямомъ дополненіи форму стараго винительнаго падежа); въ случаяхъ же: и привѣсѣ къ немѣмоу глуха гжгнѣва, необходимо, по Н., подразумѣвать „чловѣка“. Искусственность подобнаго объясненія очевидна, при томъ даже самъ Некрасовъ указываетъ параллельные тексты изъ разныхъ евангельскихъ текстовъ, гдѣ мы видимъ разнорѣчивое употребленіе рассматриваемыхъ формъ.

Подробнѣе останавливаться на статьяхъ Н. П. Некрасова я не буду. Вообще на рассматриваемомъ проф. А. И. Томсономъ и Н. П. Некрасовымъ вопросѣ я останавливаюсь болѣе

слегка: этотъ вопросъ выходитъ за предѣлы синтаксиса и переходитъ въ область морфологии, и что особенно также важно — онъ переходитъ въ область линіи субъективныхъ догадокъ. Здѣсь легче опровергать, чѣмъ создать что-либо вполне убѣдительно. И. г. Некрасову, стремившемуся создать извѣстную теорію, удалось болѣе мѣткія критическія соображенія противъ Меллье и Мюлленбаха ¹⁾.

Синтаксическія особенности нанихъ народныхъ говоровъ находятъ себѣ крайне незначительное мѣсто въ тѣхъ наблюденіяхъ, которыя изданы за послѣднее время, относительно языка этихъ говоровъ. То же самое нужно сказать и относительно изслѣдованій различныхъ древнихъ памятниковъ: синтаксису или вовсе не удѣляется мѣста или о немъ упоминается совсѣмъ вскользь. Для освѣщенія особенностей древняго языка, конечно, очень важно накопленіе матеріала изъ языка современнаго.

Въ „Изслѣдованіи о двинскихъ грамотахъ XV в.“ (СПБ. 903 г.) ак. А. А. Шахматовъ посвящаетъ небольшую часть своей работы обзорнью синтаксическихъ особенностей разбираемыхъ и изданныхъ имъ памятниковъ. Затронуты вопросы: о согласованіи при именахъ съ собирательнымъ значеніемъ, о согласованіи при двухъ или нѣсколькихъ

1) Упомяну здѣсь о небольшой статьѣ, имѣющей отношеніе къ изслѣдованію отдѣльныхъ синтакс. вопросовъ.

Въ замѣткѣ „О синтаксическомъ значеніи частицы ко (ка) при повелительномъ наклоненіи (Р. Ф. В. 905, № 4) г. Зеленинъ, отмѣчая нѣкоторую односторонность въ прежнихъ немногочисленныхъ попыткахъ объясненія затронутого вопроса (именно, что ка служить по одному объясненію, для усиленія повелительнаго наклоненія; по другому — для смягченія воли) указываетъ, что данная частица употребляется въ рѣчи фамиллярной. Изъ фамиллярности рѣчи г. З. выводится „смягченіе воли“. Изъ указательнаго же первоначальнаго значенія частицы выводится другая черта — выраженіе такого желанія, „исполненіе котораго хотя въ видѣть сейчасъ же“.

именахъ, о двойственномъ числѣ и распространеніи формъ этого числа по аналогіи, о согласованіи числительныхъ, о родительномъ вмѣсто винительнаго въ одушевленныхъ именахъ, о именительномъ вмѣсто винительнаго въ прямомъ дополненіи, объ именительномъ въ косвенномъ дополненіи, объ употребленіи временныхъ формъ, о дѣепричастіи, о безличныхъ оборотахъ, объ относительной конструкціи, объ употребленіи что въ качествѣ союза, объ условныхъ предложеніяхъ, о предлогахъ. Выдвигаемый матеріалъ по своему характеру не представляетъ чего-либо особенно новаго (не считая, конечно, содержанія): подобный матеріалъ былъ извѣстенъ и на основаніи другихъ древнихъ памятниковъ и служилъ уже матеріаломъ для изслѣдованій; обращаетъ же на себя вниманіе попытка ак. Шахматова выяснитъ нѣкоторыя синтаксическія особенности. Ак. Шахматовъ устанавливаетъ взаимное вліяніе формъ: два гона и двоигоны. Именно: вмѣсто именительнаго падежа мн. числа въ оборотахъ съ: двои, двое, обои . . . появляется подъ вліяніемъ родительнаго падежа въ оборотахъ: „два гона“ — двое портъ (слѣдовательно: двое гонъ). Съ другой стороны, новый родительный падежъ при: обое, двое вліяетъ на образованіе родительнаго же падежа при: два, напр., два храбрыхъ солдата и т. п. Что въ приводимыхъ формахъ послѣ числительнаго два была уже форма родительнаго падежа, по Ш., между прочимъ, указываетъ характерный переходъ: два году. Но со всѣмъ этимъ для меня трудно согласовать слова ак. Ш., въ которыхъ онъ проводитъ ту мысль, что упомянутыя формы на а (а также ы) не сознавались какъ формы родительнаго падежа. Данное положеніе выводится изслѣдователемъ изъ того, что сочетанія: двумъ мѣстамъ, двумя мѣстами и пр. доказываютъ отсутствіе субстантивированія въ два и двѣ. Но если бы не было сознанія родительнаго падежа, то спрашивается, какимъ же образомъ аналогія совершилась бы даже переходя границы чиселъ (такъ какъ при два родительный ед.,

а при обои род. множеств.)? Затѣмъ то объясненіе, которое находимъ мы у ак. III. относительно употребленія именительнаго падежа вмѣсто винительн. въ прямомъ дополненіи (именно, что глаголѣ переходный находится на значительномъ разстояніи отъ управляемаго слова), я бы примѣнилъ и по отношенію употребленія въ такомъ же положеніи именительнаго падежа послѣ неопредѣленнаго наклоненія (III. же объясняетъ въ такомъ случаѣ именительный падежъ, что инфинитивъ, „по самому происхожденію своему являясь именемъ, не имѣлъ того полнаго глагольнаго значенія, которое имѣли другія глагольныя формы“, 131). Нѣкоторые любопытные примѣры находимъ въ отдѣлѣ объ относительной конструкціи, напр. о соединеніи творительнаго падежа съ предшествующимъ относительнымъ мѣстоименіемъ также въ творительномъ падежѣ: чимъ володилъ . . . ѿчною своею, тимъ . . .

Въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ. г. Бѣлорусовъ отмѣчаетъ употребленіе именительнаго пад. вмѣсто винительнаго не только въ именахъ женскаго рода (какъ: носить вода, творить квашня и пр.) послѣ неопредѣленнаго наклоненія, но и въ именахъ мужскаго рода, напр.: „пошлю волки, медвѣдь, людъ; — медвѣдь стрѣлять“. То обстоятельство, что употребляются подобные обороты уже не только послѣ неопредѣленнаго наклоненія, но и послѣ формы будущаго (несложной), можетъ говорить противъ предположенія ак. Шахматова относительно вліянія въ подобныхъ случаяхъ меньшей степени глагольности въ неопредѣленномъ наклоненіи. Конечно, здѣсь можно было бы выдвинуть такое предположеніе, что на подобные обороты могли оказать вліяніе обороты съ будущимъ сложнымъ по формѣ (упомянутые матеріалы собранные г. Бѣлорусовымъ — въ Р. Ф. В. 87 г. № 4, стр. 249—52).

Отмѣчу, что ак. А. И. Соболевскій видитъ въ подобныхъ оборотахъ именительный падежъ, так. обр. видитъ здѣсь подлежащее, при неопредѣленномъ наклоненіи — дополненіи

(см. Лекціи по русскому яз., изд. 4, 198). Такой же точки зрѣнія держится г. Никольскій при объясненіи подобн. обор. въ Ипатской лѣтописи (Рус. Ф. В. 1899 г. № 3—4, 83).

Г. Никольскій, посвятившій въ своемъ изслѣдованіи Ипатской лѣтописи нѣсколько страницъ синтаксису разбираемаго памятника (Р. Ф. В. 99 г. № 3—4), различаетъ, повидимому, оборотъ дательный самостоятельный и оборотъ „второго дательнаго“. Но разница здѣсь не по существу оборотовъ, а лишь въ томъ, что дательный самостоятельный, есть развитіе „второго дательнаго“, только въ оборотахъ личныхъ — дательнаго дополненія (приводимый примѣръ „второго дательнаго“ изъ лѣтописи Ип.: бѣ бо клятвою клялся . . . яко добывну ему землѣ нѣмецкоя, дати ему всю Романови, стр. 85).

Въ изслѣдованіи г. Лукьяненка „О языкѣ Несторова житія преподобнаго Феодосія Печерскаго . . .“ (Р. Ф. В. 1907, № 3), въ матеріалѣ собранномъ относительно синтаксиса, любопытны особенно примѣры, относящіяся къ употребленію члена (къ постепенной исторіи образованія члена изъ указательнаго мѣстоименія).

Г. Дурново въ своемъ „Описаніи говора деревни Парфеновки Рузскаго уѣзда Моск. г.“ (Р. Ф. В. 1901 г. № 3—4) отмѣчаетъ любопытный примѣръ согласованія: . . . три садика сисянова, гдѣ вмѣсто обыкновеннаго род. множ. ч. употребленъ родительный ед. (въ прилагательномъ). Тотъ же изслѣдователь отмѣчаетъ употребленіе личныхъ оборотовъ вмѣсто безличныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ: „темна ночинька мне не спица“, но въ подобныхъ оборотахъ врядъ ли можно видѣть въ „темна ночинька“ подлежащее, это выраженіе употреблено уже въ смыслѣ нарѣчномъ, или употреблено вообще съ потерей бывнаго согласованія (какъ это было въ примѣрахъ: вода носить и пр.).

То общее, что отмѣчается въ различныхъ народныхъ говорахъ, это потеря согласованія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, или, лучше сказать, смѣненіе при согласованіи родовъ, смѣ-

шеніе падежей, напр., замѣна творительнаго пад. мн. числа дательнымъ падежомъ мн. числа, и др. падежей.

Можно, конечно, пожалѣть, что синтаксическія особенности менѣе вызываютъ вниманія въ тѣхъ богатыхъ собраніяхъ матеріала народнаго творчества, которыя издаются за послѣднее время. Между прочимъ, въ программѣ для собранія особенностей малорусскихъ говоровъ, составленной К. Михальчукомъ и А. Крымскимъ (Сборн. отд. р. я. и сл. Имп. Ак. Н. 1910 г. т. 87), синтаксисъ совершенно оставленъ безъ вниманія.

IV.

Теперь я остановлюсь на нѣкоторыхъ грамматическихъ вопросахъ и на исторіи ихъ разработки, при чемъ особенное вниманіе буду удѣлять позднѣйшей обработкѣ въ общихъ трудахъ проф. Овсяннико-Куликовскаго (его „Руководствѣ къ изуч. синт. рус. яз.“ и отчасти „Синтак. р. яз.“).

Въ общепризнанномъ дѣленіи на части рѣчи мы можемъ замѣтить непослѣдовательность, отсутствіе единства дѣленія: имя существительное, прилагательное — по значенію (существо, свойство, качество), а уже мѣстоименіе — часть рѣчи, замѣняющая . . . Само опредѣленіе частей рѣчи дается обыкновенно далекое отъ точности. Прилагательное — наименованіе свойства или качества предмета, при чемъ забывается, что свойство и качество обозначаются и существительнымъ: доброта, чернота . . . Глаголь — наименованіе дѣйствій, состояній, но такимъ же наименованіемъ является и имя существительное: дѣланіе, любовь и пр. Нельзя, конечно, въ грамматическомъ отношеніи дѣлить слова по тѣмъ понятіямъ, по которымъ они соотвѣтствуютъ реальному міру. Нужно дѣлить по роли ихъ въ связной рѣчи. Черный, чернота, чернѣть — все это обозначеніе свойства, но обозначеніе разное.

Сколько путаницы даже въ такихъ нашихъ грамматическихъ терминахъ, какъ „части рѣчи“ и „части предложія“, отмѣчаетъ г. Бикъ (Педаг. Сборн., 1901, № 389); имя существительное, прилагательное, глаголь . . . — части рѣчи: рѣчь состоитъ изъ предложений, ео ipso части рѣчи = предложеніямъ, а не составляютъ части предложія . . .

Въ своемъ „Синтаксисѣ“ проф. Овсяннико-Куликовскій насчитывалъ 10 частей рѣчи: 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) глаголь, 4) причастіе, 5) дѣепричастіе, 6) нарѣчіе, 7) мѣстоименіе, 8) предлогъ, 9) союзъ, 10) имя числительное. И уже здѣсь справедливо вполнѣ исключено междометіе (32). Въ „Руководствѣ“ его-же мы видимъ измѣненія, Такъ мѣстоименія и числительныя отнесены уже или къ существительнымъ (существительныя-числительныя, сущ.-мѣстоим.) или къ прилагательнымъ и нарѣчіямъ. Причастія не занимаютъ уже такого самостоятельнаго положенія, они отнесены къ прилагательнымъ, составляя здѣсь особую рубрику — прилагательныхъ, обладающихъ нѣкоторыми свойствами глагола. Въ такомъ же родѣ сдѣлано сближеніе дѣепричастія съ нарѣчіемъ.

Отсюда мы можемъ уже видѣть, какая трудность заключается въ точномъ дѣленіи на части рѣчи и сколько неустановленности во взглядахъ одного и того же ученаго.

Бросимъ взглядъ нѣсколько назадъ и посмотримъ, что давала древность въ этомъ отношеніи. Древняя греческая грамматика при грамматическомъ разборѣ главное вниманіе свое обращала на значеніе словъ, а не на формы ихъ. Зародыши такого „логическаго“ отношенія мы находимъ еще въ діалогахъ Платона. Изъ послѣднихъ мы узнаемъ, между прочимъ, что общіе вопросы языковѣднн (вопросъ объ отношеніи языка къ душѣ, слова къ обозначаемому предмету и пр.) занимали софистовъ. И то общее понятіе о строѣ рѣчи, которое мы находимъ у Платона, относится къ чисто „логическому“ разбору предложія. Здѣсь уже

выступают *ὄνομα* и *ῥῆμα*. Тѣ слова, которыя употребляются для обозначенія предмета, — *ὄνομα*, а то, что говорится о предметѣ, — *ῥῆμα*. Вотъ тотъ далекій источникъ нашихъ грамматическихъ опредѣленій „подлежащаго“ и „сказуемаго“. Соединеніе *ὄνομα* и *ῥῆμα* образуетъ предложеніе — *λόγος*. Затѣмъ, *ὄνομα* имѣетъ и общее примѣненіе, обозначая вообще имя — наши имена существительныя, прилагательныя, числитель. колич., мѣстоименія (личн.) и неопредѣленное наклоненіе глагола. Названіе *ῥῆμα* употреблялось для обозначенія также цѣлаго предложенія (ср. Schoemann. Die Lehre von den Redetheilen nach d. Alten. Berlin. 62., 2—3). Аристотель не входилъ въ чисто грамматическое изученіе языка, онъ занимался анализомъ предложенія въ интересахъ главнымъ образомъ діалектики и поэтики. Но все же прежній анализъ у него какъ-бы очищается. Мы видимъ болѣе тонкое разграниченіе *ὄνομα* и *ῥῆμα*, прибавляется *ἄρθρον-σύνθεσις*, получается разграниченіе частей рѣчи на *φωναὶ σηματικά* и *φωναὶ ἄσημοι*. Различая въ знаменательныхъ *φωναὶ* — *ὄνομα* и *ῥῆμα*, Аристотель при разграниченіи послѣднихъ выдвигаетъ на первый планъ присутствіе или отсутствіе „в р е м е н и“. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ *ῥῆμα* Аристотель связываетъ с к а з у е м о с т ь, т. е. то, что и ранѣе также связывали: *ῥῆμά ἐστι τὸ προσσημαῖνον χρόνον, οὗ μέρος οὐδέν σημαίνει χωρίς, καὶ ἔστιν ἀεὶ τῶν καθ' ἑτέρον λεγόμενων σημείων*. Именно важны эти двѣ части въ опредѣленіи (показаніе времени и сказуемость), а *οὗ μέρος . . .* не является такой существенной, такъ какъ *ῥῆμα* примѣняется Аристотелемъ иногда къ 2—3 словамъ. Насколько при опредѣленіи *ῥῆμα* сильно проводилось понятіе сказуемости, видно изъ того, что стоики уже видоизмѣнили ученіе Аристотеля о *ῥῆμα*, выдвигая именно сказуемость. Подъ вліяніемъ указанныхъ опредѣленій слагаются и ученія древне-греческихъ грамматикъ о частяхъ рѣчи, при чемъ число послѣднихъ съ теченіемъ времени увеличивается. Это число колеблется между 2—10 и болѣе, чаще всего мы встрѣчаемъ раздѣ-

леніе на 8 частей рѣчи (ср. Prolegomena къ Θεοδοσίῳ Γραμ. Γεωργία Χεροβόσκα — Gramm. Graeci, I изд. Teubner'a, 1904).

Въ грамматикѣ Діонисія Θρακίηςкаго мы находимъ такія дѣленія: 1) ὄνομα, 2) ῥῆμα, 3) μετοχή, 4) ἄρθρον, 5) ἀντωνυμία, 6) πρόθεσις, 7) ἐπίρρημα, 8) σύνδεσμος. Мы не видимъ здѣсь различія между именемъ существительнымъ и прилагательнымъ. Для Аполловія Дискола подъ ὄνομα подходятъ и наши существительныя, прилагательныя, числительныя и часть мѣстоименій (ср. Добіашъ, Синтаксисъ Апол. Д. Кіевъ. 82, 42). И у Аристотеля мы не находимъ разграниченія между существительнымъ и прилагательнымъ: для Аристотеля ἐπίρρητον — есть имя существительное особаго рода. Постепенно изъ ὀνόματα получились ὀνόματα οὐσιαστικά для обозначенія οὐσία и затѣмъ для обозначенія ποιότης.

Въ грамматикѣ Діонисія Θρακίηςкаго мы находимъ такое опредѣленіе: Ὄνομά ἐστι μέρος λόγου πτωτικόν, σῶμα ἢ πρᾶγμα σημαῖνον, σῶμα μὲν οἷον λίθος, πρᾶγμα δὲ οἷον παιδεία, χοινῶς τε καὶ ἰδίως λεγόμενον, χοινῶς μὲν οἷον ἄνθρωπος, ἔππος, ἰδίως δὲ οἷον Σωκράτης οἷον Πλάτων. Подобныя опредѣленія уже въ древности вызывали поправки. Разбирая сущность ὄνομα; въ указаніи πτωτικόν видѣли уже несущественную черту, у самага даже Діонисія πτώσεις были названы въ заключеніе παρεπόμενα, такимъ образомъ самъ Діонисій не видѣлъ въ πτώσεις главной черты въ существѣ ὄνομα. Въ передачѣ римскихъ грамматиковъ уже получалось такое опредѣленіе ὄνομα; pars orationis. quae singularum rerum corporalium vel incorporalium sibi subjectarum qualitatem propriam vel communem manifestat (Schoemann, цит. соч., 15—16). По нѣкоторымъ указаніямъ (ср. Schoemann, 16), Діонисій Θρακίηςкій опредѣлялъ ῥῆμα какъ λέξις κατηγορημα σημαίνουσα. Опредѣленіе, которое мы находимъ въ его грамматикѣ, по свидѣтельству одного схолиаста, принадлежитъ позднѣйшему времени, хотя, мнѣ думается, оно было такъ естественно для самага Діонисія, принимая во вниманіе

опредѣленіе *ὄνομα*. Определеніе *ῥῆμα* таково: *ῥῆμά ἐστι λέξις ἄπτωτος ἐπιθετικῆ χρόνων τε καὶ ἀριθμῶν ἐνέργειαν ἢ πάθος παριστώσα*. По определению Апполонія, *ῥῆμά ἐστι μέρος λόγου ἐν ἰσίοις μετασχηματισμοῖς διαφόρων χρόνων δεκτικόν, μετ' ἐνεργείας καὶ πάθους προσώπων τε καὶ ἀριθμῶν παραστατικόν ὅτε* (Schoemann, 18, ὥστε — Schmidt — Beitr. zur Gesch. d. Grammatik, 654) *καὶ τὰς τῆς ψυχῆς διαθέσεις δηλοῖ*. Неопределенное наклонение включалось въ рамки *ῥῆμα*; его соединяло съ послѣднимъ то, что ставилось Апполоніемъ въ главѣ определенія — значеніе и время. Неопределенное наклонение было какимъ-то общимъ значеніемъ глагола *τὸ γενικώτατον ῥῆμα*. Также и причастіе относилось сначала къ глаголу (лишь изрѣдка его сближали съ именемъ), затѣмъ выдѣлили его въ отдѣльный видъ глагола (*participiale verbum vel casuale*). Secundum stoicos, говоритъ Присцианъ, *vero quinque sunt partes, nomen, appellatio, verbum, pronomen sive articulus, conjunctio*: *nam participium connumerantes veritas participiale verbum vocabant vel casuale*. (Schoemann, 35—36). Нарѣчія относились первоначально въ древнихъ грамматикахъ то къ глаголу, то къ имени. Падежной характеръ такихъ нарѣчій, какъ *ὠφελίμως, ποιητικῶς*, былъ замѣченъ уже Аристотелемъ. Въ тѣхъ же грамматикахъ уже замѣчалось, что нарѣчія могли образовываться отъ различныхъ частей рѣчи. Определеніе нарѣчія у Діонисія Θρακίискаго вполне соотвѣтствуетъ грамматическому термину этой части рѣчи — *ἐπιρῥημα*: *κατὰ ῥήματος λεγόμενον ἢ ἐπιλεγόμενον ῥήματι*.

Эти краткія справки въ область классической древности указываютъ путь, по которому шелъ анализъ предложенія — отъ значенія къ формамъ, къ грамматическимъ категоріямъ; затѣмъ здѣсь уже обозначаются извѣстнаго рода колебанія, подчасъ недоумѣнія, куда отнести ту или другую уже обособившуюся въ понятіяхъ грамматиковъ форму.

Отъ современныхъ грамматикъ я намѣренно перешелъ къ ея исходнымъ пунктамъ, дабы показать, что и совре-

менное изученіе, несмотря на болѣе научную постановку, выказываетъ аналогичныя теченія.

Бросая также нѣсколько взгляды назадъ на разработку данныхъ вопросовъ въ русской литературѣ, я позволю себѣ вкратцѣ остановиться на этой разработкѣ. Наши старинныя грамматическія наставленія заимствовали вполнѣ 8 частей рѣчи: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Вносился, какъ видимъ, терминъ „различіе“, подогнанный къ греческому, при чемъ въ качествѣ этой части рѣчи выставлялось мѣстоименіе и же . . . Это было сдѣлано подѣ давленіемъ греческихъ образцовъ. Заимствовался вообще весь анализъ языка, взгляды на послѣдній. Безспорно подѣ вліяніемъ греческаго образца проводилась, напр., такая мысль въ одномъ изъ древнѣйшихъ грамматическихъ сказаній: „имя же глаголется, яко имать подлежащее существо, о немъже есть слово . . . понеже предваривше рѣхомъ, яко осмь частіи суть слова, имя же всѣхъ яко основаніе, прочая же убо части оглаголанія суть именю“. Такимъ образомъ на первый планъ выдвигается имя. Что такое „оглаголанія“ трудно съ увѣренностью, сказать; сомнѣваюсь, чтобы это были „перифразы“, какъ думаетъ ак. Ягичъ (Разсужденія старины о церк.-сл. яз. въ Изслѣд. по р. яз. т. I, 349), по моему — скорѣе, авторъ именно подчеркивать здѣсь добавочность другихъ частей рѣчи. Наряду съ этимъ выдвигается, впрочемъ, и значеніе „рѣчи“ — глагола. Послѣднее и даетъ поводъ ак. Ягичу указать на то, что и въ древне-греч. грамматикахъ проводилась мысль о выдѣленіи имени и глагола какъ важнѣйшихъ частей рѣчи.

Въ грамматической статьѣ, приписываемой Максиму Греку, мы видимъ измѣненіе обычной терминологіи. Здѣсь встрѣчаются такіе термины, какъ слово, присловіе (глаголь и нарѣчіе), прозвище, часть, загадка, слученіе, сладка. Если большинство этихъ терминовъ, какъ слово, присловіе, слученіе, прозвище, часть, понятны (латин. *verbum*, *adverbium*, *conjunctio*, *pronomen*, *participium*, ср. польск. *przysłowie*),

то другія справедливо вызывали недоумѣніе Востокова (Филолог. наблюденія. СПб. 65 г., 6). Востоковъ недоумѣвалъ, впрочемъ, и относительно „прозвища“.

Составители Львовской грамматики (1591) вызвали несправедливое обвиненіе со стороны одного изъ первыхъ историковъ славянской грамматики — Каченовскаго: онъ имъ приписалъ изобрѣтеніе большей части грамматической терминологіи, „которая донынѣ безобразитъ нану русскую грамматику“ (Историч. взглядъ на грамматику славян. нарѣчій. Труды Общ. любит. росс. словесн. ч. IX, 34).

Въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго мы находимъ одно важное измѣненіе существовавшей грамматической системы. Находя несвойственнымъ славянскому языку членъ — „различіе“ — и выбрасывая эту несвойственную часть рѣчи, М. С. ввелъ другую, идя за латинскими грамматиками: „междометіе“ — *interjectio*.

Ломоносовъ въ своей грамматикѣ относительно дѣленія на части рѣчи и ихъ опредѣленія мало даетъ отличій сравнительно съ своими предшественниками. Имя и глаголь выдѣляются какъ главныя части рѣчи, „необходимо нужныя“ въ изображеніи нашихъ главныхъ понятій; остальные части рѣчи выступаютъ какъ служебныя — эти послѣднія служатъ „въ сношеніе и сокращеніе оныхъ“. Выдѣляя главенство двухъ частей рѣчи, Ломоносовъ говоритъ о ихъ взаимодѣйствіи, т. е. о томъ, что отъ имени происходятъ глаголы, а отъ глаголовъ — имена. Въ опредѣленіи частей рѣчи, построенномъ на началѣ семасіологическомъ, особенно интересно опредѣленіе причастія, какъ служащаго „къ сокращенію человѣческаго слова“ и заключающаго въ себѣ „имени и глагола силу“. Имена опредѣляются какъ словесныя изображенія вещей; выдѣляя, хотя и не рѣзко разграничивая имена прилагательныя, Ломоносовъ видитъ въ нихъ обозначеніе „свойствъ и обстоятельствъ вещей и дѣяній“. Глаголы понимаются какъ словесныя изображенія дѣяній. Болѣе искусственнымъ является опредѣленіе пред-

логовъ — „для знаменованія обстоятельствъ, къ вещамъ или къ перемѣнамъ принадлежащихъ“. Союзы — „самыхъ понятій соотвѣтствіе между собою показываютъ“. Мѣстоименія опредѣляются просто — „вмѣсто имени“. „Нарѣчіе изображаетъ единымъ реченіемъ обстоятельство“. „Между метіе представляетъ движеніе духа человѣческаго кратко“. У Греча мы находимъ любопытный матеріалъ по вопросу о дѣленіи на части рѣчи. Интересно прежде всего, что мѣстоименія и числительныя не выдѣляются какъ особыя категории, а относятся авторомъ то къ существительному (существ.-мѣстоименія, сущ.-числительныя), то къ прилагательнымъ (мѣстоим.-прилагат., числит.-прилагат.). Можно найти у Греча и сближеніе прилагательнаго и причастія, хотя это сближеніе не проведено вполне, такъ какъ въ концѣ концовъ причастіе отнесено все же къ глаголу. „Слова качественныя, говоритъ Гречъ, бываютъ двоякаго свойства: одни выражаютъ качество предмета всегдашнее, пребывающее въ немъ безъ движенія, безъ дѣйствія, — это имена прилагательныя; другія изображаютъ дѣйствіе, силу, движеніе вещества — причастія. (Чтенія о русскомъ яз., 241). И даже въ томъ, что у Греча нельзя найти такого строго проведеннаго разграниченія частей рѣчи можно видѣть болѣе научный взглядъ на языкъ, чѣмъ у его предшественниковъ. Понимая нѣсколько странно, напр., мѣстоименіе, видя въ послѣднемъ переходную ступень отъ частей рѣчи къ частицамъ, онъ такимъ образомъ выступаетъ проводникомъ мысли о постепенномъ развитіи частей рѣчи, о ихъ взаимодѣйствіи. Гречъ проводитъ и теорію о большей или меньшей древности нѣкоторыхъ изъ частей рѣчи. Отмѣтитъ можно отношеніе Греча къ глаголу. „Глаголь, по всей вѣроятности, былъ первою изъ частей рѣчи, изобрѣтенныхъ человѣкомъ. Но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ есть главное слово въ рѣчи, verbum, глаголь, слово по преимуществу. Онъ придаетъ рѣчи жизнь, онъ присутвіемъ своимъ животворяетъ отдѣльныя слова, мертвыя

и безнаменательныя, и составляетъ изъ нихъ сужденіе, предложеніе, періодъ“ (тамъ же, 292). Выдѣляя нарѣчіе, Гречъ указываетъ на его близкое отношеніе къ прилагательному, съ нарѣчіемъ онъ сближаетъ дѣепричастіе, называя послѣднее „дѣйствующимъ нарѣчіемъ“. Интересно сравнить выдвинутыя здѣсь мѣста съ тѣмъ, что проводилось относительно того же въ „Руководствѣ“ Овс.-Куликовскаго. Междометіе Гречъ не считалъ ни частью рѣчи, ни частицею, а считалъ остаткомъ первоначальныхъ звуковъ языка, остаткомъ того періода, когда человѣкъ въ звукахъ выражалъ лишь свои неясныя чувствованія.

Довольно цѣльную въ общемъ классификацію частей рѣчи мы находимъ у Павскаго, въ его „Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка“ (СПБ. 1850 г.). Во главѣ дѣленія поставлены: имя и глаголь, затѣмъ идутъ „частицы“. Къ имени отнесены мѣстоименіе „въ собственномъ смыслѣ или заглавное имя“, имя существительное, прилагательное и числительное. Нужно замѣтить, что, строя теорію развитія языка, Павскій, въ противоположность Гречу, считалъ древнѣйшею частью рѣчи послѣ междометій мѣстоименія личныя или, какъ онъ называлъ ихъ — „мѣстоименія въ собственномъ смыслѣ или заглавныя имена“. Затѣмъ шло образованіе другихъ именъ — имени существительнаго, прилагательнаго и числительнаго. Глаголы по своему происхожденію — позднѣйшая часть рѣчи, по Павскому. Къ частицамъ Павскій относилъ также нарѣчія, затрудняясь, очевидно, отнести ихъ къ имени, а также относилъ сюда междометіе и предлогъ.

К. Аксаковъ принималъ 5 частей рѣчи: 1. имя существительное, 2. глаголь, 3. имя прилагательное, 4. предлогъ, 5. союзъ. Имя числительное А. относилъ къ существительному и прилагательному, мѣстоименія — къ прилагательнымъ. Нарѣчіе онъ не считалъ особою частью рѣчи, а понятіемъ синтаксическимъ, „которое можетъ быть выражено цѣлымъ предложеніемъ“. Междометіе А. считалъ вы-

разителемъ ощущенія. Совершенно особнякомъ ставилъ онъ мѣстоименія личныя, при чемъ къ личнымъ мѣстоименіямъ онъ относилъ мѣстоименія перваго и втораго лица, которыя выражаютъ „личное сознающее существо“. И только въ настоящемъ смыслѣ мѣстоименіемъ, по А., является мѣстоименіе третьяго лица, замѣняющее имя.

Не буду останавливаться на раздѣленіи частей рѣчи въ другихъ трудахъ, а послѣ этихъ частичныхъ справокъ я возвращаюсь къ „Руководству“ проф. Ов. Куликовскаго. Вполнѣ соглашаясь съ извѣстнаго рода выдѣленіемъ причастій въ особую рубрику прилагательныхъ (ср. также и объясненіе *μετοχή* въ греческихъ грамматикахъ: *μετέχουσα καὶ τῆς δυναστικῆς συντάξεως καὶ τῆς ῥηματικῆς*, Добіашъ, *ibid*, 93), я бы также стоялъ на извѣстномъ выдѣленіи неопредѣленнаго „наклоненія“, этой *δύομα πραγμάτων* (наименованія дѣйствія), формы, которая и раньше отдѣлялась отъ глагола, которая и у нѣкоторыхъ современныхъ изслѣдователей получила самостоятельное значеніе (Некрасовъ, Добіашъ). Между тѣмъ, эта форма, лишенная даже званія „наклоненія“ (вклоненіе — *ἐγκλίσις* — обозначаетъ измѣненіе по числамъ и лицамъ; поэтому уже нельзя назвать форму неизмѣняющуюся — „неопредѣленнымъ“ — наклоненіемъ), является какой-то, въ сущности, бездоленной.

Однако, и выдѣленіе неопредѣленнаго наклоненія не измѣнить сущности, и все дѣленіе на части рѣчи не можетъ претендовать на строгость проведенія извѣстнаго принципа дѣленія. Мнѣ казалось бы, что нужно обратить вниманіе на слѣдующее. На страницахъ уже письменности мы открываемъ, что нѣкоторыя части рѣчи образовались съ теченіемъ времени. Въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ, на примѣръ, нѣтъ дѣе-причастій. Нѣкоторые предлоги ясно указываютъ на начало свое изъ нарѣчій, послѣднія — изъ прилагательныхъ; чѣмъ дальне вглубь, тѣмъ большую мы видимъ близость прилагательнаго къ существительному (отъ прилагательныхъ

и теперь сплошь и рядомъ образуются существительныя). Между именемъ (прилагательнымъ и существительнымъ) и глаголомъ можно также найти связующія звенья, можно говорить о первоначальности ихъ соединенія, отчасти напоминающаго причастія. Нужно помнить, что вначалѣ передаваемое словомъ обозначало цѣлое воспріятіе, слово одно являлось цѣлою рѣчью. При видѣ восходящаго солнца у человѣка вырвался извѣстный звукъ, этотъ звукъ, повторяясь и усвоиваясь, дѣлался уже въ настоящемъ значеніи словомъ. Но это слово передавало то, что передаетъ у насъ имя + глаголь. Заходящее солнце вызывало д р у г о й звукъ. Звукъ становился, будучи повторенъ, словомъ, потому что слово есть уже результатъ апперцепціи. Что образовалось изъ слова — предложенія, по дифференціаціи имени отъ глагола, оставалось ли имя (попеп agentis) или имя-причастіе, какъ думалъ Потебня, трудно сказать. Наше причастіе, конечно, не то, что это предполагаемое причастіе - имя. Въ послѣднемъ имя + признакъ, производимый энергіей предмета, но безъ всякаго отношенія къ времени, видамъ, залогамъ, само же это слово, можетъ быть, болѣе приближалось къ нашему прилагательному. Во всякомъ случаѣ, намъ здѣсь особенно важно то, что постепенно начинаютъ выдѣляться имя и глаголь. И если мы посмотримъ на извѣстныя намъ глагольныя формы, то увидимъ, что въ развитіи глагола является нѣкоторая аналогія развитію имени: „неопредѣленное“ своего рода глагольное существительное, причастіе — глагольное прилагательное, дѣепричастіе — глагольное нарѣчіе, есть даже случаи окаменѣній, образующихъ союзы. И вотъ въ основу дѣленія нужно положить имя и глаголь. Наряду съ этимъ я выдвинулъ бы и „мѣстоименія“ (терминъ, въ сущности, совершенно неправильный). „Мѣстоименія“ отличаются отъ существительныхъ и прилагательныхъ тѣмъ, что опредѣляютъ предметъ, не выдвигая какое-либо качество или свойство, а указывая на предметъ. „Мѣстоименія“ личныя, не безъ основанія, первоначально могли бы считаться

болѣе существительными, чѣмъ сами „существительныя“. И въ развитіи мѣстоименій шелъ такой же процессъ, какъ въ развитіи имени и глагола: я — этотъ, онъ — тотъ, такъ и пр., т. е. получались тѣ же формы прилагательныхъ, нарѣчій, союзовъ. Если мы примемъ указанный принципъ дѣленія, то сама классификація станетъ яснѣе, послѣдовательнѣе, и намъ не придется изъ одного разряда переносить слова въ другой, насильственно отнимая ихъ отъ ближайшихъ родственниковъ по происхожденію. Тогда мы не въ правѣ будемъ отнести, на примѣръ, какъ дѣлаетъ Овсянико-Куликовскій, слова — какой, такой и пр. къ прилагательнымъ - мѣстоименіямъ (Добіашъ, какъ мы видѣли, вслѣдъ за нѣкоторыми древними греческими грамматиками, прямо называетъ эти слова прилагательными, прибѣгая къ неудачному сравненію изъ геометріи — конусъ заполненный и незаполненный, Син. Ап. Д., 90). Впрочемъ, несомнѣнно, въ этихъ словахъ мы видимъ особенную близость къ прилагательнымъ, постепенное сліяніе, но это происходитъ и въ другихъ частяхъ рѣчи (хотя бы постепенный переходъ нѣкоторыхъ причастій въ прилагательныя).

Перейдемъ теперь къ опредѣленію частей рѣчи у Овсянико-Куликовскаго. „Работа мысли, состоящая въ томъ, что представленія и понятія, каковы бы они ни были, подводятся подъ категорію предмета, и вмѣстѣ — въ томъ, что это подведеніе выражается въ словѣ, есть то, что принято называть и менемъ существительнымъ“ (Руков., 14). Сравнимъ съ тѣмъ, что раньше говорилъ Овсянико-Куликовскій въ „Синтаксисѣ“ (40); „имя существительное есть часть рѣчи или форма мысли, обозначающая совокупность признаковъ, т. е. цѣлый предметъ по одному изъ нихъ, который можетъ либо сознаться, либо не сознаться (помниться или быть забытъ)“.

„Движеніе или работа мысли, проявляющаяся въ томъ, что мы приписываемъ предметамъ признаки, представляя ихъ, въ словѣ, находящимися въ предметахъ, присущими

имъ, пассивно въ нихъ пребывающими, выражается въ особой грамматической категоріи, называемой имя прилагательное“ (Руков. 17). Почти то же въ Синтаксисѣ (37).

„Движеніе или работа мысли, въ силу которой мы подводимъ представленія и понятія разныхъ степеней отвлеченности подъ категорію дѣйствія (дѣятельности) предмета, — дѣйствія подлиннаго или фиктивнаго („состоянія“ предмета), при чемъ въ словѣ само дѣйствіе (состояніе) можетъ и не быть обозначено, выражается въ особой грамматической категоріи, извѣстной подъ именемъ глагола“ (Рук., 21). Въ Синтаксисѣ (38): „глаголь есть часть рѣчи или форма мысли, изображающая признаки, производимые дѣятельностью предмета“.

Съ одной стороны, въ „Руководствѣ“ нѣкоторый шагъ впередъ въ отношеніи ясности и простоты сравнительно съ „Синтаксисомъ“, съ другой — еще болыная замысловатость опредѣленія.

Кромѣ того, опредѣленія эти чисто психологическаго характера, съ отсутствіемъ указанія на признаки формальные, чисто грамматическіе. И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ слово конный; куда его отнести: вѣдь оно одинаково относится по опредѣленіямъ и къ существительнымъ и къ прилагательнымъ.

И здѣсь, въ психологическомъ опредѣленіи, мнѣ кажется, нужно было бы исходить первоначально изъ опредѣленія имени вообще съ одной стороны, съ другой — глагола. Именемъ вообще обозначается признакъ, находящійся въ предметѣ, а глаголомъ — признакъ, производимый предметомъ. Въ настоящее время опредѣленіе имени вообще подходитъ скорѣе къ прилагательному, но это потому, что признаки, заложенные въ существительныхъ, забыты, и существительное дѣйствительно уже является субстанціей. Разница же между именемъ существительнымъ и прилагательнымъ въ томъ и состоитъ, что существительное — признакъ въ чемъ-то опредѣленномъ, что

это носитель признака, какъ опредѣляль Миклоничъ, а прилагательное — признакъ заключенный въ чемъ-то другомъ. Если послѣдній признакъ дѣлается носителемъ, прилагательное обращается въ существительное.

Формальная разница между именемъ вообще и глаголомъ тотчасъ же бросается въ глаза, между именемъ же существительнымъ и прилагательнымъ часто формальной разницы никакой нѣтъ; правда, отдѣленіе этихъ частей рѣчи другъ отъ друга обусловило и появленіе специфическихъ особенностей: нѣкоторые суффиксы употребляются только для именъ существительныхъ, другіе же только — для прилагательныхъ, образовалось сложное склоненіе и пр.

Хотя рассмотрѣніе всего этого относится главнымъ образомъ къ морфологіи, но, тѣмъ не менѣе, главныя данныя должны входить и въ синтаксическія опредѣленія, иначе, повторяю, опредѣленія не могутъ претендовать на полноту или, иначе, лучше отказаться отъ опредѣленій, а давать послѣдовательно описаніе извѣстныхъ характерныхъ особенностей разныхъ частей рѣчи.

Опредѣленіе нарѣчія — „признака признаковъ“ сдѣлано сходно въ „Руководствѣ“ и „Синтаксисѣ“ и близко къ тому, какъ высказывалось это Потемнею (Изъ Зап., II, 119). Дѣепричастіе сближено съ нарѣчіемъ, являясь какъ бы нарѣчіемъ отглагольнымъ. Въ силу отнесенія мѣстоименій къ существительнымъ очень кстати выпущено данное въ „Синтаксисѣ“ опредѣленіе мѣстоименій (45—46).

Я не могу согласиться и съ самимъ дѣленіемъ существительныхъ на „подлинно-существительныя“ и „фиктивные существительныя“. Мнѣ такая точка зрѣнія не представляется строго грамматической. Если сообразоваться со словами автора, то придется группы существительныхъ передвигать даже въ современномъ строѣ рѣчи сообразно образованію людей: для одного „огонь“ — подлинное существительное, для другого — „фиктивное“, о чемъ говоритъ и самъ авторъ.

Между языкомъ и научнымъ мышлениемъ въ настоящее время замѣчаются противорѣчія: трудно языку — орудію массы угнаться за научными результатами, далеко не сдѣлавшимися еще общимъ достояніемъ. Мы говоримъ: „солнце всходитъ, заходитъ“, твердо зная, что солнце не вращается около земли. И даже тогда, когда это убѣжденіе сдѣлается общимъ, мы все же, можетъ быть, останемся при этомъ условномъ, образномъ выраженіи. Нашему языку не вредятъ и такія выраженія: „городъ приближается“, когда, собственно, мы приближаемся къ городу. Нельзя поэтому относиться съ такой горячностью къ подобнымъ противорѣчіямъ, какъ то мы находимъ въ любопытномъ сочиненіи Маутнера (*Zug Grammatik und Logik*, Stuttg.-B., 1902, III, 80—82).

Сохраненіе подобныхъ выраженій показываетъ, что будутъ сохранены и выраженія — д е р е в о з е л е н о и п р. (несмотря на то, что новѣйшія, открытія, особенно съ изслѣдованій Гельмгольца, показываютъ, что подъ различными свойствами скрываются, въ сущности, движенія). И если приведенное выраженіе хотя отчасти можно еще замѣнить болѣе соответствующимъ научному воззрѣнію, то есть общеупотребительныя выраженія, которыя совсѣмъ уже трудно поддаются замѣнѣ: дождь орошаетъ поля, вода вращаетъ мельничное колесо, магнитъ притягиваетъ желѣзо и пр. (Ср. Маутнеръ, *ibid.* 81), выраженія, вытекающія изъ мнѣическихъ воззрѣній, одухотворяющихъ различныя явленія.

Много подобныхъ несоотвѣтствій между языкомъ и научнымъ мышлениемъ, и вносить понятіе фикціи въ примѣненіи къ грамматическимъ категоріямъ не приходится (у проф. Овсяннико-Куликовскаго и дальше проведено ученіе о фикціи въ другія части рѣчи).

Отмѣчается О. К-имъ большая преемствующая сила частей и дѣепричастій, если они имѣютъ при себѣ второстепенныя части, а затѣмъ указывается, что эта сила зависитъ

отъ положенія этихъ формъ въ предложеніи. При этомъ оказывается, что предидирующая сила причастія усиливается, если оно стоитъ послѣ того слова, къ которому относится, а дѣепричастія, „когда оно предшествуетъ подлежащему (къ которому, по общему правилу, оно тяготѣеть)“ (65). Объясняетъ это проф. Овсяннико-Куликовскій тѣмъ, что причастіе въ данномъ случаѣ раздѣляетъ судьбу прилагательнаго: постановка послѣдняго послѣ опредѣляемаго рѣзче отдѣняетъ само опредѣленіе (82), а дѣепричастіе, будучи поставлено передъ подлежащимъ, къ которому оно первоначально относилось, вызываетъ у насъ ожиданіе этого подлежащаго и „усиливаетъ долю вниманія, сосредоточеннаго на томъ, что говоритъ дѣепричастіе“ (83).

Вотъ послѣднее объясненіе не особенно мнѣ кажется убѣдительнымъ. И далѣе: „въ положеніи между подлежащимъ и сказуемымъ дѣепричастіе обнаруживаетъ большее тяготѣніе къ подлежащему, чѣмъ въ положеніи послѣ сказуемаго: „онъ, сидя, спалъ“ и „онъ спалъ сидя“ . . . Мнѣ думается, что не тяготѣніемъ къ подлежащему обусловливается все это, а отдѣленіемъ, отъ сказуемаго, приобрѣтеніемъ благодаря мѣсту нѣкоторой большей самостоятельности. Какое же это „тяготѣніе къ подлежащему“, которое выражается отдѣленіемъ запятой? Еще вопросъ также, нужно ли поставить запятая: онъ, сидя, спалъ. Стоитъ сравнить съ этимъ примѣромъ примѣры, приводимые Овсяннико-Куликовскимъ изъ литературныхъ источниковъ: Родникъ между ними изъ почвы безплодной журча пробивался волною холодной . . . Онъ молча и угрюмо ждалъ . . . (79).

Какъ постепенно стирается знаменательность, конкретность слова, какъ слово это можетъ доходить до такого отвлеченія, гдѣ лексическое значеніе его обращается въ мимимумъ, слово дѣлается какой-то формой, служебной частью, показываетъ особенно глаголь. Это прекрасно выяснено у Овсяннико-Куликовскаго. Мнѣ кажется, что картиной потери

знаменательности глагола можно бы воспользоваться при иллюстраціи вообще, какъ терялось значеніе и такъ называемыхъ грамматическихъ формъ.

Вотъ тутъ и было бы любопытно видѣть картину этого постепеннаго измѣненія различныхъ частей рѣчи, а не только сухія рубрики, рамки, къ которымъ привыкла такъ прибѣгать наша обыкновенная грамматика.

И вотъ въ сторону-то этой грамматики отступаетъ Овсяннико-Куликовскій, когда всячески стремится оправдать такъ называемыя „управленіе“ и „согласованіе“. Насколько это ему не удастся, показываютъ такія, напримѣръ, мѣста: „Если глаголь относится къ личному мѣстоименію, то мѣстоименіе только яснѣе обозначаетъ то лицо, которое и безъ того уже обозначено самимъ глаголомъ — и это скорѣе соотвѣтствіе (параллелизмъ) лица существительнаго съ лицомъ глагола, чѣмъ согласованіе съ отгѣнкомъ зависимости“ (28). Не говорю уже, конечно, о томъ, что соединеніе нарѣчій и дѣепричастій „не вызываетъ у насъ ощущеній или представленій подражація, параллельности“ (29).

„Они составляютъ какъ бы переходную ступень отъ зависимыхъ словъ (согласующихся и управляемыхъ) къ словамъ служебнымъ, какими являются предлоги и союзы. Эти служебныя слова также только состоятъ при другихъ словахъ, служа выраженіемъ различныхъ отношеній между ними“ (30). Съ послѣднимъ я также не могу согласиться: извѣстнаго рода окаменѣнія не ведутъ еще непременно къ переходу въ какую-то служебную роль. Если въ словѣ иногда не является уже внѣшняго признака его грамматической категоріи, то остается внутренній. Само это окаменѣніе одно изъ орудій для экономіи языка.

Говоря о склоненіи, спряженіи, я счелъ бы также необходимою остановиться нѣсколько на выработанной здѣсь терминологіи, осмыслить ее.

Вѣдь, можно ли сказать, что у насъ сознательное отношеніе къ различнымъ грамматическимъ терминамъ? Конечно,

нѣтъ. Если еще на вопросъ, почему извѣстныя формы называются падежами, многіе, можетъ быть, найдутся въ общемъ сказать, что это переводъ термина латинскихъ грамматикъ, то врядь ли будутъ въ состояніи отвѣтить на вопросъ, почему, напр., падежъ называется „винительнымъ“. Я не говорю о необходимости детальнаго объясненія, но нужно было хотя въ общемъ обрисовать исторію передачи этихъ терминовъ черезъ латинскія грамматики изъ греческаго источника. Издѣсь нашелся бы любопытный матеріалъ; на примѣръ, тотъ же терминъ „винительный“ представляетъ переводъ дословный латинскаго *accusativus*, въ греческомъ — *αἰτιατική* (*πτῶσις*). Мы видимъ здѣсь, что латинскіе грамматики не вникли въ главное значеніе этого названія, они взяли одно изъ значеній *αἰτιόμασι* *accusare* и этотъ терминъ передался и въ наши грамматики; между тѣмъ, въ тѣхъ же латинскихъ грамматикахъ попадаетъ и болѣе точный переводъ — *causativus*. И дѣйствительно, *αἰτία* — поводъ, матеріалъ для обработки, *αἰτιατός* — вызванный чѣмъ-нибудь какъ своимъ поводомъ. Такимъ образомъ у насъ бы болѣе подходило названіе „предметный“ падежъ (Ср. Добіанъ, Синт. Ап. Д., 72—73) или, можетъ быть, вопросительный. Правда, послѣднее названіе не такъ обнимаетъ содержаніе, но и вѣдь — *дательный* — *δοτική* не можетъ претендовать на полное соотвѣтствіе содержанію (наряду съ *δοτική* въ греческомъ — *ἐπισταλτική*, такимъ образомъ здѣсь особенное вліяніе глаголовъ *δίδωμι* и *ἐπιστέλλω*). Нашъ „родительный“ имѣлъ болѣе осмысленные термины въ греческихъ и латинскихъ грамматикахъ: *γενική* — *родовой* (въ множественномъ числѣ этотъ падежъ, дѣйствительно, обозначалъ родъ) и *κτητική* (принадлежности), *patrius*, *paternus* и наряду съ этимъ *possessivus*. Въ греческихъ грамматикахъ установился и порядокъ падежей: *ὀρθή*, *γενική*, *δοτική*, *αἰτιατική*, *κλητική*. Именительный назывался *ὀρθή*, *ὀνομαστική*, *εὐθεΐα*, онъ представлялся начальнымъ падежомъ, почему и *ὀρθή* — *прямой*, въ отличіе отъ другихъ отклонившихся, скло-

нившихся (*κλίσις* — *declinatio*), почему и названныя косыми, косвенными (*πλάγαι πτώσεις*) (по Георгію Херовоску косвенныя падежи называются, потому что *οὐκ ὀρθῶς σημαίνουσι τῇ οὐσίαν τοῦ πράγματος ἀλλ' ἐκ πλαγίου*).

Звательный падежъ стоитъ на концѣ, потому что первоначально онъ не входилъ въ число падежей, а составлялъ цѣлое, особое предложеніе, затѣмъ уже и этотъ падежъ былъ включенъ. И Овсяннико-Куликовскій не относитъ, какъ видно изъ дальнѣйшаго (Руков., 163, ср. Синт. 178—9), звательный падежъ къ числу косвенныхъ. По существу, Овсяннико-Куликовскій, очевидно, склоняется въ данномъ случаѣ къ мнѣнію Потевни, признававшаго звательный падежъ прямымъ и считавшаго его способнымъ выражать подлежащее, но только во 2-мъ лицѣ (Изъ Зап., II, 94—95). Подобныя же примѣры, какъ „ой плаче, плаче молодой козаچه“ или „чтобы Господи далъ намъ добраго здоровьица“ и пр., объясняются, дѣйствительно, замѣной именительнаго звательнымъ. И напрасно только Овсяннико-Куликовскій выпустилъ здѣсь то объясненіе, которое дано было въ „Синтаксисѣ“: „Можно предположить, что одною изъ причинъ употребленія звательнаго вмѣсто именительнаго было первоначально желаніе или невольное стремленіе соединить съ подлежащимъ выраженіе извѣстнаго чувства, которое говорящій питалъ къ данному лицу. Это слѣдовательно, не былъ „звательный обращенія“, это былъ и м е н и т е л ь н ы й, съ „окраской“ чувствомъ . . .“ (въ данномъ случаѣ О. К., конечно, слѣдуетъ Потевнѣ).

Всѣ попытки дать опредѣленіе „предложенія“ являются до сихъ поръ безплодными. Какихъ только опредѣленій мы не находимъ въ научно-педагогической литературѣ по синтаксису.

Если предложеніе есть что-то такое законченное, извѣстная мысль, выливающаяся въ опредѣленную форму, то естественно было, что на эту форму (грамматическое пред-

ложение) было перенесено определѣненіе логическое. Содержаніе и форма слились. Это особенно легко было въ такихъ предложеніяхъ, какъ, напр., собака бѣжитъ и пр. Вотъ типъ такихъ-то предложеній носился въ воображеніи грамматиковъ и въ дальнѣйшемъ, но здѣсь должны были получиться и несоотвѣтствія, которыя устранялись тѣмъ, что данныя грамматическія подгонялись затѣмъ въ несоотвѣтствующія рамки логическаго определѣненія. Въ связи съ этимъ господствовалъ и продолжаетъ господствовать разборъ предложенія чисто логическій. Если возьмемъ, напр., опредѣленія Востокова и Вуслаева, то увидимъ, что эти определѣненія до того общи, что подходятъ къ отдѣльнымъ словамъ, вовсе не составляющимъ предложенія. Подобныя общія определѣненія имѣютъ своимъ источникомъ ту же греческую чисто логическую грамматику. Любопытно, что нѣкоторые греческіе грамматикъ, стоя на логической точкѣ зрѣнія, вѣрнѣе формулировали определѣненіе предложенія, чѣмъ ихъ послѣдователи. Въ извѣстной грамматикѣ Діонисія Тракійскаго такое определѣненіе „предложенія“: *λόγος ἐστὶ λέξεων σύνθεσις διάνοιαν ἀποτελεῖ δηλοῦσα* (Dion. Thracis Ars grammatica, Lipsiae. 1883, 73), т. е. предложеніе есть извѣстное соединеніе словъ, представляющее законченный смыслъ. Слово, какъ часть предложенія, опредѣляется такъ: *λέξις ἐστὶ μέρος ἐλάχιστον τοῦ κατὰ σύνταξιν λόγου*, т. е. слово — самая малая часть рѣчи — предложенія (или слова есть тѣ самыя мелкія части, на которыя разлагается предложеніе). Недостаткомъ этихъ определѣненій (Дельбрюкъ въ своемъ Verg. Syntax называетъ это определѣненіе предложенія „höchst wahrscheinlich“, 3), является, по моему, прежде всего то, что „предложеніе“ — *λόγος* опредѣляется посредствомъ *λέξεις*, а послѣднія посредствомъ *λόγος*. Но нося въ себѣ основныя неточности, определѣненія Д. намѣчаютъ, въ дѣйствительности, углы зрѣнія, подъ которыми мы должны все же смотрѣть на предложеніе и части его. Подчеркнуть слѣдуетъ, что въ

данномъ опредѣленіи предложенія выдвигается на первый планъ не „мысль“, а „сочетаніе словъ“. Въ этомъ отношеніи и Востоковское опредѣленіе („рѣчь, ограниченная выраженіемъ одной только мысли“) выше опредѣленія Буслаева („каждая отдѣльная мысль, выраженная словами“). Потенія, доказавши вполне ясно всю несостоятельность основныхъ точекъ зрѣнія въ трудѣ Буслаева и вообще той школы, которой былъ послѣдователемъ Буслаевъ, отказался дать опредѣленіе предложенія. Онъ смотрѣлъ на послѣднее съ чисто формальной, грамматической точки зрѣнія и находилъ, что съ этой стороны предложеніе представляетъ собой нѣчто „текущее“, съ временемъ измѣняющееся, такимъ образомъ исторія языка должна выработать рядъ опредѣленій соотвѣтственно разнымъ періодамъ жизни языка и его развитія. Потенія указывалъ только на *ш и н и ш*, необходимый для всякаго предложенія, на его ячейку, это — *verbum finitum*.

Такимъ образомъ, по Потенію, опредѣленіе *verbum finitum* и будетъ опредѣленіемъ предложенія въ его простѣйшемъ, первоначальномъ видѣ. Не всѣ соглашались съ выставленными положеніями. Такъ, напр., Поповъ говорилъ о первоначальности одночленныхъ предложеній безъ глагола. Съ другой стороны, невозможность дать точное опредѣленіе въ чисто грамматическомъ смыслѣ предложенія, сознаніе неудовлетворительности раньше составленныхъ логико-грамматическихъ опредѣленій заставили прибѣгнуть къ опредѣленіямъ психологическимъ, и вотъ мы видимъ прежде всего въ западно-европ. научн. литературѣ рядъ новыхъ опредѣленій. „Предложеніе есть словесное выраженіе, символъ того, что въ душѣ говорящаго совершилось соединеніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій, и средство къ тому, чтобы вызвать въ душѣ слушающаго тождественное соединеніе тѣхъ же представленій“— Это опредѣленіе Пауля (*Princip. der Sprachgesch.*) вызвало критическія замѣчанія Керна и Дельбрюка; первый указывалъ, что въ такомъ случаѣ и отдѣльныя фразы, какъ „смерть Цезаря“ и пр.,

будутъ предложеніями; второй же видѣль узость опредѣленія въ томъ отношеніи, что подъ это опредѣленіе не подходили одночленные предложенія. По Дельбрюку: „предложеніе есть произведенное членораздѣльною рѣчью выраженіе, которое говорящему и слушающему представляется какъ связанное и законченное цѣлое“. По Вундту: „предложеніе есть выраженное средствами языка произвольное расчлененіе совокупнаго представленія на его составныя части, поставленныя въ логическое отношеніе другъ къ другу“. Давая опредѣленіе предложенію — „сочетаніе словъ, служащее для выраженія мысли (или отдѣльной мысли)“, проф. Богородицкій (Общій курсъ рус. грам. — изъ унив. лекцій. — 1904 г., 188—9) признаетъ, что подобное опредѣленіе страдаетъ нѣкоторою неполнотою, но этотъ недочетъ, будто бы, покрывается удобствами въ цѣляхъ педагогическихъ. Но послѣднимъ могли и могутъ оправдываться и другія различныя опредѣленія. Въ курсѣ проф. Томсона (Общее языковѣдѣніе. Од. 1906, 301) находимъ такое опредѣленіе: „предложеніе есть обыкновенно рядъ словъ, вылитый, такъ сказать, въ одну изъ обычныхъ въ данномъ языкѣ формальныхъ рамокъ синтаксическаго сочетанія словъ въ предложеніи и представляющій въ значеніяхъ этихъ словъ сужденіе въ широкомъ, психологическомъ смыслѣ“.

Нечего говорить, что установленіе опредѣленія „предложенія“ было особенно важно для школьной грамматики. И вотъ со стороны нашихъ педагоговъ-практиковъ являлись попытки къ пересмотру различныхъ мнѣній и къ установленію болѣе подходящаго опредѣленія. Упомяну о статьяхъ гг. Андреева (въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* апрѣль 1904 г.), Тростникова, Брайловскаго (Педаг. Сбор. 1903—1905 гг.) и др. Однако, всѣ эти попытки не увѣнчались желанными результатами. Г. Андреевъ, посвятившій специальную статью выясненію опредѣленія предложенія, въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что „предложе-

не есть рѣчь или словесное выраженіе, имѣющее одинъ только актъ мысленія“. Это опредѣленіе, какъ заключаетъ не безъ основанія С. Брайловскій (Пед. Сб. 904 № 4, 383), совпадаетъ съ опредѣленіемъ логическаго сужденія. Слѣдовательно то, съ чѣмъ стремился бороться Андреевъ, разсматривая предыдущія опредѣленія, незамѣтно вошло и въ его опредѣленіе. По Брайловскому (тамъ же, 388): „Простое предложеніе есть рѣчь, состоящая изъ одного соединенія подлежащаго и сказуемаго“. Невѣрная постановка данаго опредѣленія сама собою очевидна.

Въ „Руководствѣ“ Овс. Куликовскій приходитъ къ такому выводу: „предложеніе есть такое слово или такое упорядоченное и осмысленное соетаніе словъ, которое сопряжено съ особымъ движеніемъ мысли, известнымъ подъ именемъ предцированья (сказуемости)“. Нечего и говорить, что подобное опредѣленіе требуетъ для полной ясности новаго опредѣленія: что же такое предцированье или сказуемость. Оказывается, что это „особое умственное ощущеніе болыней энергіи, болыней яркости, болыней тяжести мысли, которое сопутствуетъ глаголамъ, причастіямъ и дѣепричастіямъ, и котораго нѣтъ, когда мы употребляемъ слова другихъ частей рѣчи. Это — ощущеніе *болышаго усилія* мысли, потребнаго для того, чтобы не только *называть, обозначать*, но, кромѣ того, еще и *утверждать (положительно или отрицательно), предцировать*“ (33). Прежде всего это уже не опредѣленіе. Затѣмъ та разница, которую находитъ Овсяннико-Куликовскій между глаголомъ и другими частями рѣчи, что глаголомъ не только обозначаются соотвѣтствующія представленія и классифицируются въ грамматическомъ отношеніи, по обозначается еще новый признакъ, несвойственный другимъ частямъ рѣчи — *утвержденіе чего-либо*, эта разница схвачена, мнѣ кажется, *черезчуръ субъективно*. Да и почему же наряду съ личными формами глагола принимаютъ на себя этотъ признакъ причастія и дѣепричастія? Мнѣ думается, что если бы

вѣрна была точка зрѣнія Овсянко-Куликовскаго, то причастія и дѣепричастія не имѣли бы участія въ приписываемомъ глаголу признаковъ.

Ощущеніе ббльшей яркости, ббльней энергіи, получающееся отъ глагола, обусловлено болѣе яркимъ представленіемъ признака возникающаго, производимаго, а не тѣмъ, что здѣсь есть какая-то „прибавочная работа мысли“. „Предложеніе является выраженіемъ того, что я думалъ, а не того, что только мелькаетъ въ моемъ сознаніи“ (35). „Когда я произношу бѣгло и, такъ сказать, машинально рядъ глаголовъ, не связанныхъ между собою, не осмысленныхъ, то предидирующія усилія моей мысли слишкомъ ничтожны, чтобы изъ этихъ глаголовъ могли образоваться предложенія. Равнымъ образомъ, когда я спрягаю (*несу, несешь...*), изъ этого не выходитъ соотвѣтственнаго количества предложеній; *я не имѣлъ намѣренія предидировать, я не хотѣлъ утверждать*, что я несу, ты несешь и т. д. — я хотѣлъ только показать свое умѣнье спрягать глаголь *нести*“ (35). Первое приведенное мѣсто, вѣроятно, не совсѣмъ точно формулированная мысль автора: и мелькающее въ моемъ сознаніи: можетъ образовывать предложенія. Относительно второго мѣста можно сказать слѣдующее когда я спрягаю: „несу“ . . . , то формы эти не будутъ образовывать рядъ предложеній, но не потому я не утверждаю, что я несу..., а потому что при спряженіи лексическое значеніе слова отходитъ па второй планъ, на него даже совсѣмъ не обращаютъ вниманія, важны только окончанія.

Что же такое, наконецъ, это трудно опредѣлимое „предложеніе“ ?

Много писали и пишутъ о необходимости отдѣленія грамматики отъ логики. Относительно извѣстной грамматики Буслаева и грамматикъ многочисленныхъ его послѣдователей принято говорить теперъ, что направленіе, сказавшееся здѣсь, логическое, что при формулировкѣ опре-

дѣлений Буслаевъ и его источники (вродѣ Беккера и др.), а также и его послѣдователи впади въ ту ошибку, что смѣшали *грамматику* и *логику*.

Для указанія всей несообразности такого *логического* направленія была написана въ свое время извѣстная книга Штейнталя: *Grammatik, Logik und Psychologie* (Berl. 55).

Вопросомъ этимъ занимался въ своемъ извѣстномъ трудѣ, какъ мы знаемъ, Потебня. Раздѣляя грамматику и логику, онъ говорилъ, что понятія о правильности со стороны логики и грамматики разныя, что, на примѣръ, грамматически правильное можетъ быть правильно въ логическомъ отношеніи, впрочемъ, здѣсь онъ прибавлялъ — „насколько оно понятно“, что грамматика по отношенію къ логикѣ наука вещественная, логика — формальная, языкованіе — наука историческая, логика — гипотетическая.

Мнѣ думается, что и въ разсужденіи Потебни кроются нѣкоторыя недоразумѣнія. Сама прибавка — „насколько оно понятно“ — указываетъ на необходимость отступленія.

Отношеніе между грамматикой и логикой представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Каждая наука имѣетъ свои законы, свою логику. Это будетъ логика частная. На основаніи логикъ частныхъ строится логика общая, и она, конечно, не должна противорѣчить частнымъ. Законы ея примѣнимы къ каждой наукѣ, но опредѣленія ея, какъ черезчуръ общія, не дадутъ существенныхъ результатовъ при примѣненіи къ опредѣленнымъ случаямъ. Слѣдовательно, законы логики не только могутъ, но и должны быть примѣняемы къ грамматикѣ, и въ своихъ различныхъ опредѣленіяхъ грамматика, идя своей частной дорогой, можетъ черпать, конечно, и данныя „логического“ характера. Слишкомъ сложное явленіе языкъ, онъ тѣсно связанъ съ психической дѣятельностью человѣка и невозможно держаться при опредѣленіи явленій языка его только формальной стороны. Вѣдь, потому-то и цѣнной оказывается именно психологическая подкладка въ изслѣдованіяхъ

Потебни и др. ученыхъ. Я намѣренно перехожу отъ логики къ психологіи, потому что въ настоящее время какъ-то обязательно сознается необходимость психологическаго изученія и замѣчается нѣкоторое пренебреженіе къ „логическому“, которое, въ сущности, должно являться частью того же психологическаго. Вѣдь, если древніе грамматики, задаваясь вопросомъ объ отношеніи грамматики и логики, рѣшали въ томъ смыслѣ, что грамматика должна нести служебную роль, что она ниже „божественной“ логики, что ея законы колеблются, въ то время какъ логическіе законы нѣчто абсолютное, то мы отнесемъ къ этому иначе. Логика сама зависитъ отъ языка, какъ то ни странно на первый взглядъ. Если бы Аристотель, замѣчаетъ Маутнеръ (*Zug Gramm.* III, 4), писалъ на китайскомъ языкѣ, онъ пришелъ бы совѣмъ къ другой логикѣ. Сами логическія категоріи Аристотеля вытекли изъ міросозерцанія, созданнаго языкомъ.

Логика и грамматика близки другъ къ другу, потому что у нихъ въ сущности одинъ объектъ — изученіе языка, только подходят онѣ къ изученію его съ разныхъ точекъ зрѣнія. Языкъ состоитъ изъ словъ. Въ словахъ — понятія, такимъ образомъ, отношенія наши къ окружающему. Логика прежде всего слѣдитъ, чтобы въ томъ, что выражается въ этихъ словахъ - понятіяхъ, было соответствіе дѣйствительности. Грамматика — это уже болѣе внутренняя жизнь самого языка.

Если мы возьмемъ какое-либо предложеніе, то задача логики показать, дѣйствительно ли отношеніе заключающихся въ немъ сужденій, предметъ грамматики показать, какъ сложилось данное предложеніе, какія части являются какъ-бы въ основѣ даннаго сужденія. Такимъ образомъ, грамматическій анализъ долженъ слѣдовать за логическимъ. И безъ изученія логики мы можемъ мыслить логически, но безъ изученія грамматики мы не можемъ познать техники нашей рѣчи. Недаромъ греки *языкъ* и *мысль* обозначали однимъ словомъ — *λόγος*.

Для логики важно, что выражает отдельная рѣчь, предложеніе, для грамматики — какъ выражается эта рѣчь, или же — какъ составляется вообще предложеніе. Но занимаясь формальной стороны языка, грамматика должна необходимо касаться и внутренней, такъ какъ съ послѣдней неразрывно связывается формальная.

Само понятіе „предложенія“ взято грамматикой изъ логики. Въ послѣдней сложилось опредѣленіе, и немудрено, что затѣмъ вліяніе логическаго взгляда на предложеніе отразилось и въ грамматикѣ. И понятно, что отвѣтъ на вопросъ: что такое предложеніе, является близкимъ къ логическому опредѣленію, или же, въ замѣнъ послѣдняго, этотъ отвѣтъ исходитъ изъ опредѣленія процесса образования и близокъ къ тому, что дается въ новѣйшихъ трудахъ. Анализируя разнообразныя предложенія, мы видимъ прежде всего, что выражаются они или однимъ словомъ, или сочетаніемъ словъ. Это первый признакъ „предложенія“. Второе условіе — цѣльность, но цѣльность не только мысли, которая можетъ быть и въ отрывочной фразѣ, а цѣльность рѣчи, законченность послѣдней. Условія цѣльной рѣчи различны, а потому, дѣйствительно, и нельзя дать болѣе опредѣленнаго понятія о томъ, что такое „грамматическое предложеніе“: нужно ограничиться общимъ по смыслу опредѣленіемъ.

Предметомъ синтаксиса должна быть нана связанная рѣчь, ея законы. Естественно, что наиболѣе простымъ элементомъ синтаксиса должно быть такъ называемое „предложеніе“ во всѣхъ своихъ различныхъ выраженіяхъ. Если до сихъ поръ не удалось точно опредѣлить этотъ элементъ, то отъ этого сущность дѣла не мѣняется. Можно и не гнаться за тѣмъ, чтобы дать точное грамматическое опредѣленіе этому логическому термину, и если бы логика нашла болѣе удачное опредѣленіе, чѣмъ тѣ, которыя теперь имѣются, то грамматика могла бы воспользоваться этимъ опредѣленіемъ. Или, можетъ быть, лучше, если было бы

сдѣлано вполнѣ точное опредѣленіе „сужденія“. Не ошибемся, если скажемъ, что задачей синтаксиса является изученіе законовъ сочетанія словъ въ связной рѣчи, изученіе развитія и взаимодѣйствія этихъ сочетаній въ связной рѣчи.

„Синтаксисъ составляетъ часть грамматики, изучающую грамматическія формы словъ въ различныхъ сочетаніяхъ этихъ формъ, преимущественно въ тѣхъ сочетаніяхъ, которыя извѣстны подъ именемъ предложеній“.

Такимъ опредѣленіемъ синтаксиса начинается „Введеніе“ къ „Руководству“ проф. Овс. Куликовскаго. Далѣе авторъ стремится опредѣлить понятіе „грамматической формы“, введенной имъ въ опредѣленіе синтаксиса. Грамматическая форма — принадлежность языка, принадлежность слова, это какъ бы часть послѣдняго (послѣднее дѣлится на 3 части: звуковая форма, значеніе слова и грамматическая форма). Грамматическая форма есть „умственный процессъ, совершающійся далеко отъ свѣтлой точки сознанія“ (8). Выдѣленная силой воображенія грамматическая форма скажетъ намъ, что извѣстное слово такая, а не иная часть рѣчи, что оно имѣетъ признакъ извѣстнаго рода, что оно поставлено въ извѣстномъ падежѣ и пр. Грамматическая форма можетъ находиться въ явномъ противорѣчій со значеніемъ слова. „Грамматическая форма есть нѣчто особое, отличное отъ самаго значенія слова, она — только способъ изображенія въ словѣ представленій и понятій . . .“ (10). Грамматическая форма даетъ возможность образованія предложеній.

Послѣ всего этого авторъ приходитъ къ новой формулировкѣ понятія синтаксиса: „синтаксисъ изслѣдуетъ *угаствіе грамматическихъ формъ въ мысленнѣйшемъ членовъгескомъ*“ (10).

Такъ какъ грамматическія формы измѣняются съ временемъ, то изученіе этихъ измѣненій должно относиться къ историческому синтаксису, который долженъ быть и сравнительнымъ. Авторъ же задается цѣлью изученія современнаго строя русскаго языка.

Вотъ главныя мысли введенія. Уже въ ихъ развитіи замѣчается какая-то неясность, неточность. Возьмемъ хотя бы это слово „преимущественно“, которое встрѣчается на первыхъ же строкахъ, при опредѣленіи понятія „синтаксисъ“. На ту же неопредѣленность наведетъ насъ и выраженіе „подъ именемъ предложенія“, если вспомнимъ, сколько путаницы вносится съ понятіемъ „предложенія“.

Не такъ-то легко, какъ видимъ, дать опредѣленіе синтаксиса. Если возьмемъ извѣстный трудъ Миклошича, посвященный синтаксису славянскихъ языковъ, и труды, посвященные русскому синтаксису — Буслаева и Потевни, то увидимъ даже, что исходныя точки воззрѣній этихъ ученыхъ на синтаксисъ были разныя. Даже въ нѣмецкой научной литературѣ, сравнительно богатой трудами по синтаксису, понятіе о томъ, что такое синтаксисъ, каковы его границы сравнительно съ другими частями грамматики, и потому, каково его содержаніе, до сихъ поръ представляется различнымъ у разныхъ изслѣдователей. Желаніе положить хотя отчасти предѣлъ такому неопредѣленному положенію вызвало, какъ мы уже знаемъ, извѣстную книгу *Ries'a Was ist Syntax?* Книга эта цѣнна, не смотря на нѣкоторую излишнюю повторяемость, нѣкоторый полемическій тонъ, сказывающійся особенно при опроверженіи системы Миклошича и его послѣдователей.

Конечно, всякая наука должна начинаться съ самоопредѣленія. Въ этомъ самоопредѣленіи, съ одной стороны, оправданіе ея существованія, съ другой, опредѣленіе ея области, границъ, отмежевывающихъ ее отъ другихъ наукъ. Неопредѣленность же въ пониманіи „синтаксиса“ обуславливается большою близостью этого отдѣла науки къ другимъ отдѣламъ.

Синтаксисъ часть „грамматики“, грамматика же часть обширной науки о языкѣ. Прежде всего важенъ, такимъ образомъ, вопросъ, какъ нужно понимать само слово „языкъ“. „Человѣческой языкъ есть членораздѣльное вы-

раженіе мысли посредствомъ звуковъ“, такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Габеленцъ въ своемъ трудѣ: *Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben...* (Leipzig, 1901, 3). И вотъ, какъ не подходитъ эта дѣйствительно вѣрная формулировка къ той, которая у насъ обыкновенно приводится, къ „членораздѣльности звуковъ“ — такъ какъ и звуки, издаваемые животными, членораздѣльны, но въ этихъ звукахъ не передается такая разложимость, „членораздѣльность мысли“. Въ обширной наукѣ о языкѣ задача синтаксиса — изучать законы образованія нашей связанной рѣчи. Прямая, непосредственная задача синтаксиса это прежде всего такъ называемая „управленіе и согласованіе“. Но все же нельзя всецѣло выдвигать здѣсь грамматическія формы. Выдвигая эту точку зрѣнія, мы незамѣтно перейдемъ отъ болѣе связанной задачи синтаксиса — изученія связанной рѣчи къ изученію тѣхъ *Wortklassen* и *Wortformen*, которые выдвигалъ Миклошичъ въ своемъ синтаксисѣ. Затѣмъ, куда же какъ не къ синтаксису мы должны отнести и такъ называемыя „музыкальныя“ средства въ образованіи предложеній. Рись совершенно справедливо указывалъ на важность ихъ при различеніи самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ предложеній. И дѣйствительно, возьмемъ примѣры — ты говоришь: „я боленъ“; ты говоришь, я боленъ. На эту сторону при изученіи синтаксиса обращалъ вниманіе и русскій педагогъ г. Тростниковъ въ своихъ „Запискахъ по русской грамматикѣ“. Въ приведенныхъ случаяхъ синтаксисъ какъ-то незамѣтно соприкасается уже съ риторикой. Я бы сказалъ вообще здѣсь о значеніи ударенія. Къ задачамъ синтаксиса должно относиться и изученіе значенія разстановки словъ. О намѣмъ языкѣ говорятъ, что въ немъ вольная постановка словъ. Но это не совсѣмъ такъ: съ извѣстной разстановкой соединяется и измѣненіе оттѣнковъ смысла, не говоря уже о томъ, что и у насъ иногда та или другая постановка позволяетъ различать подлежащее отъ дополненія (напр., при среднемъ родѣ).

Затѣмъ соотвѣтственно съ тѣмъ, что ранѣе говорилось о понятіи „синтаксисъ“, замѣтимъ слѣдующее. Синтаксисъ есть ученіе о законахъ цѣльной рѣчи. Ученіе о предложеніи, такимъ образомъ, будетъ только частью синтаксиса. Слѣдовательно, главная задача синтаксиса — разсмотрѣніе словосочетаній, разсмотрѣніе вообще составленія цѣльной рѣчи. Мѣняются словосочетанія, слѣдовательно, мѣняется и образъ предложенія.

Сказуемое Овсяннико-Куликовскій опредѣляетъ такъ: „эта часть предложенія, въ которой воплощено предизирующее движеніе мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначено само содержаніе, являющееся предметомъ или цѣлью предизируванья“ (37). Опредѣленіе, какъ видимъ, носящее логико-психологическій характеръ. На послѣдній указываютъ и слѣдующія слова (38): „первый вопросъ, скрывающійся за актомъ предизируванья, сводится къ формулѣ: что происходитъ, что дѣлается, что совершается и т. д.“

Разбирая предложенія, не имѣющія глагола, и говоря о присутствіи въ такихъ предложеніяхъ глагольности, Овсяннико-Куликовскій въ Руководствѣ (41) и Синтаксисѣ (53) приводитъ, между прочимъ, и такіе примѣры изъ „Евгенія Онѣгина“: „Татьяна — ахъ! Пошла — и что жъ! Медвѣдь за ней“. „Здѣсь, очевидно, отсутствіе опредѣленныхъ глаголовъ съ извѣстнымъ лексическимъ значеніемъ служитъ особымъ способомъ выраженія“. „Если вставить пропущенные глаголы (напр., „Татьяна *вскрикнула*: ахъ!“)...“ (41). Вотъ мнѣ кажется, что въ приведенномъ примѣрѣ нѣтъ подобнаго *пропущеннаго* глагола. Если на „ахъ“ является глагольность, то вполне понятно, откуда эта глагольность. *Прыгъ, хлопъ, цапъ-царанъ* употребляются для выраженія сказуемаго-глагола, при чемъ придается особая выразительность, живость фразъ, то же самое здѣсь — „ахъ“. И если мы возьмемъ такой примѣръ: „князь у синя моря ходитъ, . . . глядь: поверхъ . . .“ Повелительное наклоненіе употреблено для большей выразительности, какой-то бы-

строты движенія. Та же быстрота сказывается въ „ахъ“, и совсѣмъ иное было бы, если бы приведенъ былъ самъ глаголь „ахнуть“. Мнѣ кажется также, что не только важна здѣсь форма эта, ея укороченность, но и *отсутствіе грамматической связи*, въ силу этого бблшая самостоятельность сказуемаго. Тѣмъ же самымъ, напримѣръ, я объяснилъ бы: „мужикъ — метаться и кричать“ (изъ Хемниц.). Такимъ образомъ, въ приведенныхъ примѣрахъ: „Татьяна — ахъ“ и „медвѣдь — за ней“ — есть извѣстная разница. Въ послѣднемъ, дѣйствительно, пропущено, ну, хотя бы выразительное народное слово: „шастъ“. Теперь: если въ такихъ примѣрахъ — „завтра мои именины, у меня порядокъ“ и пр., хотя и нѣтъ глагола, но сами существительныя „именины“, „порядокъ“, какъ бы оглаголиваются и выступаютъ, такимъ образомъ, въ качествѣ сказуемыхъ, — съ чѣмъ еще можно согласиться; но трудно согласиться со всѣмъ этимъ въ примѣненіи: медвѣдь — за ней, трудно видѣть въ „за ней“ — своего рода сказуемое. А вѣдь такъ оно выходитъ, по Овсяннико-Куликовскому: „въ приведенномъ примѣрѣ, какъ и въ предыдущихъ, остается еще и предидирующее движеніе мысли, распространяющееся на междометіе „ахъ“ и на дополненіе „за нею“, которыя въ извѣстной мѣрѣ „оглаголиваются“ и произносятся усиленіемъ интонаціи (чего не было бы при наличности глаголовъ)“ (41—42).

Я бы не говорилъ также объ „оглаголиваніи“ существительныхъ въ именительномъ падежѣ, „когда имъ сопутствуетъ предидирующій актъ мысли, оставшійся не выраженнымъ глагольною формою“. „Такъ это, напримѣръ, въ извѣстномъ стихотвореніи Фета: „шепотъ, робкое дыханіе, трели соловья . . .; стихотвореніи, которое сплошь состоитъ изъ существительныхъ въ именительномъ падежѣ . . . Тоже находимъ и въ такихъ восклицаніяхъ, какъ „морозъ“! „пожаръ“ . . . (42). Мнѣ приходилось слышать сужденіе, что въ данномъ стихотвореніи Фета, приведенныя существительныя

не что иное, какъ предикаты, что все здѣсь въ общемъ составляетъ одну картину ночного свиданія. Для примѣра характерно приводилось стихотвореніе Дениса Давыдова: „что она — порывъ, смятенъе, и холодность, и восторгъ...“ гдѣ на лицо субъектъ. Мнѣ же кажется, что въ приведенныхъ у Овсяннико-Куликовскаго примѣрахъ выражается нерасчлененность сложнаго представленія, что поэтому-то и трудно сказать съ точностью, какая это часть предложенія. Здѣсь вполне примѣнимо то, что говорилъ проф. Томсонъ (Общ. языковѣдніе, 302): „для непосредственнаго сообщенія всего сложнаго представленія обозначается словомъ та часть его, которая наиболѣе возбуждена въ душѣ говорящаго“ . . .

Здѣсь же Овсяннико-Куликовскаго проводить, какъ и въ Синтаксисѣ, мысль о существованіи 5 лицъ глагола, кромѣ общепринятыхъ: 4-е неопредѣленное (говорять, пишутъ . . .), 5-е мнимое (свѣтаетъ и пр.). Этотъ взглядъ совсѣмъ не пріемлемъ. Если забыто, „устранено“ подлежащее, какъ говорить далѣе самъ же Овсяннико-Куликовскій, то изъ этого не выходитъ, что лицо измѣнилось, — оно осталось такимъ же 3-мъ лицомъ, осталась его грамматическая форма.

Для нашего сознанія получаютъ впечатлѣвія извѣстной раздѣльности или цѣльности составнаго сказуемаго; въ этомъ отношеніи, конечно, имѣетъ значеніе бѣльшая или меньшая отвлеченность „связки“: чѣмъ болѣе она отвлеченна, тѣмъ болѣе „предикативный атрибутъ“ дѣлается предикатомъ, чѣмъ менѣе — тѣмъ болѣе онъ дѣлается атрибутомъ. Для нашего сознанія во многихъ случаяхъ уже неощутителенъ пропускъ вспомогательнаго глагола: *есль* и пр., въ особенности въ случаяхъ соединенія съ прилагательнымъ: онъ скупенъ — представляется какъ бы неразрывнымъ соединеніемъ, безъ всякаго пропуска. Даже объ оглаголиваніи мы не можемъ здѣсь говорить, потому что сознаемъ разницу между, на примѣръ, такими выраже-

ніями: *онъ старъ* и *онъ постарѣлъ* — въ первомъ случаѣ только признакъ, во второмъ извѣстный процессъ образованія этого признака. Глаголь „связка“ постепенно теряетъ свое лексическое значеніе, онъ сохраняетъ лишь способность выражать время возникновенія даннаго признака, но иногда оказывается и послѣднее не нужно. Возьму такіе примѣры: солнце свѣтитъ, (т. е. всегда, а не въ значеніи: сегодня свѣтитъ; въ послѣднемъ случаѣ „свѣтитъ“ замѣна другого глагола, такъ какъ солнце „не свѣтитъ“ не можетъ) и солнце свѣтло. „Свѣтитъ“ имѣетъ здѣсь вполне значеніе прилагательнаго, такъ какъ выражаетъ только признакъ безъ отношенія къ какому-либо определенному времени, такимъ образомъ для нашего сознанія *свѣтитъ* и *свѣтло* въ данныхъ случаяхъ являются равнозначущими. Если здѣсь глаголь какъ-то переходитъ въ область прилагательнаго, сохраняя грамматически роль сказуемаго, то и въ другихъ случаяхъ прилагательное, когда нѣтъ нужды обозначать отношеніе времени, можетъ выступать въ роли сказуемаго.

Анализъ предложенія съ составнымъ сказуемымъ, мнѣ думается, особенно можетъ выказать неприложимость понятія подлежащаго, сказуемаго и пр. къ грамматической области. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ: *погода стояла теплая* — функція сказуемаго заключается въ словѣ „стояла“, но предикативность берутъ на себя два слова: „стояла теплая“. Особенно отгѣняется въ подобныхъ случаяхъ 2-е слово въ такихъ примѣрахъ, какъ: *онъ былъ нуженъ, онъ нуженъ и пр.* Такимъ образомъ, лишь сравнивая съ болѣе простыми предложеніями въ смыслѣ выраженія сказуемаго, мы постепенно доходимъ до извѣстной абстракціи и въ составѣ сказуемаго начинаемъ различать два элемента, одинъ мы подгоняемъ подъ терминъ „сказуемое“ другой — подъ „предикативный атрибутъ“, или начинаемъ выдвигать второе насчетъ перваго. Но, очевидно, во всемъ этомъ происходитъ работа сличенія

съ такими предложеніи, въ которыхъ какъ логическія подлежащія, такъ сказуемыя выражаются однимъ словомъ.

Древніе обороты со вторымъ именительнымъ, вторымъ винительнымъ постепенно замѣняются оборотами съ творительнымъ падежомъ. Это такъ называемый творительный предикативный. Предикативнымъ онъ является, потому что на немъ лежитъ печать предикативности какъ на бывшей части сказуемаго.

Многіе древніе обороты со вторымъ именительнымъ, какъ, напримѣръ: она жила вдова (ва — ой) въ настоящее время невозможны. Съ другой стороны, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе прежняго оборота и возникновеніе новаго, при этомъ замѣчается нѣкоторая разница въ отѣнкахъ смысла: „онъ былъ купецъ“ и „онъ былъ купцомъ“. Въ послѣднемъ примѣрѣ мы видимъ отѣнокъ чего-то болѣе временнаго: онъ былъ купцомъ, а теперь онъ не купецъ.

На выясненіи разницы въ подобныхъ оборотахъ, на историческую эволюцію вообще творительнаго предикативнаго обратилъ особенное вниманіе Потебня въ своихъ Запискахъ. Его' мысли по этому поводу были впервые очень хорошо популяризованы авторомъ разбираемаго „Руководства“ въ статьѣ „Потебня какъ языковѣдъ и философъ“ (помѣщ. въ Кіев. Стар.), затѣмъ въ Синтаксисѣ съ дополненіемъ новыхъ примѣровъ и, наконецъ, въ Руководствѣ. Въ послѣднемъ внесены примѣры изъ новой литературы, но, къ сожалѣнію, сокращены данныя историческаго характера, необходимыя для болѣе полной и яркой картины.

Разновидности творительнаго предикативнаго группируются, не безъ основанія, въ такомъ порядкѣ: 1) съ отвлеченнымъ глаголомъ — *быть*, 2) съ полуотвлеченными, *бываютъ, являются, стать* и т. д., 3) съ глаголами знаменательными, но не выражающими полной сказуемости, какъ: *казаться, называться, слыть* . . . (144).

Теперь, не анализируя всего приведеннаго матеріала, мы остановимся лишь на приведенныхъ выше примѣрахъ. Въ исторіи превращенія „онъ былъ купецъ“ въ „онъ былъ купцомъ“ сыгралъ роль, по Овсяннико-Куликовскому, творительный сравненія: сидѣть сиднемъ, выглядѣть бѣднякомъ и пр. Вотъ здѣсь-то, по Овсяннико-Куликовскому, и лежитъ причина оттѣнковъ значенія этого новаго творительнаго: „это именно представленіе о признакѣ, выраженномъ творительнымъ, какъ о чемъ-то непостоянномъ, не составляющемъ стойкой, типичной, необходимой принадлежности подлежащаго (158)“. Подобное объясненіе мнѣ представляется лишь отчасти вѣрнымъ. Причина лежитъ и въ томъ, что глаголь, напримѣръ, *быть* изъ отвлеченной связки дѣлается настоящимъ сказуемымъ, дѣлается глаголомъ „существованія“, а въ такомъ смыслѣ въ прошедшемъ времени гл. *былъ* самъ долженъ носить характеръ чего-то неустойчиваго: былъ, слѣдовательно теперь, нѣтъ. Не даромъ же поэтому при томъ же глаголѣ въ настоящемъ времени мы *никогда* не видимъ творительнаго предикативнаго.

Подлежащее опредѣляется у Овсяннико-Куликовскаго, какъ „часть предложенія обозначающая того дѣятеля (который производитъ признакъ, данный въ лексическомъ значеніи сказуемаго, или, иначе говоря, дѣятеля,) которому приписывается дѣятельность, выраженная сказуемымъ“ (45). Далѣе совершенно напрасно авторъ снова проводитъ свою мысль о дѣятельности подлинной, фиктивной и мнимой, и соотвѣтственно этому „подлежащее . . . можетъ обозначать дѣятеля подлиннаго, фиктивнаго и мнимаго“. Въ предложеніяхъ: „письмо послано . . . подлежащее теряетъ характеръ дѣятеля, не только подлиннаго, но и фиктивнаго, и только отвѣчаетъ на вопросъ: *кто, что*:“ (46). Выходитъ даже какъ-то, что настоящее грамматическое подлежащее, отвѣчающее именно на вопросъ: кто, что, является въ сущности мнимымъ.

Опредѣленіе „дополненія“ мнѣ кажется не совѣтъмъ удачнымъ. „Дополненіе есть часть предложенія, обозначающая тѣ предметы, на которые простирается дѣятельность, выраженная сказуемымъ (читаю книгу) или которые стоятъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ различнымъ частямъ предложенія (иду по дорогѣ . . .)“ (46).

Первая часть этого опредѣленія можетъ подходить къ мнимымъ“ подлежащимъ, вторая же ничего не говоритъ.

Болѣе удачною мнѣ кажется формулировка въ „Синтаксисѣ“ : „дополненіе есть второстепенная часть предложенія, обозначающая, въ формѣ существительныхъ, предметъ (объектъ), которымъ, съ различныхъ сторонъ, разъясняется дѣятельность, выраженная сказуемымъ, а также смыслъ или значеніе другихъ частей рѣчи“ (55).

Дополненіе есть, безусловно, второстепенная часть предложенія. Она „дополняетъ“, слѣдовательно она и опредѣляетъ лучше, выясняетъ то, что проводится главными частями рѣчи. Отличіе дополненія отъ опредѣленія заключается въ томъ, что это часть предложенія, представляющаяся внѣ того предмета, къ которому относится, поэтому и не согласуемая съ нимъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, дополненіе должно выражаться косвеннымъ падежомъ.

Теперь, если „опредѣленіе“ есть часть предложенія, выражающая признаки, принадлежащіе предметамъ, которые обозначены въ предложеній (47), а „обстоятельство“ есть часть предложенія, обозначающая признаки, которыми характеризуются другіе признаки, именно выраженные сказуемыми и опредѣленіями“ (48), если такимъ образомъ, и опредѣленіе — признаки и обстоятельство — признаки (хотя бы и другихъ признаковъ), то не лучше ли (повторяю въ послѣдующемъ ранѣе сказанное) здѣсь установить одинъ терминъ, на примѣръ, опредѣленіе. Обстоятельства, обстоятельственные слова имѣли свой смыслъ при логическомъ разборѣ, когда къ нимъ относили и то, что теперь мы отно-

симъ къ дополненіямъ. А то, если мы остановимся на данномъ опредѣленіи обстоятельства, то оно и не совсѣмъ будетъ полно: онъ пѣлъ очень хороню; „очень“ признакъ не только признака, но признака еще признака.

Такое устраненіе „обстоятельствъ“ находится, какъ мы видѣли, въ Синтаксисѣ Баталина, этой одной изъ первыхъ попытокъ провести нѣкоторые пункты ученія Потевни въ среднюю школу. Обстоятельственные слова выступаютъ подъ именемъ „несогласуемыхъ опредѣленій“, а я называлъ ихъ опредѣленіями, потерявшими способность согласоваться, опредѣленіями окаменѣвшими, соединяющимися съ опредѣляемыми только благодаря внутренней, лексической связи.

Хороню извѣстно, что тѣ указанія, которыя надолго легли въ основу нашихъ разборовъ, указанія, данныя Бушлаевымъ относительно опредѣленія второстепенныхъ членовъ, вводили въ неразрѣшимыя противорѣчія. Различались эти члены съ двухъ сторонъ: 1 — синтаксическаго употребленія и 2 — по значенію. Иногда оказывалось, что въ силу бушлаевскихъ опредѣленій чуть ли не обстоятельственное слово могло быть почитаемо за подлежащее. На всѣ эти противорѣчія было указано Потевней и имъ былъ указанъ новый путь для разбора.

Отмѣчая бѣольшую независимость обстоятельствъ передъ другими второстепенными членами предложенія, Овсяннико-Куликовскій выдѣляетъ обстоятельственные слова, колеблющіяся между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Важнѣйшія изъ этихъ „фигтивныхъ“ обстоятельствъ и „фигтивныхъ“ дополненій, на примѣръ: родительной даты — это случилось перваго января; творительный образа дѣйствія — итти войной, и другія. Отличительная черта подобныхъ выраженій — ихъ бѣольшая независимость отъ глагола сравнительно съ другими дополненіями.

Интересную картину разработки вопроса о соотвѣтствіи частей рѣчи членамъ предложенія даетъ небольшая статья

г. Гуссова (Принципы грамматическаго анализа простаго предложенія. Ворон. 907 г., изъ Филолог. Зап.). Исходною точкою является ученіе Потѣбни, въ которомъ авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя измѣненія. Устанавливаются четыре категоріи, которыя ярко выражаются въ языкѣ: 1) предмета, 2) признака въ категоріи времени, 3) признака статическаго, 4) признака признаковъ. Если мы соединимъ три послѣднія подраздѣленія и вскроемъ первоначальную основу „предмета“, то окажется въ основѣ всего положенный Потѣбнею „признакъ“. И вотъ эти категоріи отмѣчаются какъ при анализѣ рѣчи, такъ и отдѣльныхъ частей ея. Случаи несовпаденія анализа „этимологическаго“ и „синтаксическаго“ объясняются, по мнѣнію г. Гуссова, тѣмъ, что извѣстный типъ исполняетъ функціи другого типа.

(Въ небольшой замѣткѣ проф. Е. Θ. Карскаго-Рус. Филолог. В. 907 г. № 4 — о статьѣ Гуссова помѣщена выдержка изъ письма послѣдняго къ рецензенту. Въ этой небольшой выдержкѣ мнѣ видится несправедливый упрекъ по отношенію къ ученію Потѣбни въ нѣсколько узкомъ пониманіи Потѣбнею структуры предложенія — безъ признанія семасіологическихъ замѣстителей въ дѣлѣ отождествленія частей предложенія и частей рѣчи.)

Наша рѣчь съ многочисленными союзами — результатъ долгаго развитія языка. Можно предположить возможность существованія періода, когда рѣчь слагалась совсѣмъ отрывисто: я знаю, ты идешь, и прочія. Весьма вѣроятно, что ранѣе для связыванія этихъ предложений прибѣгали къ формамъ причастія, неопредѣленнаго наклоненія. Какъ образовывались союзы, наглядно можетъ указывать тотъ постепенный переходъ нарѣчій въ союзы, который мы сами можемъ наблюдать. Если нарѣчіе теряетъ нрисущій ему характеръ обстоятельственнаго слова, т. е. когда мало по малу исчезаетъ его лексическое значеніе и оно превращается главнымъ образомъ въ соединительное

звено между предложеніями и частями предложенія, оно дѣлается союзомъ. Такъ какъ въ этихъ словахъ все же сохраняется хотя отчасти ихъ лексическое значеніе, ихъ можно считать союзами и нарѣчіями, хотя я относилъ бы ихъ къ союзамъ: вѣдь отнесены же къ союзамъ — потому, за всѣмъ тѣмъ, оттого что, вслѣдствіе того что..., хотя эти союзы также образовались изъ соединенія разныхъ частей рѣчи и сохраняютъ лексическое значеніе.

Вѣдь самъ терминъ „союзъ“ показываетъ лишь, что это слово для связыванія. Правда, подъ этотъ терминъ подводятся, главнымъ образомъ, такія „частицы предложенія“, какъ *и, но, ли* и прочее, но это какъ бы союзы самой чистой воды. На самомъ же дѣлѣ, приходится въ число союзовъ включить и не „частицы предложенія“.

Нельзя согласиться также съ тѣмъ, что говорится Овс.-Кул. (Руков. 223) о различіи между нарѣчіями и союзами-нарѣчіями: „первыя ближайшимъ образомъ относятся къ какому-нибудь слову другого предложенія, между тѣмъ какъ вторыя не имѣютъ ближайшаго отношенія къ опредѣленному слову другого предложенія и подчиняютъ одно предложеніе другому, какъ цѣлому. Напримѣръ, относительное *когда* въ фразѣ „это случилось въ тотъ самый моментъ, когда я выходилъ изъ дому“ ближайше относится къ слову *моментъ*, находящемуся въ другомъ предложеніи; но *союз-нарѣчіе когда* во фразѣ „я вернусь, когда покончу со всѣми дѣлами“, не относится ни къ какому слову другого предложенія и только связываетъ“... (223).

Здѣсь, чтобы быть болѣе послѣдовательнымъ, можно лишь говорить о большемъ или нѣсколько меньшемъ сохраненіи лексическаго значенія „союзами-нарѣчіями“. Вотъ это исчезновеніе первоначальной яркости значенія наблюдается и въ мѣстоимѣніяхъ, когда, напримѣръ, послѣднія, дѣлаясь „союзами-словами“, изъ вопросительныхъ переходятъ въ относительныя: *который* часть? я не знаю, *который* часть; часть, *который* провелъ я съ вами, памятенъ мнѣ“.

Мнѣ думается, что начинать изученіе синтаксиса слѣдовало бы съ сличенія такъ называемыхъ безсубъектныхъ, или безличныхъ, предложеній съ предложеніями, имѣющими подлежащія. Тогда, вѣдь, скорѣе могутъ обнаружиться условія образованія „предложенія“, изученіе котораго является основой для синтаксиса. При изслѣдованіи безсубъектныхъ предложеній приходится особенно затрогивать вопросъ объ отношеніи грамматики и логики. Безсубъектныя предложенія должны, прежде всего, вызывать недоумѣнія въ логикѣ: какъ смотрѣть на нихъ? Можно ли видѣть въ нихъ неполныя логическія суждевія, такъ какъ здѣсь нѣтъ того, что признается основнымъ для сужденія — соединенія подлежащаго и сказуемаго.

О безсубъектныхъ предложеніяхъ существуетъ уже спеціальная научная литература, ими занимались и филологи, и логики-философы.

Во многомъ расходятся результаты изслѣдованій о безсуб. предложеніяхъ, и въ настоящее время по нѣкоторымъ пунктамъ въ изложеніи невозможно быть догматичнымъ.

Безличными или безсубъектными предложеніями называются такія предложенія, въ которыхъ нѣтъ подлежащаго и нельзя его подразумѣвать. Терминъ „безличнѣй“ — переводъ латинск. *impersonalis*. Ясно основаніе послѣдняго названія: такіе глаголы, какъ *puer*, хотя и имѣютъ окончаніе 3-го лица, но могутъ относиться безразлично ко всѣмъ 3-мъ лицамъ: *me, te, illum, nos, vos, illos*. Латинскіе грамматики не считали, такимъ образомъ, этихъ глаголовъ безъ окончанія (Ср. *Diomedis Ars Gr.*, 337—8, *Charisii*, 562, 253, изд. *Teubner Gramm. Latin.*). Миклоничъ, идя за Гриммомъ, впалъ въ ошибку, беря объясненія римскихъ грамматиковъ въ отрывочномъ видѣ и не находя поэтому настоящихъ основаній для названія „безличнѣй“; онъ даже находилъ приводимыя основанія у рим. грамм. странными (*quod sine persona intelligi non potest*, но послѣ этихъ словъ у грамм. и слѣдуетъ нужное объясненіе). Поэтому совершенно неуж-

нымъ представляется выясненіе Гримма, что названіе „безличный“ относится къ среднему роду, а послѣдній дѣйствительно какъ бы безличенъ.

У греческихъ грамматиковъ мы не находимъ ученія о безличныхъ предложеніяхъ. Греки думали, что въ подобныхъ предложеніяхъ подлежащее выпущено. При такихъ выраженіяхъ, какъ *βει, βρωτῶ*, подразумѣвался *Ζεὺς*, потому и подобныя выраженія назывались *θεῖα ῥήματα*, а такія слова, какъ *χρῆ, δεῖ*, относились къ нарѣчіямъ.

Только въ новое время появился терминъ „безсубъектный“. Его выставили сначала не филологи, а философы. Терминъ этотъ нашель себѣ яраго заступника въ лицѣ Миклонича.

Въ послѣднее время снова возвращались къ термину *impersonalis*. Такъ Кайндль (*Phil. Mon.*, 92, XXVIII B., 5—6, 296—7), хотя и признавалъ, что терминъ этотъ узокъ, что онъ стоитъ въ противорѣчїи съ характеромъ глагола, тѣмъ не менѣ отдавалъ ему преимущество передъ терминомъ „безсубъектное“, въ виду того, что, по Кайндлю, этотъ послѣдній терминъ могъ вводить въ заблужденіе, когда будемъ смотрѣть на предложеніе съ логической точки зрѣнія (въ послѣднемъ случаѣ Кайндль, какъ нѣкоторые другіе, находилъ здѣсь подлежащее).

Въ дополненіе къ тому, что мною говорилось ранѣе по поводу безсубъектныхъ предложеній, я упомяну о слѣдующемъ.

Попытка Зигварта подвести безсубъектныя предложенія подъ сужденія наименованія — *Benennungsurteile*, врядъ ли, можетъ быть признана убѣдительною. Правда, въ замѣчаніяхъ Зигварта можно найти немало остроумныхъ мыслей. Прежде всего въ основѣ безсубъектныхъ предложеній заключается обозначеніе по преимуществу чувственнаго, конкретнаго (. . . *die Aussagen bewegen sich auf den Boden des Concreten und zwar im Gebiete der unmittelbaren Wahrnehmung . . . Impersonalien*, 7) въ области непосредственнаго

воспріятія. Такимъ образомъ подлежащимъ безсубъектныхъ предложеній (Зигвартъ, какъ и многіе логики, не признавалъ безсубъектности) служить конкретное представленіе, при чемъ сказуемое въ своей основѣ выражаетъ это конкретное представленіе, а своимъ окончаніемъ какъ бы вводитъ это представленіе въ дѣйствительность, одухотворяетъ его. Для поясненія возьму: *es donnert*, по Зигварту данное выраженіе равняется *donnern das*. Послѣднее уже можетъ пояснить и сближеніе съ *Benennungsurtheile*, съ выраженіями: это есть садъ и пр. Зигвартъ входитъ въ подробное обоснованіе разницы безсубъектнаго и субъектнаго оборотовъ. Я опять для наглядности прибѣгну къ примѣрамъ: мы видимъ, что-то лежитъ, присматриваемся — замѣчаемъ бѣлый листъ; ходъ нашей мысли таковъ; тамъ лежитъ . . . бѣлый листъ. Вотъ по типу подобныхъ предложеній, по Зигварту, возникаютъ и безсубъектныя предложенія. Открывая въ нашихъ обыкновенныхъ сужденіяхъ два синтеза, Зигвартъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ видитъ лишь работу одного синтеза — отождествленіе сейчасъ воспринятаго съ знакомымъ представленіемъ, хотя здѣсь, думается, не принимается Зигвартомъ во вниманіе то, что приписывалось имъ же окончанію глагола. Думать, что безсубъектныя предложенія образуются на подобіе указанныхъ неоконченныхъ предложеній, нельзя, потому что въ этихъ неоконченныхъ предложеніяхъ мы необходимо задаемся вопросомъ о концѣ рѣчи, въ приведенномъ случаѣ о подлежащемъ. Не менѣе апіористично заключеніе Зигварта о томъ, что третье лицо глагола (примѣняя и къ настоящему) должно, какъ и первыя два лица, являться носителемъ какого-то конкретнаго явленія, почему даже безъ прибавки подлежащаго оно не безсубъектно.

Къ даннымъ, характеризующимъ переходъ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектныя, можно было бы присоединить слѣдующія:

Все ся лучило дома (Домострой § 30),

коли лучится какое платье кроити себѣ (тамъ же § 31), а лучится у кого какая ссуда взять (тамъ же, § 32); подборъ подобныхъ фразъ даетъ, думается, возможность представить путь образованія нашего безсубъектнаго оборота: случается, случилось и пр.

И держано бы то бережно, гдѣ что пригоже (Дом. § 32), впереди о томъ . . . писано : какъ кого пожаловати или наказати . . . (§ 33)

а въ горницѣ и въ комнатѣ и въ сѣнѣхъ . . . всегда бы было чисто . . . а столъ и суды всякіе всегда чисто мыти . . . (§ 33);

въ послѣднемъ предложеніи : а въ горницѣ . . . отсутствіе подлежащаго можно сравнить съ отсутствіемъ его же въ : говорятъ и под. Въ первомъ предложеніи мѣстоименіе то могло бы быть свободно выпущено, на постепенное приобрѣтеніе самостоятельности сказуемымъ указываетъ особенно приведенное второе предложеніе, въ которомъ н а п и с а н о относится къ цѣлому выраженію.

Трудно согласиться съ исключительно проводимой „сказуемостью“ инфинитива, какъ категоріей глагольной. На этой точкѣ зрѣнія находился и Потебня, и его взгляды въ данномъ случаѣ не безъ основанія находили себѣ отрицательное отношеніе. Укажу на статьи г. Докучаева (Педагог. Сборн. 1891 № 3), г. Андреева (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 93, май), проф. Будде (*ibid.*, 94, апр.). Трудно видѣть „сказуемость“ въ такихъ примѣрахъ : охотники таскаться по пирамъ явились изъ первыхъ; имѣющій уши слышать да слышать. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя отрицать почти полной близости формъ инфинитива къ существительному, именно то, что происходитъ въ нѣмецкомъ, французскомъ яз. : *das Wissen, le savoir* и пр.

Отмѣчая, что инфинитивъ, хотя и происшедшій отъ формы существительнаго въ извѣстномъ падежѣ, давнымъ-давно потерялъ уже характеръ имени, проф. Овсянико-Ку-

ликовскій сближаетъ эту форму по отношенію къ лицу съ прошедшимъ временемъ. Какъ въ прошедшемъ времени замѣной отсутствующихъ личныхъ окончаній являются мѣстоименія, такъ и инфинитивъ выражаетъ возможность отношенія къ лицу, выясняемому только въ контекстѣ фразы: я хочу ѣсть . . . и пр. „Лицо инфинитива и формъ прошедшаго времени (взятыхъ внѣ фразы и безъ мѣстоименія личнаго) есть лицо неопредѣленное“ (Руков. 86). Это сближеніе не можетъ быть признано вѣрнымъ: противъ него и исторія языка, и наше психологическое отношеніе къ даннымъ формамъ: инфинитивъ стоитъ въ отношеніи лица гораздо дальше, чѣмъ формы прошедшаго времени, стоитъ такъ далеко, что, дѣйствительно, это отношеніе и не представляется нашему сознанію. Въ силу-то этого форма „неопредѣленная“, а не потому что ея лицо неопредѣленное.

Говоря о томъ, что инфинитивъ, будучи глагольною формою, употребляется въ качествѣ сказуемаго, проф. Овсяннико-Куликовскій упоминаетъ лишь о томъ, что онъ является формою простаго сказуемаго, а затѣмъ подробно останавливается на употребленіи инфинитива въ качествѣ „составныхъ и двойныхъ сказуемыхъ“. Составнымъ сказуемымъ проф. Овсяннико-Куликовскій называетъ подобные случаи: *боюсь ошибиться*, т. е., когда инфинитивъ и личный глаголъ имѣютъ одно подлежащее; двойнымъ, когда разное: прошу васъ прійти (87—88).

Въ „Синтаксисѣ“ авторъ иначе формулируетъ эту „двойную“ сказуемость, это случаи: усталъ писать . . ., когда инфинитивъ въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ личному глаголу, когда онъ является не частью сказуемаго, а какою-то прибавкою (90—91). И мнѣ кажется, что послѣднее толкованіе гораздо лучше того, которое находимъ въ „Руководствѣ“.

Говоря о глагольности инфинитива, можно было бы указать на то, что мы и въ русскомъ (народномъ) языкѣ имѣемъ нѣкоторыя указанія на возможность обозначенія

времени въ инфинитивѣ: *Потерять* его вамъ *будеть* большаго атамана. Люди неправдой живутъ и намъ *не треснуть* стать. Видно *быть* *итти* самому Вольгѣ. Отъ жали не *плакать* стать.

Сколько ни плакать, а *быть* *перестать*.

А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ? *Знать* жить тебѣ богато.

Н. Богородицкій (Граммат. М. 68 г.), разбирая эти предложенія, видѣлъ въ *треснуть*, *плакать* . . . — подлежащія, а въ *стать*, *быть* — сказуемыя. На самомъ дѣлѣ это любопытные примѣры выраженія *будущаго времени инфинитива*. Въ данномъ случаѣ Н. Богородицкій, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, шелъ за Некрасовымъ (ср. О знач. форм., 94 и слѣд.).

Но и данное свойство неопредѣленнаго наклоненія не даетъ возможности говорить объ его исключительной сказуемости. Проф. Е. Θ. Будде въ своей статьѣ „О синтаксисѣ простаго предложенія“ (выше упом. въ Ж. М. Н. Пр. 1894 г. апр.) возвращается къ мнѣнiю Буслаева о возможности для неопред. наклоненія быть подлежащимъ, сказуемымъ и дополненiемъ, это мнѣнiе онъ дополняетъ лишь новыми функциями — возможностью быть для неопред. наклоненія опредѣленнымъ и обстоятельствомъ словомъ. Говоря о возможности для неопредѣленнаго наклоненія быть опредѣленiемъ, проф. Будде лишь отчасти такимъ образомъ соглашается съ мнѣнiемъ г. Андреева, который проводилъ ту мысль, что общее и единственное назначенiе неопредѣленнаго наклоненія быть атрибутомъ. Противъ подобной теорiи и противъ разныхъ частныхъ соображенiй г. Андреева совершенно справедливо возражаетъ проф. Будде въ названной статьѣ. Соглашаясь со многими критическими замѣчанiями Будде, направленными противъ статьи Андреева, я, въ то же время, не могу согласиться, что тотъ разборъ предложенія, который онъ даетъ, слѣдуя Керну, могъ бы претендовать на вполне научную постановку. Ф. Кернъ даетъ въ своемъ извѣстномъ соч. *Die deutsche Satzlehre* разборъ

предложенія, который, и по моему, отличается ясностью, систематичностью, слѣдовательно отличается удобствомъ въ практическомъ отношеніи, но разборъ этому нельзя приписывать, что онъ считается съ исторіей предложенія и даже съ настоящимъ состояніемъ рѣчи (ясность, простота всей системы Керна заставила и нѣсколько ранѣе г. Бика попытаться перенести новыя данныя на русскую почву при прохожденіи нѣмецк. яз., см. Педаг. Сб. 91 г. № 11). Кернъ въ окончаніи *verbum finitum* видитъ настоящее „подлежащее“ — субъектъ, наше же подлежащее есть только опредѣленіе, наименованіе этого субъекта. Въ сущности, данный вслѣдъ за Керномъ разборъ предложенія, сводящійся къ выставленію въ центрѣ сказуемаго съ его опредѣлителями, затѣмъ подлежащаго съ его опредѣлителями, стоитъ какъ-то особнякомъ отъ главной части статьи проф. Будде, посвященной разъясненію положенія неопредѣленнаго наклоненія. Кромѣ сказаннаго, нужно отмѣтить еще слѣдующее: въ основѣ ученія Керна лежитъ мысль, которая высказывалась и ранѣе. Между прочимъ, ее можно отмѣтить и въ нашей прошлой научной литературѣ. Такъ: Буслаевъ (Ист. грам. — Синтаксисъ § 124) отрицалъ съ грамматической точки зрѣнія существованіе „безличныхъ“ предложеній, признавая таковыя только съ точки зрѣнія логической. Въ оборотахъ типа: *с в ѣ т а е т ъ* подлежащимъ онъ считалъ окончаніе, въ которомъ сокрыто лицо. Некрасовъ (О знач. формъ...) не признавалъ существованія въ русскомъ языкѣ „безличныхъ“ глаголовъ, называя ихъ миеомъ (292).

III. Итоги изслѣдованія.

Подводя итоги своему изслѣдованію, я долженъ коснуться прежде всего тѣхъ наблюденій, которыя сдѣланы мною въ первыхъ выпускахъ очерковъ, помѣщенныхъ на страницахъ Ж. М. Н. Просвѣщенія.

Разсмотрѣніе огромной литературы на русскомъ языкѣ, посвященной изученію синтаксиса русскаго и славянскихъ языковъ, приводитъ къ ряду любопытныхъ наблюденій общаго и частнаго характера.

Прежде всего относительно перваго періода изученія синтаксиса церк. слав. языка и синтаксиса русскаго языка, который я отмѣчаю до трудовъ Буслаева, я повторю то, что говорилъ въ 1 т. своихъ очерковъ.

Общая черта, которая характеризуетъ первые опыты церковно-славянскаго и русскаго синтаксисовъ, это чисто практическое направленіе. Синтаксисъ занимается сочетаніемъ словъ въ рѣчь, а такъ какъ слова уже по своимъ формальнымъ основамъ разбиваются на извѣстныя категоріи, на части рѣчи, то синтаксисъ и занимается указаніемъ тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ возможно правильное ихъ сочетаніе. Если у Ломоносова и даже ранѣе у Смотрицкаго мы видѣли попытки опредѣлить „рѣчь“ въ смыслѣ нашего предложенія, то эти попытки не повели къ опредѣленію тѣхъ категорій отношеній, которыя въ дальнѣйшемъ были освѣщены свѣтомъ логическаго ученія. Ломоносовъ болѣе подробно занимается „рѣчью“ въ своемъ первомъ наставленіи, своего рода начаткахъ общей грамма-

тики, а въ шестомъ наставленіи, синтаксическомъ, онъ вполне стоитъ на практической точкѣ зрѣнія. Такимъ образомъ, замѣчая въ грамматикѣ Ломоносова уже извѣстный уклонъ къ тому направленію, которое вскорѣ явственно у насъ уже начало проявляться, мы должны все же отмѣтить, что въ основѣ своего труда Ломоносовъ остался вѣренъ создавшейся традиціи.

Вполнѣ естественно развитіе чисто практическаго направленія, если обратить вниманіе на то, какъ смотрѣли на грамматику и чего отъ нея искали. Такимъ образомъ появленіе у насъ практической грамматики относится не къ тому времени, когда начали появляться „практическія“ грамматики, а ранѣе, сами же „практическія“ грамматики уже усвоили элементы непрактическія въ видѣ логическихъ ученій.

Естественно, что, не давая анализа предложенія со стороны такъ называемыхъ у насъ теперь „членовъ предложенія“, первые наши синтаксисы не впадали въ тѣ неразрѣшимыя противорѣчія, въ которыя позже впадала русская грамматика. Давая болѣе простое, элементарное, нѣкоторые изъ этихъ опытовъ въ то же время обнаруживали попытку вступить на тотъ неграмматическій „философскій“ путь, который привелъ въ дальнѣйшемъ къ чисто логическому анализу строя рѣчи.

Въ первыхъ попыткахъ составленія церковно-славянскаго и русскаго синтаксисовъ было схвачено главнымъ образомъ то направленіе, которое нанло себѣ первоначальное выраженіе въ греческомъ синтаксическомъ трудѣ Аполлонія Дискола. Недаромъ можно подмѣтить какую-то внутреннюю аналогію между твореніемъ этого „отца“ греческаго синтаксиса и первыми попытками синтаксиса у насъ. И у Аполлонія основа синтаксиса сочетаніе, такъ что синтаксисъ не можетъ заниматься однимъ словомъ, и Аполлоній проводитъ мысль, которую проводили и до него, о необходимости имени и глагола для основы предложенія, Аполлонію

чуждъ тотъ логическій анализъ, который былъ свойственъ трудамъ другихъ грамматиковъ.

Въ нанихъ первыхъ опытахъ грамматики мы кое-гдѣ встрѣчаемъ данныя изъ народныхъ говоровъ, „просторѣчья“, затѣмъ на эти данныя уже какъ-то не обращается никакого вниманія, пока наконецъ этимъ даннымъ начинаютъ придавать особенное значеніе. Но это среднее теченіе, по видимому, пренебрегавшее народнымъ языкомъ, по характеру своего отношенія къ нему вовсе не отличалось отъ періода перваго: у него образовалось уже болѣе литературнаго матеріала, которымъ это среднее теченіе исключительно и занялось.

Постепенное изученіе трудовъ, посвященныхъ русскому синтаксису, приводитъ къ любопытному наблюденію, какимъ образомъ постепенно проникало чисто логическое теченіе въ область наблюденій грамматическихъ, какъ постепенно понятія, извлеченныя изъ логики, придаютъ цѣльность отрывочнымъ замѣчаніямъ грамматическаго характера. У Ломоносова изложеніе вопроса „о сложеніи“ знаменательныхъ частей слова стоитъ въ первомъ наставленіи, посвященномъ человѣческому слову вообще, а синтаксическія замѣчанія находятся въ наставленіи шестомъ; у Барсова данныя изъ логики въ перемѣшку съ данными грамматическаго характера находятся уже въ введеніи къ синтаксису, то же и въ другихъ грамматикахъ, пока наконецъ понятія изъ логики не входятъ прямо въ грамматику. На общемъ фонѣ логическаго ученія и предложеніе, будучи первоначально внѣ синтаксиса, постепенно входитъ въ послѣдній и дѣлается главнымъ существеннымъ элементомъ синтаксическаго ученія.

Грамматическое ученіе не только о предложеніи (какъ сужденіи), но о подлежащемъ и сказуемомъ, какъ главныхъ членахъ предложенія, несомнѣнно заимствовано изъ логики. Само выдѣленіе въ грамматикѣ членовъ предложенія второстепенныхъ также получилось несомнѣнно подѣ

вліяннємъ логики: есть предложенія — сужденія безъ этихъ второстепенныхъ членовъ, которыя и считались какимъ-то первообразомъ грамматическихъ предложеній. Отсюда — „второстепенность“. Самое же дѣленіе второстепенныхъ членовъ въ концѣ концовъ получило вполнѣ логическую окраску, когда были положены въ основу дѣленія общія понятія.

Основныя данныя логики до того вошли въ рамки грамматики, что сдѣлалось чрезвычайно труднымъ ихъ отдѣлить; эти начала, придавъ цѣльность самой грамматической системѣ, на самомъ дѣлѣ не подвинули изученія синтаксиса, а затормозили его ходъ. Послѣднее получалось въ силу того, что логическія начала были перенесены на почву грамматики, и здѣсь получилось стремленіе влить въ эту чуждую форму новое содержаніе. Недостатокъ этотъ характеризуетъ и грамматику послѣдующаго періода, дающую въ синтаксисѣ тщетныя попытки влить грамматическое содержаніе въ чисто логическіе термины подлежащаго, сказуемаго и пр. Войдя главными своими элементами въ синтаксисъ, логика сдѣлалась вообще исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи языковыхъ явленій, послѣднія брались какъ выраженія уже сложившихся отвлеченныхъ понятій.

Мы видѣли, какъ постепенно слагалась теорія построенія нашего синтаксиса. Отъ этой теоріи въ общемъ не отказалось современное построеніе синтаксиса. Мы видѣли источники этой теоріи и такимъ образомъ должны отнести съ полнымъ отрицаніемъ къ утвердившемуся положенію, что въ данномъ случаѣ въ построеніи нашего синтаксиса отразились печальные слѣды системы Беккера.

Изъ частныхъ наблюденій, сдѣланныхъ мною относительно даннаго періода, отмѣчу слѣдующія, опять-таки повторя сказанное въ 1 т. очерковъ.

1. Я пришелъ къ убѣжденію, что Смотрицкій пользо-

вался грамматикой Альвара, это наглядно сказывается особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но пользованіе довольно удачно скрывается, можетъ быть, благодаря желанію самого составителя сдѣлать это, а можетъ, благодаря тому, что онъ пользовался различными источниками и при пользованіи ими несомнѣнно дѣлалъ собственныя комбинаціи

Сличеніе грамматики Смотрицкаго съ грамматикой Ласкариса въ отдѣлѣ синтаксиса и отчасти сличеніе общее заставляетъ меня совершенно отрицательно отнестись не только къ мнѣнію Будиловича — „Смотрицкій иногда рабски придерживался своего прототипа „Греческой грамматики“ Ласкариса“, но и къ болѣе смягченному мнѣнію проф. Студинскаго — „при перегляді жерел, якими Смотрицкій користував ся при списуваню свого твору, не треба випускати з очий також грамматики Ляскариса“. Для того, чтобы выставить мнѣніе, подобное выставленному Будиловичемъ, совершенно недостаточно тѣхъ данныхъ, которыя находимъ у него: сходство *въ общемъ* въ 2—3 мѣстахъ еще ничего особеннаго не говоритъ. Противъ 2-го мнѣнія, по существу своему, повидимому, такого объективнаго и понятнаго, я высказался потому, что нахожу его стоящимъ во внутренней, незамѣтной сразу, связи съ первымъ: проф. Студинскій въ концѣ своей статьи объ Адельфотесъ дѣлаетъ заключеніе о заимствованіи нѣкоторой части Смотрицкимъ изъ этой грамматики, и послѣ этого заключенія проф. Студинскій, какъ бы не желая умалить значенія особенно грамматики Ласкариса, какъ источника, и высказываетъ приведенную выше фразу.

Къ тому, что сказано у меня относительно синтаксиса въ грамматикѣ М. Смотрицкаго, я долженъ теперь добавить еще слѣдующее. При разборѣ критической литературы не былъ принятъ во вниманіе позднѣйшій трудъ (вышедшій въ 1908 г. въ Галиціи) г. Макарункі („Грамматика Мелетія Смотрицкаго“, 55 стр.). Выводы этого труда расходятся съ моими и потому я долженъ хотя здѣсь раз-

смотре́ть, насколько уба́дительно́ эти выводы. Пре́жде всего́ нужно́ отма́тить, что г. Макарушка находитъ главнѣйшій источникъ для синтаксиса М. Смотрицкаго въ латинской грамматикѣ Меланхтона. Главнымъ основа́шемъ для этого́ ему́ служить сличеніе одного́ мѣста, въ которомъ попадаетъ аналогичный примѣръ, именно:

Грам. Меланхтона:

Изъ грам. Мел. См.

De nomine....

Regula prima.

Adjectivum et substantivum eodem genere, numero, et casu cohaerent, ut: Amicus certus, in re incerta cernitur

ѡ сочиненіи правилномъ имене Главѣ а̄.

Има прилагателное, Именное, Мѣстоименное, Причастное, Дѣепричастное и Причастодѣтелное, Съществителномъ, 'Емъже прилагается, согласуетъ, в' томъ же родѣ, и числѣ, и падежи. такъ, Дрѣгъ извѣстенъ въ неизвѣстныхъ вещи познавается....

Около послѣдняго примѣра у М. Смотрицкаго отмѣчено, откуда взять примѣръ: "Енній поета. Въ примѣчаніи г. Макарушка и относительно примѣра у Меланхтона замѣчаетъ: „дописано на боці: *Nos est Ennii dictum*“. На самомъ же дѣлѣ, въ томъ изданіи грамматики Меланхтона, которымъ пользовался г. Макарушка, это сказано не въ грамматикѣ, а въ примѣчаніи издателя. Конечно, употребленіе одного и того же примѣра (хотя у М. См. этотъ примѣръ и переданъ невѣрно) могло бы служить важнымъ доказательствомъ, въ качествѣ извѣстной детали, если бы общее было тождественно. Этой тождественности даже въ приведенномъ отрывкѣ мы не находимъ, Если же возьмемъ другія указанная мѣста изъ двухъ рассматриваемыхъ грамматикъ, то вполне убѣдимся, что о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи. Дабы не быть голословнымъ, приведу для сличенія первыя изъ упомянутыхъ главъ, кото-

рыя послужили, по г. Макарушкѣ, образцомъ для Мел. См., приведу, съ параллелями изъ синтаксиса послѣдняго:

Quinta regula

Superlativa adsciscunt genetivos plurales, vel collectivi nominis singulares, ut: Disertissime Romuli nepotum. Et, Tydides Danaum fortissimus. Eo, quo, tanto, quanto comparativis inunguntur, ut (Juvenal. sat. 8, 140 sq.):

Omne animi vitium tanto
conspicius in se

Crimen habet, quanto maior,
qui peccat, habetur

Multo, longe, comparativis et superlativis praeponuntur. Cicero (pro lege Manil.): Conspicteus vester multo iucundissimus.

Правило П

Разсѣдѣлнѣя и Превосходѣлнѣя, ова со мнѣгими тогѣжде рода оуравнѣема: ова со 'Едѣннѣмъ тогѣжде, или со мнѣгими разлѣчнагѣ рѣда сношѣема, ѡ родѣтелнѣномъ веселѣтсѣ. ѣакѣ, члѣвкѣ члѣвкѣ лѣчшѣй 'Еленѣ скѣршѣй всѣхъ звѣрѣй: Всѣ прѣтѣ Блѣгѣчѣстѣвѣйшѣй Кѣнстантѣнѣ Великѣй . . .

Дальнѣйшихъ сличенѣй по указанѣямъ г. Макарушки я приводѣть не буду: эти сличенѣя дадутъ столь же мало возможности говорѣть о томъ, что синтаксисѣ въ грамматикѣ Меланхтона служилъ образцомъ для синтаксиса въ грамматикѣ Мел. Смотрицкаго. Г. Макарушка, кромѣ указанѣя на 4 правила синтаксиса Меланхтона, послужившихъ будто образцомъ для подобныхъ же правилъ у М. Сметр., указывѣаетъ на аналогѣю подобныхъ примѣровъ: est locus in carcere qui dicitur Tulianum appellatur и Есть мѣсто на востѣцѣ во Едемѣ, и же или е же нарицѣетсѣ. А затѣмъ, сходство даже отмѣчается въ обозначенѣи отдѣловъ: de impersonalibus — ѡ сочиненѣи глаголѣ безлѣчныхъ дѣйствѣтельныхъ, de participiis — ѡ соч. причѣстѣлѣ . . . Но подобные же раздѣлы находѣмъ и въ другихъ грамматикахъ и по

этимъ даннымъ ужъ ни въ коемъ случаѣ нельзя говорить о подражаніи. Важнѣе было бы взглянуть, что говорится въ этихъ отдѣлахъ, и можно было бы убѣдиться въ разницѣ изложенія.

Г. Макарушка указываетъ и на то, что М. Смотрицкій пользовался грамматикой Альвара, только пользовался не слишкомъ много, именно перевелъ нѣсколько правилъ дословно. Указывается 3 небольшихъ мѣста, которыя представляютъ у М. См. переводъ изъ грамматики Альвара. Здѣсь слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на слѣдующее. Указываемыя г. Макарушкою мѣста взяты не изъ синтаксиса, а изъ этимологіи, мы находимъ ихъ въ грам. М. См. на стр. 18-й, у Альвара на стр. 164-й. Для того или иного вывода о синтаксисѣ мы ожидали бы сравненій изъ этого отдѣла, а ихъ совсѣмъ нѣтъ, такимъ образомъ и высказанное мнѣніе г. Макарушкою не подтверждено фактами. Если бы былъ продѣланъ сравнительный анализъ, то изслѣдователь убѣдился бы въ томъ, что значеніе синтаксиса Альвара было при составленіи синтаксиса М. См. несравненно бѣльшее, чѣмъ то у него представлено, несравненно бѣльшее, чѣмъ значеніе синтаксиса Меланхтона, во вліяніи, котораго, какъ мы видѣли, можно сильно сомнѣваться, или по крайней мѣрѣ — сильное вліяніе котораго вполнѣ можно отрицать (руководствуясь сближеніями г. Макарушки).

Въ противовѣсъ приведеннымъ сличеніямъ изъ синтаксисовъ Смотрицкаго и Меланхтона, я сошлюсь на нѣкоторыя сличенія изъ синт. М. См. и Альвара, которыя я дѣлалъ въ своемъ изслѣдованіи. Затѣмъ для дополненія приведу еще слѣдующія (на которыя я дѣлалъ въ изслѣдованіи лишь указанія):

Альвара:

Мел. Смотр.

Neutrum muliebri praefertur, praeserue cum de rebus Женскъ прилагается: іакъ,

inaminatis sermo est: Sall. in Cat. Divitiae, decus, gloria in oculis sita sunt.

Cum substantivis rerum inanimatarum plerumq; conjungitur neutrum multitudinis. Liv. Bell. Maced. lib. 7. Ira et avaratia imperio potentiora erant.

Saepius tamen et elegantius adjectivum cum substantivo.... cum viciniore.... contentit. Cic. in Catil. Or. 4. Video P. C. in me vestrum omnium ora atque oculos esse conversos.

(стр. 247).

Какъ я уже сказалъ, г. Макарушка находить даже сходство въ выдѣленіи извѣстныхъ отдѣловъ между синтаксисомъ у М. См. и Меланхтона. Указывается отдѣлъ о „безличныхъ“ предложеніяхъ. Сравнимъ же начало этого отдѣла у Мел. См., Меланхтона и Альвара.

Меланхт.:

De impersonalibus Passivae vocis impersonalia ab omnibus verbis tum activis, tum neutris cadunt. Constructio prorsus imitatur regulam passivorum, praeterquam quod nullus nominativus praecedit

М. Смотр.;

ω сочиненіи Глѣвъ безличныхъ дѣйствительныхъ: Глава, а. Правило, а. Нѣцѣи ω безличныхъ глаголѣ самостоятелнѣ полагаются: ѣакѡ, възблеснѣ и възгремѣ, абіе и воздожди: и прочая

Альваръ:

De constructione verbi impersonalis. Caput VII. P. S. O. I. C. . . . Quaedam verba impersonalia absolute ponuntur. Cic. de Divin. si fulgerit, si tonuerit.

(далѣе перечисл.)

Памѣтозлѡбіе и ѣарость вѣдна ѣста члѣвѣкѣ, мѣрзска же Бгѣ.

Съществительнымъ различныхъ родовъ същымъ, прилагается прилагателенъ множествен средня рѡда: ѣакѡ, Гнѣвъ, ѣарость и памѣтозлѡбіе вѣдна сѣтъ.

Съществительномѣ въ коемъ либо числѣ същемѣ прилагается прилагателное, прійскреннѣе ближайшемѣ припржетьсѣ ѣакѡ. лицѣ, оустѣ, очеса и весь зрѣкъ твоѣ измѣненѣ вижю.

(195).

ω именително^м со
 безличнымъ

Глаголомъ, гре-	His tamen inter-
мйтъ, дождитъ, снѣ-	dum nominativus
житъ, многожды	additur... fulgare,
именителный пред-	tonare.
лагается, факω, Воз-	
гремѣ с' нбсе	
ωдожди	

Упомянуть я долженъ и томъ, что г. Макарушка повторяетъ прежнюю мысль о главномъ источникѣ для грамматики Смотрицкаго (за исключеніемъ только синтаксиса) грамматики Ласкариса. Я уже высказался относительно разрѣшенія даннаго вопроса въ изслѣдованіи Будиловича и Студинскаго. До этой мысли, замѣчаетъ г. Макарушка, дошелъ онъ на основаніи сравнительнаго анализа. Но тотъ сравнительный матеріалъ, который приводится у него далеко неубѣдительно: аналогичными являются нѣкоторыя опредѣленія, параллели чему можно привести и изъ другихъ грамматикъ, болѣе древнихъ, чѣмъ грамматика Ласкариса. Я не отрицаю и не отрицаю возможности вліянія грамматики Ласкариса, и въ двухъ сличеніяхъ, данныхъ Макарушкой, при томъ въ области синтаксиса, находилъ бы возможнымъ видѣть признаки этого вліянія. Приводимыя параллели (г. Макарушка пользуется латинскимъ переводомъ греческ. грамматики Ласкариса) я сличилъ съ оригиналомъ и могу сказать, что ихъ можно было даже расширить въ данномъ случаѣ, приведя нѣкоторыя дальвѣйшія мѣста.

Э. Грамматическій трудъ, приписываемый Адодурову, не представляетъ собою сокращенія грамматики М. Смотрицкаго, какъ то проводится въ нашей научной литературѣ. Въ исторіи русской грамматики трудъ этотъ долженъ считаться непосредственнымъ предшественникомъ грамматики Ломоносова не только по времени, но и по умѣлому поль-

зованію фактами чисто русскаго языка. Въ краткомъ отдѣлѣ, посвященномъ синтаксису, Адодуровъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ правилъ классическаго міра о конструкціи, которыя приведены были въ грамматикѣ Альвара.

4. Въ сущности, до сихъ поръ у насъ нѣтъ настоящей оцѣнки грамматики М. Смотрицкаго и нѣтъ обстоятельнаго обслѣдованія отношенія къ этому труду послѣдующихъ трудовъ грамматическихъ. Если характеризовать грамматическіе труды Смотрицкаго и Крижанича со стороны начатковъ научности, со стороны болѣе правильныхъ критическихъ приемовъ, то Смотрицкому надо отдать предпочтеніе. У Крижанича прежде всего бросается въ глаза нѣкоторая тенденціозность, полемичность, вся постановка труда неправильна уже потому, что въ основу клался несуществующій языкъ. Въ то же время нельзя отрицать и у Крижанича разносторонности лингвистическихъ познаний, но завладѣвшая имъ идея не позволяетъ ему часто правильно разобраться въ различныхъ вопросахъ. Если у Смотрицкаго мы лишь отчасти замѣчаемъ вымышленныя правила, да и то подъ вліяніемъ образцовъ иностранныхъ, у Крижанича подобныя правила — цѣлая система: личный произволь у него господствуетъ. Впрочемъ, это вытекаетъ изъ его желанія сдѣлать изъ русскаго языка языкъ всеславянскій, и идя навстрѣчу этой идеѣ, Крижаничъ производитъ въ языкѣ такую ломку, которая совершенно была недопустима для Смотрицкаго, ограничившагося въ общемъ наблюденіемъ имѣвшагося матеріала.

5. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ грамматики Ломоносова какъ-то чувствуется, что составитель русской грамматики XVIII в. былъ недалекъ отъ истины, но подходилъ къ ней неправильнымъ путемъ, Возьмемъ хотя бы мысль о томъ, что въ мѣстоименіи, нарѣчіи, „междуметіи“ выражается стремленіе сократить рѣчь. Законы экономіи въ языкѣ подмѣчены, но подмѣчены нѣсколько невѣрно, а между

тѣмъ этотъ законъ достояніе, трудное завоеваніе нашей науки XIX столѣтія. Нужно замѣтить также, что въ разобранныхъ §§ предъ нами проходитъ та грамматическая система (ученіе о родахъ, числахъ, о нарицательныхъ, собственныхъ, собирательныхъ, увеличительныхъ и пр. именахъ, наклоненіяхъ, залогахъ и пр.), каковую мы встрѣчаемъ до сихъ поръ въ нашихъ грамматикахъ.

Находятъ, что Ломоносовъ въ грамматическихъ работахъ пользовался точнымъ методомъ естественныхъ наукъ. Эту черту подмѣтилъ еще Шлецеръ, и за нее онъ упрекалъ Ломоносова; въ настоящее же время въ этомъ видятъ достоинство трудовъ Ломоносова и считаютъ его отцомъ русской грамматики. Можно, однако, сказать, что, исходя изъ фактовъ, Ломоносовъ имѣлъ этихъ фактовъ очень мало, а дѣлалъ обобщенія. Это можно сказать и по отношенію къ анализу частныхъ явленій русскаго языка и по отношенію къ попыткамъ опредѣленія законовъ русскаго языка. Въ послѣднемъ случаѣ важно подчеркнуть взаимоотношеніе философской грамматики и русской грамматики, которое проводилъ, слѣдуя за другими, Ломоносовъ.

Взглядъ на грамматику у Ломоносова былъ, конечно, практической. Въ этомъ случаѣ былъ неправъ Гротъ, когда оспаривалъ мысль Давыдова, что въ практическомъ возрѣннн на грамматику Ломоносовъ слѣдовалъ школѣ Готшеда. Была, конечно, разница между Ломоносовымъ и школой Готшеда, но эта разница была обусловлена разными положеніями. Сумѣвъ обобщить въ нѣкоторыхъ частяхъ то, что давала предыдущая грамматическая разработка, воспользовавшись тѣми данными, которыя находились въ ближайшихъ источникахъ — особенно въ грамматикѣ Смотрицкаго и отчасти въ „Начальныхъ основахъ русскаго языка“, приписываемыхъ Адодурову, Ломоносовъ въ разныхъ параграфахъ пользовался тѣмъ, что давало ему личное знаніе русскаго языка.

6. Тѣсно соединяя положенія логики съ синтаксисомъ,

развивая эти положенія, Барсовъ уже во введеніи выказалъ извѣстную самостоятельность по отношенію къ грамматикѣ Ломоносова, которую онъ высоко ставилъ. Барсовъ былъ у насъ нѣонеромъ того направленія, которое получило вскорѣ сильное развитіе. Если же сравнимъ съ внѣшней стороны синтаксисъ у Барсова съ синтаксисами у Смотрицкаго и Ломоносова, этихъ во многомъ источниковъ для Барсова, то прежде всего въ глаза бросится стремленіе у Барсова къ опредѣленной группировкѣ правилъ, къ ихъ систематизаціи. Прежде всего мы видимъ у Барсова разграниченіе логической работы надъ предложеніемъ отъ грамматической въ вопросѣ о замѣнѣ одного оборота другимъ. Что такимъ образомъ различалось Барсовымъ, то въ дальнѣйшемъ смѣшивалось. У него, напр., предъ нами какъ бы зерно, начало позднѣе развившагося ученія о замѣнѣ или сокращеніи придаточныхъ предложеній, но здѣсь эта замѣна выступаетъ въ качествѣ логическаго процесса.

Разсмотрѣніе синтаксиса въ грамматикѣ Барсова приводитъ насъ къ слѣдующей характеристикѣ этого труда. Безспорно, здѣсь мы видимъ большой шагъ впередъ, сравнительно съ синтаксисомъ въ грамматикѣ Ломоносова. Правда, Барсовъ черпалъ много у Ломоносова, заимствовалъ иногда даже чуть-ли не дословно, но въ то же время онъ умѣло продолжалъ работу своего великаго предшественника. Продолженіе это заключалось не въ томъ только, что развита была лишь отчасти внесенная Ломоносовымъ струя освѣщенія явленій языка посредствомъ общихъ логическихъ законовъ, а и въ дальнѣйшемъ изученіи русскаго языка. Безспорно, Барсовъ использовалъ для своего труда довольно большое количество русскихъ произведеній; выбирая примѣры, онъ подвергалъ ихъ анализу съ общей и частныхъ точекъ зрѣнія. Въ то же время онъ стремился своему труду придать извѣстную систему. Въ подобномъ его стремленіи ему помогалъ тотъ элементъ, который онъ внесъ въ

сильной степени, именно элементъ логическій. Барсовъ такимъ образомъ можетъ почитаться у насъ первымъ и яркимъ представителемъ чисто логическаго направленія въ грамматикѣ. Если смотрѣть на его грамматику со стороны болѣе или менѣе выдержанной системы, то ее можно поставить выше грамматики Греча, являющагося проводникомъ тѣхъ же началъ, какъ и Барсовъ, но, какъ показываетъ сличеніе ихъ трудовъ, независимо отъ Барсова.

Разобранная часть грамматики Барсова стоитъ выше соотвѣтствующей части въ грамматикѣ Греча еще и потому, что въ авторѣ ея обнаруживается вполнѣ изслѣдователь языка, задумывавшійся даже надъ мелкими проявленіями его и анализировавшій эти явленія.

Конечно, грамматика Барсова, какъ непечатанная, не могла распространять тѣхъ новыхъ началъ, которыя вносилъ Барсовъ, идя за указаніями иностранныхъ своихъ источниковъ, но эти начала свободно могъ распространять самъ Барсовъ, какъ преподаватель высшей школы.

7. На основаніи грамматикъ : Ломоносова, Смотрицкаго и отчасти *Anfangs-Gründe* Адодурова составленъ синтаксисъ въ „Россійской грамматикѣ, сочиненной Императорской Академіей“, изданной въ первый разъ 1802 г. Это былъ трудъ главнымъ образомъ двухъ академикомъ Дмитрія и Петра Соколовыхъ, составителей академическаго словаря. Какъ видно изъ предисловія, грамматика преслѣдовала болѣе учебныя, а не ученныя цѣли.

Вліяніе труда Адодурова, на первый взглядъ едва замѣтное, сказалось въ примѣненіи вопросовъ для узнаванія падежей.

8. Къ началу XIX в. у насъ относятся переводы общихъ грамматикъ: грамматики Фатера и такъ называемой грамматики Портъ-Рояля. Если послѣдняя (написанная во второй половинѣ XVII столѣтія монахами П. Р.) не имѣла для исторіи разработки нашего синтаксиса никакого значенія, то

нельзя этого сказать относительно грамматики Фатера, въ виду дѣйствительнаго авторитета для многихъ имени этого нѣмецкаго ученаго, взгляды котораго находили отраженіе въ трудахъ русскихъ ученыхъ,

9. Синтаксисъ въ грамматикѣ Пухмайера отличался для своего времени большими достоинствами. Грамматика Пухмайера не осталась безъ вліянія на дальнѣйшую разработку русской грамматики. Но всѣ достоинства синтаксиса Пухмайера должны быть отнесены на долю Добровскаго. Уже съ первыхъ страницъ легко видѣть, что составитель цѣликомъ бралъ параграфы синтаксиса изъ грамматики чешскаго языка Добровскаго и вставлялъ лишь русскіе примѣры.

Такимъ образомъ попытка Добровскаго построить синтаксисъ чешскаго языка оказала несомнѣнно благодѣтельные результаты на ходъ разработки русскаго синтаксиса. На планѣ другого труда, составлен. Добровскимъ, на его *Institutiones linguae slavicae dial. veteris*, на отдѣльныхъ параграфахъ; отдѣльныхъ правилахъ и ихъ формулировкахъ ясно вліяніе труда предыдущаго (грам. чешск. яз.), что и неудивительно при сходствѣ матеріаловъ, положенныхъ въ основаніе анализа. Матеріаль же, анализируемый здѣсь, извлеченъ былъ Добровскимъ изъ различныхъ рукописей и сличенъ съ греческимъ текстомъ. Въ данномъ отношеніи у Добровскаго, какъ извѣстно, былъ предшественникъ — Смотрицкій, и мы видимъ въ грамматикѣ Добровскаго также ясныя слѣды пользоваія и даже нѣкоторыя заимствованія у Смотрицкаго. Общая ошибка чисто методическаго характера, свойственная грамматикѣ Добровскаго, отразилась, конечно, и на синтаксисѣ, это недостатокъ предварительной разсортировки рукописей.

10. Когда говорятъ о системѣ нашей школьной грамматики, о ея „логическомъ“ направленіи, то выставляютъ также постоянно въ качествѣ родоначальника или, по крайней мѣрѣ, главнаго представителя этого направлеія, поло-

жившаго начало нашей теперешней учебной грамматикѣ, — Буслаева. Это утвердившееся положеніе совершенно неправильно: наши грамматики усвоили систему, выработанную на основаніи предыдущей разработки — иностранной и русской — Гречемъ, оказавшимъ большое вліяніе на разработку русской грамматики въ трудахъ Востокова и Буслаева.

Въ виду высказаннаго мною выше положенія о вліяніи синтаксиса Греча, я прежде всего постарался выдвинуть тѣ мѣста, которыя мы находимъ воспринятыми русской грамматикой и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣста, которыя являются наиболѣе характерными для обрисовки ученія Греча, какъ извѣстной системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился опредѣлить источники, которыми пользовался Гречъ при составленіи своего синтаксиса.

Особенно „логическое“ теченіе въ синтаксисѣ Греча высказывается не въ томъ, что онъ, сравнительно съ своими предшественниками, все почти разсматриваетъ съ точки зрѣнія предложенія, а въ томъ, что онъ на первый планъ ставитъ отвлеченіе, содержаніе, а не форму. При объясненіи падежей, на примѣръ, онъ продолжаетъ и развиваетъ то, что сказалось у Ломоносова и у Барсова только отчасти въ отдѣлахъ о сочиненіи словъ по „разнымъ обстоятельствамъ“. У него выдвигаются, именно, извѣстныя отношенія дѣйствительныхъ предметовъ, а затѣмъ для выраженія этихъ отношеній слѣдуютъ формы. Въ этомъ случаѣ на противоположной точкѣ зрѣнія находился, какъ мы видѣли, Востоковъ.

Конечно, практицизмъ въ грамматикѣ Греча усилился сравнительно съ грамматиками предыдущими, какъ разрослось и само содержаніе грамматики. Особенное усиленіе элемента „здраваго смысла“ въ примѣненіи къ фактамъ грамматики также проявляется здѣсь, и вотъ эту сторону я поставилъ бы въ параллель съ тѣмъ, что находимъ въ школѣ Готшеда. Стоитъ обратить вниманіе на тѣ страницы, на которыхъ Гречъ прямо-таки расправляется съ

главными и придаточными предложениями, руководясь исключительно соображениями логического характера.

Нужно обратить также внимание на одно еще обстоятельство: въ синтаксисѣ особенно можетъ сказаться практическое направленіе сообразно характеру этой части грамматики. Поэтому и неудивительно, если у Греча, остававшагося вѣрнымъ уже создавшейся традиціи, практическое направленіе сказалось сильнѣе.

11. Востоковъ въ своемъ синтаксисѣ по существу не далъ ничего новаго, а лишь использовалъ уже имѣвшійся матеріаль. Причиною было то обстоятельство, что Востоковъ не занимался, какъ самостоятельный изслѣдователь, синтаксическими явлениями, и будучи крупною величиною въ другихъ областяхъ языкознанія, онъ здѣсь долженъ былъ итти по стопамъ другихъ. Можетъ быть выдвинута одна отличительная черта грамматики Вост. отъ другихъ грамматикъ и, въ частности, отъ грамматики Греча. Это отличіе состоитъ въ *постановкѣ* грамматическихъ вопросовъ, а не въ ихъ разрѣшеніи.

Группировка идетъ по падежамъ, что придаетъ постановкѣ синтаксиса грамматическое направленіе въ противоположность направленію логическому у Греча.

Нужно обратить внимание еще на одну особенность синтаксиса Востокова. У него нѣтъ упоминанія о сокращеніи вообще предложений, упоминается только о полныхъ и сокращенныхъ п р и д а т о ч н ы хъ предложенияхъ. Такимъ образомъ здѣсь находимъ существенное отличіе отъ теоріи Барсова, Греча и др., построенной, какъ мы знаемъ, по системѣ Аделунга. И это обстоятельство объясняетъ намъ, почему въ дальнѣйшихъ русскихъ учебникахъ по грамматикѣ мы встрѣчаемся только съ теоріей сокращенія придаточныхъ предложений. Въ этомъ сказалось вліяніе Востокова, но съ другой стороны не остался безъ сильнаго вліянія и Гречъ, а именно въ томъ, что дальнѣйшая русская школьная грамматика вполне воспользовалась той

разработкой, которая была сдѣлана Гречемъ, у Востокова же на данный вопросъ обращено сравнительно очень мало вниманія.

Въ своемъ изслѣдованіи я не далъ общей характеристики того періода, во главѣ котораго поставилъ Буслаева. Эта общая характеристика заключается какъ бы въ характеристикѣ, данной относительно Буслаева. Сравнительно съ прежнимъ временемъ обращается болѣе вниманія на сравнительно-историческое изученіе языка, причемъ также начинаютъ обращать болѣе вниманіе на народный языкъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важенъ былъ трудъ Н. П. Некрасова, оказавшій несомнѣнно вліяніе на нѣкоторые появившіеся вскорѣ труды, напр., Н. Богородицкаго, Глаголевскаго и н. др. О грамматикѣ Богородицкаго я упоминалъ. Для дополненія позволю себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ о трудѣ Глаголевскаго.

Подъ вліяніемъ трудовъ Даля и Некрасова написанъ цѣнный для своего времени небольшой трудъ Глаголевскаго „Синтаксисъ русскихъ пословицъ“ (СПБ. 73 г. изъ Ж. М. Н. П.). Цѣнность этой брошюры прежде всего въ нѣкоторой систематичности распредѣленія матеріала, въ обобщеніи и группировкѣ частныхъ наблюденій надъ характеромъ народной рѣчи. Но главный интересъ все же здѣсь болѣе педагогическаго характера; для болѣе научнаго изученія матеріала требовалась бы, конечно, болѣе широкая постановка, внесеніе сравнительнаго и историческаго матеріала. Поэтому частныя наблюденія автора отличаются болѣе апріористическимъ характеромъ, характеромъ чисто умозрительнымъ. Нѣкоторыя положенія заимствуются имъ у Н. П. Некрасова и иллюстрируются матеріаломъ. Изъ подобной постановки дѣлается понятнымъ, почему точкой отправления для автора является литературная рѣчь, почему говоря о разницѣ между ней и рѣчью народною, онъ гово-

рить объ „опущеніяхъ“ въ послѣдней, хотя приводимыя имъ же соображенія могли бы указать не на „опущенія,“ а на паратактичность построенія, на понятность въ разговорной рѣчи многого такого, что въ литературной требуетъ уже иного выраженія.

Любопытнымъ трудомъ при общей характеристикѣ разбираемой научно-педагогической литературы времени выхода грамматическихъ трудовъ Буслаева являются „Грамматическія замѣтки“ Классовскаго. Прежде всего это трудъ составленный на основаніи тогдашнихъ авторитетовъ, при чемъ авторъ къ прежнему логическому направленію присоединилъ новую черту, сказавшуюся въ тогдашнемъ языкознаніи — выдвинувшую мысль объ языкѣ какъ объ извѣстномъ организмѣ. Но какъ и Беккеръ, усвоившій эту мысль, но пошедшій въ дальнѣйшемъ, въ сущности, по старому пути логическихъ выкладокъ, такъ и авторъ „Грамматическихъ замѣтокъ“ посредствомъ апріорныхъ законовъ мысли хотѣлъ установить „раціональные“ законы языка и отступленія отъ этихъ раціональныхъ законовъ. Нельзя въ то же время не согласиться съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, которыя высказывалъ авторъ по отношенію къ русскимъ учебникамъ по грамматикѣ. Для современниковъ Классовскаго „Грамматическія замѣтки“ могли быть интересны и поучительны по нѣкоторымъ историческимъ справкамъ, которыя приводилъ авторъ по разнымъ вопросамъ, а его общія и частныя ошибки (хотя бы тамъ, гдѣ онъ шелъ по стопамъ Павскаго и Костыря) не были особенно замѣтны.

Приведу теперь нѣкоторыя данныя изъ сдѣланной мною характеристики трудовъ Буслаева, Н. П. Некрасова, К. Аксакова, нѣкот. др., а также изъ области сдѣланныхъ частныхъ наблюденій.

Историческое значеніе Буслаева въ изученіи русскаго синтаксиса должно быть признано очень важнымъ. Это значеніе вовсе не въ томъ, что подъ влияніемъ Буслаева слагалась наша учебная грамматика, какъ это обыкновенно

считается. Можно сказать, что наша школьная грамматика, черпая из синтаксиса Буслаева, многое очень важное оставила безъ вниманія, усваивая часто лишь слабыя стороны синтаксиса Буслаева. Самъ Буслаевъ издалъ учебникъ по русскому языку, но въ общемъ этотъ учебникъ былъ мало приспособленъ для предназначенной цѣли. Буслаеву не удалось создать извѣстной синтаксической системы. Та система, которую мы находимъ у него, не представляется цѣльной, не представляется построенной на настоящемъ пониманіи общаго строя языка. Поэтому естественны тѣ противорѣчія, та шаткость въ положеніяхъ, которыя характеризуютъ трудъ Буслаева. Но все это не исключаетъ огромныхъ заслугъ Буслаева въ исторіи изученія русскаго языка. Онъ выдвинулъ столько цѣннаго матеріала изъ стариннаго русскаго языка, народной русской рѣчи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ выказалъ себя тонкимъ наблюдателемъ различныхъ фактовъ языка, что его трудъ до сихъ поръ можетъ давать извѣстный матеріалъ при изслѣдованіи того или другого вопроса или, по крайней мѣрѣ, служить исходной точкой, отъ которой можетъ отправляться изслѣдователь.

Для настоящаго времени „Историческая грамматика“ Буслаева сдѣлалась, можно сказать, историческимъ уже трудомъ. Грамматическая систематика, которую находимъ здѣсь, представляетъ безспорно самую слабую сторону. Эту систематику какъ - то нельзя поставить въ прямую неразрывную связь съ тѣмъ историческимъ матеріаломъ, который приводится Буслаевымъ, матеріаломъ, который дѣлалъ и дѣлаетъ интереснымъ его трудъ. И разъ этотъ историческій матеріалъ подвергнуть обобщеніямъ далеко не во всѣхъ случаяхъ, а иногда данные выводы въ силу различныхъ причинъ не могутъ претендовать на убѣдительность, то матеріалъ этотъ остается лишь матеріаломъ и для дальнѣйшихъ изслѣдованій требуетъ несомнѣнно расширенія. Насколько отдѣльные факты, получившіе извѣ-

стное освѣщеніе въ трудѣ Буслаева, нуждались и нуждаются въ провѣркѣ, показали замѣчапія Потебни.

Нецѣльность построенія синтаксиса у Буслаева отмітилъ въ своей обширной рецензіи К. Аксаковъ. И дѣйствительно, внесеніе пунктовъ, въ коихъ трактовалось о синонимахъ, метафорахъ, метониміяхъ, синекдохахъ, особенно рѣзко должно было бить въ глаза. Но съ другой стороны, эта видимая нецѣльность, сказавшаяся прежде всего въ внесеніи упомянутаго матеріала, можетъ быть оправдана, если принять во вниманіе взглядъ Буслаева (который, нужно думать, ускользнулъ отъ вниманія Аксакова), что отъ участія троповъ зависитъ видоизмѣненіе въ синтаксическомъ употребленіи. Поэтому Буслаевъ могъ свободно внести разсмотрѣніе троповъ и фигуръ, хотя и не такъ только распространяться, имѣя въ виду служебное значеніе въ данномъ случаѣ разбираемыхъ вопросовъ. Кромѣ этого, можно было бы указать и на внесеніе отдѣловъ изъ логики; впрочемъ, и послѣднее станетъ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на взглядъ Буслаева на отношеніе грамматики, и въ частности синтаксиса, къ логикѣ. Введеніе вполне обрисовываетъ этотъ взглядъ, по которому мы видимъ, что грамматика ставится въ служебное отношеніе къ логикѣ. Нецѣльность же была, но въ другомъ: внѣшняя нецѣльность — въ разбросанности матеріала, такъ что Буслаеву приходилось повторяться; внутренняя нецѣльность — въ отсутствіи твердаго, опредѣленнаго возрѣнія на языкъ и его законы, въ послѣднемъ случаѣ сказалось вліяніе двухъ школъ языкознанія, прежней и новой. Вѣдь, въ вопросѣ объ отношеніи языка къ мышленію Буслаевъ въ концѣ концовъ примкнулъ къ прежнему „логическому“ направленію.

Основная черта Буслаева, какъ филолога, это интересъ къ слову, какъ извѣстной страницѣ изъ исторіи культуры. Это нашло особенно выраженіе въ диссертаци Б. „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ“, находило себѣ мѣ-

сто и въ его исторической грамматикѣ, когда онъ касался исторіи отдѣльныхъ словъ. Строя свой опытъ исторіи языка по Остромирову Евангелію, онъ самъ говоритъ, что палеографическая и собственно грамматическая сторона при изслѣдованіи памятника остается внѣ вниманія изслѣдователя. Правда, для выполненія намѣченнаго изслѣдованія Буслаеву пришлось оперировать съ большимъ лингвистическимъ матеріаломъ, въ которомъ онъ и разобрался, насколько то позволяла постановка лингвистики того времени. Но въ то же время создать какую-либо новую и при томъ цѣльную грамматическую систему Б. не могъ именно потому, что его не привлекали „сухія, безсодержательныя окончанія склоненій и спряженій.“ . . . Отношеніе Буслаева къ слову, отношеніе своего рода художника, повліяло отчасти и на то, что для исторіи этого слова не дается иногда весь необходимый матеріалъ. Мнѣ кажется, что противникъ Буслаевскихъ грамматическихъ воззрѣній Некрасовъ далъ въ общемъ вѣрную характеристику историческаго синтаксиса Буслаева. Крупнымъ достоинствомъ этого труда Некрасовъ считалъ его историческій характеръ, матеріалъ, на которомъ базировался авторъ, затѣмъ постоянное обращеніе къ книжной и народной рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ факты языка (древняго и новаго) не представляются связанными органически. Некрасовъ, отмѣчая важность синтаксиса Буслаева со стороны приводимаго матеріала, вполне правильно отмѣчаетъ и то, что въ синтаксисѣ съ большой ясностью и знаніемъ дѣла изложена господствующая грамматическая теорія языка. Одно только нужно измѣнить въ этой общей характеристикѣ: Буслаевъ и не задавался цѣлью дать полное изложеніе исторіи русскаго языка, его трудъ имѣлъ прежде всего педагогическія цѣли, будучи предназначенъ въ качествѣ учебнаго руководства. Самъ Буслаевъ сознавалъ также, что для желаемой исторіи русскаго языка не настало еще время.

Отношеніе Буслаева къ предыдущей русской грамма-

тикѣ вполнѣ отрицательное: Буслаевъ считаетъ предыдущіе учебники русскаго языка составленными по стопамъ Готшеда и Аделунга, которые въ свою очередь имѣли своими образцами, какъ выражается Буслаевъ, „филологическую“ грамматику древности. „Филологическая“ грамматика отличалась тѣмъ, что она не была наукой, она учила лишь говорить и писать, сама будучи основана на рѣчи литературной, изъ которой выводила правила, часто противорѣчивнія законамъ языка, выдавая иногда чисто орфографическіе приемы за законы языка. Выставляя на первый планъ требованія здраваго смысла по отношенію къ синтаксису, „филологическая“ грамматика поняла эти требованія въ смыслѣ подчиненія языка, какъ чего-то случайнаго, случайнаго сочетанія звуковъ, строгимъ, опредѣленнымъ законамъ логики, общимъ логическимъ отношеніямъ мысли. Отсюда вытекало ошибочное отношеніе ко многимъ явленіямъ языка, которыя почитались за исключенія, ошибки противъ правильныхъ, нормальныхъ оборотовъ. Подобному отношенію къ грамматикѣ Буслаевъ противопоставляетъ то отношеніе, которое создается при „лингвистическомъ“ изученіи языка. Здѣсь языкъ изучается, какъ нѣчто самостоятельное, безъ отношенія чисто практическаго. Для лингвиста важенъ не только языкъ литературный, языкъ образцовыхъ писателей, но и языкъ простого народа, необработанныя областныя нарѣчія и пр., на языкъ лингвистъ смотритъ, какъ на живой организмъ. Къ попыткѣ Беккера построить на новыхъ началахъ свое ученіе о языкѣ Буслаевъ относится отрицательно, потому что Беккеръ, отправляясь отъ правильныхъ исходныхъ точекъ, въ дальнѣйшемъ, за недостаткомъ матеріала для широкихъ построеній, увлекся отвлеченными соображеніями, такимъ образомъ пошелъ по стопамъ прежней философской грамматики. Въ практическомъ отношеніи система Беккера въ силу своихъ логическихъ тонкостей представила гораздо больше затрудненій для изученія, такимъ образомъ стоитъ ниже прежней фи-

лософской грамматики, но въ теоретическомъ отношеніи она была все шагомъ впередъ.

Буслаевъ не сумѣлъ разобраться въ отношеніи предыдущей русской грамматики къ логикѣ. У него этотъ вопросъ какъ - то стоитъ въ связи съ вопросомъ о требованіяхъ здраваго смысла и въ то же время съ вопросомъ о чисто механическомъ происхожденіи языка. Правильно отмѣчая ту ошибочную сторону, которая сказалась и въ грамматикахъ философскихъ и въ сочиненіи Беккера, именно отвлеченность построеній, лишенныхъ фактическаго матеріала, совершенно справедливо защищая права языка на самостоятельное изученіе, Буслаевъ въ то же время фактически не вышелъ изъ подчиненія грамматики логикѣ, это сказывается уже въ предисловіи къ грам., когда онъ признаетъ заслугой Беккера опредѣленіе частей рѣчи и частей предложенія. Буслаевъ, судя по его же словамъ, какъ-бы порываетъ всякую связь съ предыдущей русской грамматикой; между тѣмъ, какъ на дѣлѣ оказывается, онъ въ сильной степени находится въ зависимости отъ этой послѣдней. Мнѣ думается, что та мысль о самостоятельномъ развитіи языка, объ его органичности, мысль, которую проводилъ Буслаевъ вслѣдъ за Гумбольдтомъ, заставляла Буслаева такъ ополчаться на предыдущую русскую грамматику и не замѣчать тѣсной связи своего труда съ этой грамматикой.

И основныя воззрѣнія К. Аксакова и Н. П. Некрасова о томъ, какъ изучать языкъ, — именно прежде всего необходимо знаніе и пониманіе живого, современнаго языка, а затѣмъ уже привлеченіе исторіи языка, привлеченіе другихъ языковъ для сравненія, воззрѣнія эти вполне правильны. Правильно ихъ указаніе на необходимость удерживаться только въ этой области, не ударяясь въ различныя мудрствованія, вызываемыя путемъ увлеченія разсматриваніемъ различныхъ приставокъ, суффиксовъ и пр. Путь намѣченъ былъ правильно, но сами изслѣдователи не выполнили его, какъ слѣдуетъ, они сами увлеклись мудрство-

ваніями только болѣе общаго характера. Они изучали языкъ въ его настоящемъ и безъ знанія историческаго хода языка освѣщали это настоящее субъективно.

Нельзя отрицать вполнѣ правильнаго взгляда Аксакова на задачи и цѣли грамматики, на то, что основа ея должна быть выведена изъ изученія самого языка. Представитель славянофильства, преувеличивавшій значеніе самобытныхъ началъ, и особенно славянскихъ, Аксаковъ въ то же время правильно взглянулъ на отношеніе грамматики русской къ грамматикѣ „общечеловѣческой“, или, какъ мы сказали бы, вообще къ сравнительному языкознанію, къ законамъ человѣческаго духа.

Иванъ Аксаковъ правильно отмѣчаетъ въ предисловіи къ изданію сочиненій К. Аксакова отличительную черту послѣдняго, какъ ученаго, его „художественную стихію“, или, лучше сказать, способность къ творчеству, способность угадывать, схватывать извѣстные законы, обладая для этого малымъ количествомъ данныхъ. Конечно, много несообразностей высказываетъ Аксаковъ, особенно это проявляется въ „Опытѣ“ русской грамматики. Но нужно помнить, что у Аксакова не было школы. Благодаря часто именно отсутствію научной дисциплины мы видимъ порывы фантазіи, но и среди фантастическихъ измышленій прорываются здравыя мысли.

Разбирая трудъ Буслаева по русскому синтаксису, я намѣренно оставлялъ безъ вниманія тѣ замѣчанія о синтаксическихъ данныхъ древне-церковнославянскаго языка, которыя самъ Буслаевъ вносилъ главнымъ образомъ въ примѣчанія, считая эту часть добавочной. Я стремился затѣмъ наглядно доказать, что эти замѣчанія Буслаева должны быть поставлены выше II части труда Востокова. Будучи собраны во-едино, эти замѣчанія прежде всего по объему дали бы матеріаль болыніи для обрисовки синтаксическихъ явленій церковно-славянскаго языка, чѣмъ цѣльное приведенное въ систему ученіе Востокова о сочиненіи словъ.

Затѣмъ, — у Буслаева мы находимъ цѣнное стремленіе различать въ синтаксическихъ явленіяхъ древнѣйшій и позднѣйшій періоды, мы видимъ у него стремленіе выяснитъ смыслъ тѣхъ явленій, на которыхъ какъ-то не останавливалось вниманіе Востокова. Иногда объясненія Буслаева расходятся съ объясненіями Востокова. Страннымъ представляется, что Востоковъ, дополняя грамматику Добровскаго, въ нѣкоторыхъ пунктахъ не соглашаясь съ Добровскимъ, совершенно безъ вниманія оставляетъ болѣе удачную постановку вопросовъ у Буслаева.

Затѣмъ, болѣе частныя наблюденія :

1. Точки зрѣнія, проводимыя Буслаевымъ и Некрасовымъ, дали два теченія въ дальнѣйшемъ изученіи залоговъ русскаго глагола. Желаніе стать на формальную точку зрѣнія при дѣленіи глаголовъ на залоговѣ все же въ концѣ концовъ приводило къ лексикѣ, къ значенію глаголовъ въ предложеніи, т. е., приходилось становиться на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ главнымъ образомъ Буслаевъ. Къ тому же приходило и 3-е теченіе, которое выставляло главнымъ образомъ синтаксическое значеніе залоговъ. Кромѣ того, замѣтимъ еще слѣдующее. Въ ученіи о залогахъ у насъ уже нельзя только ссылаться на вліяніе древнихъ грамматикъ, здѣсь нужно, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, выдвигать значеніе традиціи, которая сдѣлала несвойственное намъ привычнымъ, роднымъ.

2. Въ исторіи разработки вопроса о видахъ можно замѣтить одну общую черту, это — сближеніе, болѣе или меньшее, видовъ съ временами. Правда, первый, у кого мы встрѣчаемъ ученіе о видахъ, Мелетій Смотрицкій, смотрѣлъ на виды нѣсколько не такъ, какъ смотрѣли представители дальнѣйшихъ поколѣній. Мнѣ думается, что въ основной точкѣ зрѣнія Мелетія Смотрицкаго лежалъ вѣрный принципъ. Буслаевъ въ своемъ ученіи о видахъ не удержался на почвѣ отдѣленія послѣднихъ отъ временъ.

У Буслаева сказалось здѣсь то ошибочное „логическое“

направленіе, которому поддался Буслаевъ, стремленіе обобщить то, что въ сущности входило въ разныя понятія.

Вообще въ ученіи Буслаева о видахъ я не нахожу цѣльности. Некрасовъ, страстно нападаая на Буслаева, былъ, по моему, правъ, когда говорилъ, что Буслаевъ, опредѣляя виды, вносилъ въ свое опредѣленіе различныя значенія. Между тѣмъ, у Буслаева мы находимъ мысли, которыя могли бы дать ему возможность избрать иную дорогу при опредѣленіи видовъ.

Въ своихъ положеніяхъ о видахъ Буслаевъ скомбинировалъ то, что находилось главнымъ образомъ въ ученіи о временахъ у Ломоносова, въ ученіи Востокова о видахъ и наконецъ въ томъ, что сказано было у Каткова въ „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“. Я не останавливался на взглядахъ Востокова и Каткова. Отмѣтилъ я лишь то, что въ ученіи того и другого выдѣлены какъ характерныя признаки видовъ — конкретность и отвлеченность въ представленіи дѣйствія. У Востокова эти признаки внесены уже въ „подвиды“, видовъ же у него 3.

Если посмотримъ, что даетъ дальнѣйшая разработка вопроса о видахъ, то должны будемъ отмѣтить: во 1. отсутствіе единства въ опредѣленіи видовъ, во 2. отсутствіе цѣльной точки зрѣнія на данныя формы.

3. Казалось бы, что, Буслаевъ, склонный болѣе къ изученію внутренней стороны языка, долженъ былъ бы увлечься тѣми идеями, которыя были положены въ основу извѣстнаго сочиненія Гумбольдта — *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues . . .*. Самъ Буслаевъ говоритъ объ изученіи этого труда Гумбольдта. Между тѣмъ, мнѣ думается, можно сказать, что Буслаевъ не проникся главными идеями Гумбольдта, а проводя, повидимому, нѣкоторыя изъ нихъ, онъ прибѣгалъ иногда къ такимъ доказательствамъ, которыя обнаруживали въ немъ вовсе не послѣдовательнаго проводника мыслей Гумбольдта.

Для меня было важно установить отношеніе Буслаева

къ упомянутому сочиненію Гумбольдта, прежде всего потому что это отношеніе ярче отѣняетъ положеніе Буслаева въ нашей литературѣ по синтаксису. Я привелъ нѣкоторыя сопоставленія этого отношенія съ отношеніемъ Потебни къ тому же сочиненію. Отношенія, какъ видѣли, неодинаковыя. Въ одномъ можно подмѣтить нѣкоторое сходство въ частностяхъ, въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, въ другомъ проникновеніе духомъ всей системы. Дѣйствительно, если мы сравнимъ изслѣдованіе Гумбольдта съ названнымъ сочиненіемъ Потебни, то мы увидимъ, что Потебня отправлялся какъ отъ исходныхъ пунктовъ отъ мыслей Гумбольдта, онъ стремился придать имъ еще болѣшую убѣдительность. Отчасти это сдѣлаетъ для насъ болѣе понятнымъ и то отрицательное отношеніе, которое проявляется во многихъ критическихъ замѣчаніяхъ Потебни на Буслаевскіе выводы.

4. Однимъ изъ важныхъ пособій для Буслаева были данныя, которыя онъ находилъ въ сочиненіи Лавровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ (СПБ. 1852 г.). И Лавровскій исходилъ изъ мысли, что древнему русскому языку свойственно было богатство и разнообразіе въ употребленіи формъ, что этотъ языкъ отличался живостью, образностью. Лавровскій отмѣтилъ довольно много фактическаго матеріала изъ синтаксиса русскихъ лѣтописей и тѣмъ далъ матеріалъ и для Буслаева.

5. Не безъ вліянія на Буслаева остались труды Востокова, не только его грамматика русскаго языка, но и труды по старославянскому языку, по изданію Остромирова Евангелія и другихъ рукописей. Я подчеркнулъ бы значеніе того научнаго метода, которымъ отличались труды Востокова, той замѣчательной точности, которую вносилъ онъ въ изученіе палеографической и языковой сторонъ памятниковъ. Особенно послѣдняя черта могла вліять на Буслаева, также усердно занимавшагося древними рукописями, первая же — методъ, научные приемы изслѣдованія, не такъ

сильно сказались въ непосредственно относившихся къ русскому языку трудахъ Востокова и потому эта сторона не такъ сильно могла вліять на Буслаева.

6. Живо и интересно написанная работа Н. П. Некрасова „О значеніи формъ русскаго глагола“ построена на ложныхъ основаніяхъ. Авторъ, упрекавшій предыдущихъ изслѣдователей за ихъ предвзятость, самъ является крайнимъ поборникомъ этой послѣдней. Создавъ путемъ нѣкотораго наблюденія надъ русскимъ языкомъ теорію объ отсутствіи временныхъ формъ въ русскомъ глаголѣ, г. Некрасовъ стремился всячески провести эту теорію, оправдать предполагаемое отсутствіе путемъ различныхъ логическихъ соображеній и посылокъ, самъ того не замѣчая, какъ иногда впадалъ въ логическія же противорѣчія.

Трудъ Некрасова написанъ подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ трудовъ Аксакова, въ частности, брошюры „О русскихъ глаголахъ“. Такимъ образомъ, главные недостатки оригинала легли, конечно, и въ основу труда талантливаго продолжателя.

7. Не Буслаевъ являлся у насъ проводникомъ взглядовъ и мнѣній Беккера, а еще до появленія „Опыта . . .“ была издана русскимъ педагогомъ Басистовымъ „Система синтаксиса“, составленная главнымъ образомъ по *Ausführliche deutsche Grammatik* Беккера. Появленіе русскаго труда, шедшаго по стопамъ Беккера, а не Гумбольдта, объяснялось не тѣмъ, что была предпочтена отвлеченность при объясненіи языковыхъ явленій, а тѣмъ, что Беккеромъ составлены были учебники нѣмецкаго языка; у Гумбольдта находили лишь отправныя точки для будущихъ изслѣдованій, самъ Гумбольдтъ вовсе не давалъ какой либо грамматической системы: вотъ и шли по готовому, тѣмъ болѣе, что и Беккеръ выставялъ нѣкоторыя мысли, выдвинутыя Гумбольдтомъ. Въ то же время цѣнились уже съ перваго начала и основанія ученія Гумбольдта, что мы видимъ изъ предисловія авторовъ; но въ этомъ ученіи,

какъ я указалъ, были только исходные пункты, которые требовали еще самостоятельнаго развитія, продолженія.

8. Произведенныя сличенія въ достаточной мѣрѣ могутъ опредѣлить значеніе труда Давыдова „Общесрав. грамматики“ въ исторіи разработки русскаго синтаксиса. Не представлялось нужнымъ производить сличенія съ другими источниками этого труда: если въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Давыдовъ и не такъ рабски слѣдовалъ за своими источниками (именно за формой ихъ внѣшняго изложенія, какъ это сказалось въ приведенныхъ мѣстахъ, могущихъ вызвать полное недоумѣніе относительно поразительнаго метода пользованія чужими трудами — при томъ только „частными замѣчаніями“), то вполне передавалъ уже ранѣе извѣстное, не внося отъ себя ничего существеннаго.

9. По моему, построеніе труда Э. Е. Корня „Способы относит. подчиненія“ неправильно въ силу неправильныхъ въ основѣ его общихъ точекъ зрѣнія, неправиленъ именно методъ изслѣдованія. Однако это не исключаетъ частныхъ достоинствъ: можетъ быть, въ нѣкоторыхъ своихъ выводахъ авторъ и правъ, но результаты этихъ выводовъ добыты главнымъ образомъ, по моему, все же благодаря догадкѣ и для полной убѣдительности ихъ необходима еще добавочная работа.

При оцѣнкѣ значенія А. А. Потебни я позволилъ себѣ входить нѣсколько болѣе подробно въ тѣ области, которыя не составляютъ частей „синтаксиса“. Въ данномъ случаѣ мнѣ хотѣлось полнѣе выяснить это значеніе. Я позволилъ себѣ дѣлать, напр., сравненіе выводовъ Потебни и Вундта съ тою цѣлью прежде всего, чтобы отмѣтить, что достоинство взглядовъ Потебни въ нѣкоторыхъ вопросахъ нѣсколько не страдало отъ того, что онъ не могъ уже ознакомиться съ позднѣйшими трудами Вундта. Я этимъ, конечно, не хочу сказать, чтобы вся та чисто эмпирическая

психологія, представителемъ которой является Вундтъ, не могла-бы дать лучшаго матеріала, чѣмъ давала Потебни болѣе спекулятивная психологія Гербарта, Лотце и др. Весьма возможно, что многія страницы „Мысли и языка“ сильно измѣнились бы подъ вліяніемъ новыхъ данныхъ, измѣнилось бы, можетъ быть, изложеніе о соотношеніи чувствованій и представленій, объ апперцепціи и пр., но въ той части, въ которой собственно и лежала сила и значеніе изслѣдованій Потебни — въ глубокомъ анализѣ языка, въ проникновеніи въ тайники языка, измѣнить пришлось-бы очень мало. Потебня не зналъ многихъ изъ тѣхъ опытовъ, которые выставила эмпирическая психологія, давшая болѣе точный матеріаль относительно нашихъ чувствованій, представленій, но за то Потебня былъ самъ тонкимъ наблюдателемъ. Чутье языка, которымъ онъ безспорно былъ надѣленъ въ огромной силѣ, знаніе языка, особенно народнаго (въ этомъ случаѣ сыграло большую роль изученіе имъ народной поэзіи) давали ему полную возможность выработать тонкій анализъ языковыхъ явленій. Ему въ то же время иногда удавалось болѣе чутьемъ замѣтить то, что не замѣчалъ иной изслѣдователь, наблюдая близко находящійся передъ собою предметъ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы изслѣдованія Потебни не опирались на факты, нѣтъ они глубоко фактичны, но, конечно, количество фактовъ не всегда бывало вполне достаточно для построенія не гипотезы, а чуть-ли не аксіомы. Главная сила выводовъ Потебни та, что выводы эти основаны на строго историческомъ изученіи языка, что изслѣдователь всячески стремится отрѣшиться отъ того вліянія, тѣхъ впечатлѣній, которыя образуются подъ вліяніемъ современнаго строя рѣчи. Кромѣ крайней сжатости изложенія, уясненію идей Потебни вредила еще разбросанность изложенія.

Та разница въ воззрѣніяхъ, которую можно было замѣтить между Буслаевымъ и Потебнею, разсматривая I—II ч. „Изъ Записокъ“, еще болѣе увеличивается и рѣзче

оттѣняется, если мы рассмотримъ III ч. „Изъ Записокъ.“ У Буслаева и у Потебни совершенно разные взгляды на исторію языка. Потебня даетъ намъ стройную систему, эту систему, насколько возможно, онъ подкрѣпляетъ данными языка. Стремясь строго проводить историческую точку зрѣнія при разсмотрѣніи различныхъ данныхъ языка, Потебня тѣмъ самымъ стремится оттѣнить и разницу въ міросозерцаніи нашемъ и міросозерцаніи древняго человѣка. То, что считалось Буслаевымъ, а также и Миклошичемъ, какимъ-то отступленіемъ, „ненормальнымъ“ явленіемъ въ языкѣ, получаетъ иное освѣщеніе. Наглядность, конкретность въ древнемъ языкѣ Потебня соединяетъ съ паратактичностью построения рѣчи. Поступательное развитіе, отвлеченность связывается съ построеніемъ гипотактическимъ. Гипотаксисъ является результатомъ этого бѣльшаго отвлеченія. Существительное въ извѣстномъ положеніи переходитъ въ прилагательное, изъ имени же вырабатывается глаголь. Данныя древняго строя языка Потебня стремится использовать въ доказательство проводимой теоріи. Въ основѣ же послѣдней лежить и чисто психологическое объясненіе древняго міровоззрѣнія.

„Мысль и языкъ“ Потебни не является вполнѣ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Основныя мысли внушены изслѣдователю современною нѣмецкою наукою. Предъ нами цѣльное продуманное изслѣдованіе, передававшее итоги новой психологической школы языкознанія, съ развитіемъ нѣкоторыхъ сторонъ, сдѣланнымъ самимъ Потебнею; изслѣдованіе это вполнѣ могло имѣть большое значеніе для русской науки. И мы видимъ, что цѣлый рядъ учениковъ и послѣдователей Потебни развиваетъ мысли, положенныя въ основѣ разсмотрѣннаго сочиненія.

При изложеніи и оцѣнкѣ „Введенія“ „Изъ Зап. по р. гр.“ я для удобства отступилъ отъ послѣдовательности изложенія у Потебни. Тѣмъ болѣе представлялось это необходимымъ при изложеніи и оцѣнкѣ „Составныхъ членовъ...“

Послѣдовательно итти за Потемней въ данномъ случаѣ потребовало бы во многихъ случаяхъ привлеченія хотя отчасти того богатаго матеріала, которымъ пользовался Потемня изъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, отчасти нѣмецкаго, изъ древнихъ разноязычныхъ памятниковъ, что сдѣлало-бы настоящую работу выходящей изъ намѣченной задачи, Поэтому я затронулъ главные выводы Потемни и лишь нѣкоторыя частности.

Главная мысль всей этой части изслѣдованія такова: строй древнеславянскаго предложенія, въ частности древне-цер.-славянскаго и древнерусскаго, и строй современнаго русскаго (и вообще славянскаго) предложенія нѣсколько различаются. Въ древне-церковно-славянскомъ и древнерусскомъ языкахъ нѣтъ такой компактности, какъ теперь у насъ. Современное предложеніе стремится къ усиленію сказуемости.

У Потемни при грамматическихъ опредѣленіяхъ мы встрѣчаемся, въ сущности, съ отсутствіемъ указаній чисто грамматическихъ, формальныхъ. Указываются психологическія основы, выдѣляется семасіологическая сторона, но не выдвинуты тѣ черты, которыя съ формальной стороны отличаютъ, напр., глаголь отъ имени существительнаго и пр.

Здѣсь уклонъ въ сторону отъ того, что пыталась дать даже строго осуждаемая „логическая“ грамматика.

Желаніе связать „части рѣчи“ съ „членами“ предложенія, проявившееся прежде всего въ изслѣд. Потемни, исполнѣ понятно. Части рѣчи образовались въ рѣчи, какъ носители извѣстныхъ функцій. Такимъ образомъ исполнѣ и естественно, что для выраженія извѣстныхъ функцій, въ качествѣ извѣстныхъ членовъ предложенія, и должны выступать извѣстныя части рѣчи. Если Потемнѣ и его послѣдователямъ, повидимому, не исполнѣ удалась ихъ задача согласованія, то и это понятно, принимая во вниманіе прежде всего „текучесть“ частей рѣчи, ихъ замѣны другъ друга.

О томъ, насколько не поддается стремленію согласовать части рѣчи и члены предложенія, можетъ свидѣтельствовать классификація, данная Дельбрюкомъ, проводившимъ мысль о тождествѣ частей рѣчи и членовъ предложенія.

Потебня называлъ всякое слово, взятое внѣ предложенія, „искусственнымъ препаратомъ“. Это такъ, но при изученіи какой-либо науки вовсе не возбраняются эти „искусственные препараты“, а даже наоборотъ, такое изученіе извѣстныхъ частей способствуетъ лучшему знанію цѣлаго. Отвлекая часть изъ рѣчи, дѣлая ее искусственнымъ препаратомъ, мы въ то же время можемъ всегда имѣть въ умѣ связь этой рѣчи съ цѣлымъ. Въ вопросѣ о частяхъ рѣчи и объ отношеніи частей рѣчи къ частямъ предложенія Потебня далъ ученіе лишь въ общихъ чертахъ, не доразвивъ вполне, и его послѣдователямъ пришлось уже закончивать въ обработкѣ мысли своего великаго учителя.

Потебнѣ вполне принадлежитъ заслуга выясненія такъ называемыхъ полныхъ и сокращенныхъ придаточныхъ предложеній, Многочисленными примѣрами изъ памятниковъ онъ доказалъ, что такъ называемыя сокращенныя придаточныя предложенія древнѣе даже полныхъ, слѣдовательно здѣсь ни о какомъ сокращеніи не можетъ быть и рѣчи, затѣмъ, что употребляющееся въ „сокращенныхъ“ предложеніяхъ причастіе не предполагаетъ пропуска вспомогаельнаго глагола, а употребляется самостоятельно вслѣдствіе своей предикативной силы.

Частичный вопросъ, какимъ является вопросъ о „сокращеніи“ придаточныхъ предложеній, можетъ служить яркимъ, типичнымъ доказательствомъ того, какъ трудно задаваться „реформой“ грамматики, если не усвоена сущность научнаго теченія и если авторъ того или другого учебника не обладаетъ способностью представить результаты научныя въ видѣ доступной цѣльной картины. Невольно появляется вопросъ, что лучше въ педагогическомъ отношеніи: прежняя, хотя и невѣрная постановка и прежнее изложеніе

вопроса или новыя разъясненія, безсистемныя, не особенно ясно представляемыя.

Я сгруппировалъ въ данномъ мѣстѣ матеріалъ по извѣстнымъ категоріямъ съ цѣлью нагляднѣе показать, какъ наши придаточныя предложенія передавались причастными формами, при чемъ о какомъ-то сокращеніи ихъ сравнительно съ придаточными „полными“ не могло быть и рѣчи. Здѣсь вопросъ только въ томъ, обладали-ли дѣйствительно эти причастныя формы въ такой степени предикативностью, какъ то имъ приписывалъ Потебня.

Считая приведенныя предложенія „придаточныя“ развившимися, отколовшимися отъ предложеній самостоятельныхъ, считая, что причастіе вмѣстѣ съ тѣмъ получало и извѣстную долю еще большей предикативности, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ вполне согласиться съ мнѣніемъ Потебни о силѣ этой предикативности. Мнѣніе Потебни нашло себѣ также продолжателя въ лицѣ ак. Ягича. Послѣдній уравнивалъ предикативную силу причастія съ той предикативной силой, которую приобрѣли II причастія прошедшаго времени на *лз* послѣ постепеннаго исчезновенія вспомогательнаго глагола (Beiträge 69—70). Но важно было-бы обратить вниманіе на то, какъ получалась предикативная сила причастій на — *лз*: здѣсь было именно постепенное исчезновеніе вспомогательнаго глагола, значеніе этого послѣдняго какъ-бы впитывалось оставшимися причаст. на *лз*, а вѣдь ничего подобнаго не было съ причастіемъ на *з*, *зз*, или причастіемъ настоящаго времени. Иначе мы должны бы и при этихъ причастіяхъ подразумѣвать пропуски вспомогат. глагола, чего ни Потебня, ни Ягичъ, вопреки прежнимъ мнѣніямъ не допускаютъ.

Потебня, исходя изъ основъ древняго міросозерцанія, говорилъ о необходимости предположенія первоначальности субъектныхъ оборотовъ, изъ которыхъ постепенно образовались обороты безсубъектные.

Въ послѣднихъ онъ видѣлъ эволюцію мысли, при-

знаки новой стадии развития мысли. Потебня стремился показать в истории языка постепенную потерю субстанциональности, а безсубъектность оборотов является в данном случае уже известным завершением. При разборке отдельных образцов, подводя к ним богатый материал, выбранный преимущественно из русских памятников, Потебня стремился показать, как эти образцы безсубъектных оборотов возникли из оборотов субъектных. Правда, нельзя сказать, чтобы Потебне удалось для всех образцов восстановить субъектные обороты, а также, что все восстанавливаемые обороты были бы убедительны, но во многих случаях это стремление Потебни вполне увенчалось успехом. Потебне приходилось прибегать к построению гипотетических звеньев в переход одного оборота к другому, гипотетически строить обороты первоначальные. В последнем случае иногда и была полная необъяснимость, чисто субъективное освещение. Иное дело, если бы и здесь Потебне удалось дать какое либо фактическое подкрепление из памятников, но это оказывалось невозможным. Но все это не разрушает того общего освещения истории развития данных оборотов, которое находим у Потебни. Все это не мешает также сказать, что интерес XII главы III ч. „Изъ зап...“ заключается в анализе отдельных безсубъектных оборотов.

Общая мысль, которая проходит в III ч. „Изъ записок по русской грамматике“ А. А. Потебни, это — большая функциональная сила существительного имени в прежние периоды жизни языка. Существительное обладало силой предикативности и атрибутивности. В связи с этим стоит мысль о паратактичности древней речи. III-ч. имеет своей задачей больше историю слова, но сообразно основной точке зрения Потебни, история слова или целого разряда слов должна быть выведена из истории языка, истории предложения. Исследуя, анализируя отдельные сочетания слов и ряды слов, Потебня, конечно, вы-

ходилъ уже изъ болѣе узкихъ рамокъ синтаксиса. Онъ переходилъ здѣсь не только въ область теоріи поэзіи и прозы, въ область міѳа (какъ высказался въ небольшомъ предисловіи издававш. III-часть „Изъ записокъ . . .“ г. Харцѣвъ), но особенно входилъ въ область семасіологии и здѣсь снова мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ вопросахъ вполне справедливую критику выводовъ Миклошича.

Въ общемъ я не поставилъ бы III ч. такъ высоко, какъ I—II: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ данный трудъ лишь — детальное развитіе проводимаго въ I—II ч., въ нѣкоторыхъ поправки частнаго характера къ сказанному въ I—II ч., а представленный новый матеріалъ не даетъ возможности считать вполне убѣдительными нѣкоторые новые выводы Потебни. Само изложеніе носитъ нѣсколько отрывочный характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается какая-то недоговоренность, отсутствіе строгой послѣдовательности. Происходило это и оттого, что окончательной работы авторъ надъ своимъ изслѣдованіемъ не успѣлъ продѣлать, не успѣлъ слить вполне нѣкоторыя части, написанныя въ разное время. Иногда окончательные выводы дѣлаются, не какъ итоги разобраннаго матеріала, а какъ-то сами по себѣ (стоитъ сравнить для примѣра стр. 72 и сл., 99 и др.). И это неудивительно: стремясь возсоздать далекую перспективу въ прошлой жизни языка, Потебня, естественно, въ качествѣ доказательства пользуется нерѣдко логико-психологическими соображеніями. Самъ же языкъ не даетъ возможности привести данныя, которыя бы оправдали эти соображенія. Но все это не можетъ обезцѣнить разсматриваемый трудъ. Потебнѣ и здѣсь удалось вполне войти въ духъ древняго строя языка и отгѣнить его несходства съ языкомъ современнымъ, удалось намѣтить пути развитія этихъ несходствъ. Наглядно выступаетъ разница древняго и новаго строя языка. Мы видимъ послѣдовательно проведенное цѣльное воззрѣніе на явленія того и другого строя. Этому воззрѣнію совершенно противорѣчили тѣ

частные выводы, которые находимъ у другихъ изслѣдователей, особенно у Буслаева, Миклошича и Попова; поэтому Потебнѣ приходилось раскрывать несостоятельность выводовъ этихъ изслѣдователей. Анализъ матеріала дѣлается Потебнею на почвѣ исторической перспективы. Потебня стремился всячески избавиться отъ тѣхъ взглядовъ на явленія языка, которые образуются у насъ подъ влияніемъ строя нашей рѣчи. Поэтому то многіе факты языка, которые объяснялись Буслаевымъ и Миклошичемъ какъ отступленія отъ нормы, объяснялись Потебней какъ совершенно естественные результаты, какъ остатки періодовъ предшествовавшихъ. Въ народной рѣчи, какъ и въ древнихъ памятникахъ, много непоследовательностей съ точки зрѣнія современнаго литературнаго языка. Раскрыть пути образованія этихъ непоследовательностей бываетъ очень трудно, такъ какъ приходится прибѣгать къ творчеству. Глубокое знакомство съ народной поэзіей, особенно малорусской, дало Потебнѣ возможность подойти ближе къ народному міросозерцанію и освѣтить явленія языка на первый взглядъ совершенно непонятныя. Правда, не все здѣсь является объясненнымъ убѣдительно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ ярко сказывается чисто субъективное освѣщеніе; иной разъ даже можно подмѣтить неправильные пути къ проникновенію въ народное міровоззрѣніе (такъ — для показанія того, что качество понимается въ видѣ субстанции — Потебня, между прочимъ, пользуется философскими разсужденіями древности, что не является, особенно удачнымъ для его выводовъ).

Много приводитъ Потебня примѣровъ атрибутивности именъ существительныхъ, но изъ приводимаго матеріала не всегда можно вывести, что эта атрибутивность является непременно остаткомъ древнѣйшаго строя языка.

Менѣе обставленной доказательствомъ и менѣе вообще разработанной является у Потебни мысль о предикативности имени. Представить эту мысль болѣе или менѣе доказан-

ной для него было очень важно, т. к. съ предикативностью имени связывалась возможность построения гипотезы объ именномъ характерѣ предложенія въ древнѣйшій періодъ, о первенствѣ вообще имени предъ глаголомъ. Вскрыть предикативный характеръ существительнаго въ такой мѣрѣ, какъ удалось это сдѣлать относительно атрибутивности имени, Потебнѣ не удалось, да и не могло удасться.

Переходя къ итогам изслѣдованія въ настоящемъ томѣ я буду кратокъ. Прежде всего я старался выяснитъ различную цѣнность трехъ предпринятыхъ попытокъ построения синтаксисовъ славянскихъ языковъ въ трудахъ Миклошича, Ягича и Вондрака. Я проводилъ здѣсь параллели съ изслѣдованіями Потебни, стремился указать источники, методъ работы. Выясненіе значенія этихъ трудовъ, ихъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ должно было повести и къ выводу о томъ, на какихъ основахъ и какимъ путемъ желательно было бы построение общаго труда по синтаксису славянскихъ языковъ. Наряду съ этимъ, конечно, мнѣ приходилось неразъ останавливаться на отдѣльныхъ частныхъ объясненіяхъ различныхъ фактовъ языка и оцѣнивать эти объясненія с-остороны ихъ большей или меньшей вѣроятности. Трудно было соединить въ одну цѣльную картину рядъ тѣхъ различныхъ изслѣдованій, которыя пришлось разбирать въ II-й главѣ. Разбирая отдѣльные труды русской научной и педагогической литературы со времени появленія трудовъ Потебни, я стремился опредѣлитъ значеніе этихъ трудовъ, по возможности характеризовать отношеніе ихъ авторовъ къ предыдущей разработкѣ и, въ частности, къ идеямъ Потебни. Въ концѣ концовъ я остановился также на отдѣльныхъ вопросахъ, которые привлекали особенное вниманіе изслѣдователей. То общее, что объединяетъ большинство трудовъ новаго времени, это стремленіе войти въ болѣе глубокой анализъ синтаксическаго строя языка, руководясь данными историко-сравнительнаго

характера и кладя въ основу чутье языка, пониманіе его современнаго строя, такимъ образомъ усиленіе психологическаго начала при изученіи языка. Это проникновеніе въ психику языка является, безспорно, важнымъ факторомъ при объясненіяхъ не только современнаго строя, но и можетъ проливать свѣтъ на прошлое. Только въ соединеніи съ этимъ факторомъ историко-сравнительное изученіе языка можетъ добиться желаемой попытки и цѣльности.

Значеніе психологическаго изученія языка особенно сильно подчеркивается въ предисловіи къ начатому труду общ. характера проф. Е. Θ. Будде „Основы синтаксиса русск. языка“ (только что появивш. на стр. Рус. Ф. В. 1910 г. № 3—4.).

Несомнѣнно, что новая точка зрѣнія при изученіи языка принесла и принесетъ гораздо болѣе существенныхъ результатовъ, чѣмъ давала школа „логическая“. Если теперь при помощи психологіи мы не можемъ освѣтить многихъ вопросовъ яркимъ свѣтомъ, если, что особенно понятно, психологія не даетъ намъ возможности замѣнить своими опредѣленіями — опредѣленія чисто грамматическія, то слишкомъ скороспѣлыми кажутся попытки, напр., Вундта снова прибѣгнуть къ помощи логическихъ категорій (ср. особенно его *Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft*).

IV. Приложение.

Въ настоящемъ приложеніи находятся мои наблюденія надъ однимъ изъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятниковъ — Зографскомъ Евангеліи. Наблюденія эти касаются не только синтаксиса памятника. Я позволилъ себѣ съ замѣчаніями о синтаксической сторонѣ памятника соединить нѣкоторыя свои прежнія наблюденія надъ другими его сторонами. И въ наблюденіяхъ надъ синтаксисомъ памятника я не дамъ полнаго всесторонняго изслѣдованія: я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ данныхъ, которыя привлекли мое вниманіе.

Я и теперь смотрю на этотъ прилагаемый трудъ главнымъ образомъ какъ на дополненіе къ изданію ак. Я г и ч а, къ трудамъ послѣдняго относительно этого памятника (предисловіе къ изданію, *Studien . . .* въ *Archiv f. sl. Ph.* I—II, наблюденія въ „Приложеніяхъ“ къ изд. Маріин. Ев. и пр.) и къ трудамъ нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, останавливавшихся на Зогр. Ев. въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Провѣрить изданіе съ оригиналомъ представлялось давно уже первой необходимостью, такъ какъ передача нѣкоторыхъ сторонъ памятника (особ. ѣ и њ) въ силу неясности начертаній могла внушать иногда сомнѣніе. Затѣмъ, — нѣкоторыя данныя памятника не были выдвинуты и приняты при анализѣ, что естественно, такъ какъ нѣтъ еще всесторонняго изслѣдованія, посвященнаго Зографскому Евангелію, подвергнутыя же анализу данныя памятника могутъ вызвать иныя объясненія — потому далеко не лишнимъ предста-

влялся пересмотръ высказанныхъ мнѣній относительно разныхъ сторонъ памятника, группировка ихъ, пересмотръ самого памятника. Наконецъ, желательнымъ являлось также дать точные фототипическіе снимки съ З. Е., такъ какъ такихъ снимковъ мы не имѣли (въ изд. ак. Ягича снимки хромолитографированные, не могущіе претендовать на точность; то же можно сказать о снимкахъ у Срезневскаго, въ прилож. къ его „Древніе глагол. памят.“; только у Гейтлера Die albanes. und sl. Schriften есть фототип. снимки, но не съ древнѣйшей части З. Е., а съ позднѣйшей, лл. 45 b, 46 a и b). Эти снимки и даны были мною въ академическомъ изданіи моей статьи о Зограф. Евангеліи.

§ 1. Сличеніе изданія ак. Ягича Зографскаго Евангелія съ подлинникомъ привело меня къ слѣдующимъ заключеніямъ :

1. Постановка надстрочныхъ значковъ въ изданіи не соотвѣтствуетъ даннымъ оригинала. Мнѣ приходилось уже раньше отмѣчать это (Памятники и вопросы др. сл. письм., в. I, 24—26). Главная ошибка издателя заключалась въ томъ, что онъ стремился внести нѣкотораго рода цѣльность въ постановку значковъ, цѣльность, которой нѣтъ въ памятникѣ. Если мы рассмотримъ *все* случаи употребленія надстрочныхъ значковъ въ Зографскомъ Евангеліи, то прійдемъ къ заключенію, что употребленіе это носило какой-то уже механической характеръ, при чемъ первоначально разные по формѣ значки сливались. Преобладающимъ значкомъ является болѣе или менѣе полукруглый обращенный вверхъ, переходящій иногда въ маленькую черточку (значекъ этотъ выступаетъ въ роли замѣстителя другихъ значковъ, гораздо рѣже употребляющихся въ Зографскомъ Евангеліи и напоминающихъ по формѣ греческое придыханіе, особенно густое), или полукруглый значекъ, обращенный концами внизъ. Встрѣчающаяся точка (если это не очень маленькая линія, въ которую переходила преоблад. форма надстр.

значка) выходитъ изъ рамокъ употребленія надстр. значковъ, и потому можно думать, что она или поставлена была позже, или случайно (примѣровъ очень мало, напр.: л ѡ н Ѣ 269 об. 23, т в ѡ р ж 268 об. 14).

Для характеристики постановки надстр. значковъ въ изданіи и оригиналѣ приведу слѣдующіе примѣры изъ 1-го листа.

Изд.	Ориг.
ог ѣ емь	ог ѣ емь
і ор' дань	і ор' дань
і ѡ ѣ ноу	і ѡ ѣ ноу
ѣ его	ѣ его
і ѡ ань	і ѡ ань и пр.

Отмѣтитъ всѣ случаи нѣтъ возможности, да и нѣтъ необходимости, если, повторяемъ, изученіе этой стороны памятника убѣждаетъ, что формы значковъ смѣшиваются и что утрачено ихъ первоначальное значеніе.

Правда, ак. Ягичъ въ другомъ своемъ трудѣ (Мар. Ев., 418) говоритъ, что не придаетъ значенія строгому соблюденію въ печати всѣхъ этихъ палеографическихъ тонкостей. Но дѣло въ томъ, что здѣсь является уже своего рода произвольное измѣненіе данныхъ оригинала, а это можетъ вводить въ заблужденіе изслѣдователя, руководящагося изданіемъ.

Въ постановкѣ надстрочныхъ значковъ есть еще другая сторона, которую трудно, конечно, было провести въ изданіи, хотя можно было оговорить, — это мѣсто постановки. Иногда мы наблюдаемъ постановку значка не между двумя буквами, а надъ буквой, такъ:

Изд. 3 стр.	Ориг. (6 листь)
р а к' к а	р а к ѣ а

11 стр. м а т' т е й 19 л. мѣтей и пр.

(особенно часто это бываетъ въ словѣ а м и ѣ, а также надъ ѣ).

Ту же неточность въ постановкѣ значковъ мы замѣчаемъ и въ изданіи позднѣйшей части Зографскаго Евангелія, гдѣ надстрочные значки употребляются, впрочемъ, рѣже.

Есть случаи пропуска значковъ, напр., и с т и ѿ ж 276 12, м ѣ с т ѣ 283 об. 2 и пр.

2. Среди междустрочныхъ значковъ не отмѣчены значки, имѣющіе видъ запятой, употребляющіеся очень рѣдко для раздѣленія словъ, при чемъ вмѣстѣ съ этой запятой употреблялся наверху и другой значекъ, похожій, на кавычку, напр., 24 18, (послѣ: т е б ѣ), 33 17, 35 16, 114 об. 18 и др. Эти *отдѣлительные* значки отличаются отъ изрѣдка встрѣчающагося другого значка (также не отмѣч. въ изд.) — *точки съ запятой* и употребляются, по всѣмъ даннымъ, для обозначенія *вопросительнаго знака*. Такъ: на л. 108: м о ж е т а л и п и т и ч а ш ж; (въ изд.: точка), то же на 123 об.

Стоитъ сравнить кирилл. приписку на 224 об. (ср. на фототипіи) и передачу ея въ изданіи (Prolegomena XIII), чтобы увидѣть, какъ иногда изданіе въ подобныхъ случаяхъ отступало отъ оригинала.

Значекъ «, употребл. въ изд. (при чемъ иногда ставится здѣсь и », ср. 135 об., 171 об.), имѣетъ форму ≤ или ≥.

3. Въ изд. не отмѣчены лигатуры, употребляющіяся въ памятникѣ: л м (напр., 150 19), м л (39 61, 153 1, 40 21), ж д (14 22), т в (34 10), г л (36 23), в о (24 2—3), ж і (особенно въ словѣ б о ж і и 25 об. 5, 156 10 и др.), з д (193 3, 220 об. 23), т в о (284 об. 6), з в (277 об. 5), г д (211 5).

Лигатура по въ изданіи получили неточное выраженіе, въ ѿ. а ѿ л о м а, — ѿ (19 17, 150 4, 269 22, 92 12): буква выдѣлена, и само титло, *относящееся ко всему слову*, отнесено къ этой буквѣ. Не обозначая лигатуръ и будучи такимъ образомъ послѣдовательнымъ, нужно было напечатать: а п о л о м а, — ѿ.

Особенно интересна фигура лигатуры м ѣ въ сл.

м ъ с а ц ъ, совершенно неправильно передан. въ изд.: м^с ц а м^с ц ъ (здѣсь вмѣсто ^с нужно поставить ъ, а титло ко всему слову: м ъ с с ц ъ м ъ с с а; 129 об. 15, 132 об. 21, 133 об. 14, 134 об. 12.

4. Непостоянно обозначаются въ изд. титла и выносы буквъ. Не говорю о такихъ частыхъ случаяхъ, какъ з а ъ, к ъ, но, напр., какъ: г л ѡ ж 247 (въ изд.: г л ж т), г р ѡ 17 б, с в ѡ н и ѡ 258 об. 24, ѡ в ѣ щ а в ѣ 41 об. б, 41 16 и др. (то же въ поздней части, особенно въ ѡ) и прока 155 об. 18 (въ изд.; пророка), прокъ 157з (изд.; пророкъ).

5. Отчетливыя начертанія т ъ и ъ иногда сливаются въ посредствующую фигуру — не то т ъ, не то ъ, благодаря тому, что кружочекъ въ добавочной части сливается въ одну точку. Это заставляетъ ак. Ягича въ примѣчаніяхъ говорить, что въ данномъ мѣстѣ не ясно — т ъ или ъ, при чемъ въ текстѣ, конечно, приходится предпочитать какое-либо изъ этихъ начертаній.

Ознакомившись съ Зографскимъ Евангеліемъ ранне отрывочно, я обратилъ вниманіе на эту особенность и приступилъ къ сличенію изданія съ подлинникомъ уже съ предположеніемъ, что во многихъ случаяхъ постановка т ъ и ъ въ изданіи несовсѣмъ точна. И дѣйствительно, если мы будемъ разсматривать порознь отдѣльныя начертанія на различныхъ листахъ, то мы убѣдимся, что очень часто совершенно затруднительно рѣшить, стоитъ ли т ъ, или ъ. Но если мы всмотримся въ графику рукописи, будемъ последовательно итти страница за страницей, принимая во вниманіе такимъ образомъ случайныя измѣненія почерка, то прійдемъ къ убѣжденію, что ак. Ягичъ, взявъ *совершенно вѣрный тонъ* при различеніи иногда неясныхъ начертаній. Линія въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно высказать несогласіе или сомнѣніе. Такъ: на 7 л. подъ п ѣ г ж, лучше было бы въ текстѣ (ср примѣч.) внести подъ, а на 45 об. в, нужно непременно подъ п ѣ г о ж (притомъ, въ позднѣйшей части

Зографскаго Евангелія и не употребляется глаг. ъ). Трудно съ увѣренностью сказать: ъ или ъ въ словахъ: възѣлете 20 об. 16, близъ 59 1, вамъ 59 6, съвѣзавъше 70 6, съ 98 об. 3 (здѣсь и въ пред. примѣръ скорѣе ъ), кънижьникомъ 107 об. 5—6 (скорѣе ъ), послуужатъ 108 об. 3 длзжьни 269 15—16, възненавидѣшм 275 23—24, титѣль 283 об. 21, въ 285 об. 11. Рядъ этихъ словъ можно было бы значительно увеличить, но написанія въ другихъ случаяхъ данныхъ сомнительныхъ мѣстъ оправдываютъ вполнѣ транскрипцію въ изд. Ягича.

6. Въ изданіи находимъ слѣдующія отдѣльныя неточности:

Изд.	Ориг.
2 л. об. 2 благоволихъ	благовилихъ (очевидно ошиб. подъ вліян. слѣд. и)
3 2 свож	свож
11 7 жьѣжтъ	жьѣжтъ
11 17 ни	не
14 2—3 възвѣашм	възвѣѣшм
40 3 (рече)	рече
42 13 ждицж	ждицж (здѣсь ясно ж; въ другихъ случаяхъ, гдѣ не такъ ясно, можно согласиться съ транскрипціей ак. Ягича въ виду того, что здѣсь частая замѣна ж—ж)
62 4 сѣѣаль	сѣѣль
140 об. 4 спѣаше	ѣаше (сп написаны кирилл.; то же 146 об. 5 — отмѣчаемъ это ради послѣдовательности, т. к. въ другихъ случаяхъ Ягичъ отмѣчаетъ кирил. написанія)

180 об. 1 прѣхѣтъ
263 1 всегда

прѣхѣтъ
всегда

Пропущены слова; гї 2 18, ѿ 2 об. 6 (послѣ ношти), тоу 6 14 (послѣ: твои). Въ подлинникѣ мы видимъ, что пропущенныя слова и буквы надписываются. Ак. Ягичъ ихъ не отдѣляетъ, а вноситъ въ текстъ. Это, конечно, совершенно правильно, но иногда (изрѣдка. правда) получается не та разстановка. Такъ на 2 13:

Изд.
а ты ли

Ориг.
а ли ты

(и нужно было бы транскрибировать: али ты, какъ въ Савв. книгѣ).

О мелкихъ ошибкахъ, какъ-то о постановкѣ малой буквы вмѣсто большой (напр., 4 л. оу — оучѣ), постав. и вм. н (напр., 183 об. 23), в — б (190 об. 15), пропускѣ междустроч. и надстр. значковъ (ср. раньше; самъ Ягичъ, очевидно, все же придавалъ этой сторонѣ памятника важное значеніе, ср. его: *addenda et corrigenda*) я не буду подробно говорить: нужно знать, какія затрудненія встрѣчаются при печатаніи текстовъ, чтобы требовать во всемъ этомъ точнѣйшаго воспроизведенія.

7. Раздѣленіе словъ не всегда можно одобрить. Особенно это должно сказать относительно такихъ случаевъ, какъ выдѣленіе союза і, сливагося съ слѣдующимъ словомъ, начинавшимся также съ і. У Ягича мы находимъ такія раздѣленія: ‘і ю да 34 4, ‘і о си ф ѣ 34 з ‘і ѣ ко ва 78 2 и пр.; получаются такимъ образомъ невозможныя формы: ю да, осифъ, ѣ ко ва. Интересно сравнить въ этомъ случаѣ тѣмъ мѣста:

Марка 1 19 ‘і ѣ ко ва ‘і ѣ на

Матѣ. 4 21 ‘і ѣ ко ва ‘і ѣ на

или, напр., возьму такое мѣсто:

ста прѣдъ ѿѣмономъ
і въпроси ѣмонъ Мѡ. 27 11

(получается 2 формы одного слова: ѿѣмонъ и ѣмонъ; то же дальше, напр. Мѡ. 27 27).

Та же непослѣдовательн.: Мар. 9 28 въшьдѣшю мою
„ 5 21 прѣвъшоумоу

Иногда раздѣленіе словъ ведетъ прямо къ ошибкамъ:

Лук. 3 1 ‘і тѣриѣж (вм. ‘ітѣриѣж, т. е. ітоуриѣж) или затемняетъ смыслъ: ‘і чрѣва Л. 1 15 (въ транскр. Мар. Ев.: и чрѣва, ср. въ Остр. Ев.: ищрѣва), между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ: ‘іцрѣкъве 230 15. Ошибочно также раздѣленіе: заповѣдъ ‘і Мѡ. 5 19; нужно: заповѣди си хъ (на ошибочное раздѣленіе повліяло здѣсь предшеств. слово е д и н ѡ).

8. Снимки къ изд. — хотомолитографіи, какъ я уже сказалъ, не воспроизводятъ въ точности подлинника. Характеръ красокъ не схваченъ: въ общемъ тонъ сѣроватый; то же въ отдѣльныхъ краскахъ (такъ, въ нач. буквѣ и заставкѣ синеватый, а не зеленоватый); конецъ буквы п не закрашенъ въ изд. а въ рук. закрашенъ. Сама разрисовка невѣрна: въ стволѣ буквы п мы видимъ: перевиваются синія и красныя полосы такъ, какъ наблюдаемъ въ заставкѣ, т. е. остается такое же пространство, только зачерненное.

Тѣ же неточности мы наблюдаемъ въ передачѣ этой буквы и заставки въ извѣстномъ трудѣ Стасова объ орнаментѣ.

Характеръ буквъ хотя въ общемъ и вѣренъ, но въ деталяхъ сказываются извѣстнаго рода неточности, особенно въ утолщеніи или уменьшеніи нѣкоторыхъ частей буквъ.

§ 2. Я не упоминалъ объ изданіи отрывковъ изъ Зографскаго Евангелія до изданія ак. Ягича. Объ этомъ можно найти въ предисловіи Ягича къ изд. на стр.

XXII—IV. Нѣтъ нужды также упоминать о перепечаткахъ изъ изданія Ягича. Я долженъ лишь сказать объ изданіи нѣсколькихъ листовъ Зографскаго Евангелія, сдѣланномъ позднѣе по рукописи Н. М. Каринскимъ въ его „Хрестоматіи по др. ц.-слав. и рус. яз.“ (СПБ. 1904 г.). Здѣсь мы замѣчаемъ нѣкоторыя улучшенія сравнительно съ изд. Ягича (при передачѣ палеограф. особенностей): переданы точно междустрочные знаки, отчасти надстрочные. Въ постановкѣ же вообще надстрочныхъ значковъ издатель находился несомнѣнно подъ влияніемъ предыдущаго изданія, потому ставилъ [^] тамъ, гдѣ [^], и такимъ образомъ устанавливалъ ту же разницу, какъ и Ягичъ. Неудивительно поэтому, что К. такіе случаи, какъ о с л а б л ѣ н ь г л ѣ ш т е и нѣк. др., отмѣчалъ — (sic), для насъ же это вполне понятно, и знакъ этотъ не отличается по формѣ отъ знака, ставившагося сплошь и рядомъ надъ *ī*. Стоитъ сравнить значки надъ е т е р и и *ī* — разные у издателя (3 стр. 22) и одинаковые въ памятникѣ. Не могу согласиться также съ предпочтительной постановкой *ь* въ с н ѣ (3 стр. 27) и колебаніемъ издателя въ нѣкоторыхъ случаяхъ между *ъ* и *ь*. Слѣдовало бы также оговорить, что мѣсто постановки надстр. значковъ неточно (въ силу типограф. условій? послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и въ настоящемъ приложеніи постановка иногда придыханій не надъ буквой, какъ слѣдовало-бы).

§ 3. Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ относительно хранящагося въ Импер. Библ. фотографическаго изданія Зографскаго Евангелія, сдѣланнаго къ 1857 г. Севастьяновымъ. Фотографическіе снимки сдѣланы (за исключ. одного) въ уменьшенную величину. Сдѣлано это изданіе очень изящно, но несовсѣмъ точно, такъ какъ произведены нѣкоторыя улучшенія, дабы яснѣе сдѣлать нѣкоторыя мѣста. При изученіи подлинника кое-когда можно привлечь и эти снимки, такъ какъ на нихъ вырисованы нѣкоторыя мѣста, стершіяся уже въ Зографскомъ Евангеліи.

§ 4. Пергамень рукописи различный. Въ древнѣйшей части Евангелія (лл. 1—40, 58—288) пергамень мѣстами до того тонокъ, что буквы видны на другой страницѣ. Въ позднѣйшей части Евангелія (л. 41—57) пергамень грубъ. Цвѣтъ пергамена первой части бѣловатый (то же въ Синаксарѣ), рѣзко отличающійся отъ черныхъ буквъ, что даетъ возможность сдѣлать ясные фотограф. снимки; цвѣтъ пергамена 2-й части желтый, чернила также желтоватаго оттѣнка, почему написанное далеко не такъ ясно, и снимки выходятъ туманные. Многія страницы древнѣйшей части чѣмъ-то залиты, но начертанія буквъ и въ залитыхъ мѣстахъ ясны.

Для снимковъ въ акад. изд. я стремился выбрать стр. наиболѣе ясныя и въ то же время представляющія ббльшее число какихъ-либо особенностей. На 133 об. — 134, очень хорошо сохранившихся, мы видимъ любопытное изображеніе лигатуры мѣ (133 об. 14), лигатуру жі, образчикъ дополненій и пр. На 224 об. — 225 орнаментика и заголовочныя буквы, а также кирилл. дополненія. На 288 об. - 289 — конецъ Зографскаго Евангелія съ кириллов. припиской (которая, замѣчу, вышла очень удачно) и начало синаксаря, 43 об. 44 — изъ вставочной, позднѣйшей части Зографскаго Евангелія съ изображеніями св. Петра и Павела.

На снимкахъ ясно видна разлиновка, при чемъ нужно замѣтить, что разграфлялась одна сторона, на другой линіи были также видны. Буквы писались подъ строкой.

Рукопись Евангелія поражаетъ простотой. Заставки въ началѣ Евангелій и въ концѣ, въ началѣ евангелій первыя разрисованныя буквы указываютъ на родство съ греческимъ орнаментомъ X вѣка. Стоитъ сравнить жгутообразную заставку на 288 об., или стволъ буквы п на 131, а также внизу этой буквы изображеніе растенія, съ данными греческихъ рукописей, чтобы убѣдиться въ этомъ. И въ другихъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ мы находимъ аналогичныя данныя (напр., Мар. Ев. 44 об., 132 об. и пр.,

Саввина кн. 134 л. и др., Слова Григорія Богослова, Апостоль Охридскій — рук. Румянц. М.).

Кромѣ очень немногочисленныхъ заставокъ и заглавныхъ буквъ, разрисованныхъ и раскрашенныхъ только въ началѣ евангелій, Зографское Евангеліе представляетъ сплошное письмо, выдѣляющееся только въ текстѣ строками, написанными красными чернилами. Эти строки въ изд. Ягича печатаются нѣсколько раздѣльно. Только на 264 об., 265 и на доб. 43 об., 46 мы видимъ рисунки: на 264 нарисована благословляющая фигура, особенно рельефно вырисована рука, хотя эта рука слишкомъ мала сравнительно со всей фигурой. Последняя отпечаталась на 265 л., при чемъ здѣсь дорисована рука, но въ гораздо бѣльшихъ размѣрахъ. Весь этотъ рисунокъ крайне аляповатъ и представляется мнѣ дѣломъ позднѣйшаго времени. На 46а изображена голова І. Крестился на блюдѣ (см. у Гейтлера *Bie alb. und. sl. S.*); на 43 об., какъ сказано, изображенія св. Петра и Павла.

§ 5. Надстрочныхъ значковъ Зографскаго Евангелія мнѣ пришлось уже слегка коснуться въ изслѣдованіи о Кіевскихъ листкахъ. Уже тамъ мнѣ пришлось установить разницу въ значкахъ, съ одной стороны, между К. Л., съ другой — между древнѣйшими евангельскими текстами, позднѣйшее происхожденіе и несистематичность употребленія значковъ въ этихъ послѣднихъ. Теперь я подробнѣе остановлюсь на надстрочныхъ значкахъ Зографскаго Евангелія, попытаюсь выяснитъ ихъ происхожденіе и значеніе въ исторіи изученія древней ц.-слав. письменности.

1. Прежде всего очень часто мы замѣчаемъ употребленіе полукруглаго значка или значка, имѣющаго форму нѣсколько похожую на густое греческое придыханіе, надъ союзомъ *ї*, надъ *ї*, начинающимъ слово, рѣже надъ другими гласными, начинающими слово, а также при стеченіи гласныхъ въ словѣ — надъ второю гласною.

Очень частый пропускъ значка въ послѣднихъ слу-

чаяхъ указываетъ, что въ немъ не было здѣсь особенной необходимости. Бóльшему удержанію на гласныхъ начальныхъ могла способствовать лишь память о греческихъ оригиналахъ, а съ союзомъ $\dot{\iota}$ часто употреблявшееся придыханіе какъ бы срослось и потому такъ удерживалось; впрочемъ, этому способствовало еще собственно графическое удобство — греч. выдѣленіе этого слова.

Такимъ образомъ, въ употребленіи даннаго значка нѣтъ ничего загадочнаго. Форма его указываетъ на заимствованіе изъ греческихъ рукописей X—XI в. (см. снимки V, VIII, XII у Ваттенбаха и Вельзена, *Echempra cod. graec.*; изрѣдка въ Зографскомъ Евангеліи видимъ остатки древнѣйш. придыханій, напр.: на л. 181, 112, †, но и въ греч. рукописяхъ X—XI в. также попадались † †).

Въ памятникѣ, послужившемъ оригиналомъ для Зографскаго Евангелія, несомнѣнно значковъ придыханія было больше. Въ этомъ случаѣ, напр., Мар. Ев. представляетъ дальнѣйшій шагъ сравнительно съ З. Е.: въ М. Е. гораздо меньше значковъ придыханія, при чемъ значекъ пропускается часто и надъ $\dot{\iota}$.

2. Теперь я оставлюсь на другомъ значкѣ, употреблявшемся послѣ согласныхъ и имѣвшемъ видъ запятой (такъ наз. апострофъ) или такъ же, какъ предыдущій значекъ, полукругломъ. Здѣсь мнѣ кажется, можетъ найтись очень любопытный матеріалъ, на который или не обращали вниманія или, мелькомъ затрагивая, объясняли совершенно невѣрно.

Если понятенъ этотъ ' или \smile въ такихъ случаяхъ, какъ знакъ пропуска буквы, то спрашивается, почему тотъ же знакъ употребляется въ такихъ случаяхъ, какъ: ѿн'на 280 об. тѣофиле 131, алек'сан'дровоу 126, ѿврии, ар'хиереи, ариматеѣж, лоѳовы и пр.?

Во многихъ греческихъ словахъ мы видимъ употребленіе этого знака, и разъясненіе его употребленія здѣсь ведетъ, мнѣ кажется, и къ уясненію отчасти значенія въ

иныхъ случаяхъ ѣ и ъ въ древнѣйшей уже церк.-слав. письменности. Для поясненія дамъ слѣдующія сопоставленія изъ Зографскаго Евангелія и другихъ евангельскихъ текстовъ :

Зогр. Е.: андрѣови 265 об.

ан'дреа 240, ѡн'дрѣа 116.

ан'дрѣа 265 об., 228, андреова 228 об.

(Мар. Ев.: андрѣѡж, андрѣева, 1 разъ безъ ъ, всѣ ост. случ. съ ъ; Савв. кн.: 'андрео'ова, Остр. Е.: андреова).

ѡн'на 280 об. (Мар.: анна, Сав. ан'на)

талан'тъ 61, 61 об. 62, талантъ 61 об.

(Сав.: талан'та, —н'тъ, —нтъ, Остр. талантъ; Мар.: —н'тъ, нтъ).

м'нась, м'нась 202, мнась 202 об., м'насьж 203, м'нась 203 (Мар.: м'нась, м'нась).

Тѣ же соотвѣтствія и колебанія между ѣ, ъ и значкомъ мы находимъ въ слѣд. словахъ :

ѡр'хиѣреи 111 и др., безъ знач. 119 об. и др.; ѡр'хисинагогъ 187 об., архитриклинь 229 об., капер'наоумъ 3, капер'наоумъ 240 об.—241, 230 и др., рав'ви 231 (но раббѣ 122 об.), ѡрданъ 2 и безъ ѣ, альфеова 75 об., невѣф'талимѡѣ 3 об., мар'ты 260, мар'тѣ 260 об., марта 262, с'псал'мьскихъ 208, псал'мѣхъ 224, леп'тъ 208 об., тильль 283 об., ѡльѣота 283 об., ѡльѣота 126., ѡльѣота 72 об.

Нѣтъ нужды приводить всѣ случаи передачи заимствованныхъ греческихъ (и другихъ иностранныхъ, но заимствов. посредств. греч. письменности) словъ. Фактъ тотъ, что между двумя согласными греческими при передачѣ греч. слова на слав. почвѣ получался лишній знакъ и этотъ знакъ былъ, какъ показываетъ сравненіе, ъ. Затѣмъ,

когда забывалось уже первоначальное произношеніе этихъ словъ, вм. ъ выступало ъ или' или совѣзмъ эти знаки исчезали.

Повторяю, это наблюденіе подтверждаютъ евангельскіе тексты глаголич. и кирилловскіе. Даже небогатое по употребленію надстрочн. значковъ Отср. Ев., при передачѣ греч. словъ, ставитъ значки, если не поставлены ъ или ъ. Мы здѣсь видимъ даже такія написанія: егмп'тъ.

(Изъ Ост. Ев.: ангела, айгела, аѣхайгела, аѣхиереи и архиереи, евангелим, иерданъ, иерданъ, иерсалимъ и иерс., санъдалим, кин'съ, ке'нтоуриона, костан'тина, мар'ѳа, лейтиі и пр.;

Изъ Сав. кн.: авьгоустъ, альѳеова, ар'хиереи и ар., дидрагъма, голъгаѳа, епеньдить, виѳлеомъ, еѳѳата, мар'ты и мар', киньсъ, леоньтиі (вм. лень . . .) и др.

Изъ Маршн. Ев.: матьтеи, матьтеа, матеа и пр.

Даже въ Супрасль. рук., имѣющей своеобразное употребленіе надстрочныхъ значковъ, мы видимъ сохраненіе какъ бы пережитковъ своего рода: 'алексан'дръ 35 в, хан'ѳие 'ек'дикіи 34 10, кан'дидъ 36 16, к'остантина 27 об. 6—7, ѳал'моса 37 14, 10, (но ѳалма 37 10: такимъ образомъ, наиболѣе близкая форма къ греческой удерживала и значекъ, 'ар'хаг'гѣлъ, 'аг'гѣлъ — примѣры очень часто встрѣчающіеся, 'ан'на 12 об. 29 и пр. — всѣ эти примѣры взяты изъ I части С. р.).

Въ позднѣйшей части Зографскаго Евангелія мы видимъ замѣну ъ — ъ и значекъ: дїдрагъмы, кінъсъ, витьѳагигъ, рав'ви, ольтаремъ.

(Такимъ образомъ, возникновеніе ъ и ъ въ словѣ киньсъ объясняется вовсе не такъ, какъ думалъ В. Шеп-

кинъ — Разсужд. о яз. Сав. кн., 99: „первоначально оно получило ф. кинъ съ; затѣмъ между согласными чужой группы не стали развиваться ирраціональный звукъ“...)

Отмѣчу въ Зографскомъ Евангеліи также примѣры вит'ъ саїда (Мѡ XI 21 на ряду съ другими написаніями видъ саїда, видъ . . .; въ Мар. Ев. мы видимъ также тъ, дъ, и ѳ), вит'ълее'мъ Лук. 24 (въ Мар.: тл). Здѣсь мы видимъ передачу греч. ϑ — тъ и кавычку, повидимому, совершенно линію. Появленіе послѣдней объясняется, мнѣ кажется, греческой ореографіей; въ греч. текстахъ мы видимъ въ этихъ словахъ также кавычку, такъ: βῆθ'σαϊδά вие'саїда и объясняется эта кавычка вовсе не желаніемъ раздѣлить согласные, какъ полагалъ Гардаузенъ (Giese. Palaeogr., 272), а тѣмъ, я думаю, что это выраженіе еврейское, состоявшее изъ 2-хъ словъ.

3. Если при передачѣ греческихъ согласныхъ передъ другими согласными требовалось выраженіе мягкости (я думаю, что ѳ въ упомянутыхъ мѣстахъ именно являлся выраженіемъ скорѣе мягкости, то элементъ гласности этого звука отступалъ въ данныхъ случаяхъ на второй планъ), то то же должно было быть и передъ гласными — при соединеніи ихъ съ согласными. Это требовалось особенно передъ тѣми гласными, которые въ греческомъ звучали мягче, чѣмъ въ славянскомъ. Для этой цѣли и служилъ значекъ, который въ Зографскомъ Евангеліи нѣсколько видоизмѣнялся по своей формѣ, то былъ выгнутымъ внизъ, то вверхъ, то въ родѣ апострофа:

ѣккомариѣ 201, тѣроу 170, тоур'ьскы 96 об.,
 теофиле 131, ѣримат'емъ 127 об., т'имеѳвъ, 108 об.
 ѣесареви 113, садоуѣи 113, каф'ерьнаоумъ
 14 об.,
 закъѣѣ 201, ѣеньтоуриѳна 127 об. и пр.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ тоур'ьскы — оу выступаетъ вм. ѳ. Единичны примѣры, гдѣ значекъ упо-

И въ этомъ случаѣ — въ постановкѣ значка послѣ р, л, н въ слав. словахъ древнѣйшіе ц.-слав. памятники идутъ болѣе или менѣе самостоятельными путями. Стоитъ сравнить З. Е. съ Савв. кн., которая чаще, З. Е., употребляетъ надстрочные значки, но въ данныхъ случаяхъ ихъ не ставитъ; здѣсь написанія немоу, корабь, земи и пр. Если возьмемъ Остр. Е., то очень рѣдко въ немъ употребляются значки въ такихъ случаяхъ, какъ бол'е, зан'е, н'его, н'емоу, замѣняемые, впрочемъ, болѣе употребительнымъ сочетаніемъ **ѣ**: болѣ, занѣ и пр. или особымъ значкомъ, слившимся съ буквой, (несомнѣнно возникшимъ изъ первоначально особаго значка; то же, напр., въ Хиланд. л.). Прибавлю здѣсь еще слѣдующее. Наблюденія надъ употребленіемъ разбираемаго значка въ Свят. Изб. 73 г. вполне могутъ, мнѣ кажется, пролить свѣтъ на происхожденіе написаній: **ГГ**, **ЛГ**, **МГ**. Сравненіе, напр., написаній на 9 об. **исплѣдѣѣ** и **исплѣдѣѣ** можетъ свободно указать намъ на возникновеніе одного изъ указанныхъ начертаній изъ соединенія буквы съ опущеннымъ значкомъ мягкости.

Наблюденія наши приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ по вопросу о древности памятника:

1. Форма значковъ придыханій указываетъ на свой источникъ — греческія рукописи X—XI в.

ромъ подлинника Вондракъ разумѣлъ выговоръ „паннонскихъ“ памятниковъ. На послѣднемъ я не буду останавливаться, т. к. и самъ Вондракъ позже отказался отъ этой теоріи, но и самый значекъ я отнесъ бы къ желанію обозначить мягкость въ говорѣ уже переписывавшихъ, которые могли иной разъ **ѣ** принимать за **ѣ** (при близости ихъ начертаній въ глаголицѣ).

Проф. Щепкинъ сохраненіе **лж** въ нѣкот. памятн. (Разсужд., 42—43) считалъ остатками примитивнаго правописанія, т. к. ютиров. носов. не употреблялись послѣ согласныхъ. Но здѣсь онъ впалъ относительно **ж** и **ѣ** въ очевидную ошибку (почему на 291 стр. его изслѣдов. — противоположное).

2. Съ этими значками смѣшивались по формѣ другіе, употреблявшіеся въ качествѣ апострофа и для показанія мягкости слога. Это смѣшеніе указываетъ не на первый періодъ существованія этихъ значковъ, а на дальнѣйшую стадію существованія.

Затѣмъ, въ частности, наблюденія надъ употребленіемъ значка мягкости передъ гласными въ евангельскихъ текстахъ — глаголическихъ и кирилловскихъ — могутъ привести къ заключенію, что Зографское Евангеліе было болѣе послѣдовательнымъ въ этомъ случаѣ, затѣмъ шло Мар. Ев. (здѣсь только уже въ слав. словахъ; въ Асс. Ев. значка въ этихъ случаяхъ нѣтъ).

§ 6. Буквенныя начертанія З. Е, мнѣ приходилось уже затрагивать въ изслѣд. о Кіев. л. (в. II). Уже тамъ мною замѣчено, что даже въ заголовочныхъ буквахъ З. Е. не обнаруживается характеръ первоначальныхъ начертаній, а ихъ позднѣйшая форма. Впрочемъ, я долженъ добавить, что вообще писаннаго большими буквами въ З. Е. очень мало, такъ что и нельзя провести вполне разницу между начертаніями большихъ и обыкновенныхъ буквъ. Добавлю еще слѣдующее. Формы з и ь сливаются иногда въ какой-то общій знакъ, при чемъ въ основной фигурѣ з и ь замѣчается то большее, то меньшее сближеніе кружковъ, такъ что иногда получаются здѣсь и позднѣйшія фигуры этихъ буквъ. Иногда ш и т пишутся въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ другія буквы, особенно если эти два начертанія входятся вмѣстѣ. Попадаются написанія юсовъ съ меньшей второй частью (рѣже съ большей, напр. 105₂, 127 и др.). Относительно извѣстнаго начертанія носового, встрѣчающагося въ З. Е. (и Мар. Е.), я буду говорить далѣе, здѣсь отмѣчу, что замѣтилъ я одинъ случай добавочной черточки и къ полному ж (варавж 71 об., при чемъ ж изображенъ такъ: 1-я половина глаг. о + начертаніе юса малаго съ добав. черточкой). Данный примѣръ для насъ очень важенъ, т. к. онъ позволитъ намъ видѣть въ загадочномъ

начертаніи Ѡ, измѣненіе ж, не ѡ (замѣчу также, что добавочная линія обращена въ концѣ въ лѣвую сторону, а не правую, какъ то находимъ въ изображеніи у Ягича на III табл.). Омега употребляется очень рѣдко. Здѣсь, очевидно, вліяніе кирилловской графики, подъ вліяніемъ коей, вѣроятно, и была внесена эта буква. Въ поправкахъ къ тексту относительно словъ м ѡ си, м ѡ с ѣ о в а х ѣ и др. форм. Ягичъ замѣчаетъ, что, можетъ быть, вмѣсто м ѡ — м ѡ, но эта поправка или дополненіе совершенно лишнія: въ текстѣ ясно ѡ, и какъ самъ же Ягичъ въ предисловіи говоритъ, между ѡ и ѡ, при всемъ ихъ сходствѣ, есть и разница. Къ вліянію кирил. письменности мжно отнести и одинъ разъ употребленное ѡ.

§ 7. Еще до изданія З. Е., ак. Ягичъ посвятилъ этому памятнику спеціальное изслѣдованіе (*Studien über d. altsl. glag. Zogr. Ev., Arsh. f. Sl. Ph. I, 1—55. II, 201—68*). Изслѣдованіе разсматривало вопросъ о глухихъ въ З. Е., были высказаны изслѣдователемъ и нѣкоторые общіе взгляды относительно З. Е.

Эта цѣнная работа знаменитаго слависта, цѣнная по статистическому подсчету данныхъ и по общимъ заключеніямъ, избавляетъ отъ необходимости пересматривать всѣ случаи употребленія ѣ и ѣ въ З. Е. Мнѣ придется здѣсь отмѣтить лишь собственныя несогласія съ нѣкоторыми положеніями ак. Ягича и добавить нѣкоторыя новыя данныя.

Въ концѣ настоящаго параграфа я коснусь отчасти и новѣйшей работы проф. Лескина, посвященной тому же вопросу — о глухихъ въ З. Е.

Прежде всего я долженъ сказать, что употребленіе ѣ и ѣ въ З. Е. не производитъ на меня впечатлѣнія такой правильности, какъ то нѣкоторые высказываютъ и какъ то старается, въ сущности, доказать въ своемъ изслѣдованіи ак. Ягичъ. Можно всячески объяснять иногда неожиданное употребленіе ѣ или ѣ, можно подыскивать извѣстнаго рода оправданія для писцовъ, но факты должны стоять на

первомъ планѣ, а затѣмъ уже наши домыслы, догадки и объясненія. Само утвердившееся положеніе, что З. Е. является „вѣрнѣйшимъ зеркаломъ старо-слав. языка“ (Мар. Е., 423), въ сущности, есть результатъ прежде всего преувеличенной оцѣнки правильности употребленія ѣ и ѥ въ З. Е.

Разсматривая случаи употребленія ѣ и ѥ въ З. Е., я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: для писца З. Е. ѣ и ѥ не имѣли первоначальнаго своего значенія во всемъ объемѣ своего употребленія — языкъ З. Е. въ данномъ случаѣ далекъ отъ единства и цѣльности: мѣстами ѣ и ѥ могли обозначать глухіе звуки, мѣстами это замѣстители гласныхъ полныхъ, а иной разъ это лишь знаки мягкости и твердости.

Подмѣченный мною способъ обозначенія мягкости согласной при передачѣ греческихъ словъ, способъ, который нужно считать болѣе первоначальнымъ, чѣмъ употребленіе значка, указываетъ уже на то, что ѥ употребляется въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе уже не какъ гласный. О томъ же можетъ говорить (по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ случаевъ) и отмѣченный ак. Ягичемъ переходъ ѣ въ ѥ подъ влияніемъ послѣдующихъ мягкихъ слоговъ. Что ѣ и ѥ употреблялись часто въ З. Е., тамъ, гдѣ никакого уже гласнаго звука не было, указываютъ такіе особенно примѣры: м'ногъ, — о, — а и пр. — 22 раза, многъ . . . 89 р., м'ногъ 2 р., м'н. 1 р. (Ягичъ замѣчаетъ, что пропускъ ѣ могъ быть въ силу частаго употребленія слова, т. к. ничѣмъ инымъ нельзя объяснить будто бы пропускъ ѣ; но, вѣдь, частое употребленіе другихъ словъ не заставляло пропускать буквы, если былъ звукъ), м'ножъ — 8 разъ, множъ 13 р., м'ножъ 1 р., мнѣ 34 р., м'нѣ 51 р., вси 23, вси 30, вса 9, вса 8, всѣхъ 28, всѣхъ 21 и пр. Такимъ образомъ въ данныхъ формахъ не было уже ѣ и ѥ, какъ гласныхъ звуковъ. Можно ли это распространять на говоры общеславянскаго языка, какъ то предположительно высказываетъ проф. Ляпуновъ (Исслѣд. о яз. синод. СПБ., 47), трудно съ увѣренностью сказать. Отмѣчу только, что

Мар. Ев., менѣе точное въ постановкѣ ъ и ь, въ этомъ случаѣ (мъногъ, мънож) является болѣе точнымъ, чѣмъ З. Е.; слѣдовательно, въ оригиналахъ, послужившихъ источникомъ для З. и М. Е., постановка была еще болѣе послѣдовательна. Въ ф. весь 2 р. (весь 27 р.) я не могу видѣть отраженіе живого говора (какъ то дѣлаетъ относительно Сав. кн. Щепкинъ, Разсужд., 126); здѣсь какъ и въ словѣ днь чисто графическія особенности (подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей; этимъ я объясняю и подобныя же формы въ другихъ памятникахъ, между прочимъ, древне-русскихъ; не соглашаюсь такимъ образомъ и съ проф. Ляпуновымъ, Исслѣд. 73). Вліяніе графики другихъ словъ сказалось въ такихъ случаяхъ, какъ съмѣаше, съмѣахъ, гдѣ ъ совершенно ненужно. Также трудно говорить о гласности ъ и ь очень часто въ суффиксахъ; для примѣра сдѣлаю слѣдующія сопоставленія:

бывъши — ношьше — отрѣш'ша
 правдѣ — правды — неправдѣ
 правдѣникъ — праведныхъ

Въ словахъ кѣгда 2 р., — когда 9, тѣгда 28, тогда 17 Ягичъ объясняетъ болѣе частую и менѣе частую замѣну ъ — о условіями выговора: трудность выговора кѣг обуславливала будто бы переходъ въ ког, чего ненужно было въ тѣг. Но это, конечно, далеко не объясненіе. Скорѣе, видя здѣсь варианты (Ср. Ляпун., Иссл., 50—51, Щепк. Разсужд.), можно думать, что ф. когда, тогда были свойственны писцу З. Е. и отчасти подлиннику этого памятника, и если ф. когда употреблялась чаще, чѣмъ ф. тогда, то эта объяснялась какими-либо случайными аналогіями, напр. вліяніемъ которы, тѣ.

Произносились ли ъ и ь въ концѣ словъ у писца З. Е.? На этотъ вопросъ у Ягича мы находимъ нѣсколько осторожный и даже неопредѣленный отвѣтъ. Признавая, что первоначально ъ и ь на концѣ произносились, какъ въ

серединѣ словъ, Ягичъ замѣчаетъ, что точное разграниченіе *ъ* и *ь* въ концѣ словъ въ З. Е. заставляетъ думать что разница въ произношеніи была (и это если не относительно послѣдняго писца, то относительно его предшественниковъ). Только въ предлогахъ слившихся съ другими словами (из-очесе и пр.) было уже выпаденіе *ъ* и *ь*. Разница на концѣ сводилась къ болѣе широкому или узкому произношенію согласнаго, при чемъ широкость склонялась къ *о*, *у*зость къ *е*, какъ показываютъ, по Ягичу, примѣры переходовъ родосъ и дьнесъ. Изъ дальнѣйшаго, впрочемъ, видно, что ак. Ягичъ (Arch. II, 220—1) склоняется къ признанію произношенія *э* и *ь* на концѣ словъ, какъ твердости и мягкости. Само наиболѣе точное разграниченіе *э* и *ь* на концѣ именно говоритъ въ пользу даннаго мнѣнія, такъ какъ здѣсь было точное мѣрило въ твердости и мягкости. Характерно, что послѣ *ч*, *ц*, *ж*, *ш* мы видимъ смѣшеніе — слѣды мягкости и отвердѣніе. Примѣры родосъ и дьнесъ вовсе не подтверждаютъ произношенія *ъ* и *ь*, какъ гласныхъ въ другихъ случаяхъ, а наоборотъ — говорятъ о противномъ.

Отмѣчу еще интересные примѣры: *лъгъко* Мө. XI 30, *дъвъльно* Л. XXII 38, *приобрѣтъхъ* Мө. 25 20 (послѣдній примѣръ могъ, впрочемъ, составиться, какъ *ф.* аор. I + *хъ*); въ началѣ памятника (Мө. 3 15): *съкончати всѣкж правѣдж*. Для выясненія характера *ъ* и *ь* любопытнымъ также можетъ представляться передача греч. *μῦδ*. Въ именит. падежѣ ед. ч. мнась Л. 19 16, 18, 20, въ вин. ед.: *мънась* Л. 19 24 послѣдняя форма могла бы быть болѣе соотвѣтственною (въ смыслѣ, конечно, твердости) имен. пад. *мънась*, каковой отмѣчаемъ въ Мар. Ев.

Итакъ съ *ъ* и *ь* въ З. Е. мы встрѣчаемся уже не на первоначальной почвѣ, для которой были изобрѣтены эти знаки. Можемъ ли, поэтому, говорить мы, какъ то принято, что *э* было склонно къ *о*, *ь* къ *е*? вѣдь, эта „склонность“ или, лучше, замѣна характеризуетъ уже иную почву, на

которую были перенесены ъ и ь. Наряду съ этой замѣной намъ удалось констатировать меньшую древность выраженія черезъ ь лишь мягкости.

Думать, что для З. Е. переходъ ь — ъ, есть переходъ *вполнѣ гласныхъ*, какъ то признается и какъ на первый планъ выдвигаетъ это проф. Лескинъ въ своей новой работѣ (*Die Vocale ъ, ь in den Cod. Zogr. . . Arch. 27, III, 322*), мы не можемъ.

У Лескина, я нахожу также отрицательное отношеніе къ произношенію ъ въ мѣногъ, мѣножъ, и пр. Съ другой, я несогласенъ съ упомянутымъ выше общимъ положеніемъ, принимаемымъ априорно авторомъ, не могу согласиться съ отдѣльными объясненіями; напр., Лескинъ объясняетъ такіе случаи, какъ:

вѣрънъ, печальнъ, бисерьъ, титьль
трѣхъ, простерьъ, начьнъ, людъмъ
жъзль, осьль, шьль и пр.

удареніемъ, падавшимъ на ь (замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ ни разу нѣтъ замѣны ь — ъ подъ вліяніемъ послѣдующаго твердаго слога), а я думаю, что здѣсь (кромѣ титьль) у писца З. Е. была чистая гласная, замѣстителемъ коей выступилъ ь.

Въ связи съ предыдущимъ я ставлю и такіе случаи: болы 129 об., боѡи I. 14 28 (Мар. болии), болы Л. 22 28 боли I 13 18 (Мар. — еи), т. е. изъ болии вывожу форму болыи, равную по произношенію боѡи; такимъ образомъ въ подобныхъ случаяхъ ь было для писца З. Е. здѣсь лишь обозначеніемъ мягкости.

Переходъ неударяемаго и въ ь мы замѣчаемъ въ З. Е. довольно часто (гораздо чаще, чѣмъ въ М. Е.) и за тѣмъ въ случаѣ ьи — стяженіе въ и. Такъ:

сжди Л. 12 59 (Мар. — ии) 18 з (М. — и) в (М. ии)
остри Л. 21 24 (М. ии), знамени I 3 2 (М. ии)
трети Л. 24 21, 46 I 2, (М. ии), послѣдъни I 7 37 (М. и)

вельжъ, — ъемъ Л. 29, 10 съж Л. 219 (М. иемъ, ижъ, ижъ),
тиберьѣ Л. 31, иштадъѣ Л. 32, каменью Л. 48 (М. и)
оубыства Мр. 157, змьж Л. 1019, їспьета Мр. 1039,
достоѣнье Мр. 127 и пр.

Такимъ образомъ для объясненія словъ: вжштѣи Л.
948, болѣи я не прибѣгъ бы вліянію аналогіи причастныхъ
формъ: оударь, оможь и пр., какъ то дѣлаетъ проф. Щеп-
кинъ (Разсужд., 243). При объясненіи Щепкина будутъ непо-
нятны также и такіе случаи, какъ крѣплѣи Мр. 17 негаш-
штѣи Мр. 943, 45 (прибѣгать къ говору послѣдняго
писца — не будетъ объясненіемъ), а это могли бы быть
остатки скорѣе оригинала, гдѣ ѣ въ этихъ случаяхъ могло
еще обладать извѣстнаго рода гласностью и переходило
въ е. Переходъ этотъ мы наблюдаемъ также въ Мар. Е.
въ такихъ случаяхъ, какъ болеи и пр.

Объяснять подобнымъ же образомъ стоі Л. 172, гдѣ
ѣ переходитъ въ о болѣе затруднительно, потому что это
единственный примѣръ, стоитъ при томъ подъ титломъ;
можетъ быть здѣсь, оказало вліяніе послѣдующее слово
своі. Правда, то же мы видимъ въ Мар. Е.; такимъ
образомъ, во всякомъ случаѣ примѣръ также могъ отно-
ситься къ предыдущей порѣ.

Такимъ образомъ, болѣи я не могу сравнить съ добръї
и пр. Въ ѣї, дѣйствительно, удерживалась древнѣйшая
форма, хотя въ произношеніи эта форма уже была иная,
какъ показываютъ другія написанія въ З. Е., какъ напр.,
съ ѣ (особенно часто начиная съ Ев. Луки) или даже ѣи
(какъ истиннѣи I 632).

Характерно еще измѣненіе е — ѣ въ словѣ иже:

ижъ бо речеть Мѡ. 522

ижъ речеть *ibid.* и пр.

(то же: съ изъ се: съ етеръ отъ коустодиѡ Мѡ. 2811

Этотъ переходъ иже въ ижъ заставляетъ насъ иначе
отнестись къ случаямъ употребленія въ Мар. Е. ижеси

(Ягичъ транскриб. иже си); здѣсь было иж еси, т. е. дальнѣйшая стадія ижь еси.

Въ своемъ изслѣдованіи „Болонская Псалтырь“ (СПБ. 1906 г.) проф. Щепкинъ высказываетъ предположеніе, что употребленіе въ З. Ев. ие, иж и пр. съ одной стороны, ъе, ъж и пр. съ другой — объясняется слѣдующимъ: „Нѣкогда текстъ былъ переписанъ двумя писцами Македонское нарѣчіе только еще вносилось послѣднимъ писцомъ, иначе количество случаевъ т/ъ = о/е было бы значительнѣе“ (Ш). Впрочемъ, здѣсь же проф. Щепкинъ оговаривается, что онъ не имѣлъ возможности изучать графику З. Ев. по оригиналу.

§ 8. Носовые гласные въ З. Е. въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣняются: ж — оу, л — е, ѣ; есть нѣсколько примѣровъ смѣшенія носовыхъ.

У Ягича приведены случаи замѣны и смѣшенія (Prolegom. XX), но не всѣ. Затѣмъ такіе случаи, какъ чисти вм. чѣсти, вѣдѣ вм. видѣ, ми — мѣ и другіе, я затруднился бы объяснить, какъ замѣну и — е — л; я вижу здѣсь описки, объясняемая часто вліян. послѣдующаго слога (какъ и въ случаяхъ замѣны и — е въ словахъ хвалите — вм. ти, оу сѣце — вм. ци и пр.: вліяніе предыд. слога).

Къ замѣченнымъ ак. Ягичемъ примѣрамъ замѣны: оужасише, вм. шѣ Л. 24 22, етъ вм. лтъ I 8 20; (или замѣны е — л) отѣмѣжштааго Л. 6 30, бѣштѣдѣнъ Л. 20 29, врѣмѣ своѣмъ Л. 1 20, глашѣ I 10 6, крѣстѣштѣ, оучѣштѣ Мѣ. 28 19, 20, бѣвѣштѣ I 6 19; (ж — оу) градоушту Л. 9 42, іноудоу I 10 1, отѣтоудоу Мр. 7 24, ан'дрѣоу Л. 6 14,

прибавлю еще слѣдующіе: приѣше I 4 45 (вм. шѣ), і обѣ . . . мѣ е . . . вѣзлагамъ рѣцѣ на нѣ Мр. 10 16 въ лѣже кльнеши Мѣ. 5 33, мѣдѣнаа Л. 24 25 (но моудитъ Мѣ. 24 48 и др.), сѣди Мр. 12 36 Л. 20 42 (но и сѣди Л. 14 8, 10; ѣ очевидно здѣсь не путемъ фонетическимъ, а подѣ вліяніемъ формъ неопред. наклоненія).

Можно бы привести помѣнжти Мѣ. 5 23, 26 75, 27 63,
 Мр. 11 21, Л. 154, 16 25,
 22 61, І. 2 17, 12 16
 помѣнжти Л. 23 42, 24 8, І. 2 22,
 14 26

но весьма вѣроятно, что это были дублеты; характерно, что въ Ев. отъ Л. и І. уже поровну та и другая форма.

Такие примѣры, какъ невѣстж Л. 12 53 (вм. — а), литостратж І. 19 13 (вм. — а), мнѣ кажутся описками; первый примѣръ подѣ влияшемъ предыдущей такой же формы.

Интересны такіе случаи употребленія носового:

пжн'тьскоумоу Мѣ. 27 2, Л. 3 1 (въ Мар.: понтьскоумоу).

Данный примѣръ можетъ дать поводъ думать о потерѣ носового оттѣнка и выступленіи ж здѣсь, какъ замѣстителя оу. Написаніе пжн'ть съ кавычкой какъ бы свидѣтельствуешь о большей древности и первоначальности передъ написаніемъ понть, но съ другой стороны жн говоритъ и о какомъ-то смѣшеніи, замѣнѣ. Здѣсь ж могъ выступить вм. оу, т. к. имѣются ф. поун'тъ, фоуньскомоу (Ср. Миклош. Lexicon pal. sl. 624, 755) въ другихъ памятникахъ. Въ видѣ послѣдовательности мы ожидали бы написанія пжтьск . . . , какъ, напр., ф. александровоу Мар. Е. Мр. 15 21 (впрочемъ, это написаше мнѣ кажется позднѣйшимъ сравнительно съ нап. З. Е. — александ.).

Къ случаямъ смѣшенія ж — ж, отмѣченнымъ у Ягича:

воды въслѣплжштжж І. 4 14, въземлжж Л. 19 22 (прич.), Юдеж І. 11 33 (вин. п. мн. ч.)

прибавлю: лежжштж Мѣ. 8 14, иди въ Юдеж І. 7 3.

гжж Л. 18 2 (прич.), галилеж Л. 23 6 (вин. п.)

(у Шепкина Разсужд., 82, невѣрно указано: юношж — ж вм. ж Мр. 14 51; форма эта правильная, такъ какъ здѣсь

винит. п. ед. ч.; въ Мар. Е. ѡ, такимъ образомъ въ послѣднемъ памятникѣ ѡ вм. ж).

Прежде чѣмъ дѣлать общее заключеніе относительно носовыхъ гласныхъ въ З. Е., я долженъ остановиться подробнѣе еще на одномъ знакѣ, графич. начертаніи ѡ съ добавочной черточкой:

ѡ

Знакъ этотъ обозначается условно ѡ. Я уже вкратцѣ упоминалъ, что начертаніе это я вывожу не изъ ж или ѡ, а считаю измѣненіемъ ж, что подтверждаетъ и приведенный мною ранѣе примѣръ вараввж, гдѣ ж также съ добавочной черточкой, являющейся характерной для разсматриваемаго начертанія. Начертаніе это употребляется только въ окончаніяхъ причастій настоящаго времени отъ нѣкоторыхъ глаголовъ, при чемъ наряду съ этимъ оконч. въ тѣхъ же формахъ употребляется и окончаніе ѡи:

градѡи — градѡи	сѡи — сѡи
живѡи — живѡи	ѣдѡи — ѣдѡи

1 разъ несѡ — несѡи.

Замѣна только въ извѣстныхъ случаяхъ показываетъ, мнѣ кажется, что новое начертаніе входило только въ употребленіе, что ф. градѡи и пр. являлись уже традиционными и не удовлетворяли слухового ощущенія.

Ак. Ягичъ, отличая данный знакъ отъ ѡ, говоритъ, что ѡ обозначалъ звукъ, который выражался въ болгарскихъ позднѣйшихъ памятникахъ черезъ ж, т. е. глухой. Но если это такъ, если можно сблизить съ позднѣйшимъ употребленіемъ ж, тогда почему неправъ былъ и тотъ, который началъ бы въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ искать иногда подъ ж — глухой? Да и какимъ образомъ мы могли бы объяснить, что писецъ, употреблявшій ѡ, ж въ значеніи носовыхъ, могъ воспользоваться этими начертаніями для обозначенія глухого, для выраженія котораго

онъ имѣлъ болѣе близнія начертанія? Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ Ягича ввело въ заблужденіе внѣшнее сходство.

(Съ мнѣніемъ Ягича не соглашался Гейтлеръ, Die alban., 67, но его соображенія относительно древности и первоначальности даннаго начертанія, возникшаго будто бы изъ латинскаго i + начерт. глагол. л, не выдерживаютъ критики).

Рѣшеніе занимающаго насъ вопроса удобнѣе поставить на почву лишь древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, и разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ относительно даннаго вопроса приводитъ съ слѣдующему.

Въ Мар. Ев. встрѣчается также **А**, при чемъ отмѣчаются случаи совпаденія съ **З. Е.** Случаевъ употребленія, впрочемъ, меньше. Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ въ **З. Е.** **А**, въ Мар. ж, 1 разъ **л**: живжи I. 6 57, сжи I. 6 46, градѣи I. 12 13.

Съ другой стороны въ Мар. есть примѣръ: гор**А** I. 5 35, въ **З.** — **л**.

Для болѣе точнаго сравненія употребленія **А** въ **З. Е.** и **М. Е.** приведу данныя:

З. Е.	М. Е.
град А и 10 разъ Мѳ. 11 3, Мр. 11 9, Л. 6 47, 7 19, 20, 19 38. I. 6 14, 35, 11 27, 12 13.	вездѣ градъы и только 1 разъ градѣи I. 12 13
градъы 4 раза I. 1 15, 27. Л. 10 33, Мр. 2 14 (поздн. часть Мѳ. 21 9, 23 38).	
жив А и I. 6 57.	живжи
живъыи, — ты I. 11 26, Л. 15 13.	
с А и, с А 1 3 р. Мр. 13 16, I. 1 18, 6 46.	
при чемъ Мр. 13 16:	съи
„ I. 1 18:	с А и

З. Е.

М. Е.

при чемъ I. 6 46:	с жи
стыи около 17 разъ	то же
ѣд А и I. 6 54, 58.	I. 6 58 — А и
ѣды 6 р. Мө. 11 18, 19, Мр.	— ты
14 18. Л. 7 33, 34. I. 13 18.	
нес А Мр. 14 13. Л. 22 10.	носа
несы I. 19 17, 39.	— ты

Въ Ассем. Ев., какъ извѣстно (Ср. Uvod къ изд. Рачкаго, XXII), находятся случаи с жи, граджи, а также граджи; граджи находится также въ Клоц. Сб. и Синайск. Тр.; въ Охрид. Ев. с жи (ср. снимокъ у Гейтлера), граджи см. Срезневскаго: Древ. глаг. памят.; замѣчу, кстати, что транскрипція Ср. въ нѣкоторыхъ случаяхъ невѣрна; ср. мое изд. Охр. Е.).

Сравненіе всѣхъ этихъ данныхъ указываетъ на слѣдующее. Въ ближайшихъ, оригиналахъ, или, лучше, въ первоначальномъ общемъ оригиналѣ З. и М. Е. (близость этихъ памятниковъ даетъ полную возможность предположить общность ихъ первоначальнаго оригинала, копіи съ котораго, можетъ быть, служили уже непосредственными оригиналами для З. и М. Е.) былъ букв. знакъ, передаваемый нами **А**. Онъ былъ вызванъ необходимостью: въ нѣкоторыхъ причастіяхъ, въ окончаніяхъ, вмѣсто прежняго ты, ти, началъ слышаться, подъ вліяніемъ окончаній другихъ причастій, носовой звукъ, изображенный первоначально подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей этихъ причастій черезъ ж и иногда лишь черезъ л (т. е. изъ формъ вліявшихъ причастій). Сознательной реформой этого окончанія и было установленіе разсматриваемаго начертанія.

Такимъ образомъ я не согласенъ и съ позднѣе высказаннымъ мнѣніемъ Ягича въ примѣч. къ тексту Мар. Е. (стр. 222), что „**А** передаетъ глаголич. букву «е, передѣланную

въ кирилл. ж, такъ что первоначально было градѣ, потомъ же исправлено въ градѣи“. Если бы было первоначально градѣ, то эта форма такъ бы и осталась, какъ показываютъ другіе памятники, какъ показываетъ и М. Е.; очевидно былъ другой знакъ, который нужно было приблизить къ этому ѣ. Ненужно упускать изъ виду, разсматриваемое начертаніе употреблялось только въ 2-хъ памятникахъ, и то далеко не проведено было послѣдовательно; такимъ образомъ явствуетъ, что нужды особенной въ немъ не было.

Проф. Уляяновъ (Основы настоящ. 21—24) высказывалъ ту мысль, что градѣи, сѣи, живѣи болѣе древни, чѣмъ градѣи, живѣи, что это остатки причастій, передававшихъ даже древнѣйшія чередованія ont: ant. Съ этимъ, конечно, невозможно согласиться: здѣсь мы видимъ явленіе начинающееся, какъ показываетъ исторія изученія памятниковъ, а не остатки. Да и почвы для подтвержденія мысли Уляян. не даютъ ни слав. языки, ни литовскій. Возраженіе Уляян., что градѣ не возникло подъ вліяніемъ пишѣ, такъ какъ тогда было бы и въ косвенныхъ падежахъ градѣшти и пр., говоритъ именно въ нашу пользу: въ косвенныхъ падежахъ былъ носовой, слѣдовательно, вліяніе не могло уже тамъ коснуться, какъ въ именительномъ.

Къ чему же приводитъ разсмотрѣніе употребленія носовыхъ въ З. Е.? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ: больше данныхъ за то, что ж и ѣ имѣли носовое произношеніе. Слишкомъ мало замѣнъ ж — оу, ѣ — е для того, чтобы говорить о дѣйствительной замѣнѣ чистыми гласными: нужно имѣть при томъ въ виду графическую близость глаг. оу и ж, фонет. близость ѣ — е, чтобы иной разъ смѣшеніе не оправдать этимъ. Слишкомъ мало также данныхъ для того, чтобы говорить о смѣшеніи ж и ѣ (малочисленность примѣровъ не позволяетъ говорить, напр., о сходствѣ съ Болонск. Пс., въ которой послѣ ж, ш, жд, шт. . . . ѣ замѣняется ж, но съ другой стороны здѣсь же

послѣ л и др. выступаетъ ж вм. ж, такимъ образомъ несходство съ З. Е.).

§ 9. Зѣло употребляется въ З. Е. гораздо рѣже, чѣмъ въ Мар. Замѣчательной послѣдовательностью въ употребленіи зѣла отличается позднѣйшая часть З. Е. Здѣсь сохраняется позднѣйшая черта оригиналовъ, находившая, вѣроятно, соотвѣтствіе въ говорѣ писца. Что касается говора писца З. Е. и также Мар. Е., то можно думать, что зѣло являлось уже традиціей. Правда, Мар. Е. очень часто употребляетъ зѣло, но замѣна его въ нѣкоторыхъ случаяхъ з, можетъ говорить, что въ употребленіи зѣла удержалась традиція, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ я расхожусь здѣсь съ мнѣніемъ Ягича (Мар. Е., 420), а позднѣйшая часть З. Е. заставляетъ меня быть противъ также мнѣнія Облака — объ исключительно графическомъ значеніи зѣла въ другихъ ц.-сл. памятникахъ (Arch. XVIII)

Для иллюстраціи выведенныхъ наблюдений возьмемъ примѣры:

З. Е.	Мар. Е.
м(ъ)нози Мө. 7 13, 8 1, 9 10, 13 2, 17, Мр. 2 2, 5 9, 6 31, 9 26, 10 48, 11 8. Л. 1, 8 30 и т. д.	мънози
— си Мө. 8 11, Мр. 10 31, 12 37, Л. 1 14, 6 60.	— си
— си (поздн. часть) Мө. 19 2, 30, 20 16, 22 14, 24 5, 10, 11.	— си 24 10 — зи
— си Мө. 15 30, Л. 5 15, I. 11 19.	— зи
— зи Мр. 9 26, 6 2, 13 6, Л. 7 47, I. 10 20.	— зи

То же въ другихъ формахъ, напр., въ мнѣзѣхъ Мө. 25 19, 10 31 въ З и М. Е.; — ѣ Мө. 26 9, хотя наряду съ

этимъ въ Мар. часто *z*: Л. 12 7, 2 36, 10 41, 16 10 и пр. Очень характерно мѣсто Л. 16 10, гдѣ въ *З.* и *М.* мы видимъ слѣдующее:

<i>З.</i>	<i>М.</i>
вѣрны въ малѣ. <i>ī</i> въ мнозѣ вѣрнѣ есть. <i>ī</i> невѣрны въ малѣ <i>ī</i> въ мнозѣ . . .	мнозѣ мнозѣ

Затѣмъ:

польза, — <i>ж</i> Мр. 8 36, <i>ī</i> 12 19, 6 63, Л. 9 25.	— <i>s</i>
польза <i>ж</i> Мр. 5 26.	— <i>z</i>
— <i>sa</i> Мө. 16 26 (поздн.)	— <i>s</i>
пользовалъ Мр. 7 11, Мө. 15 5.	— <i>s</i>
кнѣзь и др. ф. Л. 18 18, 8 41, 24 20, <i>ī</i> . <i>З</i> 1, 12 31, 16 11, 7 26, Мө. 9 34, 12 24, Мр. 6 21.	— <i>s</i>
— <i>зь</i> <i>ī</i> . 14 30.	— <i>s</i>
— <i>зь</i> (поздн. ч.) Мө. 20 25.	— <i>z</i>
— <i>зь</i> Л. 8 41, 11 15, 23 13, <i>ī</i> . 12 42, Мр. 3 22.	— <i>z</i>

Три раза употребленное слово звезда имѣетъ въ *З*
. *s* — Л. 21 25, Мр. 13 25, Мө. 24 29, между тѣмъ какъ
въ Мар. въ двухъ послѣднихъ случаяхъ *z*. Зато само
слово зѣло въ *З.* *Е.* 4 раза съ *z*, Мө. 27 14, 26 22, Л.
18 38, 23 (въ остальныхъ случаяхъ *s* Мө. 7 27, 4 8, 8 28,
Мр. 1 35, 6 51, 9 3, 16 2, 4, Л. 23 8 и въ поздн. части Мө.
19 25, 18 31, 17 23), въ Мар. вездѣ *s*

Съгласати — только въ поздн. ч. Мө. 18 23 имѣетъ
s, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (12 разъ *z*, въ Мар.
5 р. — *z*, остальн. *s*).

З.	М.
растръза и др. ф. Мө. 26 65, Л. 8 29, Мр. 14 63.	— s, Мр. 14 63 — з
пѣнмъзъ и др. ф. Мр. 6 37, 14 5, I 6 7, 12 5, 2 15, Л. 10 35, 20 24, 12 6.	— s
пѣнмъзъ Мө. 22 19 (поздн.) ” Мр. 15 15.	— з — з
мъжъ, — л Мө. 4 23, 9 35, Мр. 1 34.	Мө. 9 35 — s — з
огобъзи Л. 12 16.	— s
въ форм. гл. подвизати Л. 13 24, I. 18 36.	— s
въжизати Л. 15 8.	— s
слоузѣ Мө. 5 25.	— s
слоузѣ Л. 12 58.	s
нозѣ Мө. 18 8, 22 13 (поздн.) I. 11 2, 12 3, 13 9, 10, 14, Л. 7 46.	s — з
нозѣ Мө. 28 9, Мр. 9 45, Л. 7 38, 44, 15 22, I. 13 5, 12, 14.	s
неджъзѣ I. 5 5.	s
подвизѣ Л. 22 44.	s
длъзѣ Л. 18 4.	s
дроузѣмъ Мө. 6 24.	s
дроузѣмъ и др. ф. Л. 5 7, 16 13, Мр. 8 3, 28.	s
брѣзѣ I. 21 4.	s
бѣѣ, — и Л. 1 47, I, 10 34.	s
помози Мө. 15 25, Мр. 9 22, 24.	s
врѣзи Мө. 18 9, 17 27, I. 8 7. ” въ —, Мө. 21 21.	s s
въврѣзи, ѣте Мр. 11 23, Мө. 25 30, I. 21 6.	s

§ 10. Наблюденія надъ употребленіемъ ѵ въ З. Е. приводятъ насъ къ нѣкоторымъ любопытнымъ выводамъ.

Прежде всего мы замѣчаемъ колебаніе между ѵ и а въ слѣдующихъ случаяхъ (беру сравнительно съ Мар. Е.; выдвигаю въ образцахъ отдѣльныя формы, не упоминая о другихъ; въ виду большихъ затрудненій, связанныхъ съ передачей различныхъ значковъ, здѣсь и особенно дальше я не стремлюсь къ воспроизведенію палеограф. особенностей написаній):

З. Е.	М. Е.
авленье Л. 8 17.	ѣвленье
„ Л. 1 80.	а —
авѣ Мө. 6 18, 12 16, Мр. 1 45, 6 14.	ѣвѣ
авѣ Мө. 6 4, 6, 26 73, Мр. 3 12,	авѣ
ѣвѣ I. 7 4, 10.	ѣвѣ
„ I. 11 54.	авѣ
ави сѣ и др. ф. Мө. 6 18, 9 33, 11 25, 13 26, 16 17, 24 30, Мр. 4 22, Л. 8 17, 10 22, 19 11.	ави сѣ
ѣви сѣ и др. ф. Мө. 17 3, 23 28 (доб.), Л. 22 43, I. 10 32, 14 12, 17 6.	а —
ави и др. ф. Мр. 16 9, 12, 9 4, Л. 1 11, 9 31.	ѣ —
ѣви и др. ф. I. 21 1, 2, 14, 2 18, Мө. 27 53.	ѣ
аште Л. 6 32, I. 9 22.	ѣште, ѣще
еште I. 14 3.	ѣште
азъ Мр. 11 29.	ѣзъ
абье Л. 5 13.	ѣбие
множаѣшѣ — ае Мө. 11 20, Мр. 12 43, Л. 11 31, 32, I. 4 1, Л. 11 53.	— ѣишѣ, ѣе, аишѣ...

З. Е.

М. Е.

[— ѳишиі, ѳишм, доб. ч. — ѳ

Мө. 21 в, 36.]

тачаеє (здѣсь, очевидно, та чѣе I. 210.

ошибка: два е вмѣсто од-
ного, т. обр.: тачае).

Колебанія между *ѣ* и *а* въ данныхъ и подобныхъ случаяхъ, мнѣ кажется, объясняются вліяніемъ предыдущаго слога. Если *а* предшествовалъ, напр., союзъ *і*, то это начальное *а* переходило въ *ѣ*. Здѣсь нѣсколько аналогичное явленіе перегласовкѣ въ чешскомъ яз. Такъ первоначально, мнѣ кажется, возникла разница въ написаніяхъ одного и того же слова. Что *и*, напр., имѣло такое вліяніе, могутъ показывать слова, заимствованныя изъ греческаго:

иѳковъ — *ιακώβ*, иродиѳда — *ἰρωδιᾶς* (интересно, что по переходѣ этого иѳ — ѳѳ — ѳѳ, получилась ф. съ ѳа: іродѳады Мө. 14 з; въ З. Е. есть ф. и посред. съ ѳѳдѳ Л. 319), тибериѳда — *τιβεριᾶς*, коустодиѳ — *κοοστωδία* и пр.

Послѣдніе примѣры даютъ намъ особенно возможность выставить предыдущее объясненіе, т. к. въ ранѣе приведен. данныхъ изъ памятниковъ нельзя подмѣтить необходимой для насъ послѣдовательности въ употребленіи той или иной формы. (Такъ же я объяснилъ бы и колебанія въ такихъ случаяхъ, какъ ютро и оутро, юже -- оуже).

Ак. Ягичъ говоритъ (Мар. Четв., 427), что употребленіе *ѣ* и *а* въ авити въ З. и М. Е. приблизительно одинаковое, а ранѣе замѣчаетъ, что большинство примѣровъ въ М. съ *ѣ*. Подсчетъ въ З. убѣждаетъ, что здѣсь болѣе съ *а* и менѣе съ *ѣ*. Въ Мар. такимъ образомъ замѣчаемъ болѣе поступательное движеніе къ *ѳ*.

(То же можно сказать и относительно начальн. оу — ю оуже въ З. Е. также менѣе употребляется, чѣмъ ю же, но все же больше, чѣмъ въ М. Е.).

Отмѣчая тотъ фактъ, что въ З. Е. чаще авити и пр., я тѣмъ не хочу и не могу сказать, что въ говорѣ послѣдняго писца ѳвити могло быть какимъ-то остаткомъ (такъ какъ одновременность существованія той и другой формы уже по даннымъ памятника не находила себѣ оправданія). То обстоятельство, что ф. ѳвити и пр. (какъ и юже) характеризуетъ собою особенно Еван. отъ Іоанна, гдѣ мы встрѣчаемъ какъ бы ббльшее вліяніе послѣдняго писца (объ этомъ дальнѣе), говорить намъ о возможности существованія подобныхъ формъ въ говорѣ послѣдняго писца З. Е. (интересно сопоставленіе относительно ю и оу; въ Ев. отъ Іоан. юже: І. 4 36, 9 22, 27, 11 39, 13 2, 14 30, 15 3, 15, 19 28, 33, 21 14; въ Мар. Е., гдѣ только 3 раза оуже, а 25 р юже, въ одномъ изъ прив. мѣсть отъ Іоан. — 15 3 оуже; въ другихъ мѣстахъ З. Е. юже и оуже наполовину). То обстоятельство также, что на ряду съ большимъ числомъ юже и въ Мар. и особ. Зогр. гораздо чаще оутро и пр., чѣмъ утро и пр., можетъ, во-1-хъ, говорить въ пользу приведеннаго выше мнѣнія относительно вліянія і, т. к. оутро очень часто употреблялось въ ф. за оутра, ізоутра и пр., почему могло и первоначально сохраняться болѣе часто оу, во-2-хъ, что здѣсь, можетъ быть, болѣе вѣрно удержаны черты предыдущихъ оригиналовъ (въ Ев. отъ Іоан. мы замѣчаемъ 1 разъ утро, 2 раза въ другихъ мѣстахъ Мө. 16 3, 27 1, на 13—14 случаевъ съ оу во всемъ Еванг.).

Интересныя чередованія:

З. Е.	М. Е.
съблажнѣеть Мө. 18 8. (доб.)	— нѣеть.
„ сж „ 13 21.	— нѣать.
„ „ 5 29. 18 9.	— наать.
Мр. 9 43, 45, 47.	
— наеть Мө. 5 30.	„

(т. обр. въ М. Е. подъ ф. — нѣать скрывается — наать).

На ряду съ чередовашемъ ѳ — а намъ пришлось уже отмѣтить одинъ случай чередовація а — ѳ — е: еште (въ другихъ случаяхъ аште, Мар. ѳште). Повидимому, къ случаямъ такого же чередовація можно было бы отнести: окамѣнилъ I. 12 40 (То же въ Мар. Е.) - окаменено Mr. 6 52, 8 17 (то же М.), но въ ѳ. окамѣнилъ можно видѣть измѣненіе, какъ ѳ. камѣнъ I. 2 5. Безспорно, характернымъ является случай замѣны ѳ — е въ выраженіи: подави е Мө. 13 7 (Мар. Ев. — ѳ; *αὐτά*). Замѣна ѳ — и: приложитъ Мө. 12 20.

Зато передача нѣкоторыхъ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго, говоритъ о смѣшеніи ѳ и е

З. Е.

М. Е.

юдѣи I. 1 19, 9 22, 19 20.	— ѳи.
„ Mr. 7 3, I. 2 20, I. 5 16.	— еи.
— еи I. 2 18, 4 9,	„
5 10, 18, 6 41, 52, 7 35.	
Юдѣѣмъ Л. 6 17.	— ем,
— емъ I. 4 48.	„ и пр.
галилеѳ, емъ Мө. 4 15, 25.	— еа, — емъ.
27 55. Mr. 3 7. Л. 23 5.	
— емъ Мө. 4 12, 23, 28 10, 16	— емъ.
и др.	
— ѳѣмъ Л. 17 11.	— ѳѣмъ.
— ѳѣ (доб.) Мө. 19 1.	— емъ.
— еискаго Мө. 21 11.	— еискааго.
— ѳанинъ, Л. 22 59, 13 2.	— еанинъ.
еврѣйскама, Л. 23 38,	— е.
— еіскы I. 5 1.	„
закъеа, — еи Л. 19 1, 8.	— еи.
— ѳе Л. 19 5.	— ѳе.
ѳерѳы, — ѳови, — омъ Л.	— е.

З. Е.

М.. Е.

- 10 31, 5 14, 6 4 (въ друг.
случаяхъ е: ереи и пр.).
ариматеѣ, т'еѣ Мѳ. 27 57, — ѣѣ.
Мр. 15 43.
— т'ѣѣ, т'ѣѣ Л. 23 51, I. " "
19 38.
ан'дрѣа Мѳ. 10 2. Мр. 13 3, — ѣ.
1 16, Л. 6 14 и др.
— еа, — еова I. 1 41, 45. " "
— ѣѣ Мѳ. 4 18. — е.
и др.

Къ такимъ случаямъ, какъ андрѣа изъ *Ἀνδρέας*,
нужно присоединить передачу.

- ναζαρέτ* — назаретъ, — а Мѳ. 4 13, Л. 1 26, I. 1 46, 47.
назарѣтъ Л. 2 51; Мр. 1 9, Мѳ. 21 11 (доб.)
βεελζεβούλ — вельзѣвола и др. ф. Мѳ. 10 25; 12 24 и др.

Такимъ образомъ въ данныхъ случаяхъ, гдѣ безусловно
должно быть е и въ словахъ другихъ заимствованныхъ изъ
греческаго, мы видимъ смѣшеніе ѣ и е, при чемъ нужно
думать, что смѣшеніе это дѣло позднѣйшаго времени. Ко-
личественное отношеніе окончаній ѣи и еи при передачѣ
греч. словъ на *αῖος* и *εὖς* убѣждаетъ, напр., что *αῖος* пе-
редавалось первоначально ѣи, *εὖς* — ей. Такимъ образомъ
я не согласенъ съ мнѣніемъ ак. Соболевскаго, что это
была одновременная передача (при чемъ греч. ε передава-
лось то е, то ѣ въ виду того, что подобнаго греч. по про-
изношенію не было у славянъ звука, Др. ц.-сл. яз. фонетика М. 91 г., 33).

Всѣ эти наблюденія приводятъ къ заключенію, что ѣ
въ З. Е. уже не былъ тождественъ ѣ первоначальной
ц.-слав. письменности, что знакъ этотъ, какъ и ѣ и ѣ, за-
ключалъ въ себѣ обозначеніе болѣе, чѣмъ одного опредѣ-

лэннаго звука. И большинство данныхъ убѣждаетъ, что для писца З. Е. въ большинствѣ случаевъ этотъ знакъ обозначалъ *e*.

§ 11. Въ З. Е. мы видимъ какое-то колебаніе относительно i-erentheticism; употребляются формы то съ нимъ, то безъ него. И сравнивая съ данными Мар. Е., мы находимъ, что въ однихъ случаяхъ З. Е. уступаетъ, въ другихъ превосходитъ. — Для примѣра:

З. Е.

М. Е.

древънимъ, — нѣмъ, древънимъ, ънимъ
нѣимъ

Мѣ. 5 21, 27, 33,

древѣльнихъ, льнихъ Л.

9 19, 8.

оставъ, въше — а Мр. 8 13, 78. оставъ, — въше.

” Мѣ. 13 36, Мѣ. — вль, — вльше.

26 56, Мр. 1 18, 20.

Въ Мар. земли только 2 раза, остальн. — земли, въ З. Е. около 28 р. — земли, земли — около 16. Мнѣ кажется, здѣсь не нужно предполагать, какъ то дѣлаетъ Вондракъ (*Zug Kritik.*, 749—50), о возможности самостоятельнаго возникновенія этихъ формъ (съ одной стороны: земли — земли — земли, съ другой — земли — земли — земли). Противъ мнѣнія Вондрака особенно можетъ говорить Мар. Ев., гдѣ почти исключительно земли, а между тѣмъ въ другихъ падежахъ мы видимъ формы съ л. На ряду съ этимъ ф. корабль въ З. Е. чаще, чѣмъ корабь, между тѣмъ въ ф. предл. пад. 4 раза кораби (Мѣ. 14 33, 4 21, Мр. 5 21 8 14) и 1 разъ — бли. Л. 5 7. И въ послѣднемъ случаѣ съ З. Е. сходится Мар. (3 раза — би, 2 раза бли, но корабь чаще, чѣмъ — бль, т. обр. противополож. З. Е.). Эти данныя могутъ указывать на то, что уже въ подлинникахъ, послужившихъ оригиналами для З. и М. Е.,

не было единства въ употребленіи ф. съ l-erenth., что эта непослѣдовательность послѣдними памятниками была воспринята и продолжена. Для продолженія и развитія этой черты могли служить формы, существовавшія въ языкѣ писцовъ, уже безъ л. Такимъ образомъ, если писецъ З. Е. пишетъ: корабль, корабль, корабь (Ме. 82з, 143з. Л. 511), то, въ сущности, это видоизмѣненія лишь оригинала, а для выраженія собственного произношенія онъ долженъ былъ бы продолжить еще данную постепенность и дать написаніе подобное встрѣчающемуся въ М. Е. — корабь. Сохраненіе значка, при пропускѣ л, напр.: пристѣль (на ряду съ пль), земи и пр. указываетъ, по моему мнѣнію, на то, что здѣсь удерживаются уже безсознательно данныя оригинала.

Въ позднѣйшей части З. Е. только З формы съ л: дивлѣахж, коульж, авраамлѣ, остальные — безъ л.

§ 12. Извѣстнаго рода переживанія языка мы наблюдаемъ также въ склоненіи слова господь.

З. Е.	М. Е.
Род. п. ѣи Ме. 25 21, Л. 1 43.	ѣи.
гѣ Л. 1 45.	”
” Л. 20 37, 24 3, 13 16.	ѣа.
І. 15 20.	
ѣа Л. 12 27, 36.	”
” Ме. 25 23.	ѣи.
Дат. п. ѣю І. 6 23.	ѣѣ.
” Л. 19 8.	ѣи.
ѣви Мр. 12 36, Л. 1 17,	ѣви.
2 23, 38.	

Эти факты обнаруживаютъ, что у писца З. Е. были формы: ѣдѣ, ѣ. ю (еви) и пр., что начиналось уже отвердѣніе ѣдѣ — ѣди, вѣроятно, подѣ влияніемъ ѣга, а формы ѣди и пр., по всей вѣроятности, относятся къ подлинникамъ.

Слово кесарь склоняется по мягкому и твердому скл.: кесарѣ, —а, овъ, еви и пр., между тѣмъ какъ цѣсарь только по мягкому. Обыкновенно считаютъ цѣсарь болѣе раннимъ заимствованіемъ (Ср. Щепкинъ, Разсужд. 280), мнѣ же кажется, что эти слова были заимствованы одновременно, при чемъ кесарь имѣло специальное приложеніе къ византійскому вазилевсу, а цѣсарь заимствовано посредствомъ латинскаго но уже на греческой почвѣ. Что моя догадка имѣетъ нѣкоторыя основанія, укажу на то, что цезарями со времени Адриана назывались 2 помощника при „августѣ“.

§ 13. Въ формахъ склоненія прилагательныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій мы видимъ въ З. Е. различныя наслоенія — результатъ вліянія различныхъ нарѣчій, т. к. трудно предполагать засвидѣтельствованіе здѣсь колебательнаго состоянія въ извѣстномъ періодѣ развитія языка. Употребленіе, напр. въ род. п. ед. ч. аего, ааго и аго заставляетъ склониться къ признанію въ говорѣ послѣдняго писца аго, т. к. мы видимъ постепенное проникновеніе стяженныхъ формъ и въ другія окончанія.

Подъ окончаніями ѣихъ, ѣими и пр. видятъ неточное изображеніе ѣихъ, ѣими и пр. (Vondrak, Zur Declination, Arch. 22; Ср. Leskien Die Declination im slav. und i., 130 и сл.). Если подъ этими начертаніями скрываются полныя, то такія формы, какъ нечистыхъ Мө. 101, другымъ Л. 443 и др. считаются уже стянутыми (Vondr., ibid.). Впрочемъ я долженъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ѣи по произношенію было тождественно ѣї, ѣии; въ этотъ убѣждаетъ меня сравненія съ М. Ев. и сравненія различныхъ примѣровъ самомъ З. Е.:

З. Е.	М. Е.
животънъ I. 648.	— ѣи.
„ — 35.	— ѣии.
добръ I. 1011.	— ѣи.

З. Е.	М. Е.
другъ Л. 741.	— Ъ.
— ѡ Л. 961.	— Ъ.
истинъныи I. 632.	— Ъ.

Сходство въ З. Е. и М. Е. свободно можетъ указывать на то, что въ подобныхъ написаніяхъ заключаются остатки прежней графики.

Въ З. Е. гораздо болѣе сокращенныхъ формъ. Что писецъ М. Е. иной разъ прямо-таки поддѣлывался подъ полныя формы, указываетъ любопытное измѣненіе: о имѣштимъ бѣсънѣмъ (З. бѣсънѣмъ, оглавл. стъ Луки, Мар. Е. 187 21).

§ 14. Въ 3-мъ лицѣ ед. ч. наст. врем. въ нѣк. случаяхъ мы имѣемъ аатъ: подобаатъ Л. 9 22, 19 5, 24 7, подобаа Л. 18 1 (въ друг. случ. аетъ), разбиваатъ Мр. 9 18, прѣжаатъ Л. 9 39, съконъчаатъ Мѳ. 4 14, авлѣатъ Мѳ. 24 27. Этимъ всѣмъ примѣрамъ въ М. Е. также соотвѣтствуетъ аатъ, притомъ окончаніе это для М. Е. является гораздо болѣе распространеннымъ. Также 2 л. мн. ч. 1 примѣръ въ З. Е. — помышлѣате Мр. 8 17 (др. ѳете: Л. 5 22, Мр. 2 8, I. 11 50), Мар. — аате (др. прим.: ѳате). Ак. Ягичъ объясняетъ появленіе этого окончанія аатъ тѣмъ, что въ живой рѣчи уже тѣ не произносилось и ае, ассимилируясь въ аа, давало въ сущности а. Но этому объясненію прежде всего противорѣчатъ довольно многочисленныя примѣры 2 л. мн. ч. въ М. Е. съ аате, гдѣ уже никоимъ образомъ нельзя говорить о сокращеніи окончанія. Распространенность окончанія аатъ я ставлю въ параллель съ распространенностью окончаній ааго изъ аего въ М. Е., въ частности же относительно З. Е. скажу, что болѣе рѣдкое употребленіе аатъ и совпаденіе въ этихъ случаяхъ съ М. Е. заставляеть, скорѣе, видѣть здѣсь данныя оригинала З. Е.

§ 15. Уже отмѣченъ нами примѣръ приобрѣтъхъ Мѳ. 25 20 (далѣе Мѳ. 25 22 — тохъ), гдѣ аор. I. измѣненъ

во II прибавкой хъ; то же самое приджшж Mr. 515, гдѣ изъ придж аор. I прибавкой нж сдѣл. 2-й аористъ. Въ М. Е. мы также видимъ иной разъ замѣны аор. 1—2-мъ, иногда даже поправки (Яг., М. Е., 450). Дѣлая иногда подобн. замѣны, М. Е. въ то же время гораздо послѣдовательнѣе въ употребленіи 1-го аориста.

Наблюденія надъ формами имперфекта убѣждаютъ, что и въ З. Е. и въ М. Е. есть склонность перейти къ формамъ сокращеннымъ. Сравненіе различныхъ формъ приводитъ къ заключенію, что ф. полныя были свойственны, по всей вѣроятности, оригиналамъ; замѣняя эти формы иногда сокращенными, З. и М. Е. расходятся, выставляя въ различныхъ мѣстахъ эти формы; объясняется это самостоятельностью въ замѣнѣ; случаи же совпаденія сокращ. формъ могутъ быть объясняемы, съ одной стороны, случаемъ, съ другой — возможностью возникновенія этихъ сокращенныхъ формъ въ непосредственныхъ подлинникахъ.

Разница въ формахъ иной разъ можетъ подтверждать (хотя отчасти, конечно) тѣ наблюденія, которыя сдѣланы о 2-хъ редакціяхъ З. и М. Е. (Vondr., Altisl. St., 53—67) или, какъ мы выражаемся, о посредствующихъ оригиналахъ.

§ 16. Позднѣйшая часть З. Е. являлась дополненіемъ, очевидно, затерянныхъ листовъ памятника, на это указываетъ особенно то обстоятельство, что послѣдняя страница подговялась: писецъ сначала, думая, что не помѣстится остающееся, нанизывалъ строки (этимъ прежде всего послѣдн. страница отличается отъ предыдущихъ), а затѣмъ уже дописывалъ разгонисто, остановившись въ концѣ концовъ на полустроку.

Нѣкоторыя особенности языка этой части уже затронуты. Особенно здѣсь поражаетъ частое употребленіе жж вм. ж; только 2 раза употреблено жж, при чемъ начертаніе очень похоже на начертаніе Вѣнскихъ Листковъ — ээ; встрѣчаются случаи смѣшенія носовыхъ: сж — сж Ме. 1834, ежже и др. Есть и замѣна оу — жж: жжглжж. Ме. 2142

(вм. оу). Здѣсь сильно замѣтна уже какая-то нечувствительность къ правильной постановкѣ носовыхъ. Другая черта — это одно только *ѣ* и попадающееся кое-гдѣ (особенно на концѣ строчекъ) написаніе кирилловскаго *ѣ*, при чемъ это *ѣ* для писавшаго играло такую же роль, какъ глагол. *ѣ*. Наболѣе ясно объ этомъ свидѣлствуютъ такіа написанія: *малѣи*, *мѣислити*, *бѣити* и пр.

Эта часть написана несомнѣнно значительно позже древнѣйшей. Если древнѣйшую мы относимъ къ XI в., то позднѣйшую отнесли бы къ XII столѣтію. Впрочемъ, здѣсь, конечно, нельзя видѣть какой-то послѣдовательности, преемственности, т. к. на 2-й части могло отражаться иное нарѣчіе, поэтому если мы и выставляемъ данное предположеніе, то принимая во вниманіе совокупность данныхъ, въ томъ числѣ и палеографическихъ.

Большинство данныхъ говорятъ о болгарскомъ происхожденіи древнѣйшей и позднѣйшей частей З. Е. Такъ высказывается и ак. Ягичъ, прибавляя, что характерныя ошибки писца древн. ч. З. Е. указываютъ также на область, близкую къ сербской. Здѣсь прибавлю одинъ примѣръ, который также можетъ свидѣлствовать о сербскомъ вліяніи: оудворѣаше Л. 21 37 (въ Мар. Е.: въдворѣаше), то же въ поздн. ч. оудвори сѣ Мѣ. 21 17. Кирил. синаксарь не представляетъ ничего особеннаго (кромѣ уже высказ. въ Proleg. Ягича) по языку и памятникъ этотъ можно вслѣдъ за ак. Ягичемъ относить къ XII вѣку или можетъ быть, скорѣе — къ началу XIII ст.

§ 17. Переходя къ синтаксическимъ особенностямъ З. Е., я долженъ повторить, что выдвину лишь нѣкоторыя изъ этихъ особенностей. Подробное изложеніе всѣхъ особенностей съ извѣстными параллелями изъ другихъ памятниковъ обратилось бы въ построеніе цѣлаго синтаксиса др. ц.-слав. языка. Не задаваясь подобной цѣлью, я въ то же время долженъ здѣсь сказать нѣсколько словъ относительно методической стороны подобнаго построения.

Синтаксисъ древне-церковно-славянск. языка долженъ строиться какъ бы на фонѣ синтаксиса греческаго. Прежде всего необходимо исходить изъ сличеній съ греческимъ текстомъ, дабы опредѣлить нѣкоторыя своеобразныя отклоненія, дабы не отнести то, что всецѣло относилось къ греческому языку, на долю языка славянскаго.

Сличенія др. ц. сл. переводовъ съ греческими оригиналами показываютъ ихъ полную зависимость отъ этихъ послѣднихъ, рабскую во многихъ случаяхъ подражательность, и потому нужно быть очень осторожнымъ при характеристикѣ того или другого явленія въ древне-церк.-слав. синтаксисѣ.

Съ извѣстнымъ ограниченіемъ можно согласиться съ общей характеристикой евангельскаго перевода, каковую находимъ въ трудѣ проф. Г. А. Воскресенскаго „Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка“ (Чт. Общ. Ист. и Др. 96 г. I, 186): „При вообще дословной передачѣ подлинника соблюдаются однакожъ требованія славянскаго синтаксиса“. Сохраненіе нѣкоторыхъ особенностей славянскаго синтаксиса безспорно, но подражаніе греческому тексту и въ подобныхъ случаяхъ вело къ уклоненіямъ отъ этихъ особенностей. „Свободу первыхъ переводчиковъ“, ихъ „разумное вниманіе къ требованіямъ славянскаго языка“ авторъ находитъ явно выраженными въ разныхъ частныхъ случаяхъ, которые онъ группируетъ (руководствуясь матеріаломъ изъ Евангелія отъ Марка). И особенно характерно, что „всею чаще свобода первыхъ славян. переводчиковъ“ отмѣчается авторомъ въ разстановкѣ словъ. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣйствительно, можно отмѣтить уклоненія относительно разстановки словъ отъ греческаго подлинника, то общая картина даннаго вопроса является наиболѣе яркимъ доказательствомъ противъ „свободы“.

§ 18. Стремленіе передать дословно евангельскій текстъ на славянскій языкъ было причиною того, что пере-

давались въ переводѣ не только грецизмы, но и внесенные въ греческій текстъ гебраизмы. Это сказалось особенно на конструкціи нѣкоторыхъ глаголовъ, которые соединялись съ предлогами (напр.: блюдетъ сѣ отъ — *βλέπετε ἀπὸ*).

Уже давно отмѣчалась особенность славянскаго текста въ передачѣ въ нѣкот. случаяхъ греч. родит. пад. именемъ прилагательнымъ. Оказывается (Blass, *Grammatik der neutestam. Griechisch*. Gött. 1902, 100), что нѣкоторыя соединенія съ родит. надежомъ въ греческомъ текстѣ объяснялись влияніемъ текста еврейскаго, а въ еврейскомъ языкѣ замѣтно слабое развитіе имени прилагательнаго.

Остановлюсь теперь на отдѣльныхъ оборотахъ:

камень его же не врѣдоу сътворишѣ зиждѣштеи.
сѣ . . . ї есть дивѣна Мр. 12 10—11 (Ср. Мѣ. 21 42)

дивѣна, относящ. къ камень, есть дословный переводъ греч. *θαυμαστή*, при чемъ въ подобномъ согласованіи Блассъ предполагаетъ возможнымъ видѣть влияніе еврейскаго текста. Одно непонятно въ приведенномъ предположеніи: Блассъ говоритъ о замѣнѣ здѣсь средняго рода женскимъ (стр. 85: *femininum statt neutrum scheint zu stehen . . .*)

Можетъ быть, проще было бы объяснить тѣмъ, что и въ греческомъ яз. *λίθος* было мужеск. и женскаго рода, при чемъ *ἡ λίθος* употреблялось для обозначенія опредѣленныхъ камней или камней драгоценныхъ (см. подробнѣе объ этомъ у Gröner'ta *Memoria graeca*, Lipsiae 1903 177 и прим.; у Mauser *Grammatik der griech. Papyri aus d. Ptolemäerzeit*, Leipz. 1906 г. 262). Впрочемъ, Блассъ въ своей грамматикѣ отмѣчаетъ, что въ новозав. книгахъ слово *λίθος* и въ смыслѣ камня драгоценнаго имѣетъ членъ *ὁ* (стр. 27).

Передавая дословно — *εἶπον ἐκ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ πρὸς ἀλλήλους* I. 16 17 — рѣшѣ же ї отъ оученикъ его къ себѣ, переводчикъ такимъ образомъ также не давалъ подлежащаго въ своемъ текстѣ (Blass совершенно, мнѣ думается, напрасно считаетъ въ привед. греч. текстѣ *ἐκ*

τῶν μαθητῶν употребленнымъ въ качествѣ подлежащаго — стр. 100 — здѣсь естественнѣе предполагать пропускъ мѣстоименія въ именит. падежѣ; поэтому для другого примѣра *ἐκ τοῦ ὄχλου ἀκούσαντες* I. 7 40 — переданномъ въ З. Ев. мпози же отъ народа . . . — вставка *πολλο* не являлась бы интерполяціей).

Вмѣсто 2-го именительнаго мы видимъ соотвѣтственно греческому тексту (въ свою очередь заимствовавшему въ данномъ случаѣ изъ еврейскаго, см. Blass, Gramm. 88) иногда постановку предлога въ съ винительнымъ падежомъ:

и бжджтъ стрѣптъянаа въ праваѣ і остріѣ въ пшти гладъкы Л. 3 5

καὶ ἔσται τὰ σχολὰ εἰς εὐθείας, καὶ αἱ τραχεῖαι εἰς ὁδοὺς λείας

печаль ваша въ радость бждетъ I. 16 20 Подоб. об. Мө. 19 5.

Соотвѣтственно греч. тексту:

что же сѣтворѣж іѣа нарицаемаго ꙗа Мө. 27 22
τί οὖν ποιήσω Ἰησοῦν, τὸν λεγόμενον Χριστόν;

кромѣ конструкціи послѣ *ποιεῖν* — *τινά τι* имѣется и *τινά τι*; соотвѣтственно послѣдней мы видимъ:

что сѣтворитъ дѣлателемъ тѣмъ Мө. 21 40.

Въ примѣрѣ: іди въ миръ Л. 7 50, 8 48 — *ὑπάγε εἰς εἰρήνην*,

но то же греч. выраж. Мр. 5 34 — съ миромъ;

вмѣсто *εἰς εἰρήνην* — должно бы быть: *ἐν εἰρήνῃ*, но подобныя смѣшенія *εἰς* и *ἐν* въ греческихъ текстахъ встрѣчаются (Blass 124—5).

Наряду съ оборотами:

і еже мѣнить сѣ імѣѣ Л. 8 18 — *καὶ ὁ δοχεῖ ἔχειν*, отсут. въ Зогр. — изъ Мар.: мѣнѣахж дѣхъ видаште Л. 24 37 (то же въ Остр. Ев.)

имѣемъ: мнить сѣ быти Л. 10 36 *δοχεῖ . . . γερονέναι* Под. Л. 22 24. I. 5 39, 16 2.

· Въ примѣрѣ:

напоитъ въ чашѣ воды Мр. 9 41. Подоб. Мө. 10 42

ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον

чашѣ, какъ въ греч., винительный падежъ,

Соотвѣтственно:

μηδὲν βλάβαν αὐτόν находимъ: никакоже не врѣждь
его Л. 4 35.

Въ соотвѣтствіи съ греческимъ текстомъ находимъ
употребленіе звательнаго падежа съ *ω* и безъ *ω*, напр.:

братре Л. 6 42 — *ἀδελφε*

ѡче Мө. 6 9 — *πάτερ*

ω жено Мө. 15 28 — *ὦ γυναί*

жено Л. 22 57 — *γυναί*.

И въ другихъ случаяхъ находимъ полное соотвѣтствие
греческому тексту.

Иногда отмѣчаемъ и такіе примѣры:

отроковице встани Л. 8 54, а въ греческ.: *ἡ παῖς*
ἐγείρου.

Соотвѣтственно конструкціи греч. текста мы имѣемъ
такіе образцы:

в'сѣкому же емоуже дано бѣ^ѣ много їзиштеть
сѣ отъ него Л. 12 48, т. е. видимъ постановку в'сѣкому
въ падежъ относительнаго мѣстоименія придаточнаго предло-
женія. (аттракція, *πάντι δὲ ᾧ* . . .) Камень егоже не-
врѣдоу сътворишѣ зиждѣштей съ бѣ^ѣ . . . Мр. 12 10,
гдѣ камень вин. п. (*λίθον ὃν ἀπεδοχίμασαν οἱ οἰχοδρομοῦντες,*
οὗτος ἐγενήθη . . .) Отступленіе отъ греческаго текста имѣемъ
въ: помѣнѣти завѣтъ . . . клѣтвѣ ежже клѣтъ сѣ . . .
Л. 173 — *μησθῆναι διαθήκης* . . . *δρῶν ὃν ᾧμοσε*. Это отсту-
пленіе было обусловлено тѣмъ, что въ славянскомъ языкѣ
послѣ глаг. помѣнѣти поставленъ винительный, такъ обра-
зомъ сгладилась разница въ падежѣ: завѣтъ и клѣтвѣ,
съ другой стороны форма клѣтъ сѣ требовала творитель-
наго падежа.

оказывается, *πλήρης* употреблялось въ греческ. новозавѣтныхъ книгахъ въ несклоняемомъ видѣ (Blass, Gramm., 84), употребленіе этой несклоняемой формы отмѣчалось и въ болѣе раннихъ памятникахъ (см. объ этомъ у G. Stöbert — *Memoria Graeca Herculaneensis, Lipsiae 1903, 179—80* прим.). Устанавливая источники даннаго слова, мы въ то же время не отнесемъ его къ склоненію на *ι*, а будемъ считать форму, имѣвшую значеніе нарѣчія.

Объясняя :

свободѣ бждете I. 8 33, 36, въ греч. *ἐλεύθεροι*, мы могли бы предположить если не возможность употребленія даннаго прилагательнаго въ греч. текстѣ также въ видѣ несклоняемомъ (напр. въ видѣ нарѣчія), то по крайней мѣрѣ аналогичное образованіе въ слав. текстѣ, аналогичное съ предыдущимъ. Въ данномъ случаѣ аналогичнымъ представляется мнѣ образованіе нарѣчія согласно греческ. тексту въ слѣдующихъ случаяхъ :

неудобѣ видѣтъ МѠ. 19 23 (Мар. неудобѣ)
δυσκόλος. Подсбп. Мр. 10 23, Л. 24 ;

послѣдѣ же прпдошм МѠ. 25 11 *ἴστερον*. Подобн.
МѠ. 21 29, 32, 37. МѠ. 22 27, 26 60. Мр. 4 2, 20 32, I. 13 36.

Такимъ образомъ дѣлается яснымъ происхожденіе въ др. ц. слав. „несклоняемыхъ“ прилагательныхъ.

Въ связи съ сказаннымъ остановлюсь еще на слѣдующихъ примѣрахъ: се полъ ѣмѣниѣ моего... дамъ Л. 19 8 — *τὰ ἡμίση τῶν ὑπαρχόντων (τὰ ἡμίσητα)*

дамъ ти до полъ ѣрсифъ моего Мр. 6 23 — *ἕως ἡμίσεως τῆς βασιλείας*.

Въ послѣднемъ случаѣ мы уже видимъ начало несклоняемости полъ. Интересно, что и въ греческихъ текстахъ ветх. завѣта отмѣчается *ἡμῶν* какъ несклоняемое (H. Thackeray. *A grammar of the Old Testament in Greek according to the Septuagint V. I, Cambridge 1909, 179*. Ср. *Berliner philologische Wochenschrift* № 39, 1910 г., стр. 1253).

Къ области „несклоняемых“ я отношу и прѣлюбы, любѣи въ оборотахъ:

не прѣлюбы твориши	Мѣ. 5 ²⁷	(то же въ Деч. Ев.)
оуже любы сѣтвори	„ 5 ²⁸	„
творить ѡ прѣлюбы дѣати	5 ²³	„
прѣлюбы дѣеть	„ 5 ³²	„
„ дѣи	Мр. 10 ¹⁹	(въ Мар. прѣлюбъ; Остр. Е. — ѣ)
„ сѣтвори	Л. 18 ²⁰	(Мар. „)

та же форма въ доб. ч. З. Е. Мѣ. 18^{10 bis}, 18 (то же Мар. Ев., а затѣмъ Мр. 10¹¹, 13, Л. 16^{18 bis}; то же въ Мар. Ев.).

То обстоятельство, что въ З., С., О. Ев. мы имѣемъ только формы прѣлюбы, что въ Мар. Ев. встрѣчается лишь 2 раза форма прѣлюбъ, а въ осталн. случаяхъ также прѣлюбы, заставляетъ меня отнести отрицательно къ мнѣнію ак. Ягича и затѣмъ Н. П. Некрасова, что въ ф. прѣлюбъ имѣется вин. пад. ед. числа. По моему, если въ этихъ 2 случаяхъ не ошибочное написаніе, то въ крайнемъ случаѣ — уже видоизмѣненіе формы любы изъ сочетанія прѣлюбытворити, какъ одного, сложнаго слова.

Форма прѣлюбы вызываетъ недоумѣнія. Уже Востоковъ объяснялъ эту форму какъ несклоняемую (см. словоук. къ Остр. Ев., 236). Ягичъ (Мар. Ев., 438) считалъ данную форму вин. пад. мн. ч. отъ прилагательнаго или же нарѣчіемъ; наряду съ этимъ прѣлюбъ онъ считалъ вин. пад. ед. ч. Это мнѣніе о формѣ вин. пад. служитъ основною мыслію въ небольшой статьѣ Н. П. Некрасова („Замѣтка о старослав. формѣ любы въ выраженіи любы дѣати“ въ Изв. Отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. 1909 г. № 4). Г. Некрасовъ видитъ въ подобныхъ выраженіяхъ пропускъ ранѣе бывшаго здѣсь имени существительнаго дѣи. Основу для опредѣленія этого пропускаемаго слова даютъ г. Некрасову такія сложныя слова, какъ: любодѣй, любодѣица и пр. Но дѣло въ томъ, что сами то эти слова явились какъ послѣдствіе разбираемыхъ оборотовъ,

и такимъ образомъ нельзя изъ нихъ исходить. Не считая предположеніе г. Некрасова, выясняющее происхожденіе рассматриваемыхъ оборотовъ, убѣдительнымъ, я вполне согласенъ съ высказываемой имъ мыслью, что прѣлюбы и любви въ данныхъ случаяхъ являлись уже какими-то неизмѣняемыми словами (на что указываетъ переходъ этихъ формъ въ предложеніяхъ отрицательныхъ въ родит. падежъ). Нужно принять во вниманіе также, что въ греческомъ соотвѣтственно данному выраженію мы находимъ одно слово: *μοχεύειν*.

§ 20. Въ правилахъ согласованія сказуемаго мы видимъ слѣдованіе греческому тексту, въ нѣкоторыхъ случаяхъ только замѣчаются отступленія. Эти отступленія прежде всего сказываются относительно согласованія съ подлежащимъ средняго рода множ. числа. Правда, нужно замѣтить, что въ греческихъ переводахъ уже не соблюдается правило аттического языка, ставившаго въ данномъ случаѣ единственное число. Въ переводѣ евангелій мы видимъ колебанія въ постановкѣ (см. *Grammatik d. neutestament. Griechisch von Fr. Blass, 81*). Такимъ образомъ славянскіе переводчики шли по тому пути, который рѣзко обозначался въ ихъ оригиналахъ и который привелъ къ употребленію въ новогреческомъ яз. множественнаго числа.

Примѣрамъ согласованія по смыслу мы находимъ параллели въ греческихъ текстахъ:

I. 62: по немъ же идѣаше народъ много ѣко видѣахъ *ἤκολούθει ὄχλος πολὺς, ὅτι ἐθεώρου*

Особенно интересны въ данномъ случаѣ такіе примѣры:

I. 749: народосъ іже не вѣсть закона проклати сѣтъ *ὁ ὄχλος οὗτος ὁ μὴ γινώσκων τὸν νόμον ἐπικατάρτοι εἰσὶν*
къто сѣтъ братриѣ моѣ Мѣ 12⁴⁸ *καὶ τίνες εἰσὶν ἄδελφοί μου.*

Въ примѣрѣ:

зъванъ же бѣ *Ἰησοῦς* і оученици его I. 22
ἐκλήθη δὲ καὶ Ἰησοῦς καὶ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ

сказуемое, стоя вначалѣ, согласовано съ ближайшимъ подлежащимъ. Если бы оно стояло послѣ подлежащихъ, то оно получило бы форму множ. ч. или двойств. ч.

Въ примѣрѣ:

народъ же стои́и слышавъ глаахж громъ бысть ѿни глахж . . . I. 12²⁹ (то же Мар. и Остр.) — *ὁ οὖν ὄχλος ὁ ἐστὼς καὶ ἀκούσας ἔλεγε . . . ἄλλοι ἔλεγον . . .* форма глаахж, по всей вѣроятности, объясняется не только значеніемъ слова народъ (какъ въ другихъ случаяхъ), но и дальнѣйшимъ: ѿни глахж.

Наблюдаемая иногда непослѣдовательность въ согласованіи мѣстоименія иже коренится, какъ оказывается, въ греческихъ оригиналахъ:

на дворъ еже есть прѣторъ Мѡ. 15¹⁶ — *τῆς ἀλλῆς ὅ ἐστιν πραιτώριον.*

двѣ лептѣ еже есть кондратъ Мр. 12⁴³ — *λεπτὰ δύο, ὅ ἐστιν κοδραντής.*

Иногда первоначальное согласованіе нарушается въ силу своеобразности передачи оборота:

на дворъ архиереевъ парицаемаго каѣфа Мѡ. 26³ *εἰς τὴν ἀλλήν τοῦ ἀρχιερέως τοῦ λεγομένου Καϊάφα . . .*

Нарушеніе внутренняго согласованія находимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

ли кѣто есть отъ васъ чѣкъ еже аште въспроситъ снѣ твои хлѣба еда камень подасть емоу . ли аште рыбѣ подаси ли емоу змиж. Мѡ. 7⁹.

Здѣсь т. обр. находимъ чередованіе 2 и 3 лица; для послѣдовательности необходимо было бы вм. твои — свои, вм. подаси — подасть.

Въ греческомъ же:

ἢ τίς ἐστιν ἐξ ὑμῶν ἄνθρωπος, ὃν αἰτήσει ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἄρτον, μὴ λίθον ἐπιδώσει αὐτῷ.

§ 21. Вспомогательный глаголь есть иногда опускается. Въ данномъ случаѣ переводчики шли за своими

оригиналами, но иногда мы видимъ и постановку есть, несмотря на пропускъ вспомогательнаго глагола въ греческомъ оригиналѣ:

что есть намъ МѠ. 27 4,

τί πρὸς ἡμᾶς,

что е тебѣ I. 21 22, 23 (то же — е въ Мар. Ев.).

Соотвѣтственно греческ.: *μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι*

МѠ. 53 блажени ништиі дѣомъ,

всѣ възможна тебѣ сѣтъ Мр. 14 36,

πάντα δυνατά σοι,

аште есть възможно МѠ. 24 24,

εἰ δυνατόν,

но, въ то же время: ничьсоже тебѣ і правдь-
никоу томоу МѠ. 27 19,

μηδέν σοι καὶ τῷ δικαίῳ ἐχέινω,

что есть нама и тебѣ МѠ. 8 29 (то же въ Мар. Ев.),

τί ἡμῖν καὶ σοί,

то же Мр. 1 24,

а Мр. 5 7: что мьнѣ і тебѣ (то же въ Мар. Ев.),

I. 2 4, Л. 8 28: что есть мьнѣ і тебѣ (то же въ

Мар. Ев.), въ греческомъ съ пропускомъ вспомогательнаго глагола.

Сравненіе съ греческимъ текстомъ заставляеть думать, что въ приведенныхъ мѣстахъ есть поставлено по требованію славянской рѣчи.

Приведу нѣкоторыя подобныя данныя изъ Свят. Изборн. 73 г.:

всѣмъ е іавѣ (*πᾶσι φανερόν*),

какъ е родилъ бѣ (*πῶς ἐγέννησεν ὁ θεός*),

аште ли бечиньное іе о бѣѣ такъ въпрошати (*εἰ δὲ ἄτοπον ἐπὶ θεοῦ τὸ τοιοῦτον ἐπερωτᾶν*).

Сравнивая данныя фразы въ др. ц. сл. и греческомъ мы видимъ отсутствіе въ греческомъ текстѣ вспомогательнаго глагола и постановку этого вспомогательнаго глагола въ славянскомъ въ позднѣйшей формѣ е, іе. Наряду

съ этимъ въ другихъ мѣстахъ мы отмѣчаемъ въ славянскомъ форму *ієсть*, а въ греческомъ соотвѣтственно *ἔστι*. Это заставляетъ думать о возможности вліянія этой послѣдней формы на удержаніе въ слав. текстѣ *ієсть*:

вѣровати е приходѣщоу- *πιστεύσαι γὰρ δεῖ τὸν προσ-*
оумоу къ бѣу, іако *ερχόμενον τῷ θεῷ, ὅτι*
ієсть *ἔστι . . .*

(здѣсь особенно интересно сопоставить *е* — *δεῖ*, *ієсть* — *ἔστι*)
еже бо *єсть*, бѣ, и *єсть* . *ὃ γὰρ ἔστιν, ἦν, καὶ ἔστι . . .*

Сплошь и рядомъ приходится отмѣчать постановку вспомогательнаго глагола въ формѣ *іє*, тамъ гдѣ нѣтъ ему соотвѣтствія въ текстѣ греческомъ:

того дѣла жъ *іє* држгъ *διὰ τοῦτο αὐτὸς μὲν φίλος;*
(вслѣдъ за этимъ предложениемъ идетъ: вы же врази — *ὄμητις δὲ ἐχθροὶ* — въ которомъ какъ бы уже не нуженъ вспомогательный глаголъ). Съ подобными примѣрами постановки *є*, *іє* слѣдуетъ сравнить ранѣе приведенный примѣръ изъ З. Е.: чѣто *є* тебѣ I. 21 22, 23, соотвѣтствующій греч.: *τί πρὸς σέ.*

§ 22. „Die Regel, wonach im Praedicate die unbestimmte Form des Adjectivs erscheinen muss und von der es in den modernen slav. Sprachen zahlreiche Abweichungen giebt, erscheint Aksl. streng durchgeführt: чловѣкъ же одинъ бѣ богатъ *ἄνθρωπος δὲ τις ἦν πλούσιος* Luc. 16.19 Mar. gegen оумрѣтъ же и богатыи *ἀπέθανεν δὲ καὶ ὁ πλοῦσιος* Luk. 16.22 Mar. (Вондракъ, Грам., 266).

Выставленное правило должно быть признано очень важнымъ; указанное употребленіе формъ неопредѣл. прилагательныхъ при выраженіи сказуемаго является характернымъ, конечно, и для Зогра. Ев. Но болѣе внимательное отношеніе къ даннымъ евангельскимъ текстамъ, затѣмъ сличенія съ соотвѣтствующимъ греческимъ текстомъ приводятъ къ наблюденіямъ, которыя должны видоизмѣнить нѣсколько указанную фоумулировку.

Прежде всего, начнемъ съ данныхъ сличенія. Оказывается, что славянскій переводчикъ передавалъ посредствомъ опредѣленныхъ прилагательныхъ, причастій, — соотвѣтств. греческія имена съ членомъ, а греческія имена прилагат. и пр. безъ члена передавались слав. прилагат., причастіями неопредѣленными.

Прилагательное или причастіе, входящія въ составъ предиката, не имѣли предъ собою члена. Такимъ образомъ употребленіе неопредѣленныхъ формъ прилагательныхъ въ предикатѣ находило себѣ извѣстную поддержку въ греческомъ текстѣ. Безспорно это употребленіе было также и въ слав. языкѣ. Если такимъ образомъ явленіе славянскаго языка поддерживалось извѣстнымъ соотвѣтствіемъ въ греческомъ текстѣ, то особенное вниманіе наше должны оставаться наливать такіе примѣры:

година бѣ ѣко третиѣѣ I. 19 14; въ Мар., Остр., Савв.: — ѣко шестаа въ греч.: *ὡς ἕκτῃ* —

и бжджтъ стрѣпѣтънаа въ праваѣ Л. Зѣ *καὶ ἔσται τὰ σχολὰ εἰς εὐθείας.*

Прежде всего эти примѣры говорятъ противъ того, что указанное правило „строга“ проводится въ древнецерк.-слав. языкѣ. Затѣмъ, само значеніе этихъ примѣровъ увеличивается оттого, что въ соотвѣтствующемъ греческомъ текстѣ въ предикатѣ нѣтъ члена: слѣдовательно опредѣленныя формы въ славянскомъ текстѣ — результатъ требованій чисто славянской рѣчи. Что славянскій же переводчикъ строго вообще держался греческаго текста, указываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передача причастій, входящихъ въ составъ сказуемаго:

бѣ же мариѣ пома- *ἦν δὲ Μαρία ἡ ἀλείψασα*
 завѣшиѣ ѣѣ мѣромъ I. 10 2 *τὸν κύριον μύρω καὶ*
 і отрѣши *ἐπιθήκασα*
 есть іштаи і сжда I. 8 50 *ἔστιν ὁ ξητῶν καὶ κρίνων.*

Или возьмемъ въ роли дополненія:

ї не оубоите сѣ оубиваѣштихъ тѣла а дѣша не могшть оубити Мѹ. 10 28 *καὶ μὴ φοβηθῆτε ἀπὸ τῶν ἀποκτείνοντων τὸ σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δυναμένων ἀποκτεῖναι.*

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ, что опущеніе члена въ греческ. текстѣ передъ вторымъ причастіемъ ведетъ къ употребленію уже неопредѣл. формы причастія въ слав. текстѣ и такимъ образомъ къ непослѣдовательности.

Иногда имѣемъ и извѣстныя несоотвѣтствія :

ї старѣѣ ѣко слоужа Л. 22 28 *καὶ ὁ ἡγούμενος ὡς ὁ διακονῶν*, но нѣсколько далѣе соотвѣтственно греческому: азъ . . . ѣко слоужаѣ, вы же есте прѣбывъшеі . . .

§ 23. Я уже останавливался на такъ называемомъ оборотѣ „дательный самостоятельный“ и высказалъ свой взглядъ на происхожденіе этого оборота. Теперь пользуясь наиболѣе типичными оборотами изъ З. Е., я нѣсколько разовью сказанное ранѣе.

Если бы дательный самостоятельный былъ оборотомъ только искусственно привитымъ и не имѣвшимъ никакой почвы подъ собою въ самомъ славянскомъ языкѣ, тогда представлялось бы страннымъ, зачѣмъ понадобилось при переводѣ передавать этимъ оборотомъ подобныя мѣста :

καὶ εἰσελθόντα αὐτὸν εἰς οἶκον, οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ ἐπρωτῶν αὐτὸν . . . Мр. 9 28.

Совершенно свободно, не нарушая требованій строя славянскаго языка, переводчикъ могъ бы довольно близко передать эту форму. Между тѣмъ передача такова :

ї въшѣдшюму въ домъ оученици его въпрашаахъ 1.

Могъ же переводчикъ передавать близко къ тексту: бысть же въ сѣботѣ . . . їти емоу . . . Л. 61 *ἔρχετο . . . διαπορεύεσθαι αὐτὸν . . .* Подоб. Л. 66 и др.

Ячейкой для развитія дательнаго самостоятельнаго могли быть такіе примѣры :

ѣджштемъ їмъ рече Мѹ. 26 21 *ἐσθιόντων αὐτῶν εἶπεν.*

Кромѣ того дательный самостоятельный могъ основываться и на такихъ оборотахъ :

І бысть възлежаштю емоу Мр. 2¹⁵ *καὶ ἐγένετο ἐν τῷ κατακείσθαι αὐτὸν . . .*

І бысть мимоходаштю емоу Мр. 2²³ *καὶ ἐγένετο παραπορεύεσθαι αὐτὸν . . .*

Ісходаштюмоу на пжть прптекъ единъ богатъ Мр. 10¹⁷ *ἐκπορευομένου αὐτοῦ εἰς ὁδόν, προσδραμών εἰς . . .*

отемлѣаштюмоу тебѣ рижж . . . не възбрани Л. 6²⁹ *ἀπὸ τοῦ αἴροντός σου τὸ ἱμάτιον . . . μὴ καλύσης . . .*

чкоу етероу богатоу оугобъзи сѣ нива Л. 12¹⁶ *ἀνθρώπου τινός . . .*

Къ приведеннымъ ранѣ параллелямъ оборотовъ „дательнаго самостоятельнаго“ въ слав. и греческомъ присоединю еще слѣдующія :

І пришѣдъшоу емоу въ цркъ: пристѣпѣша къ нему оучащюу архиереи . . . Мѳ. 21²³,
καὶ ἐλθόντι αὐτῷ εἰς τὸ ἱερόν, προσῆλθον αὐτῷ διδάσκοντι . . .

І излѣвъшю же емоу Іс кораблѣ: абые сѣрѣте и отъ гробъ чкъ . . . Мр. 4²,

καὶ ἐξελθόντι αὐτῷ ἐκ τοῦ πλοίου, εὐθέως ἀπήντησεν αὐτῷ . . .

съшедъшю же емоу съ горы: въ слѣдъ его идж пароди мпози Мѳ. 8,

καταβάντι δὲ αὐτῷ ἀπὸ τοῦ ὄρους, ἠκολούθησαν αὐτῷ ὄχλοι πολλοί

вълѣвъшю емоу въ корабль: по немъ ідоша оучепици его Мѳ. 8²⁴,

ἐμβάντι αὐτῷ εἰς τὸ πλοῖον, ἠκολούθησαν αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ.

Я привожу эти параллели, чтобы показать независимость славянскаго оборота отъ греческаго. Несмотря на то, что здѣсь мы находимъ совпаденія, но въ этихъ совпаденіяхъ замѣчается и разница. Въ приводимыхъ греческихъ примѣрахъ дательный съ причастіемъ. являясь по

характеру уже дательнымъ самостоятельнымъ, сохраняетъ, однако бѣльшій оттѣнокъ зависимости отъ главнаго предложенія. Не то въ славянскихъ примѣрахъ, гдѣ дательный съ причастіемъ уже составляетъ болѣе отдалившійся отъ главнаго предложенія оборотъ : ему нельзя уже примкнуть въ качествѣ какой-то аппозиціи къ одному изъ членовъ главнаго предложенія.

Указывая на возможность выработки дательнаго самостоятельнаго въ слав. языкѣ независимо отъ греческаго, я въ то же время долженъ отмѣтить и слѣдующее. Существованіе оборотовъ, подобныхъ „дательному самостоятельному“ въ приведенныхъ образцахъ, могло вести къ ихъ копировкѣ славянскимъ переводчикомъ ; при этомъ, все же, пужно предполагать, что эти обороты не были чуждыми для славян. переводчика, иначе будетъ непонятно, почему указанные обороты переводились дословно, между тѣмъ какъ дальше слѣдовавшее главное предложеніе измѣнялось въ своей конструкціи согласно требованіямъ славянской рѣчи.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что сплошь и рядомъ въ др. ц. сл. текстахъ встрѣчаются примѣры съ дательнымъ самостоятельнымъ, каковой нельзя объяснить какъ развитіе дательнаго зависимаго. Возьмемъ такіе примѣры : тѣма же ісходаштема · се привѣса чѣкъ къ нему · нѣмъ . . . (Зогр. Е. Мѣ. 9 32), или (тамъ же — нѣсколько дальше) : і изгнаноу бѣсоу · прогла нѣмы . . .

Слѣдующій приводимый мною примѣръ является уже показателемъ вполне сложившагося дательнаго самостоят. :
ішьдъшю же емоу въ врата · оузрѣ дроугаѣ
Мѣ. 26 71.

Между тѣмъ въ греческомъ текстѣ этому примѣру соответствуетъ выраженіе, въ которомъ мы находимъ какъ бы развитіе аппозиціи, развитіе винит. самостоятельнаго :

ἐξελθόντα δὲ αὐτὸν εἰς τὸν πυλῶνα, εἶδεν αὐτὸν ἄλλη.

Въ этихъ слав. оборотахъ мы уже видимъ не развитіе постепенное дательнаго самостоятельнаго, а его употребленіе въ качествѣ уже выработавшейся нормы языка. Въ данномъ случаѣ, какъ я говорилъ ранѣе, процессъ развитія дательнаго самостоятельнаго въ слав. языкѣ, его поступательное движеніе подобно было такому же поступательному движенію родительнаго самостоятельнаго въ греческомъ языкѣ. Въ своемъ развитіи оборотъ этотъ, какъ уже норма чисто литературная, могъ носить извѣстный характеръ искусственности.

Изъ отдѣльныхъ случаевъ „дательн. сам.“ выдвину еще слѣдующіе:

сѣшштюмоу Мѹ. 13 4 } ἐν τῷ σπείρειν αὐτόν ;
 ἰгда сѣшше Л. 8 5 }

сѣшштемъ же чѣкомъ Мѹ. 13 25 — ἐν δὲ τῷ καθέδειν τοὺς ἀνθρώπους ;

поздѣ же бывъшю Мѹ. 8 16, 14 15, 23, 27 57. Мр. 15 42 ;

вечеръ сѣштю Мѹ. 16 2. Мр. 6 47 ;

вечероу же бывъшоу Мѹ. 20 8, 26 20. Мр. 4 35, 14 17 ;

поздѣ же бывъши Мр. 1 32.

Въ греч. *ὀφίας γενομένης*.

Вечеръ употребленъ въ значеніи поздѣ. Такъ мы имѣемъ: не вѣсте бо кѣгда гѣ домоу придетъ вечеръ ли· ли полуношти Мр. 13 35 въ греч.: *ὀψέ ἢ μεσονυκτίου*.

Наряду съ этимъ отмѣчу: оутро же възвращам са . . . възлака Мѹ. 21 19, гдѣ оутро (*πρωίας*) употреблено въ нарѣчномъ значеніи ;

сравнимъ поздѣ же бывъшю Мѹ. 8 16, 14 15, 23, 27 57. Мр. 15 42 *’οφίας δὲ γενομένης* ;

поздѣ же бывъши Мр. 1 32 ;

„ сѣштю часоу Мр. 11 11 ;

и чѣко поздѣ бысть Мр. 11 19, I. 6 16 *ὡς δὲ ὀφία ἐγένετο* ;

какъ замѣтилъ Ягичъ (словоук. къ М. Е. 554), ф. бывъши возникла изъ подражанія греческому обороту, въ которомъ *ὀφία* женск. рода. Что это такъ показываетъ, мнѣ кажется, также слѣдующее мѣсто: Въ вечеръ же сѣботънѣ· свитажшти въ прѣвжж сѣботж· приде... МѠ. 28 1, здѣсь свитажшти соотвѣтствуетъ *τῆ ἐπιφωσκούσῃ* (т. е. *ἡμέρα* или *ώρα*). Переводъ же всего мѣста сдѣланъ неточно.

Въ такомъ же нарѣчномъ выраженіи употреблено, по моему, і ютро пробрѣзгоу зѣло Мр. 1 зѣ, несмотря на то, что ютро опредѣляется еще словами — пробрѣзгоу зѣло. Послѣднее выраженіе я бы объяснилъ такъ, какъ объяснено оно въ матеріалахъ для словаря др.-рус. яз. И. И. Срезневскаго (т. II, в. IV, 1510). Насколько фраза эта была непонятна для переписчиковъ, указываютъ варианты въ рукописахъ: пробрѣзгноу, по брѣгъ (ср. у Воскресенскаго „Характеристическія черты четырехъ редакцій слав. перев. евангелія отъ Марка въ Чт. М. Общ. Ист. и Др. 96 I, 165).

Въ выраженіи:

оузѣрѣшл іса ходашта по морю і близъ кораблѣ бывъшл оубоѣшл сл I. 6 20. Форма бывъшл представляется неправильно написанною: мы ожидали бы — бывъша. Подобную форму — бывъша — мы и находимъ въ Мар. Ев. Такъ что руководясь даннымъ послѣдняго памятника, мы могли бы говорить объ ошибочномъ написаніи или о замѣнѣ а — л. Но сравненіе съ соотвѣтствующимъ текстомъ въ Остр. Ев. можетъ наводить на иное соображеніе. Въ Остр. Ев. мы имѣемъ: бывъшоу. Подобную же форму мы могли бы предполагать и для подлинника Зогр. Ев., при чемъ эта форма переписчикомъ былъ искажена. Тогда бы мы могли говорить о внесеніи въ данную фразу какъ бы оборота „дательный самостоятельный“, почему и получилась видимая непоследовательность въ согласованіи. Что это могло быть

такъ, можетъ свидѣтельствовать слѣдую щее, напр., мѣсто не оубоіте сѧ отъ оубиваѡштнихъ тѣло по томъ не пмѡштемъ лиха чесо сътворити Л. 124 (то же въ Мар., Остр.) — *μη φοβηθητε ἀπὸ τῶν ἀποκτενόντων τὸ σῶμα καὶ μετὰ ταῦτα μὴ ἐχόντων . . .*

Отчасти въ параллель къ данному мѣсту можно привести изъ Изборн. Свят. 1073 (см. изд. въ Чт. М. О. И. и Др., 83 г., стр. 24) какъ бы не законченный оборотъ дат. самостоят., или, лучше, — непослѣдовательно выраженный :

пичесомоу же изначала *μηδὲν τὴν ἀρχὴν τῷ θεῷ τῶν*
сѧ бѣмъ всѣхъ бывъше *ὄλων συνυπάρχειν.*

Какъ показываетъ греч. текстъ здѣсь не должно было бы быть основанія для перевода дательнымъ самостоятельнымъ. Получился данный оборотъ въ силу того, что и въ другихъ случаяхъ неопредѣл. наклоненіе передавалось иногда въ слав. причастіемъ. Непослѣдовательность все же остается въ данномъ выраженіи: ф. бывъше вин. пад. ср. р. ед. ч.; если бы эту форму считать уже употребленной для обозначенія именит. падежа, то нѣтъ согласованія съ пичесомоу.

§ 24. Я отмѣчалъ уже случаи соединенія союзомъ *и* *verbum finitum* съ причастіемъ. Теперь долженъ отмѣтить, что въ З. Е. мы находимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобную постановку, между тѣмъ какъ въ Мар. Ев. и др. памятникахъ этого *и* нѣтъ. Это указываетъ на позднѣйшее появленіе *и* въ отмѣченыхъ случаяхъ :

і исходѡштоу емоу отъ ерихъ и по немъ идѡ народи . . . Мѡ. 20²⁹ (въ Мар. *и* нѣтъ),

вѣды же іс мысли імъ і рече імъ Мѡ. 12²⁵ (въ Мар. нѣтъ союза)

крышь сѧ іс · і възиде отъ воды Мѡ. 3¹⁶ — *καὶ βαπτισθεὶς . . . ἀνέβη.* Нужно думать, конечно, что конструкція Сав. Ев., Остр. Ев.: крышь же сѧ . . . възиде

(безъ союза: и) болѣе первоначальна. Въ Дечан. Ев. мы имѣемъ: и крѣти сѧ . . . ак. Ягичъ предполагалъ, что ф. крѣти сѧ вм. крѣтивъ сѧ или крѣщъ сѧ;

ī се всѣ градъ їзиде противѣ їсѣви · і видѣвъше и і молишѧ Мѳ. 8 34 (въ Дечан.: изидѣ)

καὶ ἰδοῦ, πᾶσα ἡ πόλις ἐξῆλθεν εἰς συναντήσιν τῷ Ἰησοῦ καὶ ἰδόντες αὐτὸν παρεκάλεσαν . . .

ī се прокаженъ приступъ кланѣше сѧ емоу і гла Мѳ. 8 2. Въ Остр., Савв, Ев. этого и — нѣтъ.

Интересно сравнить слѣдующія мѣста изъ Зогр. и Мар. Ев. (Мѳ. 15 39):

Зогр.

Мар.

ī отъпоушть народы.
Вьлѣзъ въ корабль ·
ī приде въ прѣдѣлы...

ī отъпоушть народъ
вьлѣзе въ корабль · и
пришедъ . . .

Въ Свят. Изд. 1073 г. мы отмѣчаемъ слѣд. любопытный примѣръ:

Гѣ Бѣ нашъ глѣвыи въ
хоривѣ

*κύριος ὁ θεὸς ἡμῶν ἐλάλησεν
ἐν Χωρίῳ* (изд. Чт. М. О. II.
и Др., 12);

на постановку формы глѣвыи вмѣсто ожидаемаго *verbum finitum* могъ повліять предшествующій оборотъ въ греческомъ текстѣ или можетъ быть было нѣчто подобное и въ греческомъ соотвѣтствующемъ текстѣ. Именно, нѣсколько выше мы находимъ:

И Павелъ же рече, ꙗко преже
Бѣ бесѣдова оѣемъ

*καὶ ὁ μὲν Παῦλος φησιν, ὅτι
πάλαι ὁ θεὸς λαλήσας τοῖς
πατέρασιν.*

Причастіе же выступаетъ вм. *verbum finitum*:

дѣхъ сѧ, рече, видѣвъ
сѣходящъ . . .

*το πνεῦμα, φησὶ, τεθεῶσθαι
καταβαῖνον . . .*

§ 25. Въ др.-ц.-сл. мы находимъ двойное отрипаніе: не и ни. „Letzere, говоритъ Вондракъ (312), *geht einen*

geg. Satz an einen anderen an: не троуждаѣтъ сѧ ни прѣдѣтъ Matth. 6,28“. Далѣе отмѣчается, что ни употребляется въ значеніи *nicht einmal*, *pe-quidem*. Я думаю, что послѣдній оттѣнокъ заключается иногда и въ томъ случаѣ, когда ни соединяетъ отриц. части предложенія (какъ въ привед. примѣрѣ, а не „одно отриц. предложеніе съ другимъ“) или отрицают. предложенія.

Отсутствіе отриц. не въ подобн. случаяхъ, какъ николиже знахъ васъ Мѡ. 7 23, Миклошичъ объяснялъ подражаніемъ греческому тексту. Вондракъ считаетъ возможнымъ признать въ подобныхъ примѣрахъ отраженіе оборотовъ слав. языка, на что его наводятъ такіе примѣры изъ чешскаго, какъ *nic jest známo . . .* Вондракъ сомнѣвается чтобы возможно было признать грецизмъ въ фразѣ азъ ни единомъ вины обрѣтаѣ въ немъ I. 18 33, потому что подобная фраза имѣется не только въ Мар. Ев., но и въ Савв. Ев. и наряду съ этимъ въ Супр. рук., между тѣмъ какъ въ Зогр., Асс. и Остр. Ев. имѣется и второе отрицаніе. На это можно сказать слѣдующее. Указанное совпаденіе ничего не говоритъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ соотвѣтственно греческому тексту можно привести отсутствіе вторичнаго отрицанія, а важно было бы указать, что въ другихъ случаяхъ въ томъ же Мар. Ев. мы видимъ употребленіе второго отрицанія. Параллельно приведенному Вондракомъ примѣру я возьму изъ того же Мар. Ев.: *никоемъ же вины не обрѣтаѣ . . . не обрѣтъ ни единомъ Л. 234* (а наряду съ этимъ: *ничь соже достоина съмръти обрѣтъ Л. 23 22*). Естественно потому было мнѣніе Миклошича. Отступленіе отъ греческаго текста, несмотря на подражаніе послѣднему, въ основѣ, конечно, имѣло особености славянской рѣчи. Если же славянскому языку свойственно было бы и неупотребленіе второго отрицанія въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ, то подражаніе греческому тексту нашло бы себѣ непремѣнно лишь подкрѣпленіе.

§ 26. Для выраженія такъ наз. „родительнаго раздѣлительнаго“ мы видимъ употребленіе родительнаго падежа или род. пад. съ предлогомъ отъ

единъ оудъ твоихъ Мѳ. 5 30, 29 — *ἐν τῶν μελῶν σου*;

единъ отъ сихъ Мѳ. 6 29, — *ἐν τούτων*;

кто же отъ васъ Мѳ. 6 27, 12 11. Л. 11 5, 11, 12 25, 14 28.

И. 8 46 — *τίς ἐξ ὑμῶν*. Под. Л. 15 4.

кои отъ обою М. 21 31 — *τίς ἐκ τῶν δύο*;

котораго ихъ Мѳ. 22 28 *τίνος τῶν ἐπτὰ*. Мр. 12 23 — *αὐτῶν*

Подобн. Л. 14 5, Л. 17 7;

кого хощете отъ обою Мѳ. 27 21 — *τίνα θέλετε ἀπὸ τῶν δύο*;

которы обою — *τίς οὖν αὐτῶν* Л. 7 42;

къто оубо тѣхъ трин Л. 10 36 — *τίς οὖν τούτων*;

етери отъ къпийникъ Мѳ. 9 3, 12 38 — *τινες τῶν γραμματέων*. Подоб. Мѳ. 16 28, 27 47. Мр. 2 6, 7 1, 2, 8 3.

9 1, 11 5, 15 35. Л. 9 27, 11 1, 15, 20 27;

единъ же отъ стошнтихъ — *εἰς δε τις τῶν παρεστ.*

Мр. 14 47;

ї етери фарисѣи Л. 19 39 — *καὶ τινες τῶν Φαρισαίων*;

„ кънижникъ Л. 20 39 — *τῶν γρ.*

единъ отъ нихъ Л. 22 50 — *εἰς τις ἐξ αὐτ*;

жены етеры отъ пасъ Л. 24 22 — *ἐξ ἡμῶν*. Подоб.

И. 7 25, 44, 9 16, 11 37, 46, 49;

отъ васъ етери И. 6 64 — *ἐξ ὑμῶν τινες*;

единъ каждо ихъ М. 26 22 — *ἕκαστος αὐτῶν*. Подоб.

Л. 5 40, 13 5, 16 5. И. 6 7;

всѣкъ васъ. Л. 14 33 — *πᾶς ἐξ ὑμῶν*.

Данныя сличенія приводятъ къ такимъ заключеніямъ. Прежде всего мы замѣчаемъ подражаніе греческому тексту въ передачѣ то родительнаго падежа, то родительнаго съ предлогомъ. Разница главн. обр. при передачѣ неопр. мѣстоим. *τις*: въ греческ. текстѣ ставившійся родит. мн передавался глав. образомъ родительнымъ съ предлогомъ. Вообще родительный падежъ съ предлогомъ для обо-

значенія такъ назыв. *genetivus partitivus*, оказывается, былъ болѣе свойственнымъ славянскому языку. Очень рѣдки случаи, когда греческ. родит. пад. мн. ч. съ предлогомъ соотвѣтствуетъ въ слав. родит. безъ предлога. Вондракъ лишь отчасти затронулъ этотъ родительный падежъ и, по моему, неправильно соединилъ его съ родительнымъ въ такихъ случаяхъ: многы тѣмъ мжжъ . . . воединому мимойдштиихъ . . . и съ род. при числительныхъ (назвавъ этотъ родительный *geteilten Ganzen*). Интересно также то, что греч. ἐξ передавалось отъ, при чемъ въ одномъ случаѣ находимъ и болѣе соотвѣтствіе съ греческимъ текстомъ: ἀπό — отъ.

Интересны случаи употребленія род. падежа:

Оуслышите притѣжъ сѣвъшаго Мѣ. 13 18 —
παραβολὴν τοῦ σπειρόντος,

скажи намъ притѣжъ плѣвелъ сельныхъ
Мѣ. 13 36 — *τῆν παραβολὴν τῶν ζιζανίων τοῦ ἀγροῦ*;

часто встрѣч.: евангеліе цѣрстиѣ,

Мр. 17: зачмо еваѣелиѣ ꙗс хѣва сѣна бжїѣ.

Соотвѣтственно подобнымъ соединеніямъ было бы непослѣдовательными и ошибочными соединенія: евангеліе Маттея и пр. Мы видимъ поэтому: евангеліе отъ Маттея (ср. сказанное Блассомъ относительно греч. *κατὰ Ματθαῖον*, 99).

§ 25. Для исторіи замѣны формы винит. падежа (въ склон. на — о) формою родительнаго пад. интересно отмѣтить случаи какъ бы переходного времени, а затѣмъ, что особенно важно, случаи подобныхъ замѣнъ въ именахъ существительныхъ неодушевленныхъ:

оузрѣ мытарѣ іменемъ левѣиѣ сѣдмштъ Л. 527
(то же въ М. Е.; въ Остр. мѣздоимѣца . . . сѣдмща),

видѣшмъ юношѣ сѣдмштъ . . . одѣнѣ . . . (то же въ Мар. Ев., въ Ассем. — а, — а) Мр. 16 6,

обрѣтосте і въ црѣкѣве сѣдмштъ . . . послоушажшта іхъ івъпрашажшта імъ Л. 246 (то же въ Мар.

Ев.; въ Савв. — сѣдѣща . . . ; въ Остром., какъ въ Зогр. и Мар.; указаніе у Ягича въ издан. Мар. Ев. -- стр. 201 — относительно фѣрмы въ Остр. Ев. невѣрно);

носаште ослаблена жилами носимъ четырьми
 Мр. 2з (то же въ Сав. Е.) — *παλατιχὸν φέρουτες αἰρούμενον ὑπὸ τεσσάρων,*

въ Мар. Ев.: ослабленъ, носимъ

„ Остр. Ев.: ослабленъ, носима.

Такимъ образомъ можно начертить постепенный ходъ и развитіе даннаго выраженія. Безспорно, наиболѣе древняя передача та, которая отмѣчена въ Мар. Ев.; отсюда шагъ впередъ — конструкція въ Зогр. Ев., при чемъ могло остаться носимъ безъ измѣненія, т. к. могла чувствоваться извѣстная самостоятельность въ выраженіи: носимъ четырьми.

Приведу нѣкоторые примѣры чередованія фѣрмъ винит. и родит. падежей:

азъ побѣдихъ всего мира I. 16зз (въ Мар. то же; Ягичъ въ изд. М. Ев., стр. 384, прим., невѣрно отмѣчаетъ, что „во всѣхъ прочихъ“ памятн. „миръ“),

въстанеть ѡзыкъ бо на ѡзыка црѣсо на црѣсо
 Мр. 13в — *ἔθνος ἐπὶ ἔθνος*, въ Мар. — на ѡзкъ,

любитъ бо ѡзыкъ нашъ Л. 7б,

[наряду съ этимъ въ М. Ев. (въ З. Е. нѣтъ соотв. мѣста): възлюби мира I. 31в],

да имамъ животъ вѣчъны, Мө. 191в (то же въ М. Е.) I. 5зз, 4о,

имать живота вѣчънаго I. 524 (то же М. Е.),

нѣсколько далѣе I. 52в bis животъ (въ М. живота),

живота вѣчънаго имате I. 20з1 (то же М. Е.),

въ греческомъ — *ζωὴν αἰώνιον,*

дажи живота I. 6зз (то же М. Е.; въ Остр. Асс. — б),

обличить всего мира I. 16в (въ Мар.: обличить мира),

отжи хлѣба Мө. 152в — *ἄρτον,*

придѣ положить мира Мѣ. 10³⁴ (впрочемъ Л. 12⁵¹:
мира дати . . . нѣ раздѣленіѣ — род. пад.),

дшж моѣ полагаѣ I. 10, 15, 17, 11 и под. I. 10¹⁸,
Л. 20⁴³, Мр. 6⁵⁶, 12³⁶, Мѣ. 12¹⁸, 22⁴⁴ и др.;

послѣ приведенной фразы: придѣ положить мира
слѣдуетъ: не придѣ положить мира нѣ мечъ;

възненавидатъ въ Л. 6²² и др.,

ненавидаштимъ васъ Л. 6²⁷,

ненавидѣ дшж своемъ I. 12²⁵, въ Мар. Ев. I. 3²⁰
(въ Зогр. — нѣтъ): ненавидитъ свѣта,

іштжштю добра бисѣра Мѣ. 13⁴⁵ (въ Мар. добръ
бисѣръ) *χαλὸς μαργαρίτας*,

дати его же аште въспроситъ Мѣ. 14⁷ (ѵ),

всѣкъ садъ его же насади оцѣ Мѣ. 15¹³.

Обратить вниманіе слѣдуетъ на то, что обыкновенно не
употребляется ф. иже въ значеніи вин. падежа, а въ этомъ
значеніи употребляется егоже, между тѣмъ какъ сплошь
и рядомъ и употребляется въ значеніи винит. падежа.
Здѣсь могло оказывать влияніе то обстоятельство, что ф.
иже, находившаяся въ началѣ придаточнаго предложенія,
могла быть принята за подлежащее, и такимъ образомъ полу-
чалось бы невѣрное пониманіе.

Интересно здѣсь отмѣтить слѣд. мѣсто изъ Остр. Ев.:

иже любить оца или матере паче . . . иже лю-
бить сынъ или дѣщере 58—59 об. Здѣсь наиболѣе
рельефна параллелизація формъ: оца — матере, сынъ —
дѣщере.

Въ связи съ данными примѣрами я приводилъ и нѣ-
которые случаи родит. падежа послѣ достигающаго накло-
ненія. И я бы не искалъ въ такихъ случаяхъ непременно
выраженія партитивности, какъ сдѣлалъ то Зубатый (Arch.
f. sl. Ph. XX, 396. Ср. также List. Filol. XVI, прим. 2,
Ind. Forsch. III, 130 прим. 2). Вондракъ, соглашаясь съ
мнѣшемъ Зубатаго, приводитъ 2 слѣдующихъ примѣра: не
придѣ бо праведьникъ призъватъ нѣ грѣшъникъ

М. 9 13; приде пролить крѣве своемъ изъ Кл. Сб. 1, 233. Относительно второго примѣра я долженъ сказать, что здѣсь по смыслу не должно быть значенія иартитивности: не часть крови, а кровь (пролить). Первый примѣръ приведенъ могъ быть въ болѣе подходящемъ для изслѣдователя видѣ, именно въ Зограф. Ев. мы имѣемъ Мр. 2 17 (Вондр. приводитъ текстъ изъ Мар. Ев., при чемъ Мс. 9 13 въ Зогр. Ев. — нѣтъ): не ꙗвѣ бо призвать правдѣникъ нъ грѣшникъ. Характернымъ является именно то обстоятельство, что въ Мар. Ев. въ 3 мѣстахъ мы имѣемъ приведенный текстъ, въ которомъ чередуются родит. и вин. падежи, въ Зогр. Ев. то же чередованіе находимъ Л. 5 32. Такимъ образомъ въ грамм. отношеніи эти фразы обнаруживаютъ извѣстную нецѣльность, и, можетъ быть, эта нецѣльность являлась результатомъ вліянія отрицанія не. Так. об. приведенный мною текстъ изъ Зогр. Ев. я бы считалъ дальнѣйшимъ развитіемъ текста, приведеннаго Вондракомъ изъ Мар. Ев., соотвѣтствіе которому, повторяю, находится и въ Зогр. Ев. (Л. 5 32).

Объясненіе постановки падежа изъ первоначальной номинальности (*nominalep Natur*) достигающаго наклоненія проф. Вондракъ считаетъ ошибочнымъ (тамъ же 276). Онъ указываетъ, что при достигающемъ наклоненіи наряду съ родительнымъ мы имѣемъ и винительный п., когда дѣйствіе распространяется на весь предметъ. Повторяя отчасти послѣднее и дальнѣе (320—321), Вондракъ въ то же время какъ-то связываетъ употребленіе родительнаго падежа съ достигающимъ наклоненіемъ; такъ онъ говоритъ, что постановка этого послѣдняго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можетъ указывать на первоначальность постановки здѣсь достигающаго вмѣсто употребленнаго неопредѣленнаго наклоненія.

§ 27. „Einen Laut hören“ ist klass. ἀκούειν φωνῆς, βοῆς usw.; im NT. aber kommt sowokl vor ἀκ. φωνῆς wie φωνῆν, bei Joh. ersteres im Sinne des Gehorchens (5 25, 28

10 з, 16 u. s.), letzteres von der Wahrnehmung (З 8, 5 37) . . . „Die Rede hören» ist auch klass. zweifelhafter Konstruktion; NT. meist im Acc. . . .“ (Blass, 105). Указанное различіе не наблюдается въ текстѣ славянскомъ. Такъ I. 5 25, 28 — оуслышѣтъ гласъ (то же 10 з, 16, З 8; въ 5 37 предлож. отрицательное, поэтому — ни гласа . . .). Двойственность конструкціи замѣчается и въ слав.: слышатъ прѣмждрости соломонѣ. Мѣ. 12 42. Л. 11 31 (въ гр. τῆν σοφίαν); ѣко власвимиѣ рече Мѣ. 26 65 слышасте власвимиѣ Мр. 14 64. (въ греч. въ первомъ случаѣ винит., во втор. — родительный п.). Наряду съ послѣднимъ: слышала елисаветъ цѣлованье Л. 1 41 (и въ греч. вин. п.). Эта, съ одной стороны, двойственность конструкціи, съ другой — несовпаденіе падежей въ слав. и греческихъ текстахъ могутъ указывать на то, что славянскій переводчикъ использовалъ эту двойственность въ духѣ употребленія винительнаго и родительнаго падежей: для показанія извѣстной части, для показанія предмета, какъ бы несовсѣмъ охваченнаго дѣйствіемъ глагола, онъ употребилъ родительный падежъ, для показанія предмета, какъ бы цѣликомъ охваченнаго дѣйствіемъ, — винительный падежъ.

§ 28. Вотъ нѣкоторые изъ примѣровъ винительнаго пад. для выраженія пространства и времени:

ї самъ отъстѣпи отъ нихъ ѣко врѣженіе камени Л. 22 41 — ὡσεὶ λίθου βολῆν;

гребше же ѣко дѣвадесати и пять стадіи I. 6 19, не многы дни прѣбысть I. 2 12,

ї съпитъ ївъстаетъ ношть ї днь Мр. 4 27. Под. Л. 2 37 — νόχτα καὶ ἡμέραν,

наряду съ этимъ имѣемъ такіе обороты:

бѣ же въ дьне оучѣ въ цркѣве а ноштиѣ . . . Л. 21 37 — τὰς ἡμέρας — τὰς νόχτας,

третий днь въстати Мѣ. 16 21. То же 20 19 (1. В. днь . . . въ Мар. Ев. въ трети) — τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ;

третий день въскрѣснетъ. Мр. 10³⁴. Подоб. Мр. 8³¹. Л. 9²², 18³³, 24^{7, 46}, но Мр. 9³¹ въ —;

ї вынж дньї и ношть . . . бѣ Мр. 5⁵ — *νοχτὸς καὶ ἡμέρας*.

Обыкновенная же передача греч. *ἐν ἡμέραις, ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ* . . . винит. падежомъ съ предлогомъ въ: въ тѣ дни, въ тѣ днь, въ третій днь и пр.

У Вондрака мы находимъ: „Bei der ersten Art füllte die Handlung den Zeitbegriff aus: ἔκο βο· бѣ іона въ чрѣвѣ китовѣ три дньи и три ношти *ὡσπερ γὰρ ἦν Ἰωῶνας ἐν τῇ κοιλίᾳ τοῦ κήτους τρεῖς ἡμέρας καὶ τρεῖς νύχτας* Matth. 12. 40. Später wurde aber dadurch auch ein nicht näher bezeichneter Punkt innerhalb der Zeitgrenze angegeben: и оубиждѣ и третій днь въстанетъ *καὶ ἀποχτενοῦσιν αὐτὸν καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐγερθήσεται*. Matth. 17, 23“ (Gramm., 272).

Постоянное употребленіе предлога въ передъ винительнымъ падежомъ въ подобныхъ случаяхъ, опущеніе этого предлога въ большинствѣ случаевъ въ выраженіи: третій днь заставляеть меня отрицательно отнестись къ предложенному Вондракомъ объясненію. Спрашивается, почему бы не проникнуть этому винительному падежу и въ такія выраженія: въскрѣснетъ въ послѣднии днь I. 24, въскрѣшж въ послѣдни днь I. 6 40, 41, 44, 54 и пр. Нужно помнить, что пропускъ въ сильно могъ измѣнять въ данныхъ и приведенныхъ ранѣе выраженныхъ отбѣнокъ смысла. Что же могло вліять на пропускъ въ? Въ греческомъ текстѣ наряду съ *ἐν τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ* мы отмѣчаемъ *τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ*, на пропускъ могло оказывать также отмѣченное написаніе *ἔ* днь (изъ добавочн. части З. Ев.), т. е. можно предполагать о первоначальности написаній: въ *ἔ* днь. Могло, наконецъ, здѣсь обнаружиться нѣкоторое смѣшеніе. Во всякомъ же случаѣ для предложеннаго Вондракомъ перехода одного оборота въ другой слишкомъ мало данныхъ.

Кромѣ примѣровъ постановки въ передъ днь, можно привести постановку эту безъ пропусковъ передъ другими словами въ случаѣ обозначенія такого же временнаго отѣнка, напр.; возьмемъ многочисленныя примѣры, какъ въ тѣ часъ и пр. Особенно характеренъ въ данномъ случаѣ такой примѣръ:

придетъ гъ раба того въ днь въ нъже не чаеть · і въ часъ въ нъже не вѣстъ Мс. 24⁵⁰.

Наконецъ могли повліять на пропускъ въ подобные обороты: трети се д'нь имать дньнесъ . . . Л. 24²¹.

Мы видимъ въ слав. текстѣ вставку въ сравнительно съ текст. греческимъ:

ἐχθές ὥραν ἐβδόμην — въчера въ часъ седмы I. 4⁵².

Въ вечеръ же сжботънѣ · свитажшти въ пръ · вжж сжботж Мс. 28¹

это предложеніе — очевидно непонятое переводчикомъ — представляетъ переводъ слѣдующаго мѣста: *ὁψὲ σαββάτων τῇ ἐπιφωσκούσῃ εἰς μίαν σαββάτων*. Какъ замѣчаетъ Блассъ, *ὁψὲ σαββάτων* здѣсь не „поздно въ субботу“, слѣдовательно не „въ вечеръ“, а „послѣ субботы“, и въ Мр. 16, въ текстѣ, одинаковомъ по содержанію, мы имѣемъ — „минѣвшѣи сжботѣ“. Интересно, что переводчикъ, передавая форму *τῇ ἐπιφωσκούσῃ*, поставилъ также въ формѣ женскаго рода (въ греч. здѣсь подразумѣвать слѣдуетъ — *ἡμέρα* или *ώρα*; въ слав. же днь, т. к. нуженъ былъ муж. р., какъ въ Остр. Ев.).

Вондракъ (272) говоритъ о винительномъ падежѣ *цѣли* или *направленія* послѣ глаголовъ движенія, при чемъ приводитъ 2 примѣра изъ Супрасльск. рук.: гради вѣнъ; приде христосъ небесьскыж двѣри. Въ первомъ примѣрѣ вѣнъ уже нарѣчное слово, при чемъ его образованіе ясно указываетъ на предлогъ въ; во второмъ примѣрѣ несомнѣнно мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ предлога въ.

Изъ примѣровъ:

испльни сѣ бракъ възлежщихъ Мѹ. 22 10 —
ἐπιλήσθη ὁ γ. ἀνακειμένων,

напльнь оцѣта Мѹ. 27 48, Мр. 15 36; I. 12 3, 6 13
испльни сѣ отъ — греч. ἐχ;

Л. 1 15 дѣа сѣа испльнить сѣ и Л. 1 41 испльни сѣ дѣомъ стѣимъ (то же Л. 1 67) мы видимъ, что вмѣсто греческаго родительнаго употребляется родительный и творительный; послѣдній подъ влiянемъ, конечно, требованiй слав. конструкци. Я бы обратилъ вниманiе на слѣдующее. Замѣченное отступленiе наблюдается въ томъ случаѣ, если дополненiе слѣдуетъ послѣ глагола; так. образомъ при стремленiи къ дословному переводу могло особенно сказаться отличiе глагольнаго управленiя, когда уже былъ переведенъ глаголъ. Это отклоненiе мы замѣчаемъ также въ Л. 5 26 испльнниш сѣ страхомъ (хотя въ другихъ случаяхъ остается и родит. пад. — ѣрости Л. 4 28, Л. 6 11). Эти наблюденiя устраняють тѣ положенiя относительно данныхъ родительнаго и творительнаго падежей, каковыя мы находимъ въ грамматикѣ др. ц. сл. яз. Вондрака. На стр. 276 Вондракъ говоритъ о родит. падежѣ послѣ глагола наполнити, какъ родительномъ вещества, массы, на стр. 300 о творительномъ, при чемъ это вещество является въ качествѣ орудiя (276: „der Raum, den man füllt, steht im Acc., die Masse, von der man zum Füllen nimmt, im Gen.“; 300: Der Instr. bezeichnet hier die Masse, durch welche die Füllung vollzogen wird.“). Употребленiе родительнаго и творительнаго падежей въ славянскомъ текстѣ въ тожественныхъ примѣрахъ указываетъ, что нельзя здѣсь видѣть желанiя дать различныя отгѣнки въ смыслѣ.

Въ примѣрахъ:

отъ кждоу можетъ кѣто симъ насытити хлѣба
Мр. 8 4 — πόθεν τούτους δύνησεται τις ἰδε χορτάσαι ἄρτων.

Л. 15 16 — насытити сѣ отъ рожьць — ἀπὸ τῶν
χερατίων мы видимъ слѣдованiе греческому подлиннику.

Первый примѣръ приведенъ у Вондрака (276), и соотвѣтственно тому, что онъ говорить на 300 стр., можно было бы здѣсь ожидать творительнаго падежа.

§ 30. Употребленіе дательнаго падежа въ славянскомъ яз. въ смыслѣ дательнаго принадлежности зависитъ, конечно, оттого, что этотъ дательный еще относится къ глаголу, что не такъ тѣсно онъ сливается съ именемъ существительнымъ. Возьмемъ примѣры: бысть въ главѣ жгглж МѠ. 21 42 (Мар. главѣ жглж, гдѣ ж в. оу; ср. Мр. 12 10: свободно можно было бы сказать: бысть жглоу въ главѣ);

въ въскрѣшенъе животоу... въ въскрѣшеніе сждоу I. 5 29 — *εἰς ἀνάστασιν ζωῆς, — κρίσεως,*

на пѣть жзыкомъ не їдѣте МѠ. 10 5 — *εἰς ὁδὸν ἐθνῶν,*

есмь двѣри овцамъ I. 10 7 — *ἡ θύρα τῶν προβάτων.*

Этотъ дательный вмѣсто греч. родительнаго (въ частности родит. принадлежности) выступаетъ такимъ образомъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы падежа съ предлогомъ.

Еще примѣры:

брата емоу МѠ. 4 21,

плачь ї скръжьтъ зжбомъ МѠ. 8 12,

вмѣсто дат. падежа въ приведен. примѣрѣ: на пѣть жзыкомъ не їдѣте МѠ. 10 5 — въ Мар., Остром., Сав. кн. — жзыкъ;

къ овцамъ погыбѣшимъ домоу Глева МѠ. 10 6 — *οἴκῳ Ἰσραὴλ,*

ср. также МѠ. 10 24, 11 18,

наряду съ гнѣ храма МѠ. 24 43 *οἰκοδομοῦ, гнѣ храминъ Л. 12 39, —*

гна домоу МѠ. 10 25 — *τοῦ* Под. Мр. 14 14, Л. 13 25, 14 21 22 11;

знамение їонѣ пророкоу МѠ. 26 4.

Формы Мар. Ев. иона пророка являются, надо думать, остаткомъ болѣе первоначальнаго перевода.

Любопытнымъ соединеніемъ являются: въ своѣ си I. 19²⁷, въ своихъ ми Мѳ. 20¹⁵ (см. Vondr. Gr., 291; его же изд. Клоц. Сб. 38).

Въ греч. яз. мы имѣемъ такіе примѣры, въ сущности, какъ исключенія: *κατὰ τὸ εἰωθὸς αὐτῶ* (въ Мар. Ев. — по обычаю своему; въ Зогр. нѣтъ этого мѣста — Л. 4¹⁶); *τὸ εὐπάρεδρον τῶ χριστῶ* (см. Wineg Gramm., 7 изд. 867 г., 198). Винеръ отмѣчаетъ также: *ἤγώρασαν τὸν ἀγρόν . . . εἰς ταφῆν τοῦ ξένου* Мѳ. 27⁷.

Дательный принадлежности мы видимъ и въ греческомъ языкѣ въ зависимости отъ *εἶναι* или *γίνεσθαι*, въ славянскомъ то же дательный:

аште бждетъ етероу · ѿ · овецъ Мѳ. 18¹²

ἐὰν γέννηταί τι ἀνθρώπῳ . . .

Вондракъ отмѣчаетъ, что „нерѣдко“ въ дательномъ пад. множ. и двойств. ч. при имени женскаго рода прилагательное ставится въ мужескомъ родѣ. Но немногочисленные примѣры, приводимые Вондракомъ главн. обр. изъ Супрасл. р. (266, 315), и правильное согласованіе въ еванг. текстахъ (у В. упоминается объ одномъ случаѣ въ Асс. Ев.) заставляютъ сказать скорѣе „рѣдко“, чѣмъ „нерѣдко“.

§ 31. Остановлюсь теперь на отдѣльныхъ случаяхъ конструкціи и выдвину здѣсь главнымъ образомъ матеріалъ, имѣя въ виду лишь показать случаи несовпаденія и совпаденія съ греческимъ текстомъ:

бѣ бо лѣтома ї бѣ. Мр. 5⁴² — *ἦν ἐτῶν δάδεκα*;

ї ть бѣ йс · ѣко трѣми десѣты лѣт. начинамъ Л. 3²³ — (*ἐτῶν τριάκοντα*);

дѣштити . . . бѣ . . . ѣко ї дѣвою на десѣте лѣтоу Л. 8⁴² — (*ἐτῶν*);

ї егда бѣ бѣ ї лѣтѣ Л. 2⁴² — *ὅτε ἐγενετο ἐτῶν δάδεκα* соотвѣтственно греч. *ἀπὸ ἐτῶν δάδεκα* — жена . . . отъ дѣвою на десѣте лѣтоу Л. 8⁴³;

соотвѣтственно греч. обороту съ глагол. *ἔχω* — бѣ же тоу етеръ чкъ ѣ і ѣ лѣтъ имъ I. 55.

Въ первыхъ двухъ примѣрахъ мы видимъ отступление отъ греческихъ выраженій. Можно было бы эти случаи, какъ и послѣдующій примѣръ, отнести къ предикативнымъ падежамъ (въ грамматикѣ Вондрака къ предикативному творительному отнесены только случаи позднѣйшаго развитія твор. изъ второго именительнаго; между тѣмъ и въ приведенныхъ примѣрахъ можно было бы строго грамматически видѣть предикативный падежъ, а не падежъ качества или свойства).

Коснж ѣ въ очи Мѹ. 9 29, тоже въ Мар., *ἤψατο τῶν ὀφθαλμῶν αὐτῶν*,

[въ Савв.: коснж сѣ очю има,
въ Остр.: прикоснж сѣ очесоу има],
коснж и въ мзыкѣ Мр. 7 33,
коснж въ одрѣ Л. 7 14 *ἤψατο τῆς σφοῦ*,
коснжвъ оухо Л. 22 51 (въ Мар.: въ —),
коснж сѣ въскрили Л. 8 44, да би сѣ ихъ кос-
нжлъ Л. 18 15,

коснжвы сѣ мнѣ Л. 8 45 bis,
прикоснж сѣ рждѣ емъ Мѹ. 8 15 *ἤψατο τῆς χειρὸς αὐτῆς*
„ ризѣ Мр. 5 28, мнѣ Мр. 5 1 31, Л. 8 46,
прикасаеть сѣ емъ Л. 7 39 *ἅπτεται αὐτοῦ*,
то же Л. 6 19 Мр. 6 56, 3 10, Л. 8 47,
прикасаете сѣ брѣменехъ Л. 11 46,
прикасажтъ бо сѣ юдеи самарѣнехъ I. 49,
да тѣкмо прикоснжтъ сѣ въскрили ризѣ его
и елико сѣ прикоснжшѣ емъ . . . Мѹ. 14 36,
прикоснж сѣ очю има Мѹ. 20 34,
„ ризѣ Мр. 5 30 (въ Марин. ризахъ);
интересно чередованіе дат. и мѣстн. пад.: прикоснж
сѣ мнѣ . . . прикоснж сѣ емъ Л. 8 47,

да не когда прѣтъкнеши камен. ногж свож Ме. 46, то же въ Сав., въ Остром: да непрѣтъкнеши... ногы твоеж. Въ Дечан.: да неегда прѣтъкнеши... ногы твоеж. Въ Зогр. т. обр. мы видимъ дословную передачу греческой конструкціи, въ Дечанскомъ уже уклонъ къ конструкціи славянской; а чисто славянская конструкція находится въ Остр. Ев.

Прилежа емь Л. 10³⁴ — *ἐπιελεθη αὐτοῦ* Подобн-
Л. 10³⁵,

ї о одежди чьто сж печете Ме. 6²⁸ Под. Л. 10⁴¹,
не п'цѣте сж оубо на оутрѣи Ме. 6³⁴ — *εἰς τῆν
αὐρίον*,

чьто въ прочиихъ печете сж Л. 12²⁶ *περὶ τῶν
λοιπῶν*; —

въ первомъ примѣрѣ прилежа, употребленное въ значеніи „заботиться“, соединяется съ мѣстн. п. Въ данномъ случаѣ сохраняется такимъ образомъ конструкція, которая наблюдается и при гл. прилежати въ болѣе первоначальномъ его значеніи — „находиться рядомъ, подлѣ“. Такъ въ Жит. Сим. Ст. XIII в.: поусто мѣсто, іемь же прилежахоу вьси многы (см. Матеріалы для слов. др. рус. яз. И. И. Срезневскаго, т. II в. IV, 1421). Конструкція этого глагола въ его разныхъ значеніяхъ различна (см. тамъ же).

Нападаахж емь Мр. 3¹⁰ *ἐπίπτειν αὐτῷ*,
„ нань Л. 1¹² *ἐπ' αὐτόν* под. Л. 15²⁰,
I. 13²⁵ (можетъ быть, первая конструкція объясняется ошибкою переписи: дальше идетъ прикоснѣти сж емь; общностью оригинала, гдѣ могла быть эта замѣна, объяснялась бы и подобная форма въ Мар. Ев; впрочемъ, нужно обратить вниманіе и на разницу конструкцій въ прив. греч. текстахъ);

належаштю емь народуу Л. 5, *ἐπιχειῖσθαι αὐτῷ*,
належааше на неі I. 11³⁸ — *ἐπ' αὐτῷ*.

покааша сѧ проповѣдиѣ ꙗѡниноѣ	} <i>μετενόησαν εἰς τὸ κῆρυγμα.</i>
Мѡ. 12 41.	
покааша сѧ въ проповѣдь ꙗѡнинѣ	
Л. 11 32.	

единъ бѣ длѣжьнъ пѧтьѣ сотъ динарь · а другы
пѧтьѣ десѧтъ Л. 7 41 — *ὁ εἰς ὄφειλε δηνάρια πεντακόσια;*
ѣкъ нечистомъ дѣомъ Мр. 1 23, 5 2 *ἄνθρωπος ἐν
πνεύματι ἀκοθάρτω;*

наѣмникъ ѡца моего ꙗзбываѣтъ хлѣби Л.
15 17 — *περισσεύουσιν ἄρτων;*

не дѣвѣ ли пѧтици пѣназоу вѣните сѧ Мѡ. 10 29 —
ἀσσαρίου [Мар.: нассарии вѣнимѣ есте; Остр. ассарии
цѣнимѣ *πωλεῖται*],

не пѧть ли пѧтиць · вѣнить сѧ пѣназема дѣвѣма
Л. 12 6 [Мар.: вѣнить сѧ пѣназема дѣвѣма; Остр.:
цѣнитьсѧ пѣназема дѣвѣма];

не родиши ни о комъже Мр. 12 14 — *οὐ μέλει σοι
περὶ οὐδενός.* Подобн. Мѡ. 22 16. Мр. 4 38;

и не брѣжетъ о овъцахъ I. 10 13 — *οὐ μέλει αὐτῶ
περὶ τῶν προβάτων;*

нѣ ѣко о ништихъ печаше сѧ I. 12 6 — *περὶ
τῶν πτωχῶν ἔμελεν αὐτῷ;*

блажнѣахъ сѧ о немъ Мѡ. 10 57. Под. Мѡ. 26 31, 33.
Мр. 6 3, 14 14 — *ἐσανδαλίζοντο ἐν αὐτῷ;*

на нѣже благоизволи дѣша моѣ 12 18 — *εἰς οὗ ἐυδό-
κησεν ἡ ψυχὴ μου;*

власвимисаетъ на стѣї дѣхъ Мр. 3 29 въ греч. —
βλασφημεῖν въ дан. случ. съ *εἰς*;

дивлѣахъ сѧ народи о оучени его Мѡ. 7 28 —
ἐξεπλήσσαντο οἱ ὄχλοι ἐπὶ τῇ διδαχῇ αὐτοῦ. Ср. подобн. Л. 9 43.
Мѡ. 22 33. Мр. 11 18. Л. 20 26;

несомнѣнно ошибочно отъ вѡ. 0:

дивишѧ · отъ гланѣихъ отъ пастырѣ Л. 2 18 —
ἑθαύμασαν περὶ τῶν λαληθέντων ὑπὸ ποιμένων;

не дивите сѣ семоу І. 5 28 — *μὴ θαυμάζετε τούτο* (подоб. Л. 24 12; — емоу Мѣ 13 54);

диви сѣ за невѣрствие ихъ М. 6 6;

милосръдова о нихъ Мѣ. 9 36. Под. Мѣ. 14 14, 15 32.
Мр. 9 22 — *σπλαγχνισθεὶς ἐπ' αὐτοὺς* . . .

милосръдова ѿ Л. 7 13 — *ἔσπλαγχνίσθη ἐπ' αὐτῆς*,
милосръдовавъ же гъ раба того Мѣ. 18 27 —
σπλαγχνισθεὶς . . . τοῦ δούλου ἑκείνου;

ѿтъ і Мѣ. 14 31 — *ἔπελάβετο αὐτοῦ*; Мѣ. 9 26 (въ
гр.: *κρατήσας*),

имъ за ржкж Мр. 8 22 *ἑπιλαβόμενος τῆς χειρὸς*; —
Мѣ. 14 3, *κρατήσας*; тоже Мр. 1 31,

да ѿмжты въ словеси Л. 20 20 *ἑπιλάβονται αὐτοῦ*
λόγου,

імъше симона Л. 23 26 — *Σίμωνος* (и — *α*);

въ другихъ новозавѣтныхъ текстахъ (въ Дѣянїяхъ)
мы имѣемъ: *ἑπιλαβόμενος αὐτὸν* и под. (см. Bruder *Concordantiae omnium vocum Novi Testamenti Graeci*. Lipsiae 1842,
стр. 349);

і плакаахж сѣ его . . . не плачите сѣ о мнѣ .
обаче себе плачите сѣ і чждъ вашихъ . Л. 23 28,

въ др. случ.: о съ твор, Л. 19 41, съ род. п. Л. 9 52,
κλαίειν съ вин. или съ *ἐπὶ* и вин. п.

сждаще обѣма на десѣте колѣнома Мѣ. 19 28,
Л. 22 30, под. І. 5 22 — *κρίνοντες τὰς ὀστέα φυλάς*,

что же і о себѣ не сждите правды Л. 12 57,
осждж тл Л. 19 22,

не сждите на лица . нъ правдыны сждъ сж-
дите І. 7 24,

милости хоштж . а не жрътвѣ Мѣ. 11 7 — *ἔλεον*
θέλω καὶ οὐ θυσίαν,

ржгахж сѣ емоу Мѣ. 9 24 — *κατεγέλων αὐτοῦ*, подобн.
Л. 8 53, 14 29, 22 63, Мѣ. 27 29, Мр. 5 40,

хвалѣ тебѣ въздаѣ Л. 18¹¹ *εὐχαριστῶ σοι*; то же I. 11⁴¹ (у Вондрака ошибочно отнесено употребленіе къ данному мѣсту благодарити, — Gramm. 270 — какового глагола здѣсь нѣтъ);

рече къ нему. Мѣ. 3¹⁵ (то же М., Сав., Остр.) — *εἶπε πρὸς αὐτόν*,

речетъ брату своему Мѣ. 5²²,

гла̄ емоу Мѣ. 4⁶ (въ Сав. рече емоу, то же Остр. Ев., греч. — *λέγει αὐτῷ*);

то же Мѣ. 4^{9, 10};

гла̄ има Мѣ. 4¹⁹ (то же въ Савв.);

его же рѣхъ I. 1¹⁵ — *ὃν εἶπον*,

о немъже азъ рѣхъ I. 1³⁰ — *περὶ οὗ ἐγὼ εἶπον*,

въпрашааше же часа отъ нихъ въ которы соулѣ емоу бысть I. 4⁵² — *ἐπύθετο οὖν παρ' αὐτῶν τὴν ὥραν ἐν ἣ κοιφότερον ἔσχε* (въ Мар. вмѣстѣ часа — години; интересно: въ Остр. Ев. — въ кѣи часъ; въ Ассем.: въ кѣи години);

въпросити ии о глѣ семь Л. 9⁴⁵ (въ Мар. его) *ἐρωτῆσαι αὐτόν περὶ τοῦ ρῆματος τούτου* — Под. I. 18¹⁹,

въпроси ѣ Мр. 8⁵ *ἐπηρώτα αὐτοῦς* — Под. Мр. 9¹⁹ и мног. др.

притъчами глѣ Мѣ. 13^{3, 10, 13, 34}, Мр. 4^{33, 12 1},

въ притъчахъ „ Мѣ. 22, Мр. 3, 23, 8¹⁰,

притъчеѣ Л. 8⁴;

въ греч. глав. образомъ *ἐν παραβολαῖς*; Мр. 4, 33 *αὐταῖς παραβολαῖς*, Л. 8⁴ — *διὰ παραβολῆς*,

мѣнаштеи сѣ власти ѣзыкы Мр. 10⁴² *δοχοῦντες ἄρχειν τῶν ἐθνῶν*,

владѣшту сѣриѣѣ кѣринью Л. 2² — *ἡγεμονεύοντος τῆς Συρίας Κυρηναίου*,

обладаѣште ими Л. 22²⁵ — *(χυριεύουσιν ἔθνῶν)*; —

въ древнихъ памятникахъ приведенный глаголь вообще

сочиняется съ творит. падежомъ (изрѣдка лишь и съ предло-
гомъ „надѣ“).

Съвлѣшл съ него хламѹдж Мѹ. 27³¹ — *ἔξέδυσαν αὐτὸν τὴν χλαμύδα;*

облѣшл і въ прапрждж Мр. 15¹⁷. Под. Л. 23¹¹ — *ἐνδύουσιν αὐτὸν πορφύραν;*

тл оударить въ деснжж ланитж Мѹ. 5³⁹ — *ὅστις σε βιάσει ἐπὶ...*

за ланитж оударилл Мѹ. 26⁶⁸ — *οἱ δὲ ἐβράβισαν*
по мнѣ гради Мѹ. 8²², 10, 9⁹ — *ἀκολούθει μοι.*
Подоб. І. 1¹⁵, 27, 30⁴⁴, 10²⁷, 21²². Мр. 2⁴, 8³⁴. Л. 18²²,
градеть тебѣ Мѹ. 21⁵ *ἔρχεται σοι* въ (Остр. Е.
идеть къ тебѣ) градеть... въ слѣдъ мене *ὀπίσω μου*
Мѹ. 4¹⁹, 10³⁴, 16²⁴. Л. 18⁴³,

аште кѣто градеть къ мнѣ Л. 14²⁶ — *ἔρχεται πρὸς αὐτὸν...* Остром. идетъ къ тебѣ. Подоб. І. 1⁴⁸,
6⁵ 27¹¹, 4³⁰. Л. 6⁴⁷, 12⁵⁸, 8⁴,

градеть въ їлмъ І. 12¹²;

І. 6³⁵ градди по мнѣ, въ Мар., Остр. къ;

граджшта нанъ І. 18⁴. Л. 21²⁶.

§ 32. Изъ безсубъектныхъ оборотовъ отмѣчу слѣд.:
Онъ же отъвѣштавъ рече пишеть не о хлѣбѣ...
Мѹ. 4⁴, въ Савв., Остр., Дечан. — писано іестъ —
γέγραπται;

то же — Мѹ. 4⁶, 7, 10;

отъраднѣ бждеть Мѹ. 10¹⁵, 11²², 24, довьлетъ
оученикоу Мѹ. 10²⁵. І. 14⁸ (*ἀρχεῖ*);
добрѣ бо ти естъ Мѹ. 5³⁰;

сждатъ вамъ, възмѣратъ Мѹ 7²; привѣсж къ
немоу бѣсъны Мѹ. 8¹⁶;

ни въжажжтъ свѣтильника и поставлѣжтъ
его Мѹ. 5¹⁵ (то же въ О. Е.), въ Деч. Ев.: ни въжиза
жи... поставлѣжтъ;

еда объемлжтъ отъ тръниѣ грозды Мѹ. 7¹⁶;

всѣко дрѣво... посѣкажтъ МѠ. 7 19 — *πάν δένδρον ἔσχοπτεται;*

речено бысть МѠ. 5 21, 27, 31 и др.

Своеобразный безсубъектный оборотъ:

трети се д'нь иматъ дньсь Л. 24 21 — *τρίτην ταύτην ἡμέραν ἄρει.*

Отмѣчу употребленіе въз въ качествѣ предлога:

благодѣтъ въз благодѣтъ I. 1 16 — *ἀντὶ χάριτος* (то же Мар., Остр. Ев.).

Отиди МѠ. IV 10. Ак. Ягичъ, отмѣчая данную ф. въ З. и Асс. Ев. и паралл. оборотъ въ др. текстахъ иди за ма, говорить, что отиди употреблено безъ добав. за ма. Отсутствіе же такого дополненія естественно, т. к. выраженіями отиди и иди за ма стремились выразить близкія представленія.

§ 33. Мнѣ кажется, что въ др. ц. слав. текстахъ можно подмѣтить, какъ греческіе болѣе, гипотактические обороты передаются менѣе гипотактическими. Въ данномъ случаѣ характерной является передача подобныхъ греческихъ оборотовъ въ Свят. Изб. 1073 г. въ заголовкахъ, какъ:

<i>Ιουστίνου φιλοσόφου καὶ μάρ-</i>	Иоустина философа о
<i>τυρος ἐκ τοῦ περὶ τῆς ὀρθῆς</i>	томъ, іеже о правѣи
<i>πίστεως</i>	вѣрѣ.

Въ другихъ случаяхъ почти постоянно подобныя выраженія, какъ *ἐκ τοῦ, τῶν*... передаются отъ того, іеже... или:

<i>Μαξίμου, ἐκ τοῦ περὶ πῶς</i>	Отъ того, како вѣселиса
<i>ἐνώχησεν ὁ θεὸς λόγος...</i>	слово...

Стремленіе быть близкимъ къ подлиннику не давало въ то же время возможности передать въ точности по формѣ подобные обороты.

Признавая въ данныхъ оборотахъ рѣчь менѣе гипотактической, чѣмъ въ греческомъ языкѣ, я въ то же время думаю, что правильнѣе было въ подобныхъ случаяхъ не

ставить запятой передъ іеже: для тогдашняго строя рѣчи это іеже не можетъ быть поставлено въ одинъ рядъ съ нашими „которое“, „чтобы“ начинающими придаточное предложеніе. Если мы возьмемъ таяя фразы:

<i>Ὅτι δὲ φυγῆς νόσημά ἐστι τὸ</i>	А како же дѣшныи не-
<i>κακῶς καὶ περιέργως ζητεῖν</i>	дѣгъ ѣсть, еже зѣлѣ
<i>περὶ θεοῦ, καὶ μάλιστα μετὰ</i>	и облишиемъ пытати
<i>ἀπιστίας, πᾶσι φανερόν.</i>	о ѣзѣ, паче же безвѣ-
	риемъ, всѣмъ е навѣ,

то въ данномъ случаѣ слова послѣ еже тѣснѣе примыкають къ предыдущему, чѣмъ, напр., у насъ, если мы подставимъ: **чтобы** . . .

Въ то же время замѣчается и постепенный процессъ большаго отдѣленія фразы, начинающейся съ іеже, при передачѣ греческ. τὸ, τὰ и пр. Это можно наблюдать въ слѣдующемъ мѣстѣ:

<i>εἰ γὰρ αὐτῷ τῷ παναγίῳ θεῷ τὰ</i>	ели бо самому томуу
<i>περὶ αὐτοῦ ἀπιστοῦσι, πῶς</i>	прѣстоуоумоу боу еже
<i>τῶν προφητῶν αὐτοῦ ἢ ἀπο-</i>	о немъ, не вѣроуютъ,
<i>στόλων ἀκούσωσι . . .</i>	то како хотя пророкъ
	или аплъ послушати.

Что слав. оборотъ іеже съ неопр. наклоненіемъ при передачѣ греческ. τὸ съ неопр. наклон. не можетъ считаться выдѣлившимся придаточнымъ предложеніемъ, указываютъ таяіе примѣры:

аште ли бечиньно іе о	<i>εἰ δὲ ἀποπον ἐπὶ θεοῦ τὸ</i>
ѣзѣ тако въпрашати,	<i>τοιοῦτον ἐπερωτᾶν, ἀποπώ-</i>
то бечиньнѣ бжде,	<i>τερον ἂν εἴη τὸ μὴ πιστεῦειν</i>
іеже не вѣровати нрѣмъ.	

Стоитъ сравнить первое и второе предложенія, чтобы увидѣть, что роль неопредѣленнаго наклоненія должна была бы быть одинаковой.

Оглавленіе.

I. Синтаксисъ славянскихъ языковъ въ трудахъ Миклошича, Ягича и Вондрака	3—79
II. Изученіе синтаксиса въ русской научной и педагогической литературѣ со времени появленія трудовъ А. А. Потебни	80—215
III. Итоги изслѣдованія	216—255
IV. Приложеніе	256—338

Того же автора:

1. Новый трудъ по славяновѣдѣнію. Харьковъ. 1894 г.
2. Дьяволъ въ поэзіи. Хар. 1895.
3. Наши писатели у южныхъ славянъ. Воронежъ. 1895 г.
4. Изъ новѣйшей хорватской литературы. Ворон. 1895.
5. Переводы различн. статей по исторіи слав. литературъ (объ Адольфѣ Гейдукѣ, Водникѣ и др.) Ворон. 1895 г.
6. Подробн. отзывъ объ изслѣдов. М. Мурка: Deutsche Einflüsse auf die Anfänge d. böhmischen Romantik. СПБ. 1897.
7. V. Vondrák. Frizijnské památky (отзывъ). СПБ. 1898 г.
8. Наполеонъ въ русской художественной литературѣ. Варшава. 1899 г.
9. Янъ Колларъ. Хар. 1902.
10. Начальные годы польскаго романтизма. Хар. 1901.
11. Идеалистъ въ жизни и поэзіи. Хар. 1901 г.
12. Къ характеристик. одного изъ чешскихъ романтиковъ. Х. 1904.
13. Памятники и вопросы древне-церковнослав. письменности. Т. I. Юрьевъ. 1904 г., Т. II в. 1. Юрьевъ 1905 г.
14. Лекціи по древне-церковнослав. яз. Юрьевъ. 1906 г.
15. Грамматика древне-церковнослав. яз. Ворон. 1906 г.
16. По поводу моей грамматики древне-ц. сл. яз.
17. По поводу моихъ лекцій по древне-ц. слав. яз. Варш. 1910 г.
18. Пражскіе глагол. листки. СПБ. 1906 г.
19. О прозект. Учен. Комит. М. Н. Пр. программѣ русской словесности для средне-учеб. зав. Юрьевъ 1906 г.
20. Объ основахъ педагогической дѣятельности. Юрьевъ. 1905 г.
21. Къ изученію древне-хорв. глаголицы СПБ. 1905.
22. К. Д. Ушинскій. Юрьевъ. 1906.
23. Къ Зографскому Евангелію. СПБ. 1907 г.
24. Охридское Евангеліе. СПБ. 1907 г.
25. По поводу 1-го всероссійскаго съѣзда по педагогич. психологіи. Ворон., 1906 г.
26. Къ научной разработкѣ русск. литерат. XVI в.
27. Замѣтки по русскому языку.
28. Н. И. Пироговъ. Юрьевъ. 1907 г.
29. Нац. школа юго-зап. Руси въ XVI и нач. XVII в.
30. Воспитаніе и образованіе въ Моск. Руси XVI в.
31. Лекціи по педагогикѣ. Юрьевъ. 1908 г.
32. Грамматика церк.-слав. языка. (древняго и новаго). Юр. 1910.
33. Древне-церк.-слав. тексты. Юрьевъ. 1910 г.